

КЛЯТВА

Том I

ПРАХ ВРЕМЕН

Павел Колошников
Александр Волков

Ядерная пыль крупным слоем легла на остатки цивилизации. Мир изменился: человечество захлебнулось в собственной и неутолимой жажде крови, устроив очередной апокалипсис, что обернулось ужасным кошмаром. Теперь, оставшиеся скитальцы бродят по мертвым землям, в поисках ковчега. Егерь был такой же потерянной душой, в этом безумном, кишасщем монстрами мире. Он давно потерял надежду, смысл, себя. Но однажды, сквозь черное небо, пробился яркий лучик надежды. Теперь, он жаждет вернуться домой и, собрав небольшую команду энтузиастов, они отправляются на поиск спасительного ковчега. На юг.

Пролог. Затмение

В этот день всё потеряло смысл.

Мечты и надежды, цели и амбиции, чувства и сама жизнь... Оледенели.

Тысячи вспышек убийственного света озарили мир. А за ними вскипела, разрываясь от ярости, буря, что ознаменовала людской эпилог. Дальше все, словно во сне...

Громады мегаполисов трещали по швам, разбивались друг о друга своими осколками, прибывая тысячи душ к земле. Еще недавно чистые, ухоженные улочки, по которым мерно шли незадачливые жители, ведя своих детей в садики и школы, обнимающие своих любимых, наполнились, кипящей от ядерного жара, кровью. Кто-то погиб сразу, оставив после себя лишь блеклую тень на руинах небоскребов, кто-то оказался придавленным обломками, кто-то, корчась от жуткой боли, умирал от ран, словно пес, забитый в угол, кто-то остался тлеть...

Миллионы душ сегодня покинули сию юдоль скорби. Порой, можно было услышать детский плач, доносившийся из-под разваленных зданий. Дети, чудом пережившие тысячи взрывов, оплакивали родителей, чьи мертвые тела были рядом. Но и тех ждала голодная, одинокая, болезненно дикая смерть. Бездна после длительного перерыва вновь наполнилась жертвами.

От человечества не осталось ничего. Рагнарёк, предрекаемый ещё древними викингами, наконец, свершился. Города, служившие уютными домами для миллиардов людей, рухнули, оставив за собой лишь гнетущую тишь. Пожирающую бездну.

— Мама! Мамочка! Мамуля! Тебе плохо, что с тобой?

Мать умерла еще несколько часов назад под обломками здания. На ее алых губах струйками багровела кровь. Ярко-голубые глаза остекленели... Но мальчик все не отходил и тщетно молился Богу.

Детский крик.

Города опустели. Превращались в пепел.

Теперь, остатки душ призраками бродят по мертвым путям в поисках покоя. Покоя, которого им обрести не дано. Они навеки остались запечатленными в темнеющих людскими костями стенах, в форме фантомных силуэтов.

И все стало пеплом.

Взрывы все сверкали, сверкали яркостью тысяч солнц.

Оглушительные удары, хлопки, крики смешанные с треском костей были аккомпанементом этой кровавой картине. Сила, порожденная людской ненавистью и нетерпимостью, жадной власти, убийства, подчинения сорвала оковы морали.

Смерть могла собирать обильную жатву с полей, усеянных людскими трупами.

— Нет... — бормотал, дрожа побледневшими губами полковник, падая на колени, — как же так?

А после его снесло чудовищным взрывом. И после было ничто.

— Отче наш, иже еси на небесах... — молилась престарелая бабушка, глядя в окно своего понурого домика.

За ним блестели ядерные грибы, взмывающие высоко вверх. Через минуту домик разворотило ударной волной.

— Быстрее, быстрее! Выводи гра...

Мужчина выкинул руки, пытаясь прикрыть рвущиеся импульсы света наружу. Вспышка. Через мгновение на этом месте остались кипящие кости стариков, матерей, детей, мужчин и подростков.

Земля горела. Горели люди. Горело само небо.

— Саш, Саш, что это?! — визжала, брызгаясь слезами молодая, красивая девушка, вжавшись в грудь парня сидящего рядом.

— Маш, не бойся... — он сжал ее сильнее. — Все будет хорошо! Слышишь? Я обещаю...

Крыша, где сидела пара, вскоре обвалилась, кусками провалившись вниз.

— Доча, тише. Поверь папе, все хорошо, иди сюда. Давай обнимемся. — еле сдерживая слезы шептал отец. — Не плачь, все обойдется.

— Это фейерверки, пап? — девочка сверкнула своими большими, зелеными глазами.

Отец зарыдал, взяв дочь на руки и крепко прижал к себе.

— Пап? Что ты плачешь, все же хорошо, правда?

— Конечно, доча, конечно. Только не смотри в окно...

— Хорошо!

Волна воздуха выбила стекла, а после ворвался палящий свет...

— Эй, ты чего застыл?

— Мужики... Там...

Объяснять не стоило. Земля дрожала, в сотнях километров горели вспышки.

— Прячемся! Валим, валим!

А после наступила тишина. Лишь изредка можно услышать горестный плач, похожий на вой.

Затмение человечества. Сегодня погиб весь мир.

Те души, что остались на выжженной пустоши, должны были искать спасение, даже если его и не существовало вовсе, искать ковчег. Потерянные и пустые они должны были идти, должны были, потому как они — последние из всех.

Ветер мерно раздувал людской прах, застлавший землю. Прах, что будет вечно напоминать об этом дне. Прах самого времени.

Глава I. Воспоминания минувших дней

1

— Это твоя жертва мечте?

Небо затянуло свинцовыми скопищами туч. Воздух пропах костром. Накрапывал снег.

— Моя жизнь — одна сплошная жертва. Все мы отрываем от себя кусок души, в угоду собственных амбиций или ради Высшего замысла. Вопрос лишь в цене.

Никотин обжег легкие. Стало легче.

Засвистел ветер.

— Ты не жалеешь?

— Нет. Я верил в ковчег. Верил, что найду его. И я искал. Искал упорно, шерстил каждый километр, даже если приходилось землю жрать. Потому как верил.

— И почему же ты столько молчал? Почему не выбрал другого времени? Почему именно сейчас?

В лесах послышался волчий вой. До боли знакомый.

— Потому, что понял это совсем недавно. Дошел, наконец, что вся моя жизнь была сладким миражом на костях моих товарищей. Запомни, прошу, запомни слова старика... Ценность, значимость, величие твоей жертвы, ее блеск, можно увидеть только поставив на эту чертову жертву всю свою жизнь. И, если ты сделал правильный выбор, отдал достаточно, тогда почувствуешь настоящую свободу и благодарность. Благодарность судьбе, Богу, Вселенной — за то, что смог сделать правильный выбор. Быть может, только эта благодарность освободит тебя от страха. Страх, кануть в небытие, прямо в костлявые руки смерти.

По рукам пошла слабая дрожь.

— Может быть теперь расскажешь, с чего все началось? Расскажешь, когда принес жертву?

С неба запорошил снег.

— Это было давно. Слишком давно...

2

Темнело. Солнце догорало за горизонтом. Воздух был влажным, почти как при ливне, а грозы, сверкавшие вдаль, намекали на нехилую бурю. Но дождя все не было, а молнии будто обходили нас стороной.

— Ты меня вообще слушаешь?

Я вернулся в разговор. Беркут, что сидел на большом камне и держал приличных размеров карту, слегка нахмурился.

— Слушаю.

Он хмыкнул, потрепал русые волосы на голове, после озадаченно глянул в карту.

— С утра мы выдвигаемся прямо на северо-запад, там выйдем из леса за Белогорском. После этого по тракту до Биробиджана, там заночуем и к Хабаровску. Далее переберемся через Амур, а дальше до Владивостока дня три-четыре ходу останется.

— Н-да... — лениво протянул Ржавый, что стоял рядом и от скуки постоянно перезаряжал магазин своего АПС, — и че мы как люди не выехали по федералке? Нет же, потащились в самую жопень: через леса, болота и горы, мать его.

Я устало вздохнул, после посмотрел на этого здоровяка. Иногда мне казалось, что он

действительно упал головой в рыжую краску.

— На федералке ехать такой огромной группой слишком опасно, — пояснил я, — в особенности через крупные города, типа Биробиджана. Хрен его знает, что там сейчас происходит, а здесь, в лесах, риск минимальный. Пара деревень и только. Через Хабаровск поедем, чтобы перебраться через Амур, а иначе останется только дорога через Китай, но там, насколько знаю, дорог до Владика нет.

— Ну-ну... На федералке, говорят, фраера, но так мы бы с ним базар общий нашли, — хохотнул лысый мужик, что жарил сало на костре. — Ежели чего, так быстро этим духарикам по рогам настучим!

Это был Сухарь. Последний раз он отсидел за кражу каких-то драгоценностей еще двадцать лет назад, но бандитский говор остался с ним навечно.

Беркут еще раз взглянул на карту, потом на меня. Я сразу понял, чего он хотел.

— После того как прибудем на место, попытаемся установить контакт с тамошними военными, если они, конечно, есть, — сказал я. — Отыщем вышки, установим связь с нашими, доложим обо всем. Дальше найдем баржи, снарядимся как следует и отправимся на Сахалин.

Беркут нахмурился.

Соглашался он на эту вылазку тоже с очень большим трудом. Я долго ему объяснял, что это единственный возможный вариант нашего спасения. Только сбежав на острова мы сможем найти место, свободное от поражённых радиацией тварей, голода и повсеместной смерти. Только там мы заживем нормально. А здесь, на отравленных землях, где приходится срывать себе спины, чтобы дожить до завтра, где обезумевшие от голода и холода гражданские да военные, потерявшие всякую честь и достоинство, готовы рвать друг другу плетки, чтобы съесть последнюю консерву тушенки. Здесь, где мутанты жмут нас все плотнее и плотнее, уничтожая оплот за оплотом, мы не сможем найти жизни. А он все надеялся на идею Рома. Дескать, здесь тоже сможем жить, дай только время. Только вот когда стаи мутантов стали жрать приличный процент солдат, Беркута оказалось легко переубедить. Это был наш единственный шанс найти ковчег.

— Уже поздно сдаваться, Степаныч, — медленно проговорил я после недолгого молчания, — все эти бойцы знают, на что идут. Каждый, каждый верит в спасение. Даже если ради него придется пожертвовать жизнью.

Народу и правда было много. Сотня крепких солдат отважилась на рывок за периметр, в полную неизвестность. Сейчас все сидели и болтали кто о чем. Горели костры, слышался гундеж и треп сталкеров. Пахло жареным мясом.

— Если ты прав, Егерь, — сказал Ржавый, почесывая щетину, — то я наконец-то спокойно заживу. Быть может, остепенюсь.

— Ты-то? — послышался басистый голос из темноты, куда не проникал свет костра. — Не смейся. С твоей взбалмошностью, любая коней двинет.

Сухарь рассмеялся.

— Это ты верно подметил, Колян. Сам-то на кого малого оставил?

— Тетка присмотрит, — ответил сталкер, — он с ней хорошо ладит.

— А подрастет когда, что ты ему про мать скажешь? — не церемонясь спросил Клим, что развалился на валуне рядом со мной.

Бывший в прошлом кузнецом, он был широк в плечах, обладал густой черной бородой, с проседью и длинными, ниспадающими до плеч, такими же густыми волосами.

Колян вздохнул.

— Скажу, что в аварии погибла, еще до Взрывов — наконец сказал он. — Нечего ему лишнего знать.

О бывшей жене Буйвола знали только мы пятеро.

Женился на ней Колян почти сразу как в городе оказался, потом сын родился — Мишка. Но через пару месяцев сказке пришел конец: жена его бросила с ребенком да пошла по мужикам шастать, дескать, не нагулялась. Ну и допрыгалась — через пару месяцев нашли ее на свалке, голую, с дырой в башке. Расследовать этого никто не стал, да и сам Колян не хотел. Сказал, что заслужила.

— Так, ну ладно, — буркнул Беркут, — хорош человеку на больное давить. Всем марш спать, завтра подъем в пять. Ржавый, Сухарь — вы патрулируете северную сторону. После полуночи вас сменят Киргиз и Колун.

— Так точно! — дружно гаркнули солдаты и скрылись в темноте.

— Посмотрим, к чему это приведет, — сказал Степаныч, смотря мне в глаза. — Второго шанса у нас не будет.

— Нам хватит одного.

3

Не успел я закрыть глаза, как вдруг услышал чей-то протяжный крик. Тут же вскочил, осмотрелся. Вокруг горели вздымающиеся языки костров, фигуры сталкеров бегали туда-сюда, то и дело бранясь. Отовсюду звучали щелчки предохранителей и передергивание затворов.

Через десяток секунд я уже был на ногах и в полной боевой готовности. На руках — заряженный до талого автомат Дегтярева в оперативной кобуре — РШ-12, на поясе — клинок, которым можно кромсать все, что под руку попадет.

Из мглистой чащи леса, как раз там, где мы оставили все наши двадцать с лишним машин, послышались протяжные, тошнотворные вопли.

Это были ходоки — человеческие полутрупы, пораженные болезнью. Этакий родич голливудского зомби, только вот отечественные гады были пострашнее. Ублюдки оккупировали всю нашу технику, и, судя по захлебывающимся человеческим крикам, загрызли нескольких патрульных.

— Твою мать, — шипел Беркут, заряжая дробью свой 187 ТОЗ, — сколько их там?

Их было около десятка, по крайней мере, именно после десятка я бросил считать. Из-за скопищ скрученных деревьев выглядели озверевшие, дикие, безобразные человеческие морды. Только по пустому, блестящему во тьме взгляду можно было отличить этих выродков от простых людей.

— Огонь!

Бешено застрекотали автоматы, ударили дробовики. Опушка заиграла блеском искр и отсветами десятков фонарей. В шуме стрельбы гасли отборные русские маты и крики. Начался кошмар.

Твари лезли прямо из-за стен деревьев, быстро, будто вода, заполняли собой округу.

К машинам нам не пройти, мать его. Совсем не пройти. Эта бездумная куча дерьма ползла вперед, тянула кривые руки к сонным жертвам, жадно грызла глотки.

— Хорош межеваться, обухи! — крикнул Сухарь, втапывая морду ходока в землю. — Опа! Зо-о-на фраера сгубила!

Звуки перемешались в кашу. В этом чертовом театре теней становилось слишком тесно.

Ходок сбоку. Через мгновение уже валяется без головы. Трое спереди. Очередь. Перезарядка. Чувствую что-то рядом. Ублюдок!

— Вот это ни хрена себе! — крикнул Ржавый, прикладом открутив голову ходока-бабки. — Че за игрушка?

Вижу как из сгустков теней вырисовывается очередная ублюдская рожа, норвящая вцепиться этому придурку в шею. Целюсь. Выстрел. Голова чертяги лопается, словно шарик.

— РШ-12, — сухо бросил я, отступая назад, попутно отстреливая очередную пачку ходоков.

В таком кишмише Ржавый вряд ли меня услышал, но судя по его округлившимся зрачкам — наоборот.

— Солдаты, отступаем в лес! — послышался в гуще замеса знакомый бодрый голос. — На шесть часов!

Правильная идея. Тварей все больше. Под ногами хрустят то ли ветки, то ли кости.

Вокруг голоса, крики, отблески света, оружейный рокот. Когда остальные отошли достаточно, достаю взрывной подарок. Метаю прямо в стену живой плоти. Выкусите, суки.

Бах! Ошметки их тел разлетаются по округе. Вдруг чувствую кого-то под ногами.

— Мамку твою за ногу, — прошипел кто-то на земле, — Егерь ты попутал?

А, это Сухарь.

— Ты чего здесь забыл, полудурок? Отходим!

Он попытался приподняться, но нелепо упал на мокрую землю.

— Ха, а кусаются они больно, — прохрипел он, фонариком указывая на сломанную ногу, возле которой еще болталась и пульсировала кровью башка ходока-деда.

Я выругался. Обернулся, оценил обстановку.

А стена из монстров будто и не собирается заканчиваться. Они все воют, прут из лесной чащи, множась и множась. Наши потихоньку рассеиваются на двенадцать, как раз в сторону топей.

— Атканывай отсюда, Егерь, — буркнул Сухарь, затем вскинул свой АКМ и прострелил головы еще четверем ходокам, — я все равно не жилец... Ты вольтанулся совсем? Катись, говорю!

Из тьмы возникли еще мрази. Теперь пострашней. Все во мху и ветках.

Я молча схватил его за плечо и попытался приподнять.

— Я в расходе уже, дебил! Вали!

Чувствую как кто-то вцепился в ногу. Клинок блеснул во тьме. В лицо ударили брызги какой-то слизи.

Твари зажимали все сильнее, кольцом смыкаясь вокруг. Наши в суете уже отошли. Проклятье.

А тем временем эти два уродца, которым два разряда из АК не хватило, оклемались и с расквашенными мордами поползли ко мне с Сухарем. Посмотрел на него. В руках он держал гранату, улыбаясь то ли от страха, то ли от боли.

— Беги, Егерь, я уже не встану...

Я едва успел отойти, прежде чем взрыв разворотил еще десяток-другой тварей.

Идиот! Какой же идиот... К чему играть в геройство, когда мы почти вышли?

Зашипела рация.

— Егерь, мать твою, ты где?!

Во мраке ухожу прочь, к отблеску фонарей. Пробираюсь через заросли деревьев. Справа

что-то мелькнуло. Выхватываю клинок, делаю легкий полуоборот. Голова мерзавца прокручивается в замысловатом пируэте.

Иду дальше.

Судя по всему, мы потеряли около десятка, если не больше. Под ногами пару раз мелькнули знакомые лица. Покойтесь с миром, парни.

— Егерь! Прием! Мы уже на подступах к топям!

4

К счастью, ходоки — твари медленные. Эти сволочи давят количеством, но не качеством. Я без особого труда прорвался через очередную пару мразюк, а после бегом нагнал хвост группы.

— Свои! — крикнул я, что есть силы. — Свои!

Автоматы, норовящие продырявить мне грудь, опустились.

— Один что ли? — удивился толстяк, щурясь на меня глазами. — А остальные?

Я покачал головой.

— Вот же задница, — сплюнул толстяк, ускоряя шаг и лишь изредка оборачиваясь назад, — ещё четверых...

— Общие потери?

— Около десяти, — ответил мне рядом идущий силуэт, фонарик которого бегал туда-сюда в поисках опасности, — это полный...

Мы шли по весьма узкой тропинке, окруженной небольшими буграми. Деревьев почти не было, но вот вдали, как раз там, где шла головная часть группы, начинались ивовые заросли. Кустарник, будто стеной, завесил собой вход на эти чертовы топи.

Не ночь, а дерьмо. Эту неделю мы продвигались без особых проблем, изредка гасили зверюг и всё. А сегодня все как с ума посходили. Есть у меня подозрения, что те опустевшие деревни близ Белгорода были не такими уж и опустевшим. Видать, твари выгрызли всех мирыков и легли теплым октябрьским деньком спать. Суки.

Скоро паутина ив встретила нас неприветливым, мрачным силуэтом. Ветки удивительным образом сплетались друг с другом, одна часть куста становилась продолжением другого. Кора бедных растений будто бы вздулась, почернела. Невыносимо пахло гнилью. И чем мы были ближе к топям, тем воняло сильнее.

А вот и первые лужи. Ноги стали слегка утопать в грязи, издавая неприятные, бурлящие звуки. Тьма будто бы сгущалась. В воздухе повис пар, который отчетливо проявлялся, когда по этому мертвому месту бегали лучи фонариков.

Гомон поутих. Видимо, Беркут принял решение растянуть отряд в длину. Что ж, здравая идея, ведь, судя по картам, по топям одна дорога — через гравийную насыпь, по которой отсюда раньше вывозили ПГС. Странно, конечно, что ее не размыло полностью за столько лет, но проход через болота, походу, все еще существовал.

— Жуткое местечко, — отметил толстяк, аккуратно наступая на дрожащую землю, — так гляди, здесь какая-нибудь баба Яга живет.

— Ага, — подхватил второй, — натравила, карга, своих приспешничков, теперь вот бегай.

— Их там несколько сотен, наверное, было, — буркнул голос откуда-то спереди, — еле отстрелялись.

— Пф! — фыркнул толстяк. — Тыщонка, наверное, если не больше.

— Заткнись уже, — осадил его другой. — Под ноги смотри.

— Спасибо, мамочка, — хохотнул толстяк. — В жопе я твои камыши видал! Вот смотри, на! Получа-а-а-а!

Камыш, что мирно стоял рядом с уродливой ивой, вдруг зашевелился, задрожал. Из-под него резко выползли огромные, черные, толстые клешни, обхватившие ногу толстяка. Тварь крепко схватила ее, из-под камыша блеснули белые отблески глаз. Хрустнули кости, сталкер дико взвыл, а тварь, словно пиявка, присосалась к ноге. Вот, падаль!

Я успел выхватить револьвер.

Твари раскурочило пол панциря. Несколько фонариков сосредоточилось на труп.

— Господи... — процедил толстяк и тут же блеванул. — Че это...

Существо напоминало или... было пауком? Огромная, покрытая хитином туша, длинные, шипастые клешни и отчетливые места сочленения этих самых клешней. Башка была точно как у паука. Восьмиглазая, жуткая гадина.

— Вставай, ты как? Впоряде?

Толстяк нехотя принял помощь, поднялся.

— Да, все на мази, по... — он вдруг шатнулся. — Чего это...

Его кряжистое тело дрогнуло, он вдруг потерял равновесие.

К счастью, его успел подхватить рядом стоящий сталкер.

Чертовы камыши. Что, мать его, за топельники?

Ослабшего товарища пришлось тащить вдвоем. А болота и не думали кончаться.

В зеленых лужах кривым отражением блестела луна. Камышей было все больше. Теперь я вышел чуть вперед и тщательно выцеливал каждый такой подозрительно дрожащий объект. По рации стали докладывать, что эти сучьи пауки покусали еще четверых.

Атмосфера неприятно накалялась. Она и так была натянута как чертова гитарная струна после нападения ходоков, а теперь еще и живые камыши. Я постепенно продвинулся вперед, но лиц друзей так и не увидел. Ни Клима, ни Ржавого, ни Буйвола, ни, понятно, Беркута.

— А! Господи, умоляю! Спасите, господа!

Впереди, метрах в двадцати, чуть далее гравийки, дергался, провалившись по пояс, какой-то парнишка. Он выл, пытался ухватиться за проросшие корни травы, но без толку. В его спину вцепились два здоровенных топельника. Скоро тело парнишки ослабло и твари стали четвертовать беднягу. Сталкеры сочувственно посмотрели на него, отстреляли тварей. Но его уже не спасти.

Рядом идущие сталкеры побледнели. В особенности толстяк, теперь глядевший на каждый сантиметр земли.

Тропинка сужалась, расширялась, снова сужалась, снова расширялась и так по кругу. Минуя камыши, вязкие места и щекочущие лицо ветки ивы, я, наконец, отыскал Клима, Ржавого и Буйвола. Они шли рядом друг с другом и о чем-то оживленно шептались.

— Господи, надо ж такую чудовищу выродить! — бранился Клима, сжимая в руках АКМ.

Ржавый в ответ кивал.

— Жуткое зрелище, — добавил я, щелкнув ногой по паре веток.

Сталкеры резко повернулись, испуганно заморгал глазами.

— Егерь, етить-молотить! — буркнул Клима.

— Че ты так пугаешь? — возмутился Ржавый.

Только Буйвол пожал плечами и молча закурил.

К счастью, ивы постепенно рассеялись и скоро по узкой гравийной тропинке, мы вышли к плоскогорью.

— И что с ними?

— Вялые, еле на ногах стоят, — ответил наш местный врач с кликухой Хирург. —

Похоже, те твари хорошенько покусали.

Беркут вздохнул, пригубил сигарету.

Ситуация была хуже некуда. Ходоки, от которых мы ушли по болотам, сейчас медленно ползли к нам, невзирая на то, что добрая треть этих ублюдков тонула в болоте. Шли они ой как медленно, но от этого факта легче не становилось.

В мгlistых болотных испарениях стеклом блестели сотни погасших глаз.

Сейчас мы стояли близ Саянских гор, поэтому деревьев здесь почти не было. Землю ковром устилала желтеющая трава с узором из опавших желтых, скрученных в трубочку листьев. Дул слабый ветерок.

Нужно было что-то решать. Бросать всю технику и ползти по горам никому не хотелось, да и никто на это не рассчитывал. Банально не хватит еды, чтобы продираться по извилистым горным долинам.

— Предлагаю следующее, — сказал Буйвол, осматриваясь вокруг. — Ждем, пока ходоки проползут ближе к середине болота, а затем вот по этой касательной леса обходим топи, берем технику и сваливаем.

Честно, сказать, перспектива мне не нравилась. Но пришлось согласиться с этим планом. Чертовы ублюдки свернули нам всю операцию, к которой мы готовились несколько месяцев. Несмотря на то, что я хотел хотя бы попытаться переубедить Беркута и остальных, пришлось проглотить свой протест. Сейчас слишком опасно. В любом случае потребуются повторная, более тщательно продуманная вылазка.

Пока Ржавый, Беркут, Клим и Буйвол оживленно обсуждали план отхода, я вдруг услышал короткие автоматные очереди позади себя. Обернулся. Потом услышал сдавленные крики, брань, еще очереди.

— Вы слышали?

Все посмотрели на меня.

— У дозорного отряда какой-то шум.

Еще одна автоматная очередь, которую теперь слышали остальные.

— Беркут! Прием! — захлебывалась рация. — Ту...

Когда мы пробрались к месту было слишком поздно.

Среди развалов огромных горных валунов, изрядно обросших растительностью, лежали три тела. На камнях багровела кровь. Мы принялись аккуратно осматривать место. Забежали фонарики.

— Ох етить-колотить, — вздыхал Клим, осматривая изодранные когтями тела сталкеров. — Когда ж их так подрали...

Ни одного выжившего. На окровавленных телах были только следы крючковатых когтей, а на шее — от мощных, длинных клыков.

— Может зверь, — чесал голову Ржавый, — или незнаю... чудо-юдо какое?

— Эта была дозорная группа, — медленно проговорил Беркут, — их было семеро.

— Где же еще четверо?

— На том свете, — сухо сказал Буйвол, глядя на скалы, где-то и дело мелькали дымчато-серые силуэты.

Точно! Горные барсы. Ирбисы. Животные красной книги, очень редкие засранцы.

Повезло же, сука, их встретить.

— Верно подметил, Буйвол, — добавил я, всматриваясь в нарезной рельеф могучих скал. — Ирбисы, чтоб их. Небольшая стая спустилась с гор, затем быстро перебила отряд.

— А щас волочит наших на скалы, чтоб перекусить, — догнал Ржавый. — Еще и на завтра себе оставили...

Я вздохнул. Всё шло к черту. Сначала ходоки, после какие-то чертовы пауки, от которых добрую часть наших будто парализовало, теперь это.

— Беркут! Ходоки на центре болота, идеальное время, чтобы сваливать!

— Принял, — ответил командир, — ждите указаний.

Затем он посмотрел на трупы, потом на нас. Вздохнул.

— Заберите их оружие и патроны. Затем уходим по краю топей.

— Но...

— Не обсуждается, — отрезал Беркут. — Это приказ.

6

Дальше все прошло как нельзя лучше. Если так вообще можно сказать. Мы обошли болота по рядом лежащему лесу, затем вышли к той злосчастной опушке. К счастью, этих мразей там не было и мы без особых препятствий сели в машины и дали по газам.

На обратном пути все были подавлены. Мы потеряли слишком много людей. Операция «Ковчег» по инициативе Беркута была заморожена.

Все хотели забыть об этой ночи, как о страшном сне. Никто, даже Клим, не хотел говорить на эту тему. Я знал, что им нужно время. Знал, что всем нужно переварить случившееся.

Что уж говорить, я перестал общаться с Ромом. Не хотел принимать, что он, возможно, был прав. За время нашего отсутствия он успел наладить связь в городе и активно готовился со своей командой выдвигаться в Иркутск. Но Беркут, удрученный нашим провалом, не выделил им достаточно охраны. Пока что.

Я ждал зимы. Именно зимой большинство тварей уходят в спячку. Это было лучшее время. К тому же, все эти месяцы я работал. Искал новые маршруты, рассчитывал затраты, пытался взять во внимание все нюансы. И вот, когда мой план, учитывающий все возможные неприятности был готов, я пошел к Беркуту.

Скрипящая дверь старого офисного кабинета тоскливо приоткрылась. Внутри все было дешево и сердито: старый стол и два косых стула, пара книжных шкафов, почти пустых. Беркут сидел на довоенном офисном кресле и курил, всматриваясь в бумаги на столе.

— Егерь? — удивился он. — Привет. Давно тебя не видел.

— Тоже могу сказать тебе. Привет, Степаныч.

Я присел на стул. Он протяжно заскрипел.

Беркут быстрым движением потушил сигарету, отвлекся от бумаг.

— Без всяких вступлений, — резко начал я. — Все эти месяцы работал над планом. Тогда, в октябре, мы не рассчитали сил. Нужно было взять больше человек и ехать в полный объезд деревням и городам. Я составил маршруты, сделал необходимые расчеты. Нужно будет их немного подкорректировать и выйдем уже через неделю. Время идеальное, почти все твари в спячке.

Я вынул из накидной сумки сверток карты, пару тетрадей с расчетами, положил их на стол.

Беркут лениво потянулся, оценочно взглянул на них. Неспеша перебрал страницы.

Повисло молчание. В этом молчании можно было утопнуть.

За окном посыпал снег.

— Егерь, — после долгой паузы сказал Беркут, — мы не будем повторять «Ковчег». Это исключено.

Слова металлом вонзились в душу.

— Почему, Степаныч? — не выдержал я. — У тебя перед глазами четкий план маршрута, расчеты необходимых средств. У тебя в руках все, что нужно. Просто дай приказ!

— Нет, — сухо ответил командир, — это исключено. В той ходке мы потеряли девятнадцать человек. Десятерых сожрали ходоки. Двух прибили топельники. Еще семерых утащили ирбисы. Двадцать человек еще долго отходили от паучьего яда, а пару из них наполовину парализовало. Я не пойду на такие или большие потери снова.

Я криво усмехнулся. Почувствовал, как тело разгоняет адреналин.

— Ты хочешь сказать эти девятнадцать человек погибли зря? Погибли ради того, чтобы мы всё бросили и отсиживались по углам?

— Нет, Егерь. Ты не понимаешь опасности. У нас нет ни ресурсов, ни людей для повторной ходки.

— А ты предлагаешь отсиживаться, как крысам, терпеть нападки чудищ и постепенно пустеть? Это твоя тактика?

Мы буравили друг друга взглядами.

— Моя тактика — сохранение людей. Мы не сможем добраться до Сахалина ни сейчас, ни через пару лет. Я больше не рискну человеческими жизнями.

— Трус, — прошипел я, сдавливая ручки стула, — нас сожрут и не подавятся. На что ты рассчитываешь?

— Мы не доберемся до ковчега, Егерь. Но мы можем его построить. Здесь, в городе.

— Ром тебя убедил, да? Бегать по выжженным пустошам и пытаться вырастить картошку на мертвой земле лучше, на что мы способны, верно?

— Только на это мы и способны. Не прыгнешь ты выше головы, Егерь. И я не прыгну. Ром предлагает отличную идею. У нас уже есть какая-никакая связь, а если ему удастся восстановить вышки в Иркутске, мы продолжим налаживать инфраструктуру, развиваться.

— Мы сгнием, Беркут. Ты сгниешь в собственном царстве построенном на костях. Те, кто погиб, не этого хотели. Они верили нам.

— Не смей трогать усопших! — взорвался командир, поднимаясь со стула. — Они сгнули из-за твоей идеи. Но не тебе с ней жить, а мне.

— Трус, — скрипнул я зубами, — чертов трус, который вцепился в труп прошлого. Ты боишься риска, живешь только в угоду себе. Хорошо жить за чужой счет?

Беркут ударил кулаком по столу, да так, что мебель покрылась тонкими трещинами.

— Заткнись, ей-богу, заткнись. Мы оба испачкали руки в крови.

Я посмотрел на него. Он действительно был зол. Таким редко его увидишь.

— Верно сказано. Только вот я от своей крови не отмываюсь.

Быстрым движением забрал наработки, сунул их в сумку.

— Прощай, Беркут. Поступай как знаешь, но я не дам смерти наших товарищей потерять смысл.

Дальше не стал слушать, что он говорил. После того как захлопнул дверь, твердо решил. Я найду ковчег, чего бы мне это не стоило.

Глава II. Десять лет спустя

1

Осень — тоскливая пора. Вечно льют дожди, бьют грозы, а крышесносный ветер буйствует на занесенной ковром из жухлых, отдающей бронзой листьях, земле. Едва греющее солнце почти не выползает из мрачных, темно-синих туч и только изредка показывает свои раскидистые рыжие лучи.

Но Егерь любил осень. По странной причине он предпочитал меланхолию умирающей природы, что догорала последними красками цветов, радостному пению птиц, играющих в аккомпанемент расцветающей весне. Ему нравилось видеть последние вздохи самой природы, перед тем как она умрет, чтобы вновь возродиться.

Егерь был из тех крепких мужчин, перед которыми любая жизненная невзгода рассыпалась в пепел, оставляя после себя лишь незамысловатые узоры в виде шрамов на теле. Ему было под пятьдесят, хотя его точного возраста никто не знал да и знать не хотел. Телом он напоминал могучего богатыря, с, тем не менее очень удрученным, уставшим, изъеденным морщинами лицом. Его глаза, что когда-то блестели ярким лазурным блеском моря, затянуло густым, клубящимся туманом, который, кажется, уже ничто не развеет.

Кавказец, который был им лишь наполовину, не торопясь вел 255 КРАЗ, проезжая по не раз проторенной дороге. Фасадом ей служили кривые, горбатые, сросшиеся друг с другом в уродливом танце тополя и березы. Часть из них лишь напоминала деревья: торчащие вверх, обнаженные пожаром пепельно-серые стволы являли собой результат кошмарно разбушевавшегося пожара, что пронесся волной по многим сибирским лесам.

Егерь не торопясь дернул коробку передач, отчего машина чуть прибавила ходу.

Черный клубок, сидевший на сиденье сбоку, слегка дернулся. Позже существо навострило уши, вытащило из укрытия морду, осмотрелось.

— Не смотри на меня так, Зевс — обратился Егерь к клубку шерсти, — ещё не приехали.

Зевсом кавказец называл отнюдь не греческого бога грома, а своего питомца, являющегося то ли волком, то ли псом. Во всяком случае, перевозчик привык считать его полуволком, сочетающем в себе лучшее от обоих видов.

И правда, внешне Зевс был очень здоровой и упитанной немецкой овчаркой, с черной, как смоль, гладкой шерстью и совершенно белыми, будто снег, слепыми глазами.

Полуволк лапой почесал ухо, потянулся, затем зевнул, похваставшись длинными и острыми, как шипы, клыками.

Егерь улыбнулся, почесал пса за ухом.

— Да, дружище, — сказал он, обруливая глубокую, размытую недавним ливнем, яму, — тоска смертная, согласен. Но, что сделаешь? Хочешь, книжек почитай.

Перевозчик иронично перевел взгляд на небольшую стопку книг, что уместилась меж сидений. Присмотревшись, можно было увидеть знаменитые работы Достоевского, Толстого, Булгакова, Тургенева.

Зевс лениво перевел свой бледный взгляд на труды классиков, после — на своего хозяина. Вероятно, читать пес не любил.

Возле книг на всякий случай лежал АКСУ 74 и старый-добрый ПМ, которые можно было использовать при первой необходимости. Но такой необходимости не возникало давно.

— Давай хоть музыку включим, — наконец сдался кавказец, — а то как на поминках.

Он покрутил магнитола, встроенную в кабину. Та надоедливо покряхтела, но после нескольких попыток заиграла песню группы «Кино» — «Перемен».

Так они и ехали еще час. Лениво играла музыка, Егерь изредка что-то говорил, а полуволк в ответ зевал или рычал.

Когда солнце провалилось за горизонт, а луна смогла занять свой небесный трон, грузовик уже успел подъехать к девятому пункту.

Луна бледно освещала этот крохотный городок или, как его официально называли: пункт закрытого цикла жизнеобеспечения номер девять.

Таких пунктов в России было невероятное множество, но почти все из них до начала войны были строго засекречены. И когда появилась острая необходимость в спасении сотен тысяч гражданских, пункты пришлось открыть для всех беженцев.

Девятый был одним из первых пунктов, куда массово начали ломиться, лишенные крова люди. И вот, спустя почти пятнадцать лет после начала Последней человеческой войны, пункт еще держался. Да, твари время от времени осаждают его, еды совсем немного, а оружие и патроны постепенно заканчиваются, но, несмотря на всю ломящую тяжесть, пункт держался. Не в меньшей степени это была заслуга Виктора Рубахина — бывшего майора с одноименным прозвищем, отправленного сюда для защиты миряков. Он был достаточно мудр и крепок волей, чтобы продлить пункту жизнь. После всего, именно Рубахин взял на себя полную власть над городком.

Егерь подъехал к КПП, представляющему собой простецкий кирпичный домик, с треснувшими стеклами. Внутри горел свет, а в нем угадывалась объемная тень охранника. Дверь распахнулась, из КПП выскользнул короткий темный силуэт, со вскинутым наперевес автоматом Калашникова.

— Стоять! — неуверенно гаркнул охранник, тщательнее прицеливаясь в кабину КРАЗа. — Кто такой?

— Виталич, не дури, — буркнул Егерь, выглядывая из машины. — Свои.

Силуэт почесал голову, подошел ближе.

— А, Егерь, — понимающе кивнул здоровяк, вес которого не выдерживали пуговицы на военном комбинезоне, — про-ик! Проезжай...

Егерь внимательно посмотрел на охранника: того нехило шатало, а амбре из запаха прокисшей капусты разило на всю округу.

— Пьем, Виталич, — сухо констатировал перевозчик. — Опять?

Охранник пошатнулся, попытался встать по стойке ровно, но получилось это у него скверно.

— Никак не... Еге-ик! — он заткнул себе рот руками, подождал несколько секунд. — Майору не г-ри только... Он же меня вздернет.

Егерь слегка улыбнулся.

— Отворяй ворота, алкаш. Не вздернет тебя никто. Разве что закодируют.

— Что ты! Знаю я, как Док тут кодиру... Ик! Щас все отопру...

Ржавые ворота протяжно завывали.

КРАЗ проехал дальше, а Виталич дальше пошел давить пузырь водки, припрятанный под тумбочкой в КПП.

Девятый пункт сам по себе был небольшим, но в меру оснащенным необходимыми модулями, самым большим из которых была столовая. Огромная по размерам и занимающая

добрых десять процентов всего городка. Недалеко от столовой располагались шестнадцать барачков, в которых проживали гражданские. Рядом с бараками ютились еще пару блочных зданий для размещения офицерского состава. Позади жилищного сектора расположились деревянные туалеты и душевые, работающие в лучших деревенских традициях, тобишь, через две здоровых цистерны с водой на крыше. Одну греют от печи, а вторая стоит холодной. Так и поступала вода по двум трубам в смесители. По правой стороне от этой конструкции располагались штабы командования, медпункт, склад для хранения оружия, а вот в самом конце, уже в полностью изолированном секторе, расположился небольшой автодром с побитым временем техникой.

Егерь жил в небольшом гараже, расположенном как раз недалеко от жилых барачков.

Гараж был достаточно большим, чтобы в нем мог уместиться внушительных размеров КРАЗ, и достаточно уютным, чтобы в нем мог жить человек и его непоседливый питомец.

— Дом, милый дом, — буркнул перевозчик, гася зажигание. — Приехали.

Зевс послушно дождался пока дверь откроется, затем юрко выпрыгнул из кабины и не спеша направился к миске с едой.

Внутри было в меру по-свойски: на слегка отсыревшем потолке ярко горели лампы, работающие от генератора, что стоял на реке, которая разлилась совсем недалеко. Удивительную штуку может собрать человек если ему припрет! Вроде и собрано из автомобильных запчастей и хлама, а вроде и достаточно мощная мини-ГЭС, способная давать электричество всему пункту. На многочисленных столах и тумбах лежали разного рода инструменты: отвертки, молоток, ключи, трещотки с головками всех размеров, разобранный на запчасти движок — донор от такого же КРАЗа. Недалеке от мастерского стола стоял закрытый на ключ ржавый сейф, рядом с ним — старый советский холодильник неизвестной компании «ЗИЛ», переживший уже несколько войн, но до сих пор работающий исправно. Егерь хранил там все, что имел: картошку, мясо, сало, консервы, овощи, кое-где даже завалилась шоколадка, которая в древности могла посоревноваться с самим холодильником.

Пока перевозчик закрывал ворота, Зевс вдруг оторвался от миски, наострил уши и метнулся к проему дверей. В темноте Егерь различил силуэт. Быстро выхватил ПМ, прицелился.

— Ну-ну! Ты еще пришей меня тугова, вот так история выйдет!

Голос у незнакомца был хриплым и сиплым.

Перевозчик опустил пистолет. Выдохнул.

— Чтоб тебя, Тема, — буркнул перевозчик, — я уж думал...

Послышался хриплый, но добрый смех.

2

— Курица — не мясо, слышал? — хохотал Артем. — Другое дело — свинина или говядина. С картошечкой, м-м-м!

Егерь ножом из автомобильной рессоры резанул еще один кусок копченого сала, не церемонясь, тут же проглотил.

— Оно и верно. Но если подумать, курица — мясо птицы, да? Но с тобой согласен.

— За это надо выпить!

— Это точно.

Они ударили здоровенными жестяными стаканами с крепким пивом, проглотили больше половины и даже не поморщились.

Напротив Егеря сидел суховатый мужик, лицо которого посекали десятки морщин. Его густые брови блестели сединой, своей мощью давя на горящие медным блеском глаза.

— О-ох, — протянул Артем, — охрененно!

Он утер с белесой, густой бороды, пенку от пойла.

Егерь в ответ только кротко хмыкнул и подцепил еще сала.

— Как у тебя Данька-то? — прервал повисшее молчание кавказец.

Артем проткнул вилкой кусок говяжьей тушенки, затем взял кусок черствого черного хлеба и, соорудив этакий бутерброд, отправил себе в рот.

Тщательно прожевав, ответил:

— Да как? Нормально все, только вот всё огрызается со мной. Дескать, то дядька не так делает, это. Возраст, что с него взять?

Егерь отпил пива.

— Тём, так ему уже восемнадцать. Какой возраст? Че ж ты его раньше не прищучил?

Товарищ махнул рукой.

— Знаешь, Дамир, стар я уже щучить его. Может он и прав. Говорит, понимаешь ли, что мы тут все гнием, в «жопе мира».

Егерь фыркнул:

— Весь мир — одна большая задница, в этом я тебя уверяю.

— Молодость на то и молодость, — вздохнул Артем. — У него ж сердце горит, рвется за оковы. Я это еще с детства у него заметил: всё не сидится ему на месте. А глаза, глаза горят! В лучшее место рваться надо, говорит, а не здесь отсиживаться!

Егерь немного нахмурился, еле заметно вздохнул.

— Но мне-то куда, старику? — продолжал Артем. — Я уже свое отъездил. Хватит.

Перевозчик налил еще. Теперь водки.

— За молодые, горящие сердца! — догадался Артем. — Опа!

Спирт неприятно обжег глотки.

Повисла тишина. Изредка мигала лампочка, как пчела жужжал холодильник, мерно били небольшие часы, расположившиеся у жесткой жестяной кровати.

— Ты с Витькой-то мириться будешь? — серьезно спросил Артем, выдержав паузу.

Егерь вынул из кармана пачку помятых сигарет. Достал зажигалку. Закурил.

— Все собираюсь, — ответил перевозчик, — на самом деле уже и не упомяну, почему рассорились... Слишком много воды с тех пор утекло. Так что да, поеду. Навещу пьяницу.

Артем хохотнул, затем опрокинул стакан водки. Слегка поморщился.

— Этыть, тоже давно его не видел. Лет уже как десять... Да, брат, время будто сквозь пальцы проходит. А казалось, мы еще вчера!

Перевозчик заметно помрачнел.

— Коришь себя за те деньки, — снова угадал Артем. — До сих пор.

— Не дает мне жизнь покоя, — вздохнул Егерь, — всё что-то душу ломит. Десять, мать его, лет ломит.

Артем откинулся на спинке скрипящего стула. Улыбаясь, взглянул на товарища.

— Знаю, рану тебе это не излечит, — сказал он, — но есть у меня к тебе предложенье.

— Это какое?

3

Кабинет начальника девятого пункта Рубахина Виктора Антоновича. Рассвет. Старый,

пропахший Советским союзом кабинет со скрипящими от любого шагу полами, треснувшими вдоль и поперек окнами, покосившимся хлипким шкафом и совершенно древним чайным сервизом на потерявшем приличный вид, офисном столе.

— Ты предлагаешь пойти и вычистить всю деревню с этими псинами?

За столом, прямо напротив Егеря, положив руки на стол, сидел Рубахин. Он был плечист и широк, на источенном временем лице зияли несколько шрамов.

— Да, — ответил Рубахин, отпив немного чая из сервизной кружки, — Волки не перестают таскать дозорных. Последнее время они совсем охренели. На той недели сожрали троих. За одну, сука, ночь, Егерь. Троих.

Перевозчик закурил. Не торопясь вдохнул никотина, слегка расслабился.

— Сколько особей в логове?

Рубахин поправил короткие седые волосы на голове. Взглянул в окно, где солнце только заходило.

— Штук двадцать, максимум — двадцать пять.

— Щенки?

— Насколько знаю, там пара выводков и несколько обычных стай.

Егерь хохотнул.

— Seriously, Майор? Двадцать побитых псин терроризируют огромный пункт и ты ничего с этим не сделал раньше? Где твоя хватка?

Рубахин вздохнул, вынул сигарету с мундштуком, тоже закурил.

— Видимо, в заднице, раз не могу разобраться сам и прошу тебя. Мои солдаты сказали, что в основном их грызет одна из стай, самая малочисленная и до ужаса кровожадная. Вожак у этих ублюдков — здоровенный одноглазый волк, с очень уж острыми клыками. Они его Пеплом прозвали, за светло-серую шерсть.

Рубахин вдруг зашелся приступом кашля.

Егерь слегка качнулся на стуле, осмотревшись по сторонам.

«Все в труху. Стены, потолок, стол... — думал перевозчик, — да и сам Майор долго не протянет, раз уж Тема меня попросил...»

— Знаю я тебя плохо, Егерь, хоть ты тут почти десять лет живешь. Но наслышан о твоих навыках. Я тебя прошу о таком первый и последний раз. Помоги забить этих ублюдков, а я в обиде не оставлю.

За окном завыл ветер, разнося по стеклу капли дождя. С горбатых деревьев посыпались листья.

— Ладно, Майор, — медленно проговорил перевозчик, поднимаясь со стула, — Согласен. Согласен только потому, что Тема попросил.

Рубахин слегка улыбнулся.

— Спасибо, Егерь. Выдвигаетесь завтра утром. Группа — двадцать человек, из них четверо — юнцы Хриплого.

— Мне Тема вчера сказал, что салаг своих поведет. Надеюсь, остальные будут нормальными бойцами?

Рубахин кивнул.

— Тогда до скорого, Майор. Бывай.

— Бывай, Егерь.

Дверь хлопнула. Рубахин устало выдохнул. Вдруг снова закашлялся, прикрывшись платком.

— Что ж такое? — буркнул он, осматривая тряпку.
Она была вся в крови.

1

Медленно дымя сигаретой, и, наблюдая за тем, как по земле медленно ползет огромный и уродливый жук, еле перебирающий своими измученными лапками по мерзлой земле, Егерь ждал отряд, который должен был прийти с минуты на минуту. Зевс молча сидел и смотрел куда-то вдаль, лишь иногда отвлекаясь, чтобы почесаться.

Через пару мгновений из-за серых зданий пункта показался отряд бойцов, неспешно идущий к воротам. Одеты они были одинаково — камуфляж, берцы и разгрузка. По оружию сильного разбега тоже не было — в большинстве своем преобладали калашаи разных моделей и модификаций, а кроме них мелькали карабины СКС да еще разные стволы, плюющие дробью.

Скоро кавказец уже ясно видел, что к нему навстречу мерно шагали пятнадцать крепких ветеранов и четыре испуганных юнца, во главе с Артемом, которого все в округе кличали Хриплым. В руках он перебирал старый-добрый АК-47, а на спине его болталась старушка мосина.

На ее счету был уже не один десяток пробитых голов.

Через минуту группа предстала перед кавказцем. Молодняк выделялся — они боялись и дрожали от страха, но старались не подавать виду.

«Да что уж... — подумал про себя Егерь, — все такими были».

Артем бодро протянул руку и, шагнув вперед, раздавил ползущего жука. Зевс лениво оглянулся.

Хриплым посмотрел на отряд, улыбнулся и громко гаркнул, обращаясь к молодняку:

— Ну что, ребята, готовы пройти боевое крещение?

Отряд молчал, словно бы им языки отрезали.

— Черт бы их побрал, — буркнул Хриплый. — Ну-с, выходим?

Вопрос был скорее риторическим, а потому все молча двинулись в путь. Им предстояло пройти пару-тройку километров по тропинке через выгоревший лес и выйти к давно покинутой деревне, где, как предполагалось, обитали эти дикие звери, что постоянно таскали сторожевых.

— Паршивенькая погодка, — протянул один из старших сталкеров. — Ненавижу дожди.

— А мне вот нравятся, — добавил другой, — идешь себе, листики ветер гоняет и дождь накрапывает... Красота!

— Мы на задании, хорош трепаться, — буркнул в ответ здоровый бочкообразный мужик.

— Пошел ты, Кувалда, — прошипел рядом стоящий боец. Лоб у него был непомерно высоким.

— Заткнись, Лом, пока я тебя сам не поломал.

Началась небольшая перепалка с использованием всего колорита великого русского языка.

— Отряд! — гаркнул горец, резко остановившись у старого обгорелого пня.

Все тут же умолкли.

— Наше боевое задание, — продолжил перевозчик, — вычислить и уничтожить особо боорзую стаю волков. Вожак этих ублюдков — небезызвестный вам волчара по прозвищу

Пепел. Предваряя ваши вопросы: от волков осталось только название. Это бешеные, обезумевшие животные, готовые рвать вас на куски. Они не будут кружить и подлавливать нас, эти выродки бегут прямо в лоб. Стрелять четко в харю, или, на крайняк, по хребту. По информации, особей приблизительно двадцать-двадцать пять, вместе с вожаком. Так что, готовьтесь. Держаться «звездами» по пять человек, контролировать зону на триста шестьдесят градусов и не терять другие «звезды» из виду. Подчиняться приказам неукоснительно. Деревня будет совсем скоро, но волки могут быть и здесь. Усекли?

— Так точно!

— Н-да, — лениво протянул Кувалда, — а то мы не знали.

— Лучше цытькнись, балбес! — осадил товарища Лом.

До деревни дошли без происшествий, хотя за горбатыми деревьями часто мерещились неясные тени и образы. Но пока Зевс шел спокойно беспокоиться не стоило: нюх на тварей у него был прекрасный.

Вскоре, сквозь темную завесу из деревьев, стали проглядываться и проясняться силуэты деревни: размытые дома обретали все более детальные черты и скоро перед бойцами она предстала в полной красе — мертвая и зловещая.

— Погода — полное дерьмо, — справедливо заключил Кувалда, глядя на небо.

Солнце снова скрылось за темными тучами, грозящими вот-вот разразиться ливнем.

— Разбиться «звездами»! — пробурчал Артем, щелкнув предохранителем.

Старшие перекинулись парой жестов, быстро разбились по пятеро и, внимательно осматривая окрестности, двинулись шерстить дома, держа между собой дистанцию порядка двадцати метров.

Молодые же простояли десяток секунд как истуканы, даже не тронув автоматы.

— Не тупить, солдаты, — укоризненно прошипел Хриплый, — оружие наизготовку!

Щелкнули предохранители.

Пока Артем строил своих бойцов, Егерь вдумчиво смотрел в глубину деревни: за пятнадцать лет растения пустили корни куда только можно. Они, будто змеи, окутали трухлявые дома скопищами своих плетений, проникая в каждую щель, меж прогнившего дерева. Удивительно, но страшный пожар, колыхнувший округу пару лет назад, что охватил сотни гектаров леса, не посмел прикоснуться к деревне: она, подобно оазису, цвела среди пепелища. Трактор, стоящий у маленького домика поблизости, изъеденный ржавчиной и убитый, видимо еще до войны, безразлично смотрел в чашу черного леса. Вдали, почти у самого конца поселка, там, за домами, стояла, взирая в небо старая, древняя водонапорная башня времён Советского союза.

— Обследуем каждый дом. Действуем по моей команде! — Егерь выдохнул. — Вперёд.

Отряд неохотно двинулся, попутно озираясь каждый в свою сторону. Старшие шли более спокойно и уверенно, в отличии от дрожащих, как зяблики, салаг.

Шелестя недавно опавшими листьями, группа подошла к одному из заброшенных домов: забор почти упал, а косая кровля едва держалась на месте. Растительность жадно обвила домишко: почти везде торчали кривые корни неизвестного теперь растения, которое в народе обозвали сорняком. Из-под чердака, пробиваясь на поверхность, росло небольшое деревцо.

Егерь махнул рукой в сторону дома. Через минуту отряд уже разглядывал интерьер развалины: несколько комнат, засоренных всякого рода мусором — бутылки, одежда, железки и прочий хлам. Полы ужасно скрипели и практически проваливались, создавая

нежелательный шум. Зевс не зашел и остался снаружи, тщательно приноживаясь. Пока одни осматривали дом, двое охраняли выход. Егерь, вместе с Хриплым и двумя пацанятами оглядели комнаты но, кроме пустых пачек сигарет, разбитых бутылок да склянок, наполненных непонятной жижей, ничего не нашли.

Группа двинулась дальше и, обследуя все новые и новые дома, не находила даже следов недавнего присутствия обезумевших тварей: только мусор да грязь.

— Хм... — Хриплый остановился, — По-моему этих выродков здесь нет.

Новички выдохнули.

— Обошли уже пол деревни, а их ни слышу, ни духу, — он осмотрелся. — Сталбыть охотятся.

— Не спеши с выводами, — парировал кавказец, — но Зевс и правда ведет себя слишком спокойно.

Все уставились полуволок, который, как обычно, задумчиво вглядывался вдаль своими слепыми глазами. Почувствовав на себе пытливые взгляды он, недоумевав, оглянулся.

— Может они переехали? — заикнулся один из группы, нервно оглядываясь по сторонам. Одет был как и остальные: в камуфляже и берцах, а в руках едва заметно подрагивал АК

Егерь одобрительно кивнул. Действительно, волки, будь они здесь, не раздумывая кинулись бы на отряд... Но вокруг стояла гробовая тишина, нарушаемая только редкими завываниями ветра.

Почесав затылок, перевозчик смекнул, что идти дальше и обследовать каждый дом бессмысленно — тварей нет.

— Так, солдаты, слушать команду: идем вон туда, — горец ткнул пальцем на водонапорную башню. — Там обоснуемся. Вперёд.

Группа уже практически бегом двинулась дальше, завернула за старые, обитые плющом дома и оказалась у старой, разбитой временем башни, попутно встретившись с группами старших бойцов.

Вокруг было пусто — только бесчисленные заросли травы.

— Мне кажется полная херь, пусто тут, — заключил Лом, внимательно оглядывая кусты.

— Угу, — согласился Кувалда. — Может сменили логово?

— Вероятно, — вмешался третий голос, — мне кажется все это пустой тратой времени.

— Заткнулись, — зло буркнул Егерь, осматривая округу. — Приказ был: выбить отсюда волков. Не уйдем, пока не шерстим все здесь детально. Ясно?

Перечить никто не стал.

Дверь в башню была вырвана, а её куски были раскиданы по округе: на каждом из них красовалось множество глубоких щрамов, оставленных обитателями деревни. Сама башня обросла мхом, обзавелась множеством трещин и сколов, а в некоторых местах и еле держалась на паре-тройке кирпичей. Снизу даже казалось, что она вот-вот с оглушительным треском рухнет на землю.

Внутри бойцов встретила кривая спиральная лестница, отвалившиеся остатки которой, валялись на месте, где раньше был пол.

Хриплый цокнул.

Часть из группы старших протиснулась внутрь отсыревшей конструкции. Деревянный пол уже успел несколько раз прогнить, а в провалах образовались лужи, отчего обстановка

внутри была не самой располагающей. В воздухе стоял неприятный смрад от гнилых досок и заплесневевшего тряпья.

Кроме древнего пола и разваленных кирпичных стен, бойцов встретила длинная, ведущая на самый верх, насквозь ржавая лестница.

— Кто ползет? — сразу же спросил Егерь.

— Она ж хлипкая, — сказал Лом, — зачем тудыть лезть?

— Надо, Ломик. Надо.

Ржавая лестница, готовая в любой момент развалиться жутко закрипела.

«Чертов безумец, — думал про себя сталкер, аккуратно цепляясь за каждый выступ, — А если я упаду?»

— Заткнись уже! Только попробуй сломаться... — ругался Артем Васильевич, взбираясь по хлипкой конструкции.

— Хриплый, сукин сын! — крикнул Кувалда. — Убери свою сраную ногу, пока я не полетел к ядру земли...

— Не барагозь, Кувик!

К счастью, никто не упал и скоро Лом, Кувалда и Хриплый оказались наверху.

В кармане жилета затрещала рация, откуда послышался сиплый голос Артема.

— Тутыть никого нету, — бурчал он, — чисто, как на жопе у младенца.

Оставалось ждать.

— Ладно, — Егерь почесал затылок. — Значит так! Отряд, строить защитные укрепления немедленно!

Пролетели полчаса, за которые бойцы из дерьма и палок собрали баррикады, окружив ими вход в башню. За это время перевозчик успел узнать молодняк поближе, посредством простого допроса через: «Кто такой?»

Самого низкого звали Ваней и ему всего-навсего было девятнадцать лет, но, по иронии, он был самым старшим из своих соплеменников. Отличали его несколько шрамов, разбросанных по смуглому, чёрствому лицу. Второго, что был чуть побольше, кличили Дубом, за его габариты. Третьего звали Даней. Это был племяш Хриплого.

Не толстый и не худой парнишка с блестящими карими глазами, короткой стрижкой и худым треугольным лицом. Четвертый назвался Чесноком и больше ничего не говорил.

Опять зашумел ветер, колыхая сухие ветки на деревьях.

Наконец, кавказец составил тактику боя — простую, но надежную.

При первых признаках опасности весь отряд сосредоточится возле входа в башню, ибо волки, несомненно, побегут напролом. В защите бойцам помогут баррикады и более-менее укрепленные огневые точки. На них расположатся стрелки с автоматами и тогда тварям будет сложнее сожрать их. В случае, если волки доберутся вплотную к позициям, стрелки отойдут в башню, тем самым, ограничив количество нападающих аркой прохода.

— План, мать его, надежный, как швейцарские часы, — хохотнул Хриплый через рацию, — значит, ждем-с.

Зевс же, молча взирал на скрывающееся за черной чашей солнце, которое тщетно старалось пробить своими светлыми лучами черную завесу из обожженных пламенем деревьев. Небесный свод понемногу стали стягивать тучи, образуя свинцовый купол, в котором набирался силами предстоящий ливень. Напряжение росло, молодняк, в отличии от мирно кутивших старших, совсем разнервничался: кто-то наматывал на земле круги, кто-то судорожно мял пальцы, кто-то просто топтался на месте.

Хриплый, лежа на башне и, глядя в даль, шерстил округу своей мошиной. Лом с Кувалдой пытались заниматься тем же самым, но больше курили, чем что-то делали.

Снова завыл ветер. Зевс оскалится, дернул морду на восток. Егерь понял — вот оно. Через пару секунд стрелки уже были наизготовке, а группа рассредоточилась по указанным местам.

Ожидание.

Кавказец смотрел больше на питомца, исполняющего роль живого компаса: неустанно рыча, полуволок впивался в мертвые дома с восточной стороны, откуда вот-вот вынырнет стая зверей. Новички дрожали, но прицел держали — каждый готов был грызться за свою жизнь.

Прогремел выстрел, разорвав могильную тишину погибшей деревеньки, а за ним последовало скуление умирающей твари. Взвыли волки.

Они показались из-под окутанных мраком домов: изувеченные, обезумевшие твари, с таким же злобным и вгоняющим в ступор оскалом. Сволочи жадно смотрели на будущий корм. Были они немного больше Зевса, что было странно, а тела их были усеяны кривыми шрамами да гноящимися ранами, а где-то на неестественно густой, темно-серой шерсти виднелись побои от зверя покрупнее. Чем-то эти выродки напоминали гиен: челюсть их создавала иллюзию перекошенной улыбки.

В этот момент время словно бы перестало существовать: твари впивались взглядом в людей, а те, в свою очередь, своими прицелами гляделись в монстров. Эта дуэль длилась ровно до того момента, пока Хриплый не пригвоздил еще одну, из двадцати с лишним шавок, к земле. Та издала истошный вой и, в судорогах обняла землю, залив её кровью. Волки ринулись в атаку: они рвали мокрую землю своими огромными когтями, выбивая грязь из-под лап. Неслись они быстро и уверенно, надеясь поскорей вцепиться в горло и вдоволь упиться человеческой кровью. В ответ оркестр из калашей вспорол воздух и срезал несколько тварей: почти все попали волкам в голову и те падали, корчась в предсмертной агонии. Но расстояние неминуемо уменьшалось и чем ближе твари были, тем становилось страшней — калашаи молодняка залупили без остановки, почти не целясь, отчего почти все патроны уходили в молоко.

Щелкнул пустой боек. Тут, спасая положение, Егерь дал короткую очередь, забрав двоих тварей разом. Несколько уродцев добежало до укреплений: они выпрыгнули, сверкая налитыми ненавистью глазами. Один бросился на Егеря. Отпрыгнув с небольшой возвышенности он из них мог бы запросто сбить кавказца с ног своей тушей, но Егерь, движением руки пропустил мимо себя этого ублюдка и, тут же оборачиваясь по инерции, осыпал его градом из свинца. На лицо брызнула кипящая кровь. Отвратительный и мерзкий смрад ударил в нос. Оглянувшись, перевозчик заметил как Зевс завалил своего дальнего родственника, и с упоением рвал его глотку, а волк, беспомощно катаясь по земле и задыхаясь в собственной крови, выл от боли. Чеснок, что стоял справа, сбрасывал с себя еще дергающийся волчий труп. Из шеи животного торчала рукоять ножа.

Зашумел ветер.

Ещё раз тщательно оглядев местность и проверяя, не затаился ли кто среди трупов, Егерь выдохнул.

— Отряд — отдыхать, — скомандовал он, осматривая хладный труп волка, — но не расслабляться.

Один из сталкеров вскинул калаш на плечо, улыбнулся:

— Пф! Делов-то!

— Ага, — подхватил кто-то из отряда, — как два пальца об асфальт!

— Етить твою мать! Не дай боже... — из башни послышались стоны лестницы, приглушаемых руганью Хриплого и Кувалды с Ломом. Тут конструкция не выдержала оскорблений и с громким металлическим лязгом рухнула на землю.

Мужики не сдерживались в выражениях. Совсем. Хриплый так вообще в красноречии мог и с самим Пушкиным посоперничать.

Через несколько секунд в проеме показался и сам Артем: лицо его еще горело от злости на обрушившуюся лестницу, а рукой он поддерживал спину, на которую и пришелся удар. За ним возникла помрачневшая пара инструментов.

— Отличная работа, солдаты! — прокряхтел Артем, — мы таких сук еще перебьем огого!

Егерь с подозрением оглядывал больно уж мелкие туши волков. Вдруг посмотрел на Зевса: тот присел рядом с хозяином и буравил кавказца щенячьим, слепым взглядом, держа в зубах оторванный от волка кусок мяса с которого медленно стекала багровая кровь.

— Такие подарки мне не нужны... — вздохнул Егерь. — Брось!

Зевс таки послушался и с досадой выплюнул аппетитный кусок волчатины, отвернувшись от своего сурового хозяина.

Перевозчик немного помолчал, но после сказал:

— Паршивенькая ситуация. Это не волки, а щенки. Слишком маленькие туши. Значит, основной выводок еще где-то бродит.

— Черт бы их побрал... — просипел Артем. — Ну давайте, парни, еще пошарим тут, меня тоже не отпускает чувство, что не всех мы гореть в аду отправили...

Он поглядел на свинцовое небо.

Юноши явно были не в восторге от принятого решения, но делать нечего.

Они окинули взглядом округу, вновь обыскивая территорию на предмет волков, но, как и раньше, их встречали только осунувшиеся, безглазые дома.

Уже темнело и возвращаться было бы глупостью. Егерь решил, что лучше будет остаться переночевать здесь, в деревне, а заодно и прочесать оставшиеся домики на всякий случай.

Так, команда снова тихо поплелась по старой деревне, осматривая каждый дом и теперь, еще тщательнее оглядываясь по сторонам. Дабы ускорить процесс они вновь разбились по пятеро и каждая из групп вновь держала зрительный контакт с соседней, дабы в случае нападения было больше шансов отбиться.

По треснувшему шиферу крыш забарабанил дождь, скопища туч стали искриться молниями. Погода портилась.

Хриплый и Даня нырнули в очередной разваленный временем дом. Чеснок и Ваня остались снаружи, а Егерь с Дубом принялись шмонать рядом стоящий гараж.

В доме, куда шагнули Артем с его племянником, было пусто: вокруг только разбитое стекло да ворох мусора.

— Етить черта за ногу, — гаркнул Артем. — Срань господня!

— Что такое, дядь?

Ответом юнцу послужил болтающийся на веревке труп.

Бедолага повесился прямо на люстре, которая только чудом держала своего почившего жильца. Рядом валялся изъеденный червями деревянный стул, с обломившейся ножкой.

Сколько мертвяк тут висел неясно, но точно не больше двух-трех лет — кожа сгнила, но не полностью и сейчас представляла собой тонкую, изорванную гнилую пленку,

покрывающую трухлявый скелет.

На столе стояла нетронутой пустая бутылка водки, пистолет и записная книжка.

Старый пол томно заскрипел, когда Хриплый сделал пару шагов к столу. За дядькой юркнул и Данил.

Артем, приблизившись к самоубийце, стал внимательно разглядывать его безобразное лицо, которое и при жизни было не в лучшем состоянии, чего уж тут говорить.

Гулкий ветер играл со ставнями окон, а дождь, под аккомпанементы грома, перерастал в ливень: крупные капли неустанно били по крыше и сползали вниз, через многочисленные щели и трещины, громко разбиваясь о пол.

— Дядь, ты что на него так уставился? Труп да труп, — робея заключил Даня, хотя сам не спускал с висельника взгляд.

— Потому как я в пункте всех знаю, — ответил Артем, — а вот этого старичка никак не припомню. Хм, может это беженец недавний?

Пока дядька занимался осмотром тела, Данил, преодолевая отвращение, прошел через висельника, все ещё оглядываясь на него. Заглянул в записную книжку, которая лежала рядом. Она была с пожелтевшими, рваными страницами. Где-то текст был размыт, где-то были порваны листы, но в целом, большая его часть сохранилась неплохо и поддавалась какому-никакому прочтению.

На обугленных временем листах, корявым, горбатым и еле разборчивым почерком было написано следующее:

«Они не пустили меня. Бросили гнить здесь, в этой богом забытой деревушке. Сказали, что я больной. Надо же, больной... Все мы теперь больные... в этом дерьме. Подумать только, а ведь я надеялся, что хоть здесь меня приютят... Столько пройти по мертвой пустоши, перебить столько ереси и все только ради призрачного шанса найти здесь приют... А ведь Яков говорил, что они врут, но я не поверил... И где я теперь? Господи, чем мы тебя разгневали?... У меня ведь даже нет патронов, чтобы пустить пулю себе в лоб... Та веревка так маняще смотрит на меня... Грех, конечно, но болезнь и правда жрет меня, так что я уже не могу... Лучше удавлюсь, чем превращусь в безумца. Господи, прости грешника за дела его и да избавь от мук тяжких...»

Дальше листок обрывался. Даня перевернул лист, но тут же разочаровался: на обратной стороне был только криво вычерченный крест.

Содержание озадачило парня, ведь Хриплый всегда говорил, что в пункте рады всем и что никому не откажут в приюте, в чем Даня и сам убеждался не раз — Рубахин лично принимал беженцев всех сортов.

Только было юноша хотел рассказать о находке Артему, как вдруг снаружи послышался оклик Егеря: пора выходить.

Даня еще раз окинул записную книжку буравящим взглядом и, не устояв, забрал ее с собой, спрятав во внутренний карман жилета.

Проходя мимо повешенного старика, юноша еще раз поглядел на него: теперь ему казалось, что покойник знал о чем-то, что ни Хриплый и никто другой из пункта не рассказывал, но точно и сознательно скрывал.

Оставив труп в покое, герои двинулись дальше, обследуя однотипные застройки и постепенно нагоняя остальные группы. Даня тщетно надеялся найти ещё что-нибудь интересное и поэтому каждый уголок засматривал до мельчайших подробностей, но, увы, там его встречал только выросший из-под пола зеленый сорняк да куча хозяйского мусора,

не представляющего особого интереса.

Когда несколько последних сутулых домиков были прочесаны, отряд приблизился к старому конторскому зданию, время которого было на исходе: оно сгорбилось, а синяя краска порядком обветшала.

— Вот это да, — сказал Кувалда. — Раритет!

— Дерьмотет, — ответил Хриплый, — че это за убогая рухлядь?

— Здесь всё — убогое, — заключил Лом.

Зажглись налобные фонарики и, выхватывая из липкого мрака силуэты мебели, группа, заскрипев шатким полом, вошла через разбитую дверь. Внутри было темней чем в любом из домов: большая часть окон была заколочена, уже успевшими состариться досками, а те немногие, что пропускали толики уходящего солнечного света, были завешаны старым тряпьем. Сорняк пустил корни и здесь, но не так сильно, как в других домах: его как будто намеренно рвали, не давая подняться из-под земли.

В воздухе парил непонятный смрад. То был коктейль из запахов крови, сорняков и гноя, заполонившим конторские комнатки. Первым на себе его ощутил Хриплый. От него немного закружилась голова. Остальные закашлялись, а у некоторых даже потекли слезы.

— Ну и вонизма...

Внутри никого не было, не считая гор костей и гниющих остатков мяса: отряд прочесал комнаты и везде их ожидала лишь разваленная и гнилая мебель, залитые, давно запекшейся кровью серые стены, пропитавшиеся мерзкой мокротой от плюща и растущих отовсюду грибов, что облюбовали сырые углы.

Зевс не вошел. Только учуяв отвратительный смрад, он буквально прилип к земле и отказался входить внутрь.

Сорвали тряпки с окон. Блеклые лучики уходящего солнца, которые тщетно пробивались через плотный свинцовый небесный купол из туч, заползли внутрь. Немного ясней проявились мрачные, сокрытые тьмой остатки цивилизации.

Егерь оглянул отряд: новички даже немного заулыбались, поняв, что больше тварей нет.

— Возвращаться не будем, — окончательно решил горец, — заночуем в башне.

Они вышли. Шли медленно, не торопясь. Уродливые, сложенные пополам стволы деревьев, кривыми ветвями пугали заблудших новичков.

Ночь спускалась на землю. Егерь и Хриплый шли впереди, а за ними — новички. Замыкали круг оставшиеся сталкеры.

Всем хотелось что-то сказать и развеять нависшую над ними тишину, но слова будто застревали в горле. Да и о чем говорить, когда в сумеречных тенях могли таиться монстры.

Осенний холод жег пальцы. По кронам деревьев пробежался легкий ветерок. Раздался вой.

Все оглянулись. Вскинули калаши.

— Все слышали? — тут же спросил Егерь.

— Етить его мать, — прошипел Хриплый. — Волчары!

Изо тьмы прояснились десятки янтарных глаз. Они поблескивали из-за нагромождений тополей, бешено метаясь из стороны в сторону.

«Окружили, — быстро смекнул Егерь, слыша, как волчий рык расплзается по округе, — Вот же, суки...»

— В круг! — что есть сил гаркнул Егерь.

Они с Хриплым переглянулись. Пора.

Группа сомкнулась. Новички нервно переглянулись. Дуб, Ваня, Чеснок, Даня — все дрожали.

Твари выскочили и налетели, будто саранча. Вокруг блеснул янтарь. Зарокотали автоматы, воздух вспарывал свист пуль, крики перебивали друг друга.

— На девять!

— На двенадцать!

— Сука, этих выродков здесь больше сотни!

Снова рокот автоматов, отблески искрящегося света. Хруст костей.

Волки продолжали выбегать из леса. Свинец дырявил мразям глотки.

— Лом! — крикнул Кувалда. — Взади!

Небольших размеров сукин сын вынырнул из темноты, проскочил сквозь туши убитых сородичей и вгрызся бедолаге в горло. Кровь.

— Егерь, — гаркнул Хриплый, отбиваясь от толпы тварей, — на девять!

Перевозчик повернулся. Отбил очередью одного ублюдка, затем развернулся — снял другого. Кровь.

— Иди в задницу, сука! — раздался крик среди хаоса, а затем тут же стих.

— Кувалда!

Выстрелы. Кровь. Боль.

Дуб оказался не в том месте. Несколько волков накинулись на парня слишком быстро, чтобы он сумел среагировать. Даня слышал лишь хруст его костей. Вдруг юноша почувствовал позади себя ублюдка. Развернулся. Только чудом волчьи когти не пробили его артерию.

Зевс молнией метался в рядах монстров, пытался прорваться через накатывающую волну.

Людей все меньше. Земля хлюпала от крови, ломилась от рухнувших на нее тел.

Группа отстреливалась как могла. Патроны выходили. Пока одни перезаряжались, другие их крыли. Новичков оттеснили ближе к центру, но и это их не спасло.

Вдруг Даня увидел. В мерцающих отблесках света, в пучине теней он заметил горящий волчий глаз. Несмотря на царящий вокруг хаос, монстр был спокоен. Он скалил клыки. Вожак был огромен и страшен: пепельная шерсть, украшенная десятками шрамов, безумно длинные острые клыки. Морда его была в крови, еще не успевшей впитаться в шерсть.

Волк оторвал челюсть от тела очередного бедолаги. Даня узнал в нем Ваню. Всё будто стихло.

Был только Пепел и его жертва.

Вожак оскалится. И помчался вперед.

Сердце бешено kloкотало, намереваясь вырваться из грудной клетки.

Выстрелы. Кровь. Снова выстрелы. Снова кровь.

Пепельная стрела помчалась сквозь преграды из тел, прогрызаясь вперед.

— Дядя, — рефлекторно крикнул Даня, подняв перед собой калаш, чтобы защититься. — Дядя!

Он не успел. Пепел оказался слишком близко. Даня видел блеск его окровавленных клыков, его ужасную гримасу, обожженную каким-то безумным голодом и яростью. Он увидел блеск янтаря.

Секунда. Секунда отделяла его от смерти. Но костлявая старуха забрала не его.

— Дядя!

Хриплый лежал на земле, что кипела от крови. Выстрелы не прекращались, но их было все меньше.

— ... ги отсюда! Сзади! Сзади! Нет!

Хруст костей. И волчий вой.

В тело Артема вгрызся Пепел. Хриплый смотрел ублюдку в глаза и старался как можно глубже вогнать охотничий нож волку в горло.

Внутри что-то щелкнуло. Глаза залила ярость. А дальше все как в тумане.

Нож. Крик. Удар.

— Ублюдок! Сука! Сука! Сдохни, выродок!

Блеск когтей. Даня чувствовал, как его кожу рвут, добираясь до костей. Умиравший волк не жалел сил. Пусть их оставалось совсем немного.

Когти ударили по лицу, затем по груди. Даня вдруг перестал видеть. Но он продолжал вытягивать нож и вгонять его в плоть снова и снова, чувствуя, как волчья кровь жжет его лицо.

— Сгною, падаль, — шипел парень, уже не чувствуя тела. — Сгною, урод...

Волк вцепился в плечо. Даня дико взвыл, но ударил. В последний раз.

2

Бьющая серебром луна разбивала оковы туч. Холодный свет ступил на кровавую землю. Наконец, стало тихо.

Пестрящий ковер из листьев устлал трупы. Они безразлично смотрели в мрачную небесную гладь.

— Тем, тема, живи, я сейчас...

Он смотрел, как массивы облаков кораблями плыли по небесной глади. Слушал тихий шум ветра.

— Мать твою, у тебя кровотечение!

Егерь пытался остановить кровотечение, но его руку перехватила ослабшая рука Артема.

— Послушай, Дамир, — еле слышно прошептал он. — Послушай...

— Ты умираешь, Тем! Понимаешь?! Ты умираешь!

— Зна... Кхе... Знаю я... Послушай меня, в последний раз, Мир, послушай.

Егерь почувствовал дрожь в руках. Сердце сдавило от боли.

— Прости, Тем...

Хриплый с трудом вздохнул.

— Я тебя прошу, — с трудом проговорил он, — вытащи Даньку. Прошу тебя, Мир, вытащи его. Нельзя ему... Вот так вот помирать.

— Тема, есть шанс...

— Поклянись мне, Дамир, — прервал он, — что спасешь его. Спасешь моего Даньку...

Егерь взглянул в гаснущие глаза своего друга.

Зашумел ветер, играя с листьями берез. Луна ярко светила как никогда.

— Я клянусь тебе, Тем, — наконец проговорил Егерь. — Всей своей жизнью клянусь, что вытащу твоего пацана. Клянусь.

Артем улыбнулся, глядя на слезящиеся глаза друга.

— Спасибо тебе... Ты иди, Дамир... А я тут... Отдохну.

Глава IV. Проблеск

Сумрак ночи скрыл дома, что проводили своих последних путников. Егерь еле тащил на себе Даню, которого била жуткая лихорадка. Несколько сотен метров, парень держался, хотя и было видно, что каждый шаг для него — невероятное усилие. Егерь даже понадеялся, что так они и дойдут до пункта, но проклятая судьба решила иначе. Почти оставив ужасную деревню, Даня рухнул на землю и забился в диких судорогах. Из рта брызнула кровавая пена. Зевс, что бежал впереди вдруг развернулся и подбежал на помощь к упавшему товарищу. Он зарычал, озираясь то на Даню, то на Егеря.

— Чё ты заладил, засранец? — прошипел перевозчик своему питомцу.

Парень, был в силах разглядеть только мутный блик луны, проступавшей за тучами, чьи нежные лучи падали на его окровавленное лицо. В голове его роились рваные и несвязанные мысли, напоминающие о теперь потерянном доме, о погибших родных, о дядьке.

Даня только хотел попросить прощения. Не знал за что, но чувствовал, что совершил какую-то ошибку. В последние мгновения, он почувствовал только, как полуволок, глядя на него своими слепыми глазами облизывает лицо.

«Забавный конец...» — пронеслось у парнишки в голове.

Даня закрыл глаза.

Капли дождя остужали его кипящее от жара лицо. Ударили раскаты грома.

Егерь взвалил на себя обмякшее тело напарника и понёс вперед.

— Рано тебе, — крихтел перевозчик, — рано тебе на тот свет...

Почти не оглядываясь по сторонам, он как мог бежал вперед, неся пацана на плечах. Оставалось только молиться Богу и надеяться, что черный лес не таил в себе новых опасностей.

Кавказец не останавливался ни на секунду, хотя чувствовал, что вот-вот выдохнется и остановится. Сухое лицо умывали холодные капли дождя.

Но Егерь бежал, подскальзывался на грязи, но бежал, волоча на себе живой труп. Его автомат болтался на груди, а винтовку Хриплого он крепко держал рукой за цевье.

Ещё шаг. Ещё.

Казалось, тропа будет бесконечно извиваться, то сужаясь, то расширяясь, бесконечной лентой стремясь в горизонт, окруженный отвратительной чернотой. Но вдруг, липкая тьма рассосалась, дав лучику от фонарного столба, осветить уставшее лицо горца. Приблизившись еще немного, Егерь разглядел проявившиеся очертания пункта.

«Наконец-то...» — пронеслось в голове.

Все это время Даня только беспомощно крихтел, болтаясь у кавказца на плече.

— Эй! Открывай! — во всю глотку орал Егерь, пытаясь перекричать грохот разразившейся бури. Так он кричал, пиная железные ворота пункта, пока кашель не забил его горло.

— Твою мать! — Кавказец в ярости бил в ворота, не переставая кричать. — Открывай, сука разжиревшая!

Красноватые молнии сверкали в мглистой синеве неба.

Из двери КПП выглянуло удивленное лицо. Скоро из здания выбежало несколько человек. Даню снова затрясло. Вот, за открывающимися воротами, показались силуэты спасателей — тот самый охранник, что язвил Егерю на КПП и какой-то молодой паренек —

видимо, очередной рекрут. Молча, они подхватили, парня и быстро устремились в медблок. А горец, еще жадно хватаящий воздух, несколько минут смотрел им в спины. После огляделся.

— Где этот придурок, — буркнул себе под нос, не обнаружив полуволокна рядом. — Зевс! Зевс, сукин сын!

В ответ только шум дождя.

— Дурной пес, — злился перевозчик, — я тебе устрою...

Он побрел дальше, в пункт.

Наконец, достиг здания КПП. Там нырнул под почти свалившийся шифер и облегченно выдохнул.

Нужно покурить.

Потянувшись в карман разгрузочного жилета за желанными успокоительными, перевозчик нащупал только прохудившуюся сигаретную пачку. Тут же выкинул её в ближайшую лужу. Теперь, оставалось только идти к медпункту, куда и потащили Даню.

— Егерь! — раздался знакомых, осипший голос из леса.

— Прости... — ответил перевозчик.

И скрылся за косыми домами.

— Да ты охренел?! — возмущался Егерь, глядя на врача, заведующего медблоком Соловьева Антона Владимировича, которого, впрочем, в народе называли просто Доком.

Этот уважаемый всеми доктор был человеком в возрасте, пятидесяти лет, длинное лицо которого усеяли морщины. Давно поседевшие волосы всегда были спрятаны под медицинской шапочкой, не столько для того, чтобы скрыть свою седину, сколько просто по привычке. Маску он надевал лишь при операциях, из соображений гигиены, а поэтому сейчас, можно было разглядеть его небритую, седую щетину.

— Ты мне его вылечишь, понял? — кавказец указал на дверь, за которой находился его боец.

Доктор развел руками:

— Не получится! У парня тяжелейшие травмы, тут нужна ампутация конечности, а у нас даже нет толковых обезболивающих в общем доступе.+

— Слушай меня, Антон Владимирович, — перевозчик шагнул вперед. — Даже не думай отрезать ему руку. Я достану тебе лекарства, но ты его вытащишь. Усек?

Не дождавшись ответа, Егерь захлопнул хлипкую деревянную дверь.

Оставшись наедине с собой, Док вздохнул. Оперся на старенькую березовую тросточку, заковылял прямо к выходу из камерного коридора, что вел в операционную.

Даню притащили в один, из двух имеющихся мед блоков: один, как раз этот, нужен был для индивидуального осмотра и реанимации тяжелораненых. В нем и хозяйничал Соловьев, а второй служил местом для размещения легкораненых, и тех, чье состояние хоть немного стабилизировалось. Дежурные, что забрали Даню, справедливо посчитали, что будет разумней отнести парня сразу к Соловьеву.

Доктор не спеша подошел к бойцу, что лежал на твердом операционном столе.

До прихода озлобленного Егеря он успел вколоть бойцу анестетик, введя парня в общий наркоз, которого, правда, хватит всего на пару часов. Теперь нужно было осмотреть левый глаз, плотно обтянутый бинтом. Аккуратно отделив повязку, Соловьев поморщился — мало того, что шрам, оставленный волком, еще кровоточил, так и самому глазу конец.

«Что-что, а вот глаз я тебе не спасу...» — вздохнул доктор. Он нацепил на нос старенькие очки и направился к шкафу, что стоял прямо у стены напротив. Шкаф был большим и даже громоздким, сквозь его треснутые и замыленные стекла виднелись силуэты мед. приборов.

Оттуда Док вынул все необходимые инструменты, сохранившиеся еще с довоенной эпохи и направился к раненому.

С раненым он провозился почти полтора часа.

Наркоз скоро заканчивался. Нужно вколоть ещё анестетика.

Теперь, доктор взялся за изорванную руку: пришлось хорошенько ее очистить и пройтись обеззараживающими средствами, а после посыпать рану гемостатическим порошком.

Затем Соловьев стянул жгут.

На выздоровление он не рассчитывал. С рукой можно было прощаться.

Как раз вовремя вернулся Егерь: он ходил за лекарствами к себе в гараж и вытащил оттуда почти все, что мог, оставив себе всего пару боевых аптечек.

— Отлично, — Доктор указал на стол. — Поставь.

Перевозчик поставил ящик на хиленький стол. Он изобиловал различными лекарствами: от таблеток против головной боли, до антирадов и, к счастью, анестетиков.

Соловьев даже не моргнул — внимание было полностью приковано к своему пациенту. Егерь не собирался уходить и еще с четверть часа прождал у запечатанного окна. Доку всяко-разно нужно было помочь перенести Даню в койку.

— Поднимай его.

Егерь взял парня на руки и тут же поморщился. Спина несколько раз противно хрустнула

— Сюда клади.

— А то я не вижу.

Только сейчас Егерь подметил черную, как у пирата, повязку на левом глазу бойца. Он неодобрительно посмотрел на доктора.

— Глаз, увы, не спасти. — Соловьев пожал плечами. — Состояние было критическое. Нет у меня таких технологий. Что касается руки, — Док указал на правую руку, всю в рваных ранах и без целого куска плоти на предплечье, алеющую свежесобранными ранами, — то здесь точно не скажу. Я обработал увечья несколько раз и остановил кровотечение, но...

— Что?

Доктор взял деревянную трость и уже вместе с ней заковылял к своему столу, пестрящему бумажными листами. Сев на шаткий стул, который противно заскрипел, Док посмотрел на кавказца.

— Я слышал ты вместе с Хриплым и остальными отправился в деревню. Что там случилось?

Егерь вздохнул, глядя на Даню.

— Провал, — скупо ответил горец. — Остального тебе знать не надо.

Врач вздохнул:

— А где Хриплого носит? Это ж его боец.

Перевозчик не ответил.

— Чего молчишь?

— Нет Артема больше. Нет.

— Как... Нет?

Егерь присел. Молча вынул из скрытого кармашка разгрузочного жилета фляжку с водкой. Доктор снял очки.

— Рано бог душу его забрал... — выдохнул Соловьев и сделал пару глотков из фляжки. Противная горячая жидкость ударила по гландам, протиснувшись дальше по горлу. Он сморщился. Егерь тоже. Так, под скрип стульев, они опустошили фляжку. Сидели молча.

— Артем попросил за ним приглядеть, — прервал молчание Егерь, глядя на полутруп в койке.

Док кивнул.

— Соловьев, я тебя прошу, вытщи его.

Док, похрустывая пальцами рук, ответил:

— Я сделаю всё, что от меня зависит. Но анестетиков, антибиотиков и антисептиков, выделенных на одного, хватит только на пару дней.

— Держи меня в курсе.

Перевозчик ушёл.

На улице стояла глубокая ночь.

Нужно было хорошенько выспаться. Алкоголь в связке с дикой усталостью, мог уложить многих прямо на месте, однако Егерь все же добрался до своей берлоги.

«Где этот засранец? — подумал Егерь, озираясь по сторонам. — Может задрали? Нет, не могли. Не могли...»

Противно заскрежетала гаражная дверь. Опять щелкнул выключатель, и теплый свет разлился по комнате. Долгожданная тишина. Егерь быстро разгрузился, аккуратно сложив амуницию в ветхий деревянный шкаф. И завалился на кровать, предварительно выключив свет.

Но не уснул. Всё чего-то ждал, смотря в треснувший потолок. Сердце неприятно щемило грудную клетку. Слишком многое он сегодня потерял. Слишком многое.

Но Морфей утащил его в своё царство снов. Кошмарных снов.

— Да ты охренел?! — возмутился Егерь, глядя на врача, заведующего медблоком Соловьева Антона Владимировича, которого, впрочем, в народе называли просто Доком.

Этот уважаемый всеми доктор был человеком в возрасте, пятидесяти лет, длинное лицо которого усеяли морщины. Давно поседевшие волосы всегда были спрятаны под медицинской шапочкой, не столько для того, чтобы скрыть свою седину, сколько просто по привычке. Маску он надевал лишь при операциях, из соображений гигиены, а поэтому сейчас, можно было разглядеть его небритую, седую щетину.

— Ты мне его вылечишь, понял? — кавказец указал на дверь, за которой находился его боец.

Доктор развел руками:

— Не получится! У парня тяжелейшие травмы, тут нужна ампутация конечности, а у нас даже нет толковых обезболивающих в общем доступе.+

— Слушай меня, Антон Владимирович, — перевозчик шагнул вперед. — Даже не думай отрезать ему руку. Я достану тебе лекарства, но ты его вытацишь. Усек?

Не дождавись ответа, Егерь захлопнул хлипкую деревянную дверь.

Оставшись наедине с собой, Док вздохнул. Оперся на старенькую березовую тросточку, заковывлял прямо к выходу из камерного коридора, что вел в операционную.

Даню притащили в один, из двух имеющихся мед блоков: один, как раз этот, нужен был для индивидуального осмотра и реанимации тяжелораненых. В нем и хозяйничал Соловьев, а второй служил местом для размещения легкораненых, и тех, чье состояние хоть немного стабилизировалось. Дежурные, что забрали Даню, справедливо посчитали, что будет разумней отнести парня сразу к Соловьеву.

Доктор не спеша подошел к бойцу, что лежал на твердом операционном столе.

До прихода озлобленного Егеря он успел вколоть бойцу анестетик, введя парня в общий наркоз, которого, правда, хватит всего на пару часов. Теперь нужно было осмотреть левый глаз, плотно обтянутый бинтом. Аккуратно отделив повязку, Соловьев поморщился — мало того, что шрам, оставленный волком, еще кровоточил, так и самому глазу конец.

«Что-что, а вот глаз я тебе не спасу...» — вздохнул доктор. Он нацепил на нос старенькие очки и направился к шкафу, что стоял прямо у стены напротив. Шкаф был большим и даже громоздким, сквозь его треснутые и замыленные стекла виднелись силуэты мед. приборов.

Оттуда Док вынул все необходимые инструменты, сохранившиеся еще с довоенной эпохи и направился к раненому.

С раненым он провозился почти полтора часа.

Наркоз скоро заканчивался. Нужно вколоть ещё анестетика.

Теперь, доктор взялся за изорванную руку: пришлось хорошенько ее очистить и пройти обеззараживающими средствами, а после посыпать рану гемостатическим порошком.

Затем Соловьев стянул жгут.

На выздоровление он не рассчитывал. С рукой можно было прощаться.

Как раз вовремя вернулся Егерь: он ходил за лекарствами к себе в гараж и вытащил оттуда почти все, что мог, оставив себе всего пару боевых аптечек.

— Отлично, — Доктор указал на стол. — Поставь.

Перевозчик поставил ящик на хиленький стол. Он изобиловал различными лекарствами: от таблеток против головной боли, до антирадов и, к счастью, анестетиков.

Соловьев даже не моргнул — внимание было полностью приковано к своему пациенту. Егерь не собирался уходить и еще с четверть часа прождал у запечатанного окна. Доку всяко-разно нужно было помочь перенести Даню в койку.

— Поднимай его.

Егерь взял парня на руки и тут же поморщился. Спина несколько раз противно хрустнула

— Сюда клади.

— А то я не вижу.

Только сейчас Егерь подметил черную, как у пирата, повязку на левом глазу бойца. Он неодобрительно посмотрел на доктора.

— Глаз, увы, не спасти. — Соловьев пожал плечами. — Состояние было критическое. Нет у меня таких технологий. Что касается руки, — Док указал на правую руку, всю в рваных ранах и без целого куска плоти на предплечье, алеющую свежесобранными ранами, — то здесь точно не скажу. Я обработал увечья несколько раз и остановил кровотечение, но...

— Что?

Доктор взял деревянную трость и уже вместе с ней заковылял к своему столу, пестрящему бумажными листами. Сев на шаткий стул, который противно заскрипел, Док посмотрел на кавказца.

— Я слышал ты вместе с Хриплым и остальными отправился в деревню. Что там случилось?

Егерь вздохнул, глядя на Даню.

— Провал, — скупо ответил горец. — Остального тебе знать не надо.

Врач вздохнул:

— А где Хриплого носит? Это ж его боец.

Перевозчик не ответил.

— Чего молчишь?

— Нет Артема больше. Нет.

— Как... Нет?

Егерь присел. Молча вынул из скрытого кармашка разгрузочного жилета фляжку с водкой. Доктор снял очки.

— Рано бог душу его забрал... — выдохнул Соловьев и сделал пару глотков из фляжки. Противная горячая жидкость ударила по гландам, протиснувшись дальше по горлу. Он сморщился. Егерь тоже. Так, под скрип стульев, они опустошили фляжку. Сидели молча.

— Артем попросил за ним приглядеть, — прервал молчание Егерь, глядя на полугруппа в койке.

Док кивнул.

— Соловьев, я тебя прошу, вытащи его.

Док, похрустывая пальцами рук, ответил:

— Я сделаю всё, что от меня зависит. Но анестетиков, антибиотиков и антисептиков, выделенных на одного, хватит только на пару дней.

— Держи меня в курсе.

Перевозчик ушёл.

На улице стояла глубокая ночь.

Нужно было хорошенько выспаться. Алкоголь в связке с дикой усталостью, мог уложить многих прямо на месте, однако Егерь все же добрался до своей берлоги.

«Где этот засранец? — подумал Егерь, озираясь по сторонам. — Может задрали? Нет, не могли. Не могли...»

Противно заскрежетала гаражная дверь. Опять щелкнул выключатель, и теплый свет разлился по комнате. Долгожданная тишина. Егерь быстро разгрузился, аккуратно сложив амуницию в ветхий деревянный шкаф. И завалился на кровать, предварительно выключив свет.

Но не уснул. Всё чего-то ждал, смотря в треснувший потолок. Сердце неприятно щемило грудную клетку. Слишком многое он сегодня потерял. Слишком многое.

Но Морфей утащил его в своё царство снов. Кошмарных снов.

Глава VI. Кошмар

Горы. Бесчисленные горы изувеченных тел застилали округу. Воздух был сухим и едким, несмотря на обильный ливень. Дождь был бордовым, совсем непохожим на обычный. Вязкие капли барабанили по моей голове. Кругом только смерть. Только боль.

Я шел вперед, наступая в лужи густой крови, отражавшие лица моих павших товарищей. В остекленевших глазах отпечатался ужас, поглотивший их перед смертью. Тьма смыкалась за мной, обтягивая своими липкими щупальцами тела убитых. Я оглядел свои руки: кровь, липкая, отвратительная кровь.

Впереди гремели выстрелы, округу пронзали страшные человеческие вопли. Густой туман, что расстелился впереди мешал рассмотреть происходившее за этой белой завесой мрака. Вдруг, впереди проявились темные силуэты людей.

Два человека ядовито спорили друг с другом. Один, что побольше, был в черном капюшоне, скрывающем его лицо, а второй был молодым парнем, лет так двадцати. Они зло ругались, что-то выясняли.

Я не смог подойти ближе, как ни старался, несмотря на то, что едкий туман расступился передо мной.

— Плевать! — кричал черный человек. — Плевать, чего это будет мне стоить!

— Хватит крови! Остановись уже! — умолял второй.

Тут я заметил окровавленный нож, что держал здоровяк. С него стекала кровь, крупными каплями падая на рядом лежащий труп. Странно, что я заметил его только сейчас, он словно только появился. Это был совсем молодой паренек, которого буквально порезали на куски. Нож впился и в шею, и в брюхо, и в грудь. Мертвец распластался у ног человека в капюшоне.

— Ты не понимаешь, что творишь, идиот! Зачем ты его убил? Он ведь сдался! Сдался! — в отчаянии кричал рядом стоящий солдат.

Тут же его схватила за горло черная рука, подняв над землей. Он в ужасе пытался вырваться, но не мог. Рука давила шею, которая казалось ничтожно маленькой по сравнению с лапой незнакомца. На глазах парень угасал: движения слабели, но солдат все же пытался что-то сказать, страшно кряхтя и изнемогая.

— Е... Е... — но его прервала связка жесточенных ударов ножом. Удар.

Ещё удар. Ещё.

Убийца явно озверел, вспарывая своему товарищу живот, а затем уродуя лицо ножом. Через несколько секунд жертва умерла, захлебнувшись собственной кровью, что забрызгала пугающе черное одеяние незнакомца. Наконец, человек разжал руку и еще теплое тело плюхнулось в новую лужу.

Я ничего не мог сделать, как бы не пытался вырваться: сила удерживала меня на месте, заставляя смотреть на это кровавое зрелище. Я даже глаза закрыть не мог.

— Понял, сучье отродье? — Убийца пнул труп. — Понял?! Жалкий ублюдок.

Он вдруг обернулся в мою сторону. Не отводил от меня бледно-голубых глаз.

— Я всего лишь отражение, — рассмеялся убийца. — Твое отражение.

Раздались раскаты грома. Сверкнули молнии.

1

Егерь проснулся.

Сердце бешено колотилось, намереваясь выскочить из груди. За дверьми послышался чей-то скулёж. Перевозчик не спеша поднялся. Нащупав тяжелую конструкцию приоткрыл её — это был Зевс. Зверь протиснулся сквозь небольшой проем и, оказавшись позади своего хозяина, начал отряхиваться от воды и крови. Зажёгся свет. Когда теплые лучи вновь осветили гараж, горец заметил на матово чёрной шерсти своего питомца несколько кровавых отметин, из которых ещё немного сочилась бурая кровь.

— Так значит не ты один там был, — перевозчик присел на колени, глядя своего непослушного друга. — С волками поцапался небось?

Зевс в ответ только развесил уши, высунув багряно-красный язык. Он жадно глотал воздух.

— А я тут снова сам с собой борюсь, — криво улыбнулся перевозчик. — Кошмары, чтоб его.

Зевс тут же заскулил, закинув тяжелые лапы на плечи хозяина и облизнув его своим горячим языком.

— Да ладно, не привыкать мне, — кавказец нехотя сбросил с себя пса.

Было раннее утро. По крайней мере, треснутые, но работающие часы на солнечной батарее били полшестого.

Уснуть Егерь уже не смог, а потому решил накормить питомца. Выскреб консервы, на которые полуволок тут же набросился. Потом всё-таки завалился на кровать.

«Это я виноват, — душу грызли чёрные мысли, — что не спас его. Упустил момент. Потерял друга, угробил отряд. И старых и малых, всех... Как и тогда. Сколько мне, ублюдку, осталось шагать по этой земле?»

2

К Рубахину он прибыл ровно к десяти. Пройдя мимо двух сонных охранников, что постоянно сторожили вход и, преодолев пару иссеченных временем этажей, кавказец оказался у Майора. Дверь была открыта.

— Здравствуй, Егерь. — Рубахин стоял спиной к перевозчику и задумчиво глядел в то же разбитое окно, — как операция?

Поморщившись, перевозчик начал свой рассказ:

— Волки уничтожены, как и весь наш отряд, включая почти всех молодых и Хриплого, — сквозь ком в горле проговорил Егерь. — Выжил только племяш Артёма.

Майор обернулся, окинув перевозчика оценочным взглядом.

— Ясно, — сухо бросил он после недолгого молчания. — В чём причина краха операции?

— Особей было больше сотни, они застали нас врасплох.

Снова молчание.

— Memento Mori, — проговорил Рубахин, выпуская дымовое кольцо. — я чувствую, как смерть, болезни и голод медленно тянут к нам свои руки. Сначала волки, а теперь гибель как моих опытных бойцов, так и молодых. Был бы я на десять лет старше, то принялся бы орать на тебя за непредусмотрительность.

Он затянул сигарету.

— Но когда самый сильный и опытный спец по тварям не справляется с задачей, то становится ясно, что проблема в другом.

— И в чём же, Майор? — спросил перевозчик, хотя и знал ответ.

— Смерть, Егерь. Старость. Болезни. Мы с тобой теряем хватку. Знаешь, я давно потерял всех и остался один. У меня нет ни друзей, ни семьи, ничего. Только этот захудалый пункт.

Рубахин вздохнул:

— И я вынужден смотреть, как все вокруг гибнут. А сам живу. Живу и незнаю зачем. Последние силы я бросил на пункт. Он ведь без меня зайдёт: твари пробьют последние укрепления и развернутся тут всё к чертям. А мне, Егерь, осталось недолго. Совсем недолго...

— Боишься умереть?

Майор горько улыбнулся, пригладил седые волосы на голове.

— Нет, не боюсь. Боюсь, что без меня тут всё прахом пойдёт. И люди, совсем наивные и беспомощные, из-за меня сгинут. И остаётся мне только, что хоть что-то попытаться, прежде чем сам сгину.

Егерь кивнул:

— Да, Майор. Мы пережили слишком много. Слишком...

Егерь затушил очередную сигарету о старенькую пепельницу.

— Ладно, вернёмся к насущным делам. — Рубахин хрустнул пальцами. — Погибло двадцать четыре бойца. Из молодняка это: Алексей Чесноков, Владимир Коцкий, Иван Теш. Верно? — спросил Майор, взглядываясь в какой-то список.

— Да, верно.

— Ясно. Хоть тварей убили, — буркнул Рубахин. — Тем не менее, отряд фактически уничтожен.

— Почти. Единственного выжившего Соловьев спасает.

Рубахин понимающе кивнул.

— Несмотря на жуткие потери, тебя всё же ждет оговоренная награда на складе. Кузя в курсе.

— Тут такое дело, — Егерь поднялся на ноги, взглянув в глаза старого командира. — Паренька могут не спасти, Соловью не хватает лекарств выделенных на одного бойца. А выделяешь ты их немного. Я хочу вместо заказа взять лекарства, чтобы юнец встал на ноги.

Бледно-голубые глаза кавказца сияли сталью.

Рубахин долго не отвечал, поглядывая то в окно, то на карту бывшей России. Наконец, выкурив уже третью сигарету подряд он ответил:

— Хорошо. Я выделю Соловьеву лекарств на сумму всего твоего заказа.

Кавказец благодарно кивнул.

— И вот еще, — Рубахин поднялся и взял в руки СВД, что стояла в углу кабинета. — Это тебе, в память о Хриплом.

— Что это?

— Это он тебе в честь двадцатилетия вашего знакомства хотел подарить.

— Не успел, значит...

Винтовка оказалась у Егеря в руках: несмотря на то, что оружие было изрядно потрепано внешне, а обойма была не раз перемотана старой-доброй синей изоляцией, выглядела она прилично. Вдобавок ее снабдили относительно новеньким ПСО-1М2.

позволяющим сносить противников с расстояния до 1300 м при умелом использовании. Не хватало только запаса патронов, но это лишь временная проблема. В остальном винтовка была в отличном состоянии, разве что по всему ее прикладу были разбросаны разного рода надписи и штрихи. Егерь разобрал их: знак «Пики» и надпись «Как карта ляжет».

«Хриплый явно выцарапывал ее очень долго» — подумалось Егерю и он грустно улыбнулся.

— Больше мне тебе сказать нечего, — сказал перевозчик. — Бывай, Рубахин.

— Бывай, Егерь, — еле смог выговорить Майор, перед тем, как зашёлся сильным приступом кашля.

3

Он снова шел по давно треснутой дороге, осматривая блеклые угловатые здания, изнурённые и скошенные местным климатом.

На удивление, погода была прекрасной: яркое и теплое солнце раскинулось золотыми лучами, небо блестело лазурно-голубыми оттенками, а тёплый ветер неуклюже играл с пушистыми, белоснежными облаками.

Нужно было зайти в медпункт.

Миновав закрытый лагерь для больных, Егерь оказался подле мед блока Соловьева.

Внутри всё было, как всегда: узковатый коридор, еще до войны покрашенный в убогие серые тона, из которого можно было попасть ровно в две комнаты: операционную и личную комнату Дока.

Перевозчик зашёл в первую.

На удивление, внутри Соловьева не было. Только Даня громоздился на ветхой жестяной кровати. Воздух буквально смердел спиртом. Такое чувство, что неряха-врач разлил пару бутылок на пол. Тем не менее, Егерь прошел дальше, минуя разбросанные на столике окровавленные медицинские инструменты, приближаясь к пациенту.

Даня напоминал мумию: лицо обнесли очередным слоем бинта, как и руку. Несмотря на то, что боец лежал лицом к отсыревшей стене виднелся кляп, что торчал у него изо рта. Это озадачило Егеря. Слишком много странностей произошло, с того момента как он покинул медпункт. Нужно было проведать Соловьева.

Скрипуче приоткрылась дверь, ведущая в кабинет врача. Тут же Егеря встретил обветшалый, почти осыпавшийся портрет Гиппократ. Этот прародитель медицины уже давно утратил зрачки, на месте которых остались черные дыры. Лицо иссекли кривые морщины, подаренные временем.

Комната Дока была раза в два меньше операционной и выглядела ещё более убого и старо. Углы потемнели от сырости, куски извёстки крупными кусками валялись что с потолка, что со стен, а единственное окно так сторбилось, что казалось вот-вот лопнет. В остальном комната ничем не отличалась от прочих: стул, стол, на котором одновременно помещалась кипа бумаг и утренней похлебки, та же нищая кровать, у которой ютилась знакомая тросточка да несколько обветшалых тумбочек. Соловьев как раз спал и нервно ворочался с одного бока на другой.

Егерь так и не мог сложить пазл в голове: зачем Дане кляп во рту? Почему вместо работы, заведующий всем мед блоком мирно отлеживается на кровати?

Чтобы решить этот ребус, предстояло разбудить Соловьева. К счастью, пара крепких кавказских пинков быстро приводят в чувство.

Док в ужасе вскочил с кровати, что-то невнятно бормоча себе под нос. Но быстро

пришел себя.

— Чего тебе, Егерь?

Кавказец даже немного наклонился, чтобы получше рассмотреть физиономию доктора. Непривычно было смотреть на него без знакомой белой шапочки, хотя становилось понятно, почему он ее постоянно носит: взъерошенные седые волосы то и дело сыпались с головы, будто песок.

Как выяснилось, Даня всю ночь неистово кричал, корчась в ужасных гримасах боли. Доктор пытался несколько раз его успокоить, но анестетик толком не помогал. Парень успокоился только к утру и Соловьёву удалось дремануть всего несколько часов. Это ввело в заблуждение как Егеря, так и самого Соловьева — раньше такого в практике он не встречал.

— Понятно... — заключил Егерь. — Будем надеяться, что больше не повторится.

Соловьев только неутешительно кивнул.

— В общем я договорился с Майором. Вечером будут тебе ещё медикаменты.

Врач опять заклевал носом.

— Ладно, дрыхни.

Тех лекарств, что принесет Егерь, должно с лихвой хватить на содержание Данила, но перевозчика смутили недавние припадки бойца. Обычно, максимум, что можно дожидаться от полумертвого солдата — слабого бреда и не более, а тут — крики и вопли... Странно.

Когда солнца сползло за горизонт, лекарства уже были у Соловьева. Тот отчитался, что у Дани опять приступы, ещё более страшные. Описания больше напоминали изгнания дьявола из тела, чем процесс реабилитации. Хорошо, что Егерь лично этого не застал. Не хватало еще демонов изгонять. Соловьёву он сказал, что придет только через пару-тройку дней — КРАЗ нуждается в ремонте от недавних повреждений.

— По моим расчетам, — отвечал Соловьев, — Данил восстановится только через недели три — месяц, не раньше. И далеко не факт, что полностью. Поэтому, будь готов.

Егерь кивнул. Перед уходом пожелал врачу терпения.

Следующие несколько дней были совсем не примечательными: кавказец почти не вылезал из гаража, постоянно копаясь в двигателе КРАЗа, только изредка выходя на улицу, чтобы прикупить провизии или найти недостающие детали. Бак ему где-то пробрили да левое заднее колесо спускало, а от езды на предельных оборотах, аккурат у красной зоны, начал барахлить мотор. Нужно было с этим разобраться.

Бывало, Егерь практически под ночь выходил на прогулку и иногда брал с собой Зевса, которому было невтерпеж сидеть в четырех стенах. Но сейчас он намеренно оставил его в гараже, не поддаваясь на хитрые уловки зверя. С собой он взял только автомат. На часах почти десять. Сегодня даже тучи уступили место высыпающим звездам, что своей мозаикой украшали мглистое небо. Кавказец не торопясь шагал вперед, намереваясь обойти пункт и, в очередной раз созерцать привычные пейзажи.

Ничего примечательного в пункте номер девять не было: обычный городок закрытого цикла жизнеобеспечения. После ядерной войны пункт был переоборудован в открытый центр для беженцев. Его быстро наполнили люди из близлежащих городов и деревень. Почти все имеющиеся палатки отвели для содержания гражданских, что составляли большую часть населения пункта, а военных распределили по оставшимся. Сначала все шло хорошо, но когда солдаты стали гибнуть от когтей тварей и болезней, ввели аналог призыва в армию. Шестнадцатилетним подросткам приходилось охранять и защищать пункт, а под свое попечение их брал специально назначенный куратор. Таким инструктором был Хриплый —

он обучал бойцов не один год, а после они, уже обученные, поступали к Рубахину. Такая система позволяла пункту как-никак отбиваться от монстров и бандитов. Только вот сейчас те уже совсем обнаглели. Дошло до того, что приходилось отправлять на убой совсем молодых парней да измученных жизнью ветеранов.

Мутанты и эпидемии выкосили слишком много бойцов, а припасов совсем не хватало. Оставалось только смириться с таким естественным положением дел.

— Ублюдок! Тварь!

Егерь проходил мимо гражданских палаток, откуда виднелись яркие огоньки. Там всегда было шумно и неудобно: эти огромные железные коробки содержали в себе слишком много людей.

Из-за больших ржавых ворот выбежала женщина, чье лицо время не пощадило — глубокие морщины проступали на старом и сухом лице. Она бежала к Егерю, выкрикивая всякие ругательства. Одета она была тоже бедно: старая, облезлая серая кофта, чёрные штаны, почти из одних заплаток. Седые волосы были небрежно убраны в пучок. Женщина яростно била своими маленькими руками по массивному телу перевозчика. Егерю не было больно, но он всё же остановил женщину, схватив ту за руки.

— Я тебя ненавижу, мразь! Где теперь мой сын?! Где мой Ваня? Отвечай! — ревела мать, плача горькими слезами.

— В могиле, — холодно ответил Егерь. — Женщина дрожала, томно стоная от боли, жгущей сердце.

— Это ты! Ты виноват! — она еще пыталась вырваться из железной хватки кавказца. — Как ты посмел?! Тварь!

Онк несколько раз, насколько сильно могла, ударила ему по лицу.

— Я ничего не мог сделать. Ничего.

Эти леденящие душу слова будто вырвали матери сердце — она упала и, обняв колени, заревела. Вскоре подбежал охранник и увел убитую горем женщину. Перевозчик так и остался стоять посреди иссеченного тротуара, всматриваясь в серый асфальт.

«Почему я согласился? — думал он. — Какого хрена туда полез?»

В голове роились больные мысли самобичевания. Боль утраты вновь ударила по окаменелому сердцу Егеря. Столько загубленных жизней нависли тяжелым грузом над его плечами.

— Как я все это ненавижу... — кавказец заговорил вслух. — Как же я себя ненавижу. Столько народу убил. Столько крови на мне...

Он медленно шаркал по земле, почти не смотря вперед.

Как тут не закурить? В такие тяжелые моменты, перевозчик вспоминал о родном доме — месте, которое, наверно, больше никогда не увидит. Он шел почти шатаясь, со стороны могло показаться будто он вусмерть пьян — руки тряслись, а на лице проступил холодный пот, будто все это — очередной кошмар.

Эта мать потеряла своего, возможно, единственного сына. Своего родного сына. А что было у Егеря?

Вдруг кавказец обнаружил, что стоит за воротами КПП. Он посмотрел на густой и черный лес, за коим таилась деревня мертвецов. Теперь он уже вовсе не мог избавиться от навязчивых, проедающих подкорку мыслей. Ему на секунду показалось, что к затуманенным глазам подступят слезы, но кавказец давно разучился плакать: он чувствовал только выворачивающую до омерзения обиду и ненависть. Он и не заметил, как оказался на том же

перепутье, куда совсем недавно подходила группа будущих «двухсотых».

Снова расслабляющим импульсом ударил никотин и на секунду разжал стальные оковы, что пытали сознание. Кавказец бросал взгляд то на чистое звёздное небо, то на чёрную чащу леса.

— Хватит на сегодня приключений, — Егерь выбросил дымящийся окурок.

Вдруг, посреди малеванной тьмы, он разглядел черный, сгорбленно крадущийся силуэт, который чем-то противно гремел.

— Эй, кто там? — перевозчик молниеносно поднял удачно прихваченный АКС74У, взяв тень противника на мушку.

В ответ — тишина. Незнакомец томно волочил свои скрюченные ноги по сухой земле, при этом что-то невнятно бормоча. Лицо до сих пор скрывала мгла.

— Кто такой? — уже значительно громче переспросил Егерь.

И снова — невнятное бормотание. А фигура только близилась.

— Бог с тобой, — буркнул перевозчик, прежде чем выстрелы, разрывающие могильную тишину леса пробили чужаку ноги, отчего тот, в нелепом танце завалился на спину.

— Кьахх... — незнакомец в конвульсиях пытался выползти из-под мглистого одеяла. — Ееге... Ба...

— Твою ж мать, что за срань? — кавказец не решался подойти ближе, всматриваясь в темноту. К счастью, порыв ветра колыхнул сухие ветки деревьев, вернув времени свой черед.

Незнакомец стал противно извиваться и издавать тошнотворные звуки. Через несколько секунд он вновь поднялся. Из-под пелены тьмы вынырнула отвратительная тварь, что раньше была человеком: Егеря удивил хмурый, знакомый взгляд... На месте, которое раньше называлось лицом, взбухли и лопнули несколько гнойников, вязкой жидкой расстекшиеся по отвратительно смердящему помоями лицу. Широкий нос словно разрубили пополам, а уродливые и острые зубы вскрыли губы, выбравшись наружу. Лицо, помимо ран и гнойников усеяли серые ворсинки, напоминающие шерсть, а само существо, когда-то бывшее человеком, сгорбилось и напоминало уродливого карлика. Вместо волос, голову покрывала... Пепельная, волчья шерсть: она же проступила через дыры на одежде. На руках, пробив перчатки вылезли острые, большие и кривые когти. Тварь отвратительно кряхтела, пытаясь набрать побольше воздуха. Она причудливо принюхивалась и граничила между подобием человека и животным.

— Чеснок?

1

Егерь удивился: да, он давно уже знаком с такими тварями как лешие, но никогда не думал, что в такую мразь может обратиться мертвый.

Как бороться с этим нечтом кавказец точно знал, а потому стрелял в него, стараясь прицелиться в голову и сердце. Тварь оказалась довольно юркой, а потому несколько секунд успешно уворачивалась от пуль, неминуемо приближаясь к кавказцу. Громогласные выстрелы колыхнули округу, пробудив спящую природу. Калаш безуданно рокотал, но не успевал за движениями твари. Пусть несколько пуль и порвали Чесноку плоть на ногах, но оказались почти что бесполезными. Сгорбившись, этот уродец бежал почти на четвереньках, отвратительно взывая то ли человеческим, то ли волчьим воплем. Обойма почти вышла и перевозчик уже приготовился выхватить нож, как вдруг везение ублюдка кончилось: несколько последних пуль врезались твари в голову, отчего она резко завалилась на спину. Корчась в конвульсиях это подобие человека старалось встать, тянулось своими мерзкими гнилыми лапами к Егерю. Тот выпустил очередной рожок прямо в морду выродку. Лицо твари превратилось в фарш: кроваво-зеленые ошметки плоти и мозгового вещества расплылись по морде, а ртом существо ещё глотало воздух. Через пару минут леший перестал дергаться и, наконец, застыл.

— Сукин сын, — перевозчик сплюнул на монстра.

Егерь попытался набрать побольше воздуха, как вдруг поморщился: едкий, несущий гниль и выделениями запах наполнил округу.

«Вот такого дерьма я давно не нюхал», — подумал Егерь, сдерживая рвоту

Еще с десять минут он стоял в смятении, поглядывая на нечто, что раньше было человеком и, не спуская с твари прицела. В конце концов, перевозчик всё же уверился в том, что мутант издох, а потому, пусть и недоверчиво, но, торопясь, пошел обратно.

Тут же его встретил дежурный, что лениво ошивался по периметру, пока не услышал странные звуки.

— О, господи, помилуй! — его удивление быстро перебил запах, отчего дежурный тут же схватился за рот. Рвоты не сдержал.

— Сообщи всем, — сухо бросил кавказец, — а то мало ли...

Он резко изменился в лице.

— Даня...

2

Громко хлопнув дверью, кавказец ворвался в мед блок. Тут же пошёл в кабинет врача.

Соловьев не спал: он уселся за рабочий стол, что тепло освещал допотопный светильник и что-то усердно писал, нелепо держа старенькую треснувшую ручку в левой руке.

Кавказец впился в врача железной хваткой.

— Егерь, ты что делаешь? — с лица Соловьева не сползло недоумение.

— Как пацан? Живой?

Соловьев поправил очки.

— Относительно, но... — Соловьёв закашлялся. — Да, живой.

Кавказец еще раз потормошил сутоловатое и хлипкое тело Дока, словно пытаясь вывести его из полусна.

— Его нужно проверить. Сейчас.

— Откуда ты...

— Живо.

Соловьев еще раз недоверчиво посмотрел на Егеря.

Сложив два и два в голове, врач не без труда сбросил с себя его руки и медленно, немного пошатываясь зашагал в операционную, прихватив с собой трость.

Егерь успел взглянуть на бумаги, разбросанные на столе.

На старой, порядком постаревшей бумаге кривыми загогулинами было написано о странных мутациях больного: оставшийся глаз обрел темный, янтарный оттенок, но не потерял зрительную функцию, ногти странным образом стали бешеными темпами расти, уплотнив структуру и теперь больше напоминали когти. Также перевозчик с трудом разобрал, что у парня появились самые настоящие, нечеловеческие клыки. Дальше он не дочитал — всё нужно было увидеть самому.

3

Заскрипела дверь.

Доктор ничерта не понимая, подошёл к Дане.

Больной все также безвольно лежал, безразлично взирая на отсыревший потолок. Нет, он не спал, не был в коме, скорее просто пребывал в бессознательном состоянии, гоня бесконечный поток мыслей, образов и воспоминаний. Лицо его и правда приобрело изменения: как и было указано в заметках Соловьева, из полуоткрытого рта, выглянули небольшие, но бритвенно острые клыки, глаз действительно, будто бы блестел блеклым, потухшим янтарем.

Егерь, что бесшумно подошел к солдату, оторопел. Странно было видеть перевозчика в таком расположении духа: на сухом лице забили эмоции — глаза нервно бегали, пытаюсь хоть за что-то зацепиться, а дышал он рывками — сбито.

Когда перевозчик посмотрел на руки, то еще больше убедился в правдивости отчета: ногти больше не были человеческими — они, словно срослись с пальцами и теперь были неразрывными их частями. На конце каждого был острый, как у волков, крючок.

— Твою мать, — Егеря не на шутку трясло, — вот же дерьмо...

Тут Даня медленно, словно скованный стальными цепями, повернулся. Теперь Егерь различил и несколько больших шрамов, оставленных волками. Один тянулся прямо до чёрной пиратской повязки, что похоронила глаз.

— Ублюдок, — Даня пристально смотрел на перевозчика. — тварь...

Соловьев обернулся, с недоумением глядя на кавказца. Тот же, в свою очередь, сам ничего не понимал.

— Сдохни, — голос раненого был сдавлен, — Урод... Тварь! Тварь! — тело его задрожало, лицо покраснело, будто, закипая от ярости. Даня сжал кулаки, а на лице скользнула страшная улыбка.

Через секунду пацан едва не схватил Егеря за горло, совершив молниеносный, совсем не свойственный больному человеку, рывок.

Егерь вовремя среагировал, отправив недобойца в долгий нокаут.

— Вот же сучонок, — буркнул кавказец и посмотрел на Соловьева взглядом, полным отчаяния.

Док не двигался. Только рефлекторно вцепился в свою тросточку.

И снова тишина. Но на сей раз её оборвал звук затвора.

— Ты что задумал?!

Прогремел выстрел.

— Идиот! Ты уже с катушек съехал?! — кричал доктор, не отпуская руку кавказца. Он вовремя направил её вверх, а потому роковой выстрел обошел Даню стороной.

— Ты что творишь?!

Егерь опустил пистолет. Медленно.

— Похоже, кранты парнишке, — заключил перевозчик, — ты посмотри в кого он превращается.

Соловьёв выматерился.

— Пошли отсюда, — Доктор тщетно пытался оттащить перевозчика, вцепившись в него одной рукой. К счастью, тот недолго сопротивлялся и через пару минут они оказались в коридоре. Егерь спокойно присел на кривую, проржавевшую скамейку. Закурил.

— Ты совсем рехнулся, да? — врач не мог успокоиться. — То ты его спасаешь, а теперь прикончить вздумал? Может это ты сбрендил? А?

— Может и так, — холодно ответил Егерь. — но ты ведь знаешь что с ним будет. Ты ведь видел их.

Доктор взялся за голову, протирая свои уставшие глаза.

— Твое безрассудство меня доведет...

— Его придется убить.

— Может и придётся, — согласился Соловьёв, прижавшись к стене. — Но... Он взбесился, только когда увидел тебя.

Кавказец щелкнул пальцами.

— Думаешь это из-за меня?

— Вполне возможно, — Док ненадолго умолк. — А с чего ты вообще сюда припёрся.

Егерь вздохнул:

— Я проходил за воротами. Вдруг услышал какие-то странные вздохи. А это, мать его, леший. И, самое паршивое, совсем зелёный.

— Зелёный?

— Это был Чеснок — парень из нашего почившего отряда, — наконец ответил Егерь. — Но... Я сам осматривал тела всех парней, они все были мертвы. Все, понимаешь?

Глаза врача нервно бегали из стороны в сторону, а на лице проступили капли горячего пота.

— Выходит, Даня мог подхватить корь... — протянул врач. — И хуже того — он может обратиться в тварь. Но...

— Что «но»? — выпалил кавказец. — Оставим всё так, бросим гнить?

— Дело не в том. Видишь ли, с того дня прошла неделя, Чеснок уже, пусть даже с тяжелыми ранениями смог доковылять до пункта, окончательно став лешим, но Даня до сего момента чувствовал себя относительно нормально. Я вёл небольшие отчеты: да, он кричал как резанный, тело подверглось значительным изменениям, но он не проявлял признаков агрессии. Только сейчас и только когда заметил тебя.

Врач прислонился к окну, от которого струился холодный, серебряный лунный свет. Он поймал на себе несколько хмурых взглядов перевозчика, который от услышанного на время замолк. Пока установилась небольшая пауза, разрядившая обстановку, Соловьёв достал из внутреннего кармана тонкую сигарету «Marlboro» — диковинка в этих краях.

— Ты что, куришь? — удивился Егерь.

— Видимо, что так...

«Черт теперь поймет, что делать...» — думал кавказец, рассматривая старенький пистолет АПС, иссеченный царапинами и сколами — пистолет прошел через многое.

Молчание продлилось еще минут десять и, правды сказать, всем немного полегчало.

— Сделаем так, — перевозчик наконец поднялся со скамьи, вплотную приблизившись к Соловьеву, — Понаблюдаешь за ним ещё немного. Будет беситься — убью, нет — заберу, ясно?

— Ясно... — вздохнул врач.

Егерь поставил оружие на предохранитель, после убрал в кобуру.

Хлопнул дверью и вскоре скрылся. Вдали, за косыми крышами пункта, змеей извиваясь, вспыхнула молния, рассыпавшись кучей белых лезвий. Затем, Раскатился гром и окна страшно задрожали, грозясь вот-вот лопнуть.

Доктор впился глазами в дверную ручку, пытаясь усмотреть на ней каждый скол, каждую царапинку. Сигаретный дым тихо расходился по узкому коридору.

Он стоял так, пока, наконец, огонь не добрался до фильтра.

Едва доктор не перешагнул порог своей комнаты, как вновь услышал крик. А потом ещё. И ещё.

4

Следующие несколько долгих дней в больнице стали для пациента последними — Даня, на удивление, почти вылечился: ужасные раны на руке идеально затянулись, тело почти не болело, с лица словно стерли почти все ссадины и царапины, оставив только один шрам, в три полосы — он тянулся почти от самых уголков губ и до поблекшего глаза. Но, как известно, шрамы украшают мужчину. Сам же глаз уже утратил всякую способность видеть, а потому был скрыт за повязкой. Теперь, Даня напоминал больше незадачливого пирата, нежели солдата. Но в оставшемся глазу горела животная ярость. За все те мгновения, когда он приходил в сознание, он проклинал Егеря в случившемся. Все полу бредовые кошмары, что преследовали Даню, были пропитаны недавними событиями. Одна, всего одна мысль не давала новобранцу спокойствия: как Егерь это допустил? Единственным желанием юноши было вскрыть плотку этому самонадеянному ублюдку, что допустил смерть всего отряда, Артёма...

— Ублюдок, — прошипел солдат, когда пришел в себя. Его не смутило, что рядом стоял Соловьев.

— Это ты мне, Данил?

— А? Нет. Не вам...

Ему предстояло многое осмыслить.

Спустя несколько часов он впервые поднялся и, на удивление престарелого врача, довольно быстро вернулся в жизнь. Впервые за столько мучительных дней ему удалось нормально поесть. Пусть это и был самый паршивый, наполовину опустошенный сухпаёк, парень не возражал, хотя, кажется, жрать захотелось ещё больше.

Доедая банку тушенки, он все еще с недоумением поглядывал то на врача, то на себя. Было что-то во всем что-то подозрительное, иллюзорное и ускользающее из-под пальцев. Будто он так и не вышел из своих кошмаров. Сердце стучало, руки нервно дергались, не позволяя удержать мясо в ложке. Юнец то и дело ощупывал повязку, не веря, что действительно утратил половину зрения. Несколько раз даже пытался приподнять черную повязку, но, поймав на себе суровый взгляд врача, прекратил попытки. Наконец, закончив

трапезу, обратился к Соловьеву:

— Это же всё... правда? — голос дрожал, выживший то и дело нервно глотал воздух.

— Да, все правда. Повезло, что мы тебя вытащили, — мрачно ответил доктор, перебирая в руках старенькие, запыленные временем очки.

— Мы? — спросил Даня, но тут же одернулся.

«Все передохли из-за него... Даже дядя... А он считал этого мудака своим другом... — нахмурился юнец, но ничего не сказал. — Нужно идти в казармы, там все переварю.»

— В общем, спасибо вам за все... Мне надо идти.

— Стоять, — старичок крепко вцепился в плечо мальчишке. — Ты уж прости, но пока тебе никуда нельзя.

— Это ещё почему?

— А потому, — врач вздохнул, постепенно разжимая пальцы, — что ты подцепил болячку. Очень скверную болячку.

— Что...

— Не перебивай старших. — спокойно, но с предельной серьезностью ответил врач. — Вирус, хворь, порчу, называй как хочешь. По-хорошему, ты сейчас должен лежать со своими товарищами глубоко под землей. Но, божьим чудом или дьявольским промыслом, ты выжил, заплатив всего лишь глазом.

Даня недоумевал.

— Так вышло, что все полегли и остался ты да Егерь, — продолжил Док. — Тебя забила лихорадка, а потому ему пришлось тащить тебя на себе, до самого пункта. Мало того, он ещё и обеспечил твоё лечение: притащил ворох лекарств, без которых бы ты... — врач провел пальцем по горлу. — А ты жив-здоров. Только вот болен.

Парень еще раз недоверчиво посмотрел на врача, вдохнул неприятный, больничный запах фенола. Поморщился.

В голове шуршали обрывки мыслей, эмоции сменялись одна на другую ежесекундно, а предметы вокруг да и сам Соловьев расплывались и снова обретали черты.

— Ты слишком быстро восстановился, — хмыкнул врач, — но эмоционально нестабилен. Упаси Бог если ты — переносчик. Тогда весь пункт превратится в это нечто, чем стал Чеснок.

— А что с ним?! — Даня вскочил с кровати. Но тут же остыл.

Пролетел ещё час, пока Соловьев объяснял Данилу происходящее. Казалось, что тот, будто потерял дар речи: он лишь молча сверлил глазом врача, отчего Соловьеву становилось не по себе.

Но ситуация и правда была хуже некуда: Рубахин, узнав о ситуации с оборотнем за воротами, приказал избавиться от парнишки. Это жёсткое решение было совершенно оправдано: держать зараженного неизвестной инфекцией солдата внутри пункта было слишком рискованно и опасно. Поэтому, Егерь последние несколько дней только и делал, что пытался отговорить Генерала.

— Я все понимаю, но это мой пацан. — сквозь зубы говорил кавказец... — Не надо крови, он и так с того света вернулся божьим чудом вернулся.

— Егерь, — совершенно спокойным, лишенным любой эмоции голосом отвечал Рубахин. — он заражен хворью. Уже мог заразить нашего врача. Мог заразить тебя. Нельзя дать этой заразе ходу, иначе весь пункт загнется.

С очередной сигареты слетал пепел, постепенно рассыпаясь по пепельнице.

— К тому же, Егерь, ты сам его чуть не прикончил. Противоречишь сам себе.

— Тогда я выстрелил, потому что подумал, что парень обезумел. — парировал перевозчик, облакачиваясь на треснувшую по всем швам стену. — Но, как оказалось, ему удалось сохранить рассудок.

— Этого мы точно не знаем.

На секунду все затихло. Только ветер выл за окном, поднимая поблекшие медные листья то вверх, то опуская вниз, то лихо закручивая их кольцом, — он гнал их в бесконечную даль. Растеряв большую часть по пути, он снова и снова неряшливо собирал их, пытаясь куда-то унести, лишь бы не оставлять гнить здесь... Лишь бы унести отсюда.

Егерь дрогнул. Совсем незаметно. Внутри что-то щелкнуло: окончательно перемкнуло старую проводку.

Этот ветер. Было в нем что-то настолько знакомое, настолько близкое, что вдруг вернулось давно забытое чувство. Впервые, глаза перевозчика блеснули. Сверкнула искра.

А затем подступил и страх, заставивший руки старого ветерана невольно дрожать. Вернулись чувства. Но, проглотив эмоции, Егерь ответил:

— А что, если мы уйдем отсюда? Я заберу мальчишку с собой и больше не вернусь сюда.

Рубахин приподнял брови.

— Что же ты в него так вцепился... Впрочем, неважно. Если ты так решил пожертвовать своим положением, ради инвалида, то ступай. — Генерал встал из-за стола и подошел к Егерю. Последний раз он посмотрел перевозчику в глаза и впервые он там увидел... Жизнь. Впервые за столько лет в бледно-голубых глазах кавказца пылала искра надежды.

— Прощай, Егерь. — он крепко пожал кавказцу руку. — У вас два дня.

Воздух, пропитанный гарью, копотью, смолой да запахом угля неприятно щекотал нос. Кавказец шел, почти не вглядываясь в дорогу. Он словно оглох и ослеп.

Нахлынули воспоминания. Воспоминания, которые Егерь припрятал далеко в сознании, запрятал в сундук и крепко-накрепко запечатал. Но этот ветер... Ветер, вздымающий с земли листья, все изменил. Печати спали.

Старая, пыльная и морщинистая земля, впитала в себя скупую мужскую слезу. Багровел закат, сгущая алые краски над перевозчиком. Тихо шуршал ветер.

1

По горбатой дороге, подсакивая на частых кочках, огибая глубокие ямы, в которых чернела дождевая вода, тихо катился КРАЗ. Солнце ещё не успело выглянуть из-за волнистых горбов гор, но лучи его уже пробивали свинцовую завесу из туч, оставляя на темном небосводе яркие, пылающие огнем раны.

Впервые за последние несколько дней установилась тихая, спокойная погода и только ветер пугливо покачивал редкие ветки деревьев. Кругом и вовсе было пусто: только грязь да пепел.

Егерь был уже далеко от пункта.

В кабине машины стояла могильная тишина. Егерь старался смотреть только на дорогу, но нет-нет да поглядывал то на Зевса, что пристроился между двух сидений и мирно спал, то на Даню, перебирающего в руках старый блокнот, исчерченный записями.

Перевозчик было потянулся за сигаретами, но, вспомнил, что вчера выкурил последние.

— Даня, есть сигареты? — отстраненно спросил Егерь.

Пацан еще с секунду помял блокнот в руках и, спрятав его под плащ, нехотя нырнул руками в карманы. Нашупав пачку заветных успокоительных, вытащенных из тайника Хриплого, он почти достал их, как вдруг пресек себя резким движением.

— Нету, — еле выдавив из себя, отвечал парень.

Кавказец махнул рукой:

— Ну и хрен с ними...

Пацан продолжил шерстить в записях, коими изобиловал блокнот незнакомца из деревни. Почерк был ужасен: маленькие, несуразные буквы смещали друг друга, то вздымаясь вверх, то сползая вниз. Несмотря на это, юноше удалось много чего разобрать. Большинство записей являлись отрывками из каких-то речей: они были аккуратно записаны, с датой, но без года; сам текст был озаглавлен и рядом с ним стояла римская цифра. Самая первая заметка датирована ноябрем, а значит, дневнику по меньшей мере год. Её содержание было явно порождением чьей-то больной фантазии:

«Слово Якове»

I

«И пришло мне озарение, и пришло мне слово, и открылся мне путь! О, да снизойди до земных пустот да озари своим пламенем гнилую землю нашу, истреби отродье сатанистских! Пусть грешники узрят пламя! Пламя, что сожжет, и пламя, что превратит все в пепел! А на костях грешников да возрастет новый и чистый мир! Да возрастет Он новые души, преданных Единому Ему! Ты — панацея! Ты — дух Новейшего Завета! О, снизойди и покори нас!»

Дальше буквы размывались, перетекая в непонятные символы, а перевернув страницу, Даня увидел десятки мелких, но дотошно проработанных рисунков: кресты, пентаграммы, непонятные линии, кусочки текста, видимо, на латинском... Посередине же, мрачно взирая, стоял бородатый мужчина, нарисованный какой-то красной, уже потемневшей краской. Линии его тела были неровными и кривыми, а отвратительное и страшное лицо внушало страх: несколько уродливых, горбатых шрамов расползлись по всей физиономии, густая, черная борода почти доставала до широкой груди. Но самым мерзким были глаза старика:

один, судя по рисунку, поблек, но вот второй... На его месте растянулась паучья сеть, сплетенная будто человеческой плотью, из отверстий которой виднелись черные точки, похожие на мелких комаров или мух.

Даня, не сдержав отвращения, сморщился.

Одет этот святоша был в церковную робу, тщательно покрашенную той же кровавой краской, только вот на груди зиял черный крест. Под рисунком надпись: «Святой Яков».

Парнишка невольно дернулся и поспешил захлопнуть странный блокнот. Сразу же вспомнился тот повешенный старик, его пустые, черные глазницы, тело, лениво покачивающееся из стороны в сторону, словно часовой маятник.

Воспоминания снова влекли Даню в прошлое, возвращали в тот роковой день, когда его семьи не стало. Смотря на одни и те же черные деревья, он не мог думать об ином: окружение напоминало только смерть и уныние. Боль и отчаяние.

2

За день до отъезда, когда Егерь снова пришел в медпункт, Даня ничего ему не сказал. Едва сдерживаясь, он смог только выслушать ветерана.

— У тебя два варианта, пацан: первый — ехать со мной, подальше отсюда. И второй — сдохнуть на месте. Рубахин церемониться с тобой не будет, а потому выбор у тебя скудный. Решай.

После перевозчик ушел.

Прошел час, затем второй. Даня сидел в одной позе, совершенно не двигаясь и смотрел в одну точку на стене. Паук, что давно прижился на ней, даже успел сплести небольшую сеть, куда залетела огромная и жирная муха. Пока та тщетно пыталась вырваться из цепных оков, восьминогий убийца не спеша приступал к трапезе. Муха дергалась, пыталась отцепиться и улететь, но паук неумолимо приближался. Наконец, он стал медленно пожирать ее. Вскоре жертва стихла, перестав нервно дергаться.

Раздался хлопок. Даня оборвал праздник пауку, размазав его тушку по стене. А потом ударил ещё. И ещё.

Выбора не было: умирать здесь Даня не хотел, а потому, когда Егерь вернулся, то, превозмогая отвращение, согласился. И пусть разумом он понимал, что перевозчик не виноват, но все равно всем сердцем ненавидел его. Позволить допустить смерть всех — и новичков и опытных ветеранов, эта ошибка, которую нельзя простить. Никогда.

3

Время пролетело незаметно. Пока пацан ворошил заметки, Егерь проезжал мимо последних, пусть и полностью разграбленных деревушек да одиноких домов. Дорога, если её можно было так назвать и раньше была паршивой, а сейчас, после ядерной войны, от неё осталось только название. Хорошо, что машины перевозчиков, которые часто ездили от пункта к пункту не позволили сорнякам сожрать ее.

Ближайшие двести километров были совершенно пусты и безлюдны: горелый лес, высохшие болота и редкие ручьи — вот и все красоты. Лишь раз по пути встретила крупная речка, вдоль и поперек испещренная огромными валунами, да и та больше напоминала болото. Пусть она и была достаточной глубины, Егерь знал все тайные тропы и безопасные пути, а потому преодолели они это препятствие быстро.

Вскоре, прямо за сгоревшими полями и уродливыми деревьями раскинулся старый, полузаброшенный городок. Даня отвел взгляд от взгляд от записок, снова увлекших его и на секунду замер. Никогда. Никогда за всю свою жизнь он не отъезжал от пункта так далеко.

Ему с самого детства говорили, что там, за оградительными стенами ничего и никого нет — только бандиты, монстры и редкие одинокие скитальцы, потерявшие рассудок. Хотя дядя часто рассказывал о безбашенных сталкерах, что охотятся на мутантов и бродят по разрушенным городам в поисках ресурсов.

Тогда Даня не понимал, зачем в пункте так пугали молодняк, но сейчас, кажется, понял... Только безумец решится выйти за пункт. Даня невольно посмотрел на Егеря.

Грузовик потихоньку въезжал в мертвый город. Вокруг стелились заброшенные, разрушенные дома, едва стоящие на ногах. Они напоминали юнцу старых и дряхлых стариков: осунувшиеся, с жеванной, изрезанной сотнями морщин кожей, дрожащими костлявыми руками и суровым, полным страданиями и болью взглядом. Они, будто бы недвижимо наблюдали за одинокими путниками, что посмели нарушить их долгий покой. И если половина домов была дряхлыми стариками, то другая — сгнившими мертвецами. Перед смертью по ним прошелся пожар, обугливший их бедные лица, пролили жуткие дожди, заставившие их мертвые тела тлеть. Каждый дом напоминал о том дне, когда мира не стало, когда человечество уничтожило себя.

Даня вздрогнул.

— Багдарин, — сказал Егерь, не отвлекаясь от дороги. — Раньше это был обычный, мелкий городок, но вот что с ним сделала война.

Парень молчал.

— Таких теперь тысячи.

А вот и центр: совершенно безлюдный и пустой. Не было даже машин, мусора или чего еще — обезумевшие люди за пятнадцать лет стащили все, что только можно.

Грузовик словно обтянуло мраком, несмотря на то, что солнце сияло высоко над головой, отгоняя тучи. Тихо шуршал ветер, играя с редкими опавшими листьями. Вдруг КРАЗ заглох недалеко от большого двухэтажного здания, окутанного деревьями. Из трубы двухэтажного дома струился дымок: пусть краска на нем и облупилась и дерево давно начало гнить, нельзя было сказать, что здание пережило мировую катастрофу. Скорее, оно просто прошло через пожар, что оставил отпечаток из сажи и обгоревших досок. В треснувших окнах играли блики солнечных лучей, отражая свет прямо на лобовое стекло. Даня зажмурился.

— Пошли, — приказал Егерь. Он взял небольшой рюкзак на двадцать литров, используемый им для коротких вылазок, где ютились запасы первой необходимости: еда, вода, лекарства и немного патронов; после закинул за плечо привычный 74 АКСУ и выпрыгнул.

За ним юркнул Зевс.

Парень послушался и молча вышел наружу, прихватив уже свой калаш. Все остальные запасы, которые выгреб Егерь у себя из конуры лежали в кузове КРАЗа — аккуратно сложенные и плотно упакованные.

Округа была пропитана запахом пыли и гнилой древесины, впрочем, как и везде.

— Сиди здесь, понял? — сказал Егерь, глядя Зевсу в блеклые глаза. — На всякий случай. Охраняй.

Кавказец скрылся в багажнике КРАЗа, оставив двух мутантов наедине. Пацан не решался подойти к волку ближе: то ли боялся, то ли ему просто было противно прикасаться к этому отродью дьявола. Но вот Зевса Даня заинтересовал. Полуволок-полупёс тихо, покачиваясь из стороны в сторону, лениво поднимая свои огромные лапы, приблизился к

Дане. Обнюхав сперва ноги, а потом и руки, которые парнишка пытался убраться подальше, Зевс резко цапнул Даню. И зарычал.

— Чего? — вскрикнул Даня... — Ты охренел?!

Тут он замер: что-то случилось. В голову словно ударил мощный импульс, заставивший все вокруг замереть. Окружение, словно погасло, оставив лишь Даню и Зевса. Молниями ударили мысли, чувства, запахи, но, словно не родные. Будто снаружи был источник, издающий эти ощущения. Взгляд пацана остановился на Зевсе. Тот вилял хвостом, радостно высунув язык.

— Эй, ты, что... Разговариваешь?

В ответ лишь рык. Но теперь, пацан различал в этом животном рыке что-то такое близкое и одновременно далекое. Зевс, словно передавал свои чувства, поток своего сознания парню. Даня различил в этом коротком импульсе радость. Как будто волк был рад видеть своего нового друга.

— Охренеть... — Даню застилали воспоминания и чувства, которых он не переживал, какие-то короткие, совсем незапоминающиеся обрывки. Было не по себе. Еще несколько минут он не отрывался от пса. Несколько мимолетных мгновений затянулись на часы, потоки мыслей соприкасались, словно ручьями стекая в один... Даня чувствовал, что разговаривает с псом, но не посредством общения, а скорее... Прямого понимания друг друга. В этих блеклых собачьих глазах таилось столько чувств и переживаний, столько скрытого от человеческих глаз.

— Эй, чтоб тебя, — гаркнул Егерь, толкая юнца из стороны в сторону. — Просыпайся!

Даню будто вынули из бочки с водой.

— Д... Да... — еле открывая рот отвечал Даня. Он не сводил глаз с Зевса.

— Слышал? Я ухажу перетереть с Ромом в этот перевалочный пункт, — кавказец пальцем указал на широкое двухэтажное здание, огражденное разбитым забором. — На всякий случай ты тут поохранишь.

Пацан кивнул.

Егерь приказал Зевсу сидеть здесь же, а сам накиннул рюкзак и ушёл.

Давно Егеря здесь не было. Он проходил мимо лихо закрученных сожженных деревьев, шуршал ногами по выстланной промокшими и опавшими листьями траве. За забором были свалены старые, убитые машины. Куча Жигулей, Волг, и несколько Тойот — давно вскрытых и опустошенных. Среди всего этого кладбища трупов выделялись лишь несколько машин: Шишига Рома, несколько УАЗОВ, совершенно незнакомых Егерю и старенький 67 ГАЗ, принадлежавший заядлому выпивохе и игроку в карты — Тополю.

— Ну привет, дружище, — Егерь невольно улыбнулся, глядя на разваленный временем ГАЗ-66. Потрепала тебя жизнь, да?

А вот ГАЗ-67 Тополя был в полном здравии. Этот старичок прожил больше Егеря и застал времена Союза. Тополь тщательно следил за здоровьем машины: постоянно осматривал и обновлял и без того дефицитные детали.

Егерь подошел к центральному входу. Остальные подъезды завалили, в целях безопасности. Было подозрительно тихо: ни пьяных криков, обычно слышимых со второго этажа, ни задорных песен о былом, ни трезвона наскоро собранного радио, которое Ром в шутку называл Балаболом.

— Спят что-ли?

Противно заскулила дряхлая деревянная дверь. Егерь вошел на первый этаж и тихо

поплелся по скрипучему, давно прогнившему полу. Каждый тяжелый шаг перевозчика громко отдавался во всех уголках двухэтажки. Само здание изнутри содержало в себе по восемь квартир на каждом этаже, причем на первом было совершенно пусто: в закрытых комнатах хранились боеприпасы и провизия, а вот на втором ютились и жили сталкеры. Пройдя несколько метров по пустому коридору, освещенному лишь парой окон по периферии, Егерь свернул на лестничную клетку. Это была единственная лестница, что вела к людям, а потому на ее стыке была установлена крепкая решетчатая дверь, обтянутая сеткой. Её смыкал огромный амбарный замок. Обычно за ней стоял дежурный, пропускающий людей.

На секунду кавказец замер. Еще при входе он учуял неприятный, едкий запах пороха, а теперь, когда увидел напрочь сорванный замок и распахнутую настежь дверь, тут же выхватил гранату. Прюдев палец в кольцо, он готов был в любую секунду закинуть ее, подорвав чужаков, пробравшихся внутрь.

С поднятой рукой, кавказец медленно, не рискуя делать резких движений, поднимался по лестнице. Враги, должно быть, давно услышали его, а потому уже ждали в засаде. Ещё и шаги, отдающиеся громким эхом по зданию, сильно мешали.

— Эй, я сдаюсь! — прокричал Егерь, разрывая тишину. — Не стреляйте!

Он почти подошел пролету лестницы ведущей на второй этаж, откуда виднелось дуло автомата.

Послышалось шуршание и вскоре раздался голос:

— Оружие бросишь у входа, понял?!

— Как скажете...

Щёлкнула чека.

Граната полетела точно в проем, под ноги бандитам.

Раз, два, три...

Прогредел взрыв. Дом задрожал, а проем заволочло дымом и едкой гарью. Кавказец успел нырнуть вниз лестницы, а потому разлетевшиеся по округе осколки не задели его. На секунду затихло.

Егерь тут же ввалился на развороченную гранатой площадку. Перед глазами все еще стояла дымовая завеса, но острый взгляд различил несколько силуэтов, развалившихся по полу. Застрекотал автомат. Короткие очереди ударили по каждому лежавшему ублюдку.

Скоро пыль совсем осела.

Кавказец, теперь уже намного спокойней, шагнул в эпицентр удара. Проемы дверей разворотило в щепки — все застелило обломками, перемешанными с кровью. Здесь лежало где-то шесть человек: видимо, услышав незнакомца они все собрались у площадки. Роковая ошибка. Тела их были нашпигованы осколками гранаты, кровь струилась отовсюду. Кавказец опустил автомат. Осколки разлетелись по всему этажу, впившись врагам в незащищенное тело. Они, словно нож масло, разрезали шею, животы, лица противников. Все погибли почти сразу, а те, кто чудом выжил после взрыва, проглотили очередь свинца. В воздухе витала отвратительная смесь: людская кровь, вперемешку с запахом пороха, заставила кавказца сморщиться. С мертвых тел натекали лужи темной крови. Стены, словно старинный фотоаппарат отпечатали силуэты противников. Перевозчик на всякий случай проверил каждого мародера еще раз. Но нет, даже самых крайних накрыло осколками. Кавказец выдохнул.

Взрыв разворотил захудалые двери. Егерь заметил, что в курилке, — месте, где две

квартиры слепили в одну большую, лежала куча тел. Человек так двадцать, криво сваленных между собой трупов...

Он было хотел пройти туда, но тут же одернул себя.

«Вдруг еще где есть...» — подумал перевозчик.

Он обошел все квартиры второго этажа и ничего не нашел. В настезь распахнутых квартирах разворошили все. Раньше комнаты были уютно обустроены — в стареньких, понурых шкафчиках лежало все добро местных: патроны, оружейный хлам, личные дневники, заметки и карты местности. В самых дальних углах они прятали самое ценное — обрывки воспоминаний о старом мире, где не было месту бесконечной боли и страданиям: заштопанные детские игрушки, напоминавшие о семье, ветхие фотографии былой юности, что запечатлели совсем наивные лица. Почти в каждой комнате стояли кресты и иконки. В одной кавказец нашел старого, несколько раз сшитого заплатками медведя. Из него торчала куча распутившихся ниток, а правая лапа небрежно болталась из стороны в сторону. На месте глаз торчали черные пуговицы. Игрушка была испачкана в крови. Совсем недавней. На столе валялись кучи испещренных заметками бумаг, а под их слоем томилась огромная карта окрестностей, тщательно отмеченной какими-то значками и крестиками. Судя по всему, красными крестами отмечались очищенные зоны, а вот жирными черными точками обозначались базы врагов или гнезда мутантов. Видимо, пункт просто-напросто прижали бандиты.

«Как все поменялось» — вздохнул кавказец. Теперь, когда все комнаты были проверены, можно было идти в курилку.

По трещинам развалившихся окон застучали капли, набирающего силу дождя. Небо снова стягивали мрачные лики туч, оставляя солнечному шару все меньше места.

С первого этажа послышались громкие шаги — пара человек, сломя голову неслись на второй этаж. Кавказец нырнул в комнату и затих. После, он немного выглянул из-за проема.

— Стой! Стой я тебе говорю, придурок! — звуки становились все слышней. Егерь был готов в любую секунду продырявить вражеский череп. Дождь усиливался.

Тут из разбитого дверного проема выскочил Зевс. Он бежал, сломя голову, то и дело спотыкаясь о тела убитых. За ним, дрожа всем телом, вывалился Даня. Он рыскал дулом автомата во все стороны, пытаясь обнаружить противника. Как только его взгляд остановился на картине из кучи человеческих тел истекающих кровью и кучи вывалившихся органов, то он тут же обхватил руками лицо, попытавшись сдержать рвоту.

Перевозчик, палец которого едва не нажал на курок, облегченно выдохнул.

— Даня, это я! — прокричал он, высунув руку за дверь.

Пацан, все еще немного шатаясь побрел к нему. Зевс уже успел отругать своего хозяина за самонадеянность, грозно на него порычав, и теперь спокойно обнюхивал тела мародеров. Если в куче трупов у лестницы живых точно не было, то вот в курилке лежало несколько раненых.

Видимо, атака базу не задалась и группе Рома удалось оказать сопротивление. Отдельно от сваленных тел, корчились от боли и постанывали несколько бандитов: паре из них пробили живот, а одному прострелили ногу.

— Уроды... — прошипел Егерь, всматриваясь одному бедолаге в глаза. — Щас вы мне всё расскажете.

Кавказец приказал пацану разжечь костер, прямо в бочке, откуда дымились еще не погасшие угольки костра. Пока Даня отводил взгляд от мертвых, будто бы впившихся ему в

единственный глаз, перевозчик усадил одного из раненных на кривой жестяной стульчик, прямо рядом с треснувшим окном.

Пара тяжелых оплеух привели больного в чувство. Он тут же зарыскал глазами, пытаясь понять где он и кто перед ним стоит.

— Странно, что взрыв тебя не разбудил... — отрешенно говорил Егерь. — Впрочем...

Тут же в голень, прямо по рукоять, вонзился охотничий нож. Бандит запищал от боли и едва не свалился со стула.

— Ну, сука... — оскалился кавказец и провернул лезвие вокруг своей оси.

Здание оглушил пронзительный крик.

— Что вам, уроды, здесь забыли?!

— Не...Яе... — бандит жадно глотал воздух. По лицу текли слюни, сопли и слезы. Последовала череда мощных ударов. Бандит, противно плача, выплюнул несколько зубов.

— Разбуди тех двоих, — процедил сквозь зубы Егерь, удерживая пленника за плечо. — Пусть посмотрят.

Даня, успевший развести небольшой огонек, послушался.

«Во что я ввязался...» — думал он, подходя к мародерам.

За спиной слышались все нарастающие удары и крики.

— Эй, вставай, — парень слегка треснул по щеке больного. — Вставай!

Тот пробубнил что-то невнятное.

— Выродок! — орал кавказец, проворачивая нож в ране. — Отвечай!

— Мы... Яко... Нас... Сместили... — пленного вырвало кровью.

— Так, — Егерь сложил руки вместе. — Кто сместил? Откуда?

— Це... — пленный еле говорил, стимулируя в себе последние силы.

Егерь вырвал из раны нож и вогнал его во вторую ногу. Брызнула кровь, бандит отключился. Кавказец, недолго думая, пришил его. Протерев тряпкой нож, Егерь окинул взглядом двух оставшихся. Даня успел разбудить одного, а вот второй сам проснулся.

Мощным движением Егерь отбросил еще дергающегося в конвульсиях бандита в сторону. От него остался длинный кровавый шлейф. Протащив тело по полу, Егерь точно также усадил беднягу на стул.

— Встаем, — раздался хруст коленного сустава.

— А — а-а-а.... — завопил пленный обняв колени руками. — Урод!

Егерь снова начал методичный допрос. На этот раз перевозчик обошелся без ножа. Он медленно ломал мародеру пальцы, заставляя последнего корчиться и визжать от боли. Теперь, несколько увесистых ударов, казались почти безболезненными в общем фоне. Так прошло несколько минут. Мародер сначала лишился пальцев рук, затем Егерь выбил ему плечо. Всё, что можно было вытянуть из него, он вытянул.

Информации оказалось немного. Выяснилось лишь то, что мародеров сместили с юга какие-то фанатики. Потому, первые решили атаковать базу всеми своими силами, чтобы запастись ресурсами для дальнего рывка, ставя все карты на кон. И карты сыграли.

— Что за фанатики?

Мародер молчал.

— Ну, как знаешь, — вздохнул перевозчик, вогнав лезвие ему в глаз.

Со стула свалилось бездыханное тело, пустив по полу кровавое пятно.

Даня рефлекторно ощупал левый глаз, скрытый под повязкой.

За окном все сильнее барабанил дождь. Выл ветер, унося мелкий дворовый мусор то

туда, то сюда. Последние лучи солнца скрыли массивные, пугающе черные тучи. Приближалась гроза. Поток ветра, что внезапно ворвался внутрь, открыл окно, пошуршал по куче трупов, проскрипел гнилыми шкафчиками, а после — незаметно растворился. Блеснуло несколько вспышек, ударивших в крыши небольших домов. А потом ещё. И ещё. Гром гулом прошелся по округе, заставив оставшиеся стекла противно задрожать. Как быстро меняется погода.

— Тащи этого.

— Егерь, может хватит? Они тебе и так все сказали, зачем тебе он? — вопрошал Даня, схватившись за обмякшее тело бандита.

Кавказец вздохнул. Переступив через свежих трупов, он встал напротив пацана.

— Я его не убью, — невозмутимо ответил Егерь, — Мне просто нужно ещё кое-что разузнать.

Даня, недоверчиво, кивнул и вернулся к костру. Он дрожал, почти падал, пытаясь не думать о происходящем. В голове царил сущий кошмар: слишком много смертей он увидел за последние дни. Привыкнув к относительно спокойной жизни в пункте, теперь он не мог прийти в себя. Неужели, все в этом гнилом мире решается только так? И если так, то был ли другой мир, когда люди не хотели сожрать друг друга? Все эти вопросы давно мучали юношу, не позволяя сомкнуть глаз, не позволяя забыться. Он посмотрел на руки и сморщился. Было противно смотреть на себя таким: получеловеком-полузверем.

«Это не мои руки... Это не я, а какая-то тварь, — повторял себе Даня. — Животное... Почему... Почему?» — от ненависти он сжал кулаки. По ладоням потекла алая кровь. Парень огляделся вокруг: за окном льет дождь, сопровождаемый грохотом грома и вспышками грозы, Егерь в ярости избивает несчастного мародера, а слева на него взирают десятки мертвых, словно зазывая к себе. Парня передернуло. Оставалось только смотреть в костер, языки пламени которого то вспыхивали, то тут же гасли. Возле бочки было тепло и уютно. Не хотелось смотреть куда-то еще. Только мирно потрескивающий костер был его другом.

К ногам прижался Зевс.

Раздался выстрел.

— Нет больше никого! Нет, клянусь! — орал бандит, схватившись за локоть, откуда бурлила кровь. — Эти шизики половину наших перебили! А-а-а-а...

— Скажи мне вот что: как такая кучка сопляков смогла перебить этот лагерь?

— Так их тоже! Их тоже, как нас!

— Вот как, — кавказец зло хрустнул пальцами, — значит, Ром решил расширяться, но эти сектанты его откинули. А потом и вас... Загрызть друг друга решили?

Кавказец сдавил врагу горло.

— Не надо... Не убивай... — хрипел мародер, нелепо раскинув руки с перерезанными сухожилиями.

Подержав пленного еще с десяток секунд он разжал руки.

Мародер плюхнулся на пол и отрывисто глотал воздух.

— И куда ты теперь в таком состоянии? — спросил он у пленного. — Руки я тебе обездвижил, ноги прострелил. Как ты дальше? Поползешь?

— Умоляю, не надо... Ради бога... Прости... — всхлипывал бандит.

— Ты ведь знаешь правила, — холодно отвечал Егерь. — Либо ты...

Прогремел выстрел.

— Либо тебя.

Костер обжигал руки, запекая свежую кровь. За окном бушевал ливень, а здесь — среди вороха трупов и луж крови было тепло. Но Даня не смотрел вокруг — языки пламени ласкающие доски, заморозили его. Сознание растворилось в бесконечной суеде. Теперь, кроме его и костра не было ничего. Все проблемы, вся боль, страдания и невзгоды ушли вместе с сизым дымом, что проникал сквозь большие щели и дырки в потолке.

Егерь, обогрев руки, повернулся. Только сейчас кавказец оценил весь ужас произошедшего: все те, кого он знал не один год, с кем делил пищу и кров, сейчас лежали здесь. Эти бледные, давно остекленевшие глаза были полны мертвого безразличия. Он подошел ближе. Тела его знакомых свалили в кучу, как мусор. В этой куче был и старик-механик Ус, выделявшийся своей огромной, седой бородой, и Буль — пузатый и забавный мужичок, что лучше всех готовил еду. Его похлебка не была той приторной дрянью из консерв всегда напоминала кавказцу о прошлом. Сейчас бедолага сидел в углу, опустив голову. На груди красовалось огромное кровавое пятно. В куче тел Егерь отыскал и Тополя — бандиты, видимо, выловили беднягу живым и издевались как хотели. Егерь скупно выругался. Долго кавказец не мог отыскать тело старого друга. Он перевернул эту свалку трупов, но так и не нашел Рома.

— Не мог же ты как все, — бормотал Егерь. — Наверняка ушел. Выжил, как всегда.

Выдохнув, кавказец подошел к окну. Ветер все еще лениво поигрывал с оконной рамой, качая створку из стороны в сторону. Отвратительный звук.

Одним мощным движением, Егерь вырвал хлипкую конструкцию. Задрезали осколки стекла.

Снова хотелось курить. На часах было чуть поздней полудня, а на улице, казалось, что уже ночь. Били молнии, озаряя вспышками округу, зло ворчал гром. Дождь залил будто из ведра. Егерь выглянул из окна.

Серые, блеклые и совершенно пустые, понурые дома, сгоревшие деревья, надломленные остатки цивилизации, — всё, что осталось от бывшего мира. А внизу, прямо под окном, ютились бандитские машины.

«Застали врасплох...» — подумал кавказец, выпуская обильное облако дыма.

Он оглянулся. Блеск костра освещал погибших сегодня. Друзья и враги — все мертвы. Костлявой старухе не было разницы кого забирать — все перед ней равны.

Глава X. Вина

Тихо трещал костер. В маленькой, почти обвалившейся комнатке было по-своему уютно. Не было ни луж вязкой крови, ни десятков сваленных друг на друга тел, что своими остекленевшими глазами, впивались прямо в душу.

Даня расположился в углу, прямо на матрасе из-под развалившейся кровати. Рядом лежала записная книжка безумца. Парень решил почитать следующие записи, но чувства, забившие голову, не позволяли это сделать. Внутри бурлили чувства: ненависть, гнев, безмерная обида и жажда мести, — всё слилось в единое, пожирающее чувство. Его потряхивало. Он всем сердцем хотел вычеркнуть последние дни из своей жизни. Столько боли и страданий обрушилось на него с приходом Егеря. Раньше, когда пацан был совсем маленьким, он часто видел, как Егерь и Хриплый подолгу о чем-то общались: спорили и обсуждали нечто важное. Сколько Даня себя помнил, все время их диалог пронизывала одна, объединяющая тема и мысль. Но, как назло, эти важные слова стерлись из его памяти.

За последнее время, он успел возненавидеть лучшего друга своего дяди, за его опрометчивость. Во снах ему только и снилось, как волки грызут шеи. Ему, Артёму и тем бедолагам, для которых та ходка стала последней. Каждый раз снилось одно и то же: как эти озлобленные твари разрывают его друзей и знакомых. А он, ребёнок, попавший в этот жестокий мир, ничего не может сделать. Зато вот эта грудка мышц...

Даня со злобой посмотрел на Егеря, курящего у окна.

«Даже пальцем не пошевелил, — подумал юноша. — А ведь мог, ведь мог спасти всех!»

Вены на руках вспучились, на лице пробил холодный пот. Сердце с каждой секундой колотило всё сильнее. Словно сейчас что-то произойдет. Но минута сменяла другую, а все было по-прежнему мертвенно тихо. Внутри кипела непередаваемая ненависть и жажда мщения.

Кавказец, пускающий струи дыма повернулся. Свет костра подсветил его старое, сухое лицо, изрезанное шрамами и ссадинами прошлого.

На секунду взгляды двух чудовищ встретились.

Без слов, они поняли друг друга. Зевс, прильнувший к костру, наострил уши.

— Я знаю, что ты обо мне думаешь, Данил, — спокойно сказал кавказец, вглядываясь юнцу в единственный, сверкающий янтарем глаз. — Я знаю, что ты хочешь меня убить.

Даня дернулся, но не отвел взгляда. Кавказец сделал два решительных шага и оказался рядом с ним.

Языки пламени будто бы окутали его лицо.

— По твоему взгляду все видно. Тогда, в медпункте, ты кинулся на меня.

Парень смутно помнил ту ночь.

Сигаретное облако понемногу рассеивалось. Время остановило свой ход. Только костер изредка хрустел досками.

Даня не мог ничего сказать, хотя и знал, что должен. Знал, что сейчас должен высказать этому выродку всё, что думает. Но страх пленил его. Увидев кровавую резню, что устроил Егерь, он не мог и сказать хоть что-то против.

«Вдруг и меня прикончит? Как этих... — он невольно повернулся назад, взглянув на вывороченную дверь, из-за которой выглядывали тела замученных до смерти бандитов. — Ублюдох».

Кавказец же стоял неподвижно: он буравил мальчика своим холодным, полным безразличия взглядом. И все же этот туман в глазах... Как будто за этой дымкой что-то скрывалось.

Наконец, пацан, сжав кулаки и глубоко вдохнув, начал:

— Ты... Как ты мог допустить их смерть? Почему Артём умер? Почему все мои товарищи мертвы?! Почему я такой?! — Даня дрожал от страха, но говорил, потому что молчать сил не было, — Всё потому, что ты это допустил! Из-за тебя теперь я похож на лесную тварь. Из-за тебя все, кем я дорожил погибли! Ты это допустил!

Кавказец молчал. Он смотрел, как Даней овладевает зверь. Зверь, живущий внутри. С каждым сказанным словом, с лица сползал страх Его трясло. Через пару минут парень уже не держал себя в руках: он кричал, голос его переходил в звериный рык. Тело ходило туда-сюда, ноги подкашивались и дрожали. Речь с каждой секундой утрачивала смысл, превращаясь в односложные, почти несвязанные слова. Но Егерь молчал — ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Сдохни! Сдохни! — орал парень, уже не владея собой.

— Давай, попробуй, — прошипел кавказец, — Прикончи меня.

Блеснули молни. Ударил гром.

Даня кинулся на кавказца, отбросив бочку с костром. Мощное тело ветерана пошатнулось от рывка мутанта. Но Егерю удалось схватить того за горло, удержав на расстоянии. Обнажив свои клыки, зверь пытался прогрызть его шею. Но вдруг замер. За спиной кто-то скулил. Это был Зевс.

Разум словно обожгло огнем.

Даня вспомнил, как гулял с мамой. Как она, взяв его под руку, куда-то вела. Тогда стояла холодная сибирская зима: хлопьями сыпал белый-белый снег, такой, какого Даня больше не видел. Он отставал от нее, засматриваясь на эти белые снежинки: хватал их ртом, а потом выплевывал, боясь, что заболит, как мама. Она тащила его, пыталась ругаться но, надорвав голос, схватилась за горло. И, расплакавшись, ушла. Куда-то вдаль. А он остался один, окруженный панельными многоэтажками, которые тянулись высоко к небу. Ветер поднимал снег и бросал ему в лицо. Он медленно сползал, тая прямо на лице, неприятно обжигая кожу. И, оставшись в одиночестве, запечатанный метелью, Даня завалился на снег. Небо затянуло серыми тучами. Было страшно и он разревелся. Но никто уже не слышал его детского плача.

— К чему это? — растерянно говорил Даня, всматриваясь в блеклые глаза собаки. — Я...

Тут он посмотрел на Егеря, который стальной хваткой впился ему в шею.

— Что за... — наконец, кавказец медленно разжал руку и парень отшатнулся назад.

Он еще несколько минут ощупывал свое лицо, осматривал когтистые руки, пытаясь понять, реально ли все вокруг или это очередной кошмар? Вдруг, он все еще там — окруженный метелью лежит в огромном сугробе, дожидаясь, пока мама вернется.

— Я не смог, — начал кавказец, прервав тишину, — не сумел их спасти. Но сделал всё возможное. Дрался за каждого, но эти твари были сильнее.

Перевозчик приблизился к уроненной бочке и неспешно её поднял. Руки обжег нагретый огнём металл.

— Думаешь, мне их не жаль? Но им уже не помочь.

Пацан присел у окна, схватившись за голову. Сердце бешено колотилось.

— Артём был одним из моих немногих друзей... Все эти годы мы были не разлей вода. И откуда я мог знать, что его сожрут волки? Что такого ветерана одолеют эти твари? Не только ты потерял родного человека, — Егерь подтащил к костру понурый деревянный стульчик, который едва не треснул от внушительных габаритов кавказца. — не только ты пострадал. Мне тоже больно.

— По тебе не скажешь.

— Жизнь научила держать себя в руках, — парировал перевозчик, облокотившись на спинку. — Но это не значит, что мне плевать. Знаешь...

Он нырнул в карман за сигаретой.

— Когда-то давно, ещё во времена Великой Зимы, мы с Хриплым договорились. О том, что если один из нас погибнет, то другой должен будет выполнить его последнее желание. Отдать честь старому другу, — струей взвился смолистый дым. — И, пусть он не сказал...

Егерь вспомнил предсмертный взгляд товарища: смиренный, но в то же время, полный надежды. Надежды, что Даня останется жив.

— Поэтому ты увел меня из пункта?

— Да. И именно поэтому я не позволю тебе умереть. Даже если ты будешь меня ненавидеть. Даже если попытаешься убить.

Подступили слезы. Парень хотел как крот, зарыться куда поглубже и ничего не видеть и не слышать.

«Выходит, это я... Выходит главный идиот — это я... — вихрь мысль все сильнее закручивался и с каждой секундой все больше подступало осознание своей неправоты. Он должен был быть благодарен кавказцу за то, что ещё стоит на ногах. Но почему же судьба не пощадила остальных?..

— Знаешь, почему ты выжил? — спросил кавказец, выпуская облако дыма.

Даня поднял глаза.

— Потому, что ты сильнее. Нет, тебе не повезло. Этот новый мир ломает слабых. Им здесь нет места. И пусть все эти ребята были твоими хорошими друзьями, они не смогли. Не смогли адаптироваться, не смогли пройти это боевое крещение. Запомни одно простое правило: сильные жрут слабых.

— А Артём?

Егерь подкинул дров в костер. Огонь вспыхнул длинными языками пламени, что почти сразу жадно кинулись на дерево.

Кавказец вздохнул:

— Он был сильным. И ты не представляешь, насколько. Но его время пришло. Артем смог умереть человеком, а не монстром. — Егерь посмотрел на ладони. — А это самое главное.

Дождь не прекращался и неустанно тарабанил по крышам оставшихся домов. Выл ветер, поднимая и сбрасывая ковры блестящих медью листьев, мерно расходящихся по пустым закоулкам и улицам мертвого города. Егерь прислонился к окну, немного отодвинул его скрипучие до ужаса дверцы и выглянул. На дороге стелились бесчисленные выбоины и трещины, до краев наполненные грязной водой. Вокруг томно стояли разрушенные колонны зданий, ожидающих, когда же фундамент не выдержит и даст трещину, освободив их из бесконечного плена. Им оставалось недолго.

Воздух был пропитан влагой, приятно щекочущей нос.

Егерь решил остаться здесь на ночь, но Даня категорически отказался, сославшись на то, что спать в окружении трупов он не сможет. По лицу кавказца скользнула мрачная, еле заметная улыбка.

— Ну либо шуруй в ту комнату, — сказал он, указывая на место, где тлел костер, — либо в КРАЗ. Но там твою безопасность я не гарантирую. И ещё снарягу с труповними.

Даня немного смутился, но вздохнув, направился к свалке мёртвых. Спорить было бессмысленно. Трупы, конечно же, не сдвинулись, с места, но юнцу показалось, будто они изменили позу. Впрочем, все дурные мысли он сразу отменил.

— Итак, — начал кавказец, немного нахмурившись, — бери всё самое необходимое: патроны, медикаменты, оружие, если будет лучше, чем твоё.

Егерь ткнул пальцем на старенький «Калашников», болтающийся у пацана на спине.

Даня принялся за работу. Не самую приятную. Трупы успели задубеть, а потому их обыск доставлял проблемы: пацан еле отдирали их от пола, чтобы добраться до карманов жилетов или курток. Но и это было терпимо. Самым тяжелым испытанием было выдержать на себе взгляд не одного, не двух и даже не трех, а десятка с лишним мертвецов. Они буравили юнца своими остекленевшими, поблекшими глазами, впивались прямо в душу, заставляя руки нервно дергаться туда-сюда, а тело невольно дрожать. Сердце неприятно сжималось, воздух то и дело спертыми струями выскакивал из груди, но юноша всё же продолжал искать ценности. В большинстве своем, постояльцы этого лагеря не представляли особого интереса: бандиты успели ободрать бедолаг и теперь, всё это имущество смешалось с кровью и кишками, валяющимися в коридоре неподалеку. Даня, вспомнив работу Егеря, поперхнулся.

К концу поисков, юнцу удалось найти старенький ПМ, совсем потертый, с западающим, заржавевшим затвором, но полным девяти миллиметровых патронов, добротный самодельный нож, снятый тела почившего повара Буля. Длинное, но вместе с тем грубое, широкое, почти топоринное лезвие, приятно блестело металлом, отражая лицо своего нового владельца. Дубовая рукоять, тоже сделанная неаккуратно и жестко, на удивление приятно сидела в руке.

«Не нож, а топор мясника — подумал Даня, — таким и голову срубить можно».

С пояса покойного повара, он снял и ножны. Такие же кривые и небрежные, но внушающие доверие. Он ловко задвинул нож в чехол и закрепил на поясе. С пункта ему позволили вывезти только калаш, а потому любая мелочь была навесом золота.

И пусть сначала пацана воротило от вида мёртвых, он все же сдерживал позывы рвоты, кривился и морщился, обворовывая тела погибших, но вскоре даже как-то привык. Мысли об

аморальности, прежде набившие жуткую оскомину в голове, куда-то испарились.

Интересно, Егерь прошел через то же самое?

Впрочем, помимо старого ПМ-а и ножа мясника, нашлось несколько пачек патронов калибра 7х62 для Калашникова несколько кривых и побитых консерв, лежавших в шкафчике, одна медицинская аптечка, причем даже не вскрытая, а у одного местного бедолаги Даня нашел старые часы.

Они сидели на широком, измазанном копотью, грязью и кровью кожаном ремешке, плотно затянутым на руке у трупа. Циферблат усеяли трещины и сколы, застывшие полосы крови, но все же, сквозь них проглядывались 12 арабских цифр, строго расположившихся по площади часов. Две больших черных стрелки не спеша сменяли друг друга, а секундной досталось особое место под старшими сестрами — она наматывала круги в отдельно отведенной секции снизу. Окантовка часов приятно поблескивала металлом, в свете сверкающих молний. Не было никаких узоров — всё дешево и сердито. Зато надежно. Даня было потянулся, но тут же одернул себя.

«Это ведь личное...» — подумал он, едва коснувшись руки, почившего сталкера. Даня даже испугался, что уже не ворочается от вида трупов, а, словно какой-нибудь, прожженный жизнью мародер, ловко шарит по карманам.

В конце концов жажда наживы пересилила потуги совести и через пару минут часы оказались у парня в руках. Он взял влажную от дождя тряпку, свисающую с подоконника близлежащего окна и тщательно оттер потресканное стекло и ремешок, словно пытаясь стереть следы прошлого владельца.

— Егерь! — крикнул он, оглядываясь по сторонам.

Ответа не последовало. Парень еще несколько раз оглянулся, но, кроме кучи трупов, в которых он сейчас копался, мусора и шлейфов крови, ничего не увидел. Сославшись на то, что перевозчик пошел по делам, он продолжил мародерство.

У старичка, мирно лежащего в крайнем углу комнаты, Даня забрал обрез охотничьего ружья. В карманах у бабушки обнаружилось пару десятков патронов, пачка недокуренных сигарет и зажигалка. Не густо.

По итогам карманы дешевенького комбинезона пополнились несколькими пачками патронов для дробовика, пистолета и автоматов, парой-тройкой аптечек, несколькими медицинскими бинтами и двумя пачками таблеток активированного угля. Консервы и помятую фляжку с водой Даня распихал по карманам — рюкзак лежал в Кразе.

— Егерь! — снова крикнул парень, заглянув в комнату, где еще тлел костер.

Но кавказца не было — он спустился на первый этаж.

Там он осматривал закрытые двери. Часть из них прогнила и попасть внутрь не составляло труда, но другая была крепко забаррикадирована и прикрыта огромными замками, похожие на тот, что висел у входа на второй этаж.

«Неплохо, — думал Егерь, лениво перебирая ногами, — через такую защиту только с гранатой наперевес. Бандиты точно сюда не добрались, но и нам ход закрыт. Ключа нигде не сыскать...»

Он нырнул в очередную комнату и вздохнул — мародеры вычистили все, что можно и нельзя, оставив комнату совершенно пустой.

— Потрудились, засранцы...

В конце коридора осталась единственная комната. Вместо старых деревянных стен стояли монолитные бетонные плиты, а в проеме красовалась массивная стальная дверь. Она

была крепким щитом на пути к основному складу. Там наверняка хранились основные припасы сталкеров.

— Умно, Вить, умно...

Стукнув по ней пару раз, он заметил, как та немного двинулась.

Он вдруг почувствовал странный дискомфорт. Словно скребком по мозгу прошлись. Сердце сжалось, заставив перевозчика остановиться.

«Не инфаркт часом... — усмехнулся он, ощупывая грудь, — так и помереть недолго».

Только сейчас, опустив взгляд к полу, он увидел небольшой шлейф крови. Ещё свежей.

Кавказец потер багровое пятно и еще раз удостоверился в выводах. За дверью кто-то был. Он было потянулся за оружием, но смекнул: какой смысл бандитам прятаться за дверью, если они и так тут хозяйничали? Значит внутри кто-то есть.

Егерь навалился всем своим весом на конструкцию. Дверь упиралась в какую-то преграду. Но с каждым толчком она отходила назад. Наконец, образовался проем, достаточный для того, чтобы перевозчик протиснулся.

Оказавшись внутри, он огляделся.

Комната такая же, как и прочие, разница лишь в том, что сталкеры переоборудовали её под склад.

Редкие вспышки молний разгоняли тени.

Сердце сжималось ещё сильнее. Перевозчик ловким движением включил налобный фонарик. Лучик света заскользил по мрачным силуэтам.

На больших самодельных стеллажах, ютились с десятков аккуратных, металлических, ещё довоенных ящичков, к каждому из которых была приклеена бумажка: «5x45» «7x62» и т. д. Дальше, скрытые от внимательного взгляда, под полками, стояли длинные деревянные ящички, откуда виднелись дула калашей, пистолетов и связки патронов к ним. Где-то меж плотно составленных контейнеров с боеприпасами, лежали небольшие блокнотики, испещренные вычислениями.

К окну была приварена здоровая, железная, уже проржавевшая решетка, похожая на ту, что раньше использовали в тюрьмах.

— Вот дела. Это же надо какой клондайк он себе забабахал... — протянул Егерь, медленно переступая с ноги на ногу.

Он было развернулся к полкам, как вдруг услышал вздохи. Позади, подле окна, кто-то сдавленно хрипел.

Фонарик скользнул по истесанным шрамами стенам, юркнул мимо огромных полок и, наконец, поймал силуэт незнакомца. Он, сгорбившись, сидел справа от окна, прямо в углу, опустив голову на грудь. Руками обхватил живот. По полу медленно расползлось тёмно-красное пятно. Невдалеке валялась опустошенная, запотевшая бутылка водки.

Егерь не спеша приблизился к умирающему. Одет тот был в старый, чёрный полицейский бронежилет, прикрытый серым плащом. На нём развелось несколько десятков, саморучно пришитых из чего только было можно карманов, несколько ремней плотно стягивали грудь. Рукава были вздернуты до локтей, а изрезанные, обтянутые сеткой морщин руки были плотно связаны, давно почерневшими эластичными бинтами. На шее виднелся чёрный, неровно выполненный крест. Егеря передернуло.

— Ром? — спросил он, склонившись к телу. — Ты ведь, да?

Тот не ответил, лишь изнеможенно хрипел.

Кавказец приподнял голову и вздохнул — это был он. Небольшая бородка, пропитое,

покрытое вдоль и поперек морщинами и ссадинами, некрасивое, морщинистое, округлое лицо, с небольшим носом. Маленькие, сверкающие медным блеском глаза.

Точно он.

Егерь еще раз смерил его взглядом. Тот был и телом и ростом меньше перевозчика.

— Да, что-то ты не выглядишь на сорок шесть... — грустно улыбнулся кавказец и присел рядом.

И действительно: за это время Ром сильно изменился и сейчас, представлял лишь пародию на себя прошлого. Видимо, алкоголь сделал свое дело.

— А я то надеялся потрепаться с тобой за жизнь. Выходит, один остался. Да, Вить, Тёмы больше нет.

Ром немного дернулся, попытавшись приподнять голову.

— Тихо-тихо, брат. — успокоил товарища кавказец. — Теперь тебе торопиться некуда.

Кровь тихо вытекала из пробитых пулей ран на животе, руки, испачканные в липкой субстанции, уже не могли остановить её. Егерь не мог помочь.

Вдруг, издав предсмертный хрип, схожий с воем раненого волка, сталкер положил руку на плечо кавказца. И поднял голову. Из чернеющих глаз, шли слезы.

— Держи, — прохрипел Ром, протягивая черный, острый медвежий коготь, прикрытый оберегом из белой, звериной шерсти, — Ты прости, Дамир... Что не приехал... Прости...

Кавказец вздохнул.

— И ты прости меня идиота, Вить. Что забыл...

Он в последний раз обнял старого друга.

Глава XII. Старые знакомые

1

Ночь смыкала горизонт. Луна восходила на свой небесный трон, разбрасываясь бледными, безжизненными лучами приглушённого света. Чёрные нагромождения туч услужливо расступались перед своей королевой. Где-то там, далеко, блестели сотнями точек звезды, отдаленные от людских проблем миллионами световых лет. Дождь, что неумолимо лил весь день, наконец, стих. Ветер неспешно покачивал макушки стоящих колоссов-тополей, устремившихся своими пёстрыми верхушками к небу.

Путники стояли над огромной, чернеющей десятками тел, полосой, вытянутой вдоль ограды здания.

Бок о бок лежали с обгоревшими деревьями, мертвецы, которые, наконец, обрели покой. Все, аккуратно обёрнутые плотной, не раз перекроенной тканью, они мирно лежали, устремившись остекленевшими глазами вдаль. Так вышло, что последним, кто ляжет в эту братскую могилу, был Ром.

Даня, с трудом тянувший с собой его тело, наконец передал его Егерю, что ждал на дне мертвой полосы.

Старый товарищ перевозчика коснулся чёрствой, холодной земли.

— Вот и все, дружище... — проронил Егерь, глядя в погасшие глаза Рома, — До встречи.

Зашумели лопаты.

Наконец, после тяжелой работы, можно было отдохнуть.

Тихо трещал костер. Даня его разжег, как только стало смеркаться. Вокруг были раскиданы бетонные блоки, из которых вышли отличные стулья.

Пацан уселся на один из них. Утирая пот с лица, он ещё долго всматривался в землю, под которой покоились десятки тел. Невольно его била дрожь, ползущая по телу, словно змея.

Егерь курил. Он перебирал в руках амулет, подаренный Ромом ему перед смертью. Теперь это была единственная память о ушедшем друге. Трудно передать боль, что испытывает человек, теряя близкого. Это жгучее, разъедающее чувство, способное поглотить разум, сковать волю, обессилить тело. Чувства, эмоции — всё гаснет, погружаясь в беспросветный мрак. В бездну.

— Не думал я, что вот так вы кончите, ребята... — шептал перевозчик, сжимая пушистый амулет. — Вы простите, что раньше не пришёл.

Даня, присевший у деревянной лестницы, дрогнул. Таким, он видел кавказца впервые. Развевалась та стойкость, уверенность и решительность. Слово щиты, укрывавшие душу, треснули.

«Кем был этот человек, чья смерть так выбила Егеря?» — думал он, вглядываясь в огненные языки, пылающего костра.

Любопытство взяло вверх над приличием.

— Егерь, — едва слышно обратился он к перевозчику, — кто это?

На несколько минут повисла тишина, иногда прерываемая воем ветра. Казалось, перевозчик не услышал вопроса. Но он лишь собирался с силами.

— Это был Ром, — вздохнул Егерь. — мой старый товарищ. Я знал его также хорошо,

как и твоего дядьку. Столько мы с ним прошли... А я... Даже не вернулся.

Яркий сигаретный огонек едва заметно подрагивал.

Совсем незаметно к выжившим прильнул Зевс. Он все это время ошивался у здания, намеренно не подходя к трупам. Теперь же, когда мертвецы скрылись под землей, он увалился на ноги, к севшему на небольшой бетонный блок, Егерю.

— Да, зверюга, ты Рома не любил... — грустно улыбнулся Егерь, поглаживая питомца, — всё таскал у него еду да рвал комбинезон...

Пёс жалостливо заскулил. Потом свернулся в клубок и закрыл свои блёклые глаза.

— Подкинь дров.

Через несколько минут костёр вспылал с новой силой. Стало тепло и уютно. Если вообще можно чувствовать себя уютно, сидя рядом с десятком похороненных тел.

— Я вижу любопытство в твоих глазах, — наконец, продолжил Егерь, — что-что, а знать про прошлое своего дядьки ты всяко разно должен. Но вот рассказывать про него и Рома по отдельности — задачка ещё та. В общем, слушай...

2

— Я больше не собираюсь здесь ошиваться... — ворчал Артем, поигрывая стаканом, в котором плескалось туда-сюда самодельное деревенское пиво, что наловчились делать местные. — У меня там, в Сибири, мальчонка вот такой махонький живет с тёткой уже какой год, а я здесь просиживаю штаны!

— Успокойся, Тема, — вмешался Ром, — ты же знаешь, что зимой ехать так далеко — не лучшая затея.

— Да? — продолжил Хриплый, наклонившись к щетинистому лицу своего друга. — А вот гнить здесь, мерзнуть от ночных холодов, бездумно таскаться по этой богом забытой деревеньке и смиренно ждать, пока окочуришься — идея в самый раз!

Ром по своему обычаю сложил руки на груди, немного качнулся на скрипучем стуле назад, чтобы глянуть в раскрашенное зимними морозами окно.

— Да, осталось только смотреть как царевна в окошко, ожидая когда принц на белом коне приедет! Правда, ты и коня в такую погоду не увидишь, — усмехнулся Артем, опрокинув стакан пива.

Жидкость приятно обожгла рот, отчего он невольно замолк на какое-то время.

А за окном и правда была непогода: выл ветер, перемешивая и закручивая падавший с неба огромными хлопьями снег. От окна веяло диким холодом, к которому мы, впрочем, давно привыкли.

— И всё-таки, куда ты собрался, Тёма? — нахмурил свои большие брови Ром. — Утонуть в снегу?

— Да пошел ты, Витя! — засипел второй. — Я на Второй Чеченской из плена один выбрался, а потом еще несколько дней до наших волокся почти шо голый! Думаешь меня снег остановит?

Он плавным движением вынул очередную бутылку из-под стола, небрежно откинув прошлую в сторону. Та с глухим звуком шмякнулась об пол и укатилась в угол. Из запотевшего горлышка забурлила водка.

— Тебе не хватит? — усмехнулся Ром, утерев красный, сломанный давным-давно нос, будто бы сложенной надвое.

— Этого? — фыркнул Хриплый, раскинув руки над тремя опустошенными бутылками. — Мы с тобой в пятом классе что ли?

— Дамиру по-моему хватило.

— А, да ты же знаешь его занудство! Как сели выпить, отдохнуть, так он сразу язык откусил и сидит, как бес на нас пялит. — Хриплый хмурым взглядом окинул меня.

Я курил, сидя рядом с ними, лишь немного откинувшись назад.

— Слышь, мсь-е, ты пить-то будешь?

Я молча кивнул.

— Да, и вправду немой... — продолжил Артем, утирая капли пива с седеющих усов.

Скоро Хриплый совсем опьянел. Он стал упорно доказывать, что в одиночку, без ромовой «Шишиги» дойдет не то что Иркутска, он к Владивостоку добредет.

— Ну да, ну да! — парировал Ром, ударив кулаком о еловый стол. — Я помню, как ты точно также уверял нас с Дамиром, что зима тебе нипочем, а после мы нашли тебя пьянушим в стельку около свиного амбара.

— Ай... — Артем смущенно махнул рукой, облокотившись на стол. — Шёл бы ты!

Метель усиливалась, но от того приятней было сидеть здесь, в небольшом уютном домике, рядом с большой, отдающей теплом русской печкой, среди близких мне людей.

Я знал, что так не может больше продолжаться. Мы мариновались в этой деревеньке уже больше трех лет, но так и не смогли выбраться за периметр. Не знаю, что нас останавливало, ведь Хриплый уже через год стал подначивать нас с Витей на этот марш-бросок. Мы все отнекивались, говорили, что еще не все готово и сначала он даже верил. Но теперь, когда Шишига готова, стволы, еда и одежда приготовлены, незачем сидеть здесь, в Туле, селе на берегу змеиной реки Оби.

— Ну и где этого засранца носит? — возмутился Хриплый, морщась от горечи водки.

— Да, что-то долго его нет. Давить водку без закуси — нехорошо, — дополнил Витя, осматривая запотевший стакан. — Плесни ещё.

Так они и ворчали, словно старые деды, пока внезапно дверь не распахнулась, впустив за собой языки холода.

Артем тут же обернулся, оторвав губы от стакана с выпивкой. Ром тоже оглянулся, но после сразу же вернулся в исходное положение, словно ничего не произошло.

— Ну неужели! Припёрся!

Я развернулся. На пороге стоял Костя.

— Да, а вы тут уже без меня четвертую чекушку откупорили! Нельзя вас тут одних оставлять, — сказал он, поглядывая то под стол, то на красного, как помидор, Хриплого, то на Рома.

Одет Костя был в теплую зимнюю дублёнку, сделанную местным мастером на заказ. На удивление, за три года непрерывного использования, она ни разу не рвалась. На лицо он натянул себе теплый шарф, цвета седины, а на голове красовалась знакомая шапка-ушанка с красной звездой СССР.

Костя скинул пузатый рюкзак на пол и принялся раздеваться.

Артем вскочил с места и, дойдя до двери, зло схватил рюкзак.

— Давай быстрее, Костян, пока Хриплый не расплылся! — хохотнул Витя.

— Я? — Артём выпучил глаза. — Это ты через пару рюмок стухнешься!

— Да ладно, мужики, шас вы тут все сопьётесь, мне с кем разговаривать потом? — улыбнулся Костя, стянув с себя шарф.

Показалось доброе, чистое юношеское лицо. Глаза отдавали малахитом, давно не стриженные русые волосы свалились до бровей. Больше всего выделялся длинный и острый

нос, покрасневший от лютого сибирского мороза. Роста он был среднего — чуть больше Хриплого. На лице его часто сияла улыбка и иногда мне казалось, что он — это я до войны. Не нюхавший смерти, боли, отчаяния и ужаса, наивный паренек. Но мне лишь казалось.

Хриплый с еврейской жадностью начал вскрывать все отделы рюкзака, вытаскивая оттуда различные соленья: баночку грибов, огурцов, помидоров, несколько рыбных консерв, пару банок тушенки. Но его это не интересовало: он почти с головой нырнул в рюкзак, пока, наконец, не вынул пухлую бутылку, в которой игриво плескалась жидкость.

— Вот она! — улыбнулся Артем. — Дед Иван не обманул!

— Алкаш ты и есть алкаш, Тема... — вздохнул Витя.

Хриплый по-детски нахмурил брови, а после выдал:

— А у кого это, Витенька, из нас погоняло Ром, а?

Витя рассмеялся.

— Слухай, Дамир, ты если продолжишь так сидеть, я тебе вот этой бутылкой, — Артем указал на угол, куда недавно бросил опустошенный сосуд, — тресну.

— Ладно тебе, — ответил я, выпустив облачко дыма.

Артем почесал затылок.

Наконец, Костя, подтащив стоящий подле печки стул, сел к нам.

— Ну что, теперь-то можно и отдохнуть, а мужики?

Хриплый поставил все стаканы в кучу, небрежно разливая водку.

— То на потом? — улыбнулся Костя, немного отхлебнув из стакана.

— То я один буду пить, — усмехнулся Артем, — не вы же деду Ивану кости промывали несколько дней, чтобы он нам сегодня это сокровище предоставил.

— Мне кажется ты преувеличиваешь на счёт вкуса этого пойла, — вставил я, открывая банку соленых огурцов.

— Тебе кажется... — Хриплый буквально сиял от предвкушения, но, все-таки отложил бутылку под стол. На потом.

— Дрогнули! — весело гаркнул Ром, небрежно приподняв стакан.

Загремели стаканы. Водка обожгла рот горечью, но пара соленых огурцов быстро исправили это.

Костя сразу же сморщился, занюхав пойло куском грубо порезанного чёрного, черствого хлеба.

А вот Хриплый и Ром даже не притронулись к закускам, а, зло смотря друг на друга, лакали пойло без остановки. Мы с Костей быстро переглянулись и дали молчаливое обещание друг другу не вмешиваться в эту дуэль.

Наконец, Ром сдался, закашлявшись на четвертой рюмке подряд.

— Ха-ха-ха! Вот ты и прошляпил! — смеялся Хриплый, похлопав приятеля по плечу. — С тебя бутылка.

Ром, утирая слезящиеся от кашля красные глаза, кивнул.

Позади нас потрескивал костер, а веселье лишь нарастало. Скоро Хриплый с Ромом в очередной раз решили посоревноваться, только на этот раз в силе.

Хоть первый был и гораздо шире и выше второго, но Хриплый лишь казался алкоголиком-доходягой. Задрав рукава шерстяных кофт, что нам связала местная швея — Ульяна, которой мы подняли дом после бурь, они сцепились.

Мы с Костей с детским азартом смотрели на это представление.

Вены на руках у обоих вспучились, а на лицах загорелась жажда победы. Сначала вёл

Ром, но потом Хриплый, словно в него влили ещё бутылку водки, навалился с новой силой. И так, раскрашенные в багровый цвет, они буквально походили на помидоры, что сейчас плавали в банке соленьев.

— Хрен тебе, а не бутылка! — ворчал Хриплый, у которого от напряжения бешено дрожала рука.

— Вот ту самую и отдашь! — хрипел Ром.

Я с интересом наблюдал за баталией, в то время как Костя нервно бросал взгляд то на Артема, то на Витю. Не зря ведь поставил бутылочку отличного портвейна, на который даже я смотрел не без чувств, ведь в наше время это был самый настоящий алкогольный артефакт. Уж не знаю, где Костя его нашёл, но хранил его как зеницу ока — на особый случай. Жаль будет его терять. Я же в противовес поставил несколько отличных кубинских сигар, бережно хранимых мной в изящной кедровой коробочке.

— Давай, Витя! — кричал молодой, изредка подпрыгивая со стула, не в силах сдержать эмоций.

— Артем, если ты проиграешь, то придется расстаться с теми сигарами, которые ты хотел раскурить перед смертью!

— Да шел ты! Я тебя ещё переживу...

Бой шел на равных, но вот-вот рисковал закончиться проигрышем моего патрона.

И вот, когда оба были на исходе, Ром резким рывком уронил руку Темы на стол.

— Сукин сын! — выругался Артем, потряхивая рукой.

Ром же, утирая пот с большого лба, блаженно выдохнул.

Костя, растянув улыбку до ушей обернулся на меня, впившись блестящими глазами.

— Да ладно, ладно! — я развел руками, вставая из-за стола.

Заскрипела дверца шкафа и через пару минут на столе красовалась миниатюрная коробочка, на которой курсивом была выведена марка сигар: «Cesar».

— Честно выиграл, — я косо глянул на Артема, который, насупившись, смотрел в окно.

Костя стал рассматривать подарок, а после открыл его. Вынув две сигары, одну он отдал Рому, а вторую оставил себе.

— Эй, гладиатор! — обратился он к Артему. — Держи.

В итоге честно выигранные Костей сигары распределились между всеми. В крохотной комнатке навис плотный белый дымок.

Я тоже закурил. Ударил приятный, пряный аромат яблок, на какое-то мгновение, унесший меня из этого мира.

— И всё-таки... — продолжил Артем, выпуская кольцо седого дыма, — надо сматывать удочки.

Я оглянулся на Рома, он на меня. Мы поняли друг друга.

— Тут ты прав, — поддержал его я, — слишком мы тут засиделись.

— Да... — вздохнул Ром, поглядев в окно, — Тут хоть и уютно, но толку? Обещали ведь. На какое-то время повисло молчание, даже к бутылкам никто не прикоснулся.

— Выезжаем послезавтра. — наконец сказал я.

— Так рано? — удивился Костя, оборачиваясь ко мне.

— А Шишигу мы просто так листами свинца обшивали что ли? — спросил Хриплый, выплескивая остатки водки в кружку. Потом опрокинул ее и сморщился, но так и не закурил.

Ром утёр раскрасневшийся от спирта нос, а после затушил еще не раскуренную до конца сигару.

— Да, Кость, мы же не просто так тут это пиршество устроили. Знал ведь, что скоро уедем.

Костя свесил голову на груди, оглядывая свои новенькие, утеплённые заячьим мехом, сапоги.

— Честно говоря, я думал, что вы тут ещё недельку-другую посидите.

— Да ладно, что ты поник? — улыбнулся во весь рот Хриплый, склоняясь к записке под столом.

— А может я вас в последний раз вижу, — вздохнул Костя, — когда теперь свидимся?

— Так айда с нами! — Ром ткнул его в плечо. — Что ты тут будешь вариться?

— Связь здесь, технологии какие-никакие, а там что? Если за периметром вообще хоть что-то осталось, кроме пепла.

— Да куда мы денемся? — вставил Ром, играясь с зажигалкой. — Приедем через год-другой, всё путем будет!

— Кто знает... — вздохнул я, выпуская очередное кольцо дыма.

Этот приятный аромат спелых яблок, оставляющий сладкое послевкусие не давал мне покоя. Жаль, что таких шикарных сигар у меня больше нет.

— Все может быть, Костя. Но разве это повод унывать? У тебя здесь дел невпроворот, некогда скучать будет.

— Ну раз так, — усмехнулся он, — нужно проводить вас как полагается!

— Во... — ухмыльнулся Хриплый, доставая из-под стола заветную настойку. — Парень дело говорит.

Через пару минут стаканы до краев наполнились кроваво-красной жидкостью. Бутылка наполовину опустела, а на дно неспешно спустились какие-то ягоды.

Я понюхал эту настойку. В нос ударил свежий, брусничный аромат, слегка кисловатый, но от того не менее приятный.

— Пей, чё ты ее рассматриваешь, как стриптизершу в баре! — ругался Хриплый, — Или, мсье Дамир, вы предпочитаете только нюхать?

Все рассмеялись. Странно, что только под градусом алкоголя издевки Артема воспринимались как очень смешные шутки.

Наконец, ледяная вода обожгла горло. Приятная смесь ягодного послевкусия, терпкого вина и других пряностей, быстро протиснулась внутрь. Язык приятно обжигали остатки настойки. Создавалось впечатление, что я выпил не настойку местного деда Вани, а заграничное, отличного качества вино.

Я расплылся в довольной улыбке, ненадолго прикрыв глаза.

— Вы посмотрите, как нашего мсье разморило! — послышалось гоготание Артема, которое впоследствии подхватил и Ром, а после и Костя.

На душе было очень тепло и уютно, не хотелось даже думать о завтрашнем дне. Хотелось заморозить эти приятные мгновения, остаться в них, не выходя наружу, где только снега, холод и лёд. Именно такие моменты и лечат раны, оставленные прошлым. Не хотелось идти дальше. Будь у меня выбор, я бы умер здесь, в окружении друзей...

— Еще по одной! — воскликнул Ром, встав со стула.

Все полилось рекой: настойка, пиво, портвейн, закуски, водка... Все покраснелись, повеселели, даже меня не на шутку раскрутило.

— Мужики, анекдот! — бросил Артем, тыкая указательным пальцем в потолок.

Все ненадолго затихли.

Артем помял кофту, почесал в затылке и, наконец, выдал:

— Встретились как-то два армяна... Или это были евреи? Тьфу! — он махнул рукой, — Забудьте.

Несмотря на это, все так же дружно рассмеялись.

Я изредка поглядывал на темнеющие за окном тучи. Время текло совсем быстро.

Мы чокнулись стаканами.

3

Я проснулся первым. В углу, подле печки. Как я здесь оказался не знаю, меня больше беспокоило то, как Артём очутился под столом, весь заваленный бутылками.

На столе всей своей массивной тушей развалился Ром, уткнувшись носом в стол. Костю я нашел не сразу. Пришлось подняться, похрустев затекшей спиной. Оказалось, что он единственный, кто повел себя как цивилизованный человек и уснул на печке.

За окном поблескивало солнце, разгоняя нависшие свинцовые тучи. Голова после пьянки, на удивление, была в полном порядке. Я даже не свалился на пол, сделав несколько шагов. Хрен тебе, похмелье.

Через несколько часов проснулся Артем, и матерясь во все оружие, он скоро выполз из-под стола. За ним очухался и Ром. Видимо, иммунитета к похмелью у них не было. Почти сразу они накинулись на немногочисленные запасы ледяной воды, а после ещё полчаса жаловались на боль в голове.

А вот нехрен столько пить.

Скоро проснулся и Костя. Ему досталось меньше всего, а потому он довольно быстро пришел в себя.

— Ладно, мужики, — сказал я, осматривая недовольные, опухшие рожи своих собутыльников, — пора.

— Куда ты так торопишься... — сморщился Тема, растянувшись на печке.

— А не ты вчера так возмущался, что мы тут засиделись?

Он не ответил.

Весь день мы собирали вещи: оружие, патроны, еду, прочие прелести, так нужные в наше время. На удивление, местные, которым мы время от времени помогали, очень сильно отблагодарили нас. Наверно, Костя всех оповестил о нашем уходе.

Ворчливый и вечно пьяный дед Иван подарил Артёму ящик своей настойки. Тот долго не понимал, почему нельзя было вручить такой подарок сразу. Нам отдали кучу одежды: кофты, дубленки, шерстяные носки, шапки. Местные охотники, с которыми Ром очень много торчал, подарили нам почти что ящик дробин. Для Рома это было настоящим даром. Все очень тепло провожали нас: желали удачи, предлагали посидеть на дорожку или угощали едой. Честно сказать, я не был готов к таким проходам. Видимо, мы и правда очень хорошо помогли здесь местным.

— Приезжайте ещё! — кричала маленькая девочка, стоящая подле усталой матери, укутанная вдоль и поперек шерстяным шарфом. Видны были лишь глаза.

Я хорошо знал эту девочку. Её звали Алиса. Год назад она едва не замерзла, когда вдруг решила уйти искать «жару». Повезло, что как раз тогда мы вместе с Ромом возвращались из наряда и вытащили её из разразившейся метели. На удивление, она не забыла о нас и подарила мне пачку самодельных конфет, сделанных из жженого сахара, в форме кривых сердечек. Кажется, тогда я впервые за столько лет прослезился. Что-то было в этом добром, невинном детском жесте, что-то теплое, такое родное и близкое.

Я навсегда запомнил ее яркие, бьющие жизнью, голубые глаза и добрый, полный надежды, взгляд.

Но вот все разошлись и остались только мы вчетвером: я, Артём, Витя и Костя.

Все мы молчали, понимая, что вот-вот и мы, возможно, навсегда расстанемся.

— Да ладно, что мы как дети... — вздохнул Хриплый, присев около Шишиги. — Время пришло вот и все.

— Да, — поддержал Ром, оглядывая плотно уставленные друг к другу свинцовые пластины, с заплавленными швами, — пора.

Костя улыбнулся, оглядев всех.

— Дай бог свидимся, мужики, надеюсь не на том свете.

— Сплюнь! — гаркнул Артем.

Я рассмеялся.

— Ну с таким монстром, — я ткнул на ГАЗ, — хоть в преисподнюю!

— Да, потрудились мы славно. — удовлетворенно ответил Ром, хлопая по кузову Шишиги.

— Без тебя, Кость, мы бы её не собрали, это ж натуральный Франкенштейн!

— Да, Артём прав. У тебя золотые руки. Не спейся.

Я хлопнул его по плечу.

Солнце скрылось в бесконечных наплывах серых туч. Стоял мороз, что с каждой секундой усиливался, обжигая наши лица в багровый цвет. Ветер неспешно разносил падающий снег, что вскоре грозил перерасти в метель. Силуэты домов потихоньку гасли под напором снега, пока вовсе не исчезли.

ГАЗ тихо гудел, ожидая своих пассажиров.

— Ладно, прощайте парни...

Мы дружески обнялись, обмениваясь теплыми прощаниями.

— Костя! Не позволь деду спиться! Он нас еще встречать будет своим пойлом! — кричал Хриплый, забираясь в кабину.

— И бабу уже найди себе! — поддержал Ром.

А молодой всё улыбался, мерно размахивая рукой.

— Ещё свидимся, дружище! — уходя, бросил я.

Хлопнули двери. Метель постепенно скрыла очертания деревни, а потом и фигуру парня, который ещё долго махал нам вслед.

Дай бог свидимся, Кость... Дай бог свидимся...

Глава XIII. Шутка природы

1

Заревел двигатель.

Даня залез в КРАЗ и поудобней пристроился в кабине. Между сидений развалился Зевс, свернувшись клубком. Путники двинулись дальше, покидая город, где был похоронен один из последних друзей Егеря.

Они ехали между порезанными на мелкие улочки зданиями, что пугали своими почерневшими от огня войны окнами. Иногда парню казалось, что за ними кто-то есть. Впрочем, после череды перемен, рухнувшими на его жизнь, он всегда будет нервно оглядываться по сторонам, ожидая, что кто-то вот-вот выскочит из-за угла.

Егерь неспешно вел машину, потирая свою густую бороду. В зубах торчала сигарета, которая отдавала яркой пламенной точкой, клубящейся дымом.

Даня взглянул на свои новенькие часы, повернутые на военный манер.

Девять утра.

После похорон Даня лег спать в КРАЗ, а ранним утром, часов так в шесть, всему заспанному, ему пришлось помогать кавказцу обчищать базу Рома.

Они вытащили два ящика с калашами, танковый пулемет Калашникова, с креплением на самодельной сварной треноге, Мосины и СКС гражданского образца, приспособленные для охоты. К ним прилагалось по ящику патронов. По семь калибров 5.45 и 7.62, а также ящик охотничьей дроби в перемешку с жеканом. К последнему прилагался десяток двустволок, как вертикалок, так и горизонталок. Некоторое количество короткоствола, патронов к нему, брони, самодельные консервы и сушеное мясо. Запас медикаментов, в том числе и местного производства «зелья», да немного разной мелочи.

В голове у парня был полный бардак. Все происходящее было словно во сне: смерть Хриплого, едва ли не смерть его самого, а после ещё больше убийств, смертей и трупов. Хотелось в один миг все бросить, забыться, забиться в угол, не выглядывая в окно, боясь, что теперь настанет и его очередь. Очередь умереть.

История, рассказанная Егерем, оказалась интересней, чем он думал. Ему казалось, что перевозчик — человек местный, и со времён войны работает на Рубахина, здесь, в Сибири. Но все оказалось гораздо сложнее и запутанней.

Ром, Артем, Егерь да еще какой-то Костя... Кем же Егерь был раньше и почему сейчас ведет его, несозревшего салагу, куда-то очень далеко?

Даня утер лоб, грустно вздыхая. Чем больше километров оставалось позади, тем хуже он себя чувствовал. Вокруг все было таким незнакомым, неродным и пугающим. Даже Егерь, что сейчас мирно потягивал сигарету, был настоящим монстром в человеческой шкуре. Но одновременно с этим угадывалось в нем нечто человеческое, спрятанное глубоко в душе.

Парень заерзал на сиденье.

Егерь покрутил радио, что тоже вытащил у Рома. Радиостанции, на удивление, были. Одна была на частоте девятого пункта. Местные связисты вечно пытались связаться с регионами за рубежом Новосибирска, но выходило это скверно. За городом был лишь белый шум, только изредка можно было услышать человеческий голос. Вторая же станция была собственностью сталкеров изгородка, лежащего совсем неподалеку. На ней часто шумели произведения группы «Кино», Высоцкого, Гражданской обороны и других культовых

исполнителей, остававшихся в сердцах людей даже после урагана войны. Сейчас играла «Пачка сигарет».

— Так ты и попал сюда? — наконец спросил Даня, прервав молчание.

Егерь неторопливо стряхнул пепел с сигареты, аккуратно положил её в пепельницу.

— Ну, почти, — сказал перевозчик, — только вот потом мы встретили последствия. Последствия человеческой халатности. Мы, правда сказать, сначала подумали, что это шутка природы. Шутка над человеческими жизнями.

2

— Чё-ё-ё-ё-рный во-о-о-рон! Что ж ты вё-ё-ё-шься над мое-е-е-ю голово-о-ой! Чё-ё-ё-ё-рный во-о-о-рон!

— Харэ уже горланить, — поморщился Ром. — Уши вянут.

— А я уж хотел певцом становится, — слышалось позади. — Обидно, что вы не цените мой музыкальный талант.

— Артем, твоим музыкальным талантом пытаться можно.

— Да чтоб тебя, Дамир! И тебя, Ром! Зануды.

Ехали мы уже как полчаса. Кривыми зигзагами маневрировали заваленные деревьями тропы, срезали путь через нагромождения снега. Благо наша шишига позволяла пробираться через все эти препятствия без особых трудностей.

Мы недавно миновали периметр — условное место, после которого нас встретила абсолютная неизвестность.

Артём, как и местные, знал эти края отлично, а потому расчертить наикратчайший маршрут было совсем просто. Представлял он собой ломанную в нескольких местах линию: после первого такого перелома мы проехали Бурмистровскую.

Это была небольшая вымершая деревенька, где с трудом могло отыскаться десяток человек: дряхлых стариков и спившихся мужчин. Люди из Тулы не жаловали Бурмистровку, дескать, проклята она. Но как по мне, всё это бредни.

В любом случае, пока мы проезжали покосившиеся, сгнившие домики, Ром заметно поддал газу. До очередного надлома на карте оставалось с десяток километров.

— Всё-таки, охрененно мы тут отгрохали, — снова слышалось сзади, — На этой заразе можно всю русь-матушку объехать!

— Да, — подхватил Ром, поглядывая на окутанную изнутри фольгой с утеплителем кабину, — потрудились на славу.

А корпели мы над этой заразой уйму времени. Понадобился не один месяц, чтобы из обыкновенного шестьдесят шестого ГАЗа сделать монстра, способного бороздить просторы постыжерной пустоши, окутанной лютейшими сибирскими морозами.

Мы долго и упорно наваривали внутренний и внешний каркасы, дабы увеличить устойчивость машины, сращивали кабину с будкой коридором, а меж ними воткнули два топливных бака, так что теперь эта посудина держала в себе девятьсот литров топлива. Костя довольно долго возился с подвеской, перерабатывая её в сторону увеличенной грузоподъемности, а я в то же время вместе с Ромом занимался установкой утроенных стекол, нужных для сохранения тепла. Как-никак на улице сейчас было под сорок градусов, а ведь ещё не ночь.

Артем тогда, помимо упомянутых фольги с утеплителем, закладывал еще слой шумки и ковровина, чтобы даже в рекордные минус шестьдесят, шестьдесят градусов мы чувствовали себя в уюте. К двигателю Костя пристроил две турбины, что значительно увеличивали

мощность Шишиги, а в довесок усилил раздатку, коробку и мосты.

— Как-то летом на рассвете загляну-у-ул в соседний сад! Там смуглянка-молдованка собирала виноград!

— Ну началось, — улыбнулся Ром, оглядевшись назад, — Ты там дедовскую настойку не трогал, а, Тема?

— Я красне-е-ю, я беле-е-ю, захоте-е-е-лось вдруг сказать! Станем над рекою, зо-о-о-рьки летние встречать!..

Мы с Витей переглянулись и пожали плечами: пусть горланит.

Скоро с Артемом разменялись местами. Я нырнул в кузов. Отделан он был тоже по самое нехочу: мы притащили сюда две грубо сваренные койки, куда бросили два таких же перешитых на тысячу раз серых матраса, в угол воткнули самодельную, деревянную стойку для оружия, где сейчас красовались три укороченных АКС-а и длинноносый, обшарпанный «БЕКАС М 12» Рома, рядом с которым лежал подаренный ящик с дробью калибра 12x70. Плащи химзащиты, ножи, противогазы и каски мы прикрепили к вешалке справа. Гранаты, коктейли Молотова были аккуратно уложены в деревянные ящики, приправленные соломой, дабы ниче не разбилось. Под кровати уложили кофты, шапки, носки, перчатки и другие шерстяные подарки, а пищу сбагрили в холодильник.

Кстати, холодильник весьма своеобразный. Костя додумался сделать небольшое углубление в центре кузова, достаточное, чтобы помещать туда еду с напитками. Внутри мы ничего не утепляли, чтобы мороз без проблем охлаждал продукты, а вот внешнюю сторону металлической крышки утеплили тем же ковровином вместе с шумкой. Четыре выхлопные трубы, пущенные в полу, служили противовесом и отлично грели пол. Так, благодаря светлому разуму этого парня, мы обзавелись охрененным самодельным холодильником, не занимающим почти никакого места.

Я упал на койку справа, довольно растянулся и несколько раз щелкнул спиной.

Артем успел заразить и Рома, а поэтому по всей машине разносился фальшивый рев двух певцов:

— Клен зеле-ё-ё-ный! Да клен кудря-я-я-я-вый! Да раскудрявый и резной...

Я на секунду закрыл глаза.

3

— Сукино дитя! — бурчал приглушенный голос извне. Судя по интонации, ворчал Витя.

— Вот и кирдык твоим ураловским колесам! Говорил я, запаску надо брать!

— Мы и взяли, пока ты, алкаш, настойку принимал.

— Дамир! Дамир, сонная тетеря! — по кузову пронеслось несколько глухих ударов. — Слышишь? Выпархивай, у нас тут проблема.

Как оказалось мы наехали на торчащую из-под снега арматуру. Она вонзилась в переднее правое колесо, словно меч, насквозь его продырявив. Колесо шипело, словно взбесившаяся змея, ворча, выпуская воздух. Правды сказать, саму арматуру не было видно — её похоронил обильно выпавший снег, что даже сейчас неустанно ворошил вокруг нас.

Витя грязно выругался, а после его подхватил Артем.

— Так, мужики, давайте быстро устранять эту неурядицу.

— Само благоразумие, — буркнул Артем, открывая дверь кузова, — щас притащу инструмент.

Поддомкратив немного морду, Витя нацепил на гайки балонник и принялся прыгать по нему в попытках сорвать гайки.

— Дамир! Тащи трубу, тут все примерзло к чертовой матери!

Надев трубу на балонник, Витя вновь начал скакать козликом, срывая гайки, но последняя все никак не давалась. Пришлось всем троем прыгать, словно детям по трубе. Думали уж, что шпильку скорее сорвем, но наконец-то гайка сдалась.

— Ну неужели! — в радостях крикнул Артём.

Подняв морду домкратом повыше, сдернули колесо, а с боковины будки сняли запаску и воткнули ее на место пробитого колеса. О давлении в шинах можно не переживать, ведь родная система регулировки давления уже во всю начнет работать, как только заведется двигатель.

— Наконец-то, — ворчал Витя, дыша себе на руки, — мороз лютый, так и окоченеть можно.

— Ну поехали уже, че торчать тут будем. — сказал я, заваливаясь в кузов. Хлопнул дверью и ещё раз окинул багаж взглядом.

Машина зло пропыхтела, потом кашлянула и... Заглохла.

— Господи, да сколько можно? — не выдержал я, переходя через незамысловатую перегородку меж кабиной и кузовом. И замер.

Сквозь три слоя стекла, впереди, за плотным нагромождением деревьев громоздилось нечто. Снег, прикрываемый серым сводом туч, затмевал большую черную фигуру, которая, шатая деревья, брела к нам.

— Вот же срань, — Витя долбанул по костлявому рулю, — ещё нам неприятностей не хватало.

— И что ты застыл, дебил? — крикнул Хриплый, немного приоткрыв дверь, настолько, чтобы можно было высунуть голову и рассмотреть незнакомца.

— Гони, гони Витя, это чертов косолапый!

Витя прокрутил ключ, грузовик снова задрожал, запыхтел но не завелся.

— Давай, давай, родная! — шептал водитель, озираясь то на руль, то на приближающуюся тушу медведя. Безуспешно. Шишига отказывалась заводиться.

Проклятье...

Раздался оглушительный удар. Скрип металла резал уши.

— Ах ты выродок! — взелся Ром, прокручивая ключ. Без толку.

Медведь, грозно рыча, махнул лапой и второй раз вдарил по каркасу, металлическую сетку приваренную поверх труб вогнуло внутрь. Нас не на шутку трянуло.

— Быстро валим отсюда! — крикнул я, ныряя глубже в кузов, — Гаси ублюдка!

До очередного удара мы все оказались в задней части ГАЗа, спешно разбирая оружие со стоек. Благо, бронжилеты уже были на нас, так что через минуту, до зубов вооруженные, оказались на улице. Зверь бушевал уже больше минуты, попутно оставляя вмятины на морде нашей ласточки.

— Слышь ты, скотина! — рявкнул Артем, пуская очередь по медведю.

Прием сработал и из-за машины послышался ужасный рык разъяренного монстра.

— Ты чего там пережрал, чудище?

Снова рокот автомата.

Ром разрядил обойму дробовика. Рык.

Я стоял по другую сторону, ожидая своего выхода. По звукам, медведь клюнул и на эту уловку. Что ж, мой черёд.

Вынырнул из-за кузова, изрешетив гадину потоком пуль. На удивление, скотина даже не

повернулась. Видимо мишка понял, что его разводят. Так мы и стояли по три стороны, держа медведя в центре. Зверь скалился, пускал слюни. Выглядел он поистине устрашающе и даже Витя, закалённый якутский охотник, удивленно метал взгляд то на медведя, то на нас с Артемом, словно пытаюсь сказать: «Этого ублюдка так просто не грохнуть».

Медведь был больше своих сородичей на локтя полтора в высоту и на столько же в ширину. Удивительно, что зимой, во время диких морозов, выродок вымахал до таких размеров. Все наши старания пошли прахом — медведь будто бы проглатывал стальные очереди, а разряд БЕКАСа отпечатался на морде косолапого, всего лишь в виде роя вмятин. Впрочем, это беспокоило медведя мало. Из его ран медленно пульсировала темная кровь. Глаза уродца блестели рубинами, что очень контрастировало с его чёрной, очень мощной шерстью. На секунду все замерли.

Вдруг медведь взмыл огромными лапами вверх, блеснув скоплением бритвенных когтей. Рывок. Чудище быстро метнулось в мою сторону, со скоростью, не соответствующей размерам. Слишком быстро для медведя. Я описал небольшой полукруг и смог оказаться у чудовища позади, окатив потоком свинца. Зарокотал автомат, бешено подсакивая в руках. Пули брызнули по спине, но эффекта не было. Ром с Хриплым быстро сориентировались и тоже осыпали неприятеля. Всё без толку.

— Что за бес?! — орал Хриплый, ныряя за близлежащее дерево.

Рёв, что не походил на рёв обычного медведя. На сей раз мы столкнулись с чем-то противоестественным. По телу пробежала дрожь.

— Витя! Прыгай в ГАЗ, мы отвлечем уродца! Задавишь скотину, пока он не сожрал нас всех!

Витя кивнул, нервно озираясь на животное. Косолапому явно не нравилось, что его обстреливают. Снова бешеный рывок, обращенный ко мне. Сукин сын!

Я было увернулся, как вдруг засранец дал влево. Ожидал моего маневра? Уродец снова занес лапу.

Удар. Затем вспышка. Снова удар. Я успел лишь выкинуть руку, затмевая пасть твари. Очнулся у дерева. В глазах танцевали точки, взгляд еле прояснился. По щекам текла, обжигая щеки, кипящая кровь.

Жадно хватая воздух, пытаюсь восстановить дыхание, осмотрелся.

Своим телом я прочертил широкий след, приземлившись у ствола дерева.

Мощным ударом тварь откинула меня на несколько несколько метров. Сейчас черная фигура неумолимо приближалась ко мне, оглушая округу диким, похожим на вой демона, кличем.

Похоже, мне конец. Ноги дрожали, тело совсем не слушалось и подняться никак не выходило. На пушистый снег крупными каплями падала кровь.

Хотел было крикнуть, но вырвалось что-то пустое и сухое.

Вот я увидел изукрашенную шрамами морду монстра: облитая кровью и слюной. Из открытой пасти торчали десятки бритвенно острых зубов и четыре длинных, немного изогнутых клыка. Затем вспышка, рёв двигателя. Жесткий удар, отдавшийся лязгом металла.

— Как тебе, уродец?!

Как только пелена сошла с глаз я увидел, как наша Шишига снесла косолапого. Ром протащил ублюдка с десятков метров, пока машина не встала, буксуя колесами. Каркас, от напряжения на сорокоградусном морозе лопнул в нескольких местах, благо основной удар на себя приняла железнодорожная рельса, намертво приваренная вместо бампера.

Медведя придавило к огромной сосне. До того как обломки каркаса начали отваливаться, Ром усиленно давил гада, словно пытаясь размазать по сосне.

Косолапый, давимый машиной, грозно и дико рычал, беспомощно мотая головой.

— Ха-ха! — скалился Хриплый окидывая взглядом зверя, подбегая ко мне. — Выкусил?!

С его помощью я поднялся и выдохнул. Но зря.

Как только Ром отъехал, чтобы совершить добивающий удар, обозленное животное быстро выскользнуло из-под натиска грузовика.

Витя было развернулся для атаки, но медведь оказался проворней.

Водительская дверь со скрипом вмялась от мощного удара зверя. Дальше тварь на секунду остановилась и принялась.

— Витя! Витя! — крикнул я, на всех порах подбегая к Шишиге.

Позади бежал Артем, яростно ругаясь и проклиная животное трехэтажным матом.

Что он учуял?

На момент всё затихло. Время остановилось. Позади, очень медленно бежал Хриплый, с ужасом смотрящий на происходящее. Медведь также медленно готовился сделать рывок. Снег, воспорошенный до этого, почти что замер, да так, что каждую снежинку можно было рассмотреть. Это шанс.

Я выхватил калаш, который только благодаря ремню, не улетел от меня. Прицелился. Нельзя было промазать. Этой мрази наши пули нипочем, так что остается попасть в крайне чувствительное место. В глаз.

Вдох. Три секунды для успокоения диафрагмы. Три, два, один. Выстрел. Осечка.

Я занервничал, после снова прицелился, прожал курок. Щелчок бойка. Проклятье.

Время вновь приняло свой ход и я, уже беспорядочно стреляя по туше медведя с пистолета, бежал к Рому который выпрыгивал через заднюю дверь.

Уродец, не обратив внимание, шмыгнул за машину, так, что ни я, ни Артем, не могли его увидеть. Ублюдок понял, что к чему.

— Сука! Дамир, он щас сожрет его! Сожрёт Витю!

Нет уж. Не позволю.

До ГАЗа оставались считанные шаги. Эмоции, чувства умерли, в голову ударил холод. Как тогда, на линии...

Приблизившись к машине, описал полукруг у мятой кабины и оказался позади засранца.

Я слышал крики и маты Вити, глазом зацепил пятна багровой крови и мернодвигающийся затылок монстра. Нет... Я должен был успеть.

Сделал мощный рывок и, пробираясь через снежные сугробы, наконец, оказался совсем рядом.

Тварь прокусила Вите ногу, откуда сейчас, бурля и пульсируя, брызгала ярко-алая кровь. А его калаш лежал чуть в стороне, отброшенный ударом зверя.

— Выродок! Сдохни! Сдохни! — кричал он, тщетно пытаясь отползти. — А-а-а!

Зверь потянул Витю на себя, пытаясь оторвать ногу.

Ну держись, скотина...

Блеснула сталь. Лезвие моего ножа со свистом разрезало воздух, а после вонзилось ублюдку прямо в кроваво красный глаз. Косолапый взвыл, задергал головой. Скотина со всего маху дернув башкой вмазалась в задний бампер грузовика, заметно качнув машину.

— Артём! Артём, спасай!

В ответ тишина. Дела плохи. Нога Вити неестественно скосилась вбок, а от дубленой

заячьим мехом штанины остались лишь несколько рваных кусков. Из раны струилась кровь.

— Вали отсюда! — взвыл Витя, стиснув зубы. — Прибей мразь!

— Тебе нужна помощь!

— Отвали! Я забинтуюсь сам! Разберись с этим...

Ром жестко выругался.

Я оглянулся. Косолапый не на шутку разверел. Мне показалось, что тело его немного вспучило, а на месте от пуль появился какой-то мерзкий, склизкий гной. Кровь на удивление остановилась и стала запекается на матово черной шерсти. Продырявленный глаз еще немного кровоточил, но ножа в нем не было. Он вытаращил свой единственный глаз и, порыскав с полсекунды, нашел меня. Мы встретились взглядами. Я буквально чувствовал поток его гнева, концентрацию ярости и зла, которая, казалось, пыталась меня сломать. Я чуть отшатнулся от Рома.

Голова пошла кругом, в глазах снова потемнело. Стиснул зубы, сжал кулаки и приложил все усилия, чтобы остаться в сознании. Похоже, не слабое сотрясение я заработал. Взгляд немного прояснился.

— Ну что, выродок, продолжим? — спросил я, сплевывая кровь и поднимая на ходу калаш Рома.

Чудовище издало пронзающий душу рык и, вжавшись в снег, ринулось на меня. Пришлось урывками прорываться сквозь деревья. К счастью, плотный слой снежного наста позволял мне не утонуть в снегу, а медведь продавливал его, едва притронувшись.

Вдруг косолапый вмазался в состарившуюся, сухую сосну. Та с треском рухнула, а зверь, не обратив внимание на лежащего позади Витю, продолжил гнаться за мной. Как я и рассчитывал. Снова несколько маневров с поливанием уродца очередями из калаша. Молодые деревца под натиском зверя рушились, но на огромную сосну, в три обхвата шириной, у него сил не хватило. Громко ударившись черепом об препятствие, животное отшатнулось, но не рухнуло.

— Да сколько в тебе духу, паршивец?!

В ответ лишь злое рычание. На той стороне послышалось, как он махнул по дереву когтями. Только я хотел вынырнуть из-за укрытия, как вдруг провалился под снег. Вот же дьявол... Зверь тут же поймал меня на просчете и, привстав на две лапы, вдавил меня в снег.

Изо рта вырвался поток спертого воздуха. Казалось, у меня хрустнули ребра. В глазах снова потемнело, воздуха совсем не хватало. Я беспомощно хрипел. Ужасная, ощерившаяся морда впиалась в меня кроваво-красным глазом. Чувствовался поток неисчерпаемого, концентрированного гнева, способного свести простого человека с ума.

— Тёма, твою мать!!!

Он вдавил меня глубже... Сознание затуманилось. Снег обжигал голову.

И вот зверь раскрыл пасть, блеснув кучей окровавленных зубов, больше напоминавших лезвия ножей. Секунда и мне конец.

Вдруг зверь взвыл, оторвав свою морду от меня. Косолапого объяло пламя, с каждой секундой все больше и больше разрастающееся. Оно палило матовую шерсть, скручивая и обеляя её.

Со звоном разлетелась очередная бутылка, поддав жару. Я оглянулся и увидел Артёма, яростно кидающего в животное коктейли Молотова.

— На, покушай, мишка! Как тебе, а? Не горячо?!

Медведь взвыл, пытаясь отделаться от огня, заметался из стороны в сторону, падая в

снег. Грозный рык превратился в жалостливый вой и урод скоро скрылся в метели.

— Вали отседова! Сучий потрох!

Артем глянул на меня. Взгляд совсем размылся.

— Эй, Мир, ты чего? Эгей, не отрубайся, лады?

Слова становились все тише, все бессмысленней. Моргать с каждой секундой было все тяжелей. Веки сомкнулись. \

Тишина.

4

Проснулся я от грубостей Артема.

— ...дети! С вами носиться да глядеть, как нянька... О, проснулся.

Я окинул взглядом округу. Лежал на койке, в ГАЗе. На противоположной стороне постанывал Витя, возле которого носился Хриплый.

Артём на секунду отвлекся от пациента и зашагал ко мне.

— Я думал ты помер, — улыбнулся он. — Очухивайся давай, ничего серьезного. Пара синяков и все тут.

Оглядев себя, убедился в словах напарника. Он стащил с меня бронежилет, проработал царапины и ссадины, вроде как спиртом, ибо запах стоял знакомый. Едва поднялся, как вдруг боль в костях снова прибила меня к койке. Я вздохнул.

— Да чтоб тебя... Не говори, что у тебя трещина или не дай бог перелом! — бурчал Хриплый, обвязывая Рому ногу. — Не хватало мне одному вас тащить...

— Да нет... — сопел я, пытаюсь приподняться, — это так, мелочи...

— Мне тоже так казалось, когда я синяк увидел. А теперь вона шо, встать не можешь. Если так подумать, то тебя мишка нехило так извалял, раз ты три часа провалялся.

— Сколько?!

— Три. — Артем завязал узелок на ноге Вити. — Но чудо, что ты вообще пережил битву с этим черномазым уродцем.

— А Витя как?

— Ну, оклемается. Ему прокусил ногу огромный, мать твою, медведь и по хорошему он вообще инвалидом должен был остаться. Ан-нет, кости, конечно сломались, аж торчали, кровящи было море, но ведь не зря я пару лет полевым врачом после Чечни горбатился. Выкрутится.

— Ты вообще много где горбатился, как осмотрю. — я почти что встал, как вдруг по костям словно катком проехались.

— Лежи уже, больной. — он отшагнул от Рома. — Этот тоже сперва отлично себя чувствовал, если так можно сказать, а потом в момент — бац! И спит.

— Крови много потерял, вот и всё.

— И то верно, — сказал Артем, наклоняясь к холодильнику. Он схватился за ручку, с усилием дернул и через пару минут в руках держал небольшую бутылочку. Открутил пробку, жадно отхлебнул.

— Что так смотришь? — насупился он, утирая седеющую бородёнку. — Такое пережили! Это надо отметить.

Я не ответил. Все равно сделать ничего не мог.

Пошарахавшись по кузову, Тёма, наконец, пригвоздил свою пятую точку к верстаку с инструментами. Мы несколько минут молчали, в большей степени потому, что Артем не отлипал от бутылки и только когда стало меньше половины, он успокоился, расслабившись

на верстаке.

Артём поймал на себе мой недовольный взгляд и тут же нырнул за продолжением. Скоро подобная бутылка оказалась у меня. Слетела крышка, а из бутылки потянуло скисшей капустой.

— Это не водка, — пояснил Артем, видя как я морщусь. — Даже не пиво, не вино и уж тем более не настойка. Лечебные травы, тебе полезно.

— Значит сам пиво жрешь, а мне это дерьмо? — я демонстративно потряс бутылкой, держа ее за горлышко. Внутри игриво плескалась жидкость.

— Всё так.

Вот же засранец. Но делать нечего. Я отхлебнул, поморщился и убрал это нечто подальше. Оно было еще более отвратным на вкус, чем на запах. Ощущение, что попил из тинистого болота. Мерзость.

— Все равно выхлебаешь, — потирая свою бородку лыбился Артем.

— Хрена тебе лысого. И все же...

Память вдруг ударило недавними событиями. На секунду возникла морда чудовища, что чуть нас не перегрызло.

— Это ведь был, — пробормотал я, — не обычный медведь...

— Именно, — ответил Артем, поджигая сигарету, — Какая-то тварь-переросток. Обычных мы бы раз плюнуть ложили, а здесь едва коней не двинули. Даже он, — Тёма кинул взгляд на храпящего Витю, — прирожденный охотник.

— Верно... — буркнул я, ощупывая свежие шрамы на щеке.

— Н-да, — цокнул Тёма, — Мало твоего страшильного ожога на левой щеке, теперь еще и правая в шрамах.

Я не ответил.

— Не мог же нас помотать так какой-то мишка... Неужели это...

— Пережрал просто, — хохотнул Артем, подкидывая в руке крепко сваренный железный молоток с прорезиненной ручкой. — Ну или так, чудной какой-то, шутка природы. Бес, мать его.

— Зимой вымахать больше чем крупнейшие в своем роде? Это ведь шатун, Тёма, шатун.

— Потому и злой, — заключил мой собеседник, вертя инструмент в руке. — С другой стороны, нужно быть осторожней. Мало ли какое чудо еще выскочит? Нападение еще одного такого переростка наша Шишига не выдержит. Эта скотина ее сильно помяла, да и нас не пощадила.

— И не прибили мы его...

Артем хмыкнул, щелкнув пальцами на руках.

Я оглянулся на Витю. Тот лежал в позе мертвеца и то хмурил, то расслаблял брови. Явно что-то снилось.

— Как ты нас вытащил?

— О-о-о-о, пришлось повозиться! Первым делом затащил Витька, кстати, не без проблем, — Артём как бы невзначай окинул взглядом живот раненого. — Толстый, зараза. Ну, а потом и тебя, Мир. Ты, знаешь ли, ни граммом ни легче.

Я усмехнулся.

— Собс-но, потом смекнул, что косолапый скоро одыбается и вернется мстить. Так что ехал, пока не оставили это паршивое местечко далеко позади. Благо, наш якутский охотник, сумел себя забинтовать, стянул артерию как следует, присобачил небольшую ветку к ноге и

благополучно вырубился. Колесил почти что час, потом решил вас подлатать и ждать, пока очнетесь.

— А что так?

— А сам глянь.

Я с трудом поднялся, унимая дрожь в ногах и смуту в голове и, еле дошаркав до перегородки, взглянул в окно.

Была ночь, луна еле пробивалась через снежную завесу, но фары ГАЗа отчетливо выбивали в тени силуэт таблички. На ней надпись: «Новосибирск».

1

Солнце почти уползло за горизонт, но ещё ярко отсвечивало последними лучами света крыши ветхих, порушенных домиков, оставленных своими жителями давным-давно. Темные тучи затянули небосвод, ожидая восхода бледной и холодной луны.

Потрескавшаяся, иссеченная трещинами дорога, что змеилась по всей деревне, лишь изредка отклоняясь в маршруте, шла до самого ее конца. Не щебетали птицы, ветер не покачивал могучие кроны деревьев, не стучал по стволам дятел — всё было тихо и мертво. Бурьян пустился по каждому домику, пророс и там и здесь, заполонил собой огромные щели между сгнившими досками и стал единственным гостем этого богом забытого места. Во дворах виднелся покинутый транспорт: трактора, плуги, разбитые Жигули, Лады и Волги, брошенные здесь. У заборов мелькали, разбросанные повсюду детские игрушки: машинка, лишенная колеса и по самую морду утопленная в песке, кукла без головы, брошенная у дверей забытого дома, россыпь сломанных зелёных солдатиков, тщетно ползущих к вырытому в песку окопе.

В окнах кривых домиков было черным черно. Лишь прищурившись, можно было заметить разбросанные в спешке житейские вещи, разбитую мебель и, белеющие во тьме человеческие черепа. Кривые стволы сухих, серых тополей и берез обрамляли печальную картину, отражающую людское горе, навсегда запечатанное в мёрзлой земле.

Легонько подул ветер и пошатнул косую качелю на детской площадке. Раздался жуткий скрип, похожий на вой раненого животного. Громко каркнул ворон, сидевший на ветке сгорбленной березы, затем встрепенулся и чёрной стрелой метнулся в свинцовое небо. Ветер не тронул уваленную на бок, проржавевшую карусель, такой же турник и небольшую лесенку, лишённую половины ступеней. Он, утягивая за собой всякий намек на жизнь, неспешно побрёл дальше.

Было пусто и тихо.

Егерь все также медитативно и сосредоточенно вел машину, не отрываясь от очередной сигареты. Кабину немного подбрасывало на частых ямах и выбоинах, отчего Даня пару раз едва не стукнулся головой о крышу.

Четвероногий товарищ до сих пор мирно лежал клубком между сидений и то и дело морщил большой черный нос от едкого запаха никотина.

Перевозчик давно закончил свой длинный рассказ, а у парня так и не нашлось слов, чтобы ответить хоть чем-то. Он одновременно был и удивлен, и напуган тем, что помимо волков-переростков, где-то, в чащах темных лесов бродит огромный, безумный медведь, справедливо прозванный Бесом.

Всматриваясь в застланную тьмой гущу леса, проглядывающей сквозь заброшенные дома, парню то и дело мерещились яркие, ядовито-желтые глаза, слышался совсем тихий, но до жути знакомый волчий вой. Под густыми нагромождениями позолотевших листьев, виделся огромный, аморфный силуэт, что скалил белые зубы, пугавший хищным блеском янтарного глаза. Дане казалось, что среди теней бродит нечто, что вот-вот бросится и утянет его вглубь, откуда будут слышны лишь предсмертные вопли. А эти кости и черепа, которые виднелись из открытых ставней, напоминали трупы павших товарищей. Они пали по вине тех, кто сейчас был жив.

По телу пробежали мурашки.

— Так... Куда мы едем? — наконец спросил он, пытаясь отогнать дурные мысли.

Егерь неторопливо сбил пепел с сигареты, помял ее пару секунд в руке и выкинул. Остался неприятный запах пепла и гари.

— В Могочу. Тебе это название о чем-нибудь говорит?

Даня на пару мгновений задумался, но ничего не ответил.

— Понятно, — ответил перевозчик, потирая шрам на щеке. — Сейчас его настоящего названия никто и не знает. Все его зовут Городом сталкеров. Это самое защищенное место в этих краях, чистое и от монстров, и от бандитов. Есть еда, вода, тёплые кровати, пойло, шлюхи, вылазки, на которых можно заработать... Одним словом, всё, что простому мужику надо. Там мы остановимся.

Даня кротко хмыкнул и вновь замолк. За окном, помимо кривых домишек, показались уваленные друг на друга стволы высохших тополей, своим нагромождением создающих этакую стену. Благо, увалены они были по бокам единственной улочки, представляя из себя скорее декорацию, нежели препятствие.

Путники успели миновать разворованный давным-давно маленький магазинчик, что стоял особняком от других домов, два двухэтажных, треснувших здания, что расположились на другой от предыдущего строения стороне, как вдруг откуда не возьмись перед мордой грузовика возникли два хиленьких, разбитых вусмерть УАЗа.

Зевс несколько раз поморщил нос, а потом резко вскочил, продавив юнцу ладонь своей тяжелой лапой. Он зарычал.

Егерь, медленно выдохнув, тут же сдал назад, пока в заднем стекле не возникли еще две машины.

— Вот как значит... — буркнул он себе под нос, зло хрустнув шеей.

Постепенно машины прижались ближе, образовав плотную стену и спереди и сзади. Не успел Даня и глазом моргнуть, как округа заполнилась людьми. С автоматами наперевес, небрежно одетые в изорванную одежду, пестрящую кучей заплаток и швов, прикрытые темными кожаными плащами, пальто, легкими куртками и кофтами. Лица укрывали чёрные, серые, узорчатые и не очень, шарфы, тряпки, балаклавы, не позволяющие разглядеть наглые лица. Все это сборище бесшумно и тихо окружило КРАЗ. Их было человек двадцать с виду, все держали путников на мушке.

«Калашы, мосины, гадюки... И те не лучшего качества, — подумал Егерь. — Одни соплежуйи и сыкуны. Строят из себя хрен пойми кого».

— Слышь, чудила! — послышался звенящий голос снаружи, — Выметайся, пока не изрешетили твою посудинку!

Даня интуитивно приоткрыл дверь дрожащими руками.

— Сиди. — холодно приструнил его кавказец. — И слушай только меня.

— Что ж ты?! — послышался другой, более взрослый, огрубевший от сигарет и суровостей жизни, голос. — Вываливайся, раз начал!

Тишина.

Близко к двери подтянулась ещё троица человек. Остальные семнадцать не опустили прицелы.

— Я же сказал: выматывайся, если жить хочешь!

У дверей стоял короткий, с приличным пузом, бородатый мужчина. Он ехидно сверкал своими маленькими глазенками, уткнув руки в бока. Такая поза, вместо устрашения и

запугивания жертв, вызывала лишь смех. По крайней мере, Егеря это не впечатлило.

Кавказец не торопясь выглянул в окно, увидев, помимо наглого коротышки еще двух, совершенно немых амбала-бугая.

— А думаешь, потянешь?

— Чего ты сказал? — удивленно спросил бандит, демонстративно медленно доставая старенький револьвер Кобальт.

— Я спросил, — также холодно и медленно продолжил Егерь, — потянешь ли?

— Парни, вы слышали? — сверкнув чернеющей пустотой между двумя кривыми зубами, спросил мародер, обернувшись к публике. — Этот засранец в нас сомневается!

Окружившая Егеря и Даню толпа толком не ответила, а лишь молча переглянулась.

Пацан застыл, даже не опустив ручку с двери. Было чертовски страшно.

— Слушай, даю последнюю попытку. Либо ты вылазишь, отдаешь нам эту рухлядь и бежишь отсюда, подтягивая обосранные штанишки, либо сожрешь пару пуль свинца... — шипя, предложил бандит, при этом наводя револьвер.

Егерь хмыкнул, медленно оглядел толпу целящихся и приоткрыл дверь.

— Вот же молодец! Хороший ма...

Направленный уже на него ПМ быстро ввел бандита в ступор. Теперь в эту игру играли оба.

Цепные псы главаря быстро подняли автоматы, но было слишком поздно.

— А теперь послушай меня. Либо ты сейчас же приказываешь своим соплякам перестать меня выцеливать, либо мы с тобой оба скоро повидаемся с чёртиками, огнём и Сатаной, — едва ухмыльнувшись, предложил горец. — Не сомневайся, я выстрелю быстреей.

Бандит захлопал глазами, рефлекторно перевалился с одной ноги на другую и только после махнул ладонью.

— Ладно тебе, мужик... — криво улыбнулся он, — успокойся. Выйди, перетрём.

— А как же. Ты только снайпера с тех вон двухэтажек убери, потом и перетрём.

Бандит вновь опешил.

— В кого же ты такой наглый высрался? Ты все равно никуда не уедешь! Держи не держи, долго мы так играть не сможем. Выстрелишь в меня, так мои парни изрешетят твоё ведро. Поедешь дальше — то же самое. Так что, может пойдём на компромисс и ты нам отдашь въездной налог да поедешь на все четыре стороны?

— А потом в спину мне прилетит шквал свинца. Не держи меня за идиота.

Коротышка, тяжело задышав, выругался.

— И что же ты предлагаешь?

— Я тебе, крысеньшу, предлагаю заткнуться. От тебя мочой несёт. Сейчас ты отдаешь приказ своим псам разойтись, и я уезжаю. Как тебе план?

Жирдяй прищурился, затем, натянуто улыбнувшись, сказал:

— Дерьмовый. Даже если ты выстрелишь, то что с того? Тебя расстреляют!

— Да. Тебе-то может быть уже и без разницы, но вот их, — кавказец широким жестом руки указал на раскиданных по округе мародеров, — превратят в фарш.

— А-ха-ха-ха-ха! — противно рассмеялся толстяк, вертя револьвером. — Кто за тебя вступится?! Тем более задохлого?

Егерь не ответил. За него это сделал щупленький, долговязый паренек, что стоял позади своего царька и внимательно рассматривал кавказца. В один момент он быстро подбежал к бандиту.

— Козырь, — сказал он, — это... Это Егерь, лучше пусти его.

— Как будто мне это о чем-то говорит! Ты, сопляк, будешь мне указывать что с ним делать?!

— Тебе шкура дорога? Да если кто-то из сталкеров узнает, что мы его грохнули, здесь же все с землёй сравниют! — нервно продолжал парень, дергая Козыря за плечо. — Его здесь все знают, сталкеры, торговцы... Это он же периметр прорвал, связь здесь помог наладить, мутантов в округе перебил — мама родная... Я слышал как он голыми руками Йети завалил, оторвал ему башку и приволок сюда... Бога ради, пусти его!

— Да ты что! Точно ведь он! О, да мы сорвали куш, ребят, местная легенда! Сам Сибирский мясник!

Бандит разинул рот от радости. Совсем фальшивой и наигранной. Перевозчик буквально почувствовал как тело его собеседника трясёт. Сбитое, рваное дыхание и дрожащий в моментах голос выдавал паршивую актерскую игру Козыря.

— Ну, последний шанс!

— Рискни.

Козырь вытер, мокрый от пота лоб, и было поднял револьвер, как вдруг осек сам себя. Вторую попытку пресек уже паренек из заднего ряда.

— Нет, нет! Даже не думай! Нас всех здесь не просто пристрелят, а избыют, прижгут морды, потом порубят на куски и скормят волкам, — испуганно верещал бандит. — Думаешь отмотал три срока, так теперь хозяин этого мира?

— Да ты совсем охерел, ще...

— Он прав, — поддержал неприметный парень из толпы, — пусти его!

Козырь удивленно повел глазами, наблюдая как один бандит за другим тихонько опускает оружие.

— Трусы и предатели! — выругался главарь, топнув ногой об отсыревшую землю, — Охренели совсем?!

Два бугая, что сверлили прицелами Егеря не первую минуту сложили оружие последними.

И хоть Козырь вскипел от злости так, что на лице проступили огромные, пульсирующие вены, а лицо стало цветом помидора, он так и не поднял пистолет. После тяжелой паузы, пахан, наконец, замахал руками, поглядывая в пустые окна двухэтажки. Почти сразу разъехались машины, открывая путь вперед.

— Правильное решение, — обратился горец к долговязому пареньку, что стоял в ступоре. — Бывайте.

Егерь опустил пистолет только когда оказался позади толпых ошарашенных бандитов.

2

— Это... Правда? — спросил Даня, уставившись на Егеря.

Горец кивнул.

— Многое. Но это дела минувших дней, тебе это ни к чему. Главное, что эти засранцы оставили нас в покое.

— Ну, нет же...

— Я сказал, что тебе это знать ни к чему, — отрезал кавказец, — значит ни к чему. Лучше ты ответь мне...

Даня, прижав губы, тяжело выдохнул. По телу пробежал рой мурашек.

— Почему хотел уйти?

— Что?

— Почему, когда какой-то ублюдок приказал тебе выйти, ты почти сделал это? — укоризненно спросил Егерь, поглядывая на пацана. — Эта выходка едва не стоила тебе жизни.

— Я... Я... Прости, Е...

— Почему? — снова оборвал кавказец.

У юноши не нашлось правильных слов. Не нашлось слов и сил, чтобы признаться в правде. В том, что он испугался. Испугался мёртвую деревню, сквозящую смертью, испугался шайки бандитов, готовых пустить любого под нож, испугался этого нового, страшного и неродного мира, что припас за каждым углом сотню-другую ловушек... Но больше всего он испугался самого Егеря. Поэтому почти открыл дверь, почти сбежал, чтобы не чувствовать этого ледящего душу холода.

Кавказец ждал ответа. Напряжение нарастало с каждой секундой молчания и каждый это чувствовал.

— Я... Я испугался... — наконец выдавил из себя парень, опуская взгляд в пол, — Прости...

После этого он замолчал. Взгляд постепенно опустел, погас и устремился в пол грузовика.

— Запомни одну простую вещь, Дань. В этом мире нет слов «прости», «извини». Здесь нет морали, нет высоких принципов, нет ничего человеческого. Извинения не вернут пули, воткнутого в спину ножа. Если ты хочешь выжить, то нужно бороться, а не извиняться. Каждый день, каждый час, каждое сраное мгновение ты должен бороться. Сдохнуть за пределами тёплого пункта — плевое дело, ты сам видел. Ты можешь стать беспринципной мразью, как те бандиты, можешь стать кровожадным монстром, убивающим всех без разбору, можешь стать наёмником, ценящим лишь звон монет. Но независимо от этого, ты всегда должен бороться. Я могу научить тебя метко стрелять, умело бить ножом, ломать врагам кости, но я не могу научить тебя быть храбрым и мужественным. Это под силу только тебе...

Ты не сможешь извиниться перед твоими мертвыми товарищами, перед Артёмом. Но ты можешь идти вперед и жить, просто потому что они заплатили смертью за твою жизнь. И если хочешь бояться и вечно просить прощения, то у меня для тебя плохие новости — долго ты здесь не протянешь.

Парень, взглянул на Егеря. В его туманные глаза, хранящие множество страшных тайн. И кивнул. Тихо и совсем слабо, едва заметно.

— Вот и ладно, — сказал Егерь, дернув коробку передач. — Осталось немного.

Они прощмыгнули через деревню, после повернули направо, выйдя на старую федеральную трассу. Несколько часов езды по монотонной дороге, среди разбитых машин привели их к пункту назначения — Городу сталкеров.

Глава XV. Обрывки прошлого

1

Стол был усеян разными яствами: большие и горячие, манящие своим прелестным ароматом говяжьи котлеты с гарниром из грубо нарезанной жареной картошки, нажористые и аппетитные охотничьи колбаски, несколько банок маринованных огурцов с помидорами, небрежно порубленные ломти чёрного душистого хлеба — все это радовало глаза и только разыгрывало бурю в желудке. Даня дико хотел есть. Таких угощений в девятом было не найти. Дай бог, если местным доставался какой-нибудь хиленький кабанчик, едва не сдохший от хвори, а иначе приходилось давиться уже приевшимися говяжьими, конскими и свиными консервами, от которых, честно сказать, уже тянуло блевать. Парень всю свою жизнь ел как по списку одно и то же, а здесь его встретила целая армия разных редких вкусов. Едва еда появилась на столе, он накинулся на неё, даже не подумав о манерах.

Егерь сочувственно улыбаясь, смотрел на то, как юнец жадно проглатывает один, а затем и второй кусок говяжьей котлеты, быстро заедает это гарниром из картошки и несколькими солеными, крючковатыми огурцами. Душистый хлеб только раззадорил аппетит.

Сам же кавказец предпочел несколько жареных кусков свинины, но не притрагивался к ним до того момента, пока пузатый, улыбчивый бармен по прозвищу Живик, чисто грузинской внешности, не притащил пару здоровенных глиняных кружек пенящегося ячменного пива.

— О, я смотрю твой сынуля уже почивает! — во весь рот улыбнулся бармен. — Ты, мой дорогой Давид, тоже не стесняйся, кушай, пей!

— Да чтоб тебя, Живик, — едва улыбнувшись ответил Егерь, — не сын он мне, да и никакой я не Давид.

Живик удивленно повел глазами, уводя взгляд к большой деревянной барной стойке, сбитой из крепкого листвяка. Наверху, где на небольших табличках, обычным углем были разрисованы цены, в самой середине, красовался огромный, аморфный череп, с расплывшимися очертаниями лица. Размером он был, пожалуй, с два человеческих черепа в высоту и по два с половиной в длину. Вместо зубов из пасти торчали огромные клыки, а между ними блестели толстые, широкие зубы, угрожавшие сомкнуть огромную челюсть, если только осмелишься сунуть в неё палец.

— Если ты не Давид, то это по-твоему не Голиаф? — спросил бармен, по-актерски почёсывая затылок.

— Живик, ей богу, дай нам отдохнуть, — спокойно, без лишней резкости сказал кавказец, запихивая здоровенный кусок мяса в рот.

— Ну ладно, потчевайте, мужики, — потерев длинные усища, ответил грузин, тут же удалившись.

Даня же, ненадолго отвлекшись от еды, осторожно посмотрел на бурлящее пиво. Горец, увидев это, лишь молча кивнул.

— Пей, пей, — добавил он после, — все лучше, чем воду хлебать.

Парень чуть пожал плечами, а после немного отхлебнул. Пиво приятно обволокло горло, протиснувшись внутрь.

Вокруг было шумно. В баре — сердце этого города, так было всегда. Где-то с пьяну

горланили песни, где-то проигрывали в карты последнюю кофту, где-то просто мирно храпели, уткнувшись мордой в картошку.

«Мир изменился, а вот люди остались прежними», — подметил про себя Егерь, утирая пену с бороды.

Бар представлял из себя старое привокзальное здание кафе, начисто пересобранное под вкус местных сталкеров. Они вытащили весь мусор, оставив лишь голые бетонные стены, а потом срубили кучу грубых, простых сосновых столов и стульев, сделали широкую, такую же небрежную, но надежную барную стойку, разделяющую большое пространство на два сектора. За ней постоянно ошивался Живик — заправило этого заведения и по совместительству отличный повар. Стойка его изобиловала различными напитками: от простейшего самогона, до хитрой смеси настоек разных сортов, буйно отдающими в голову сразу после первого глотка. Каждой бутылке была присвоена табличка с цифрой от одного до пяти, и чем больше становилась цифра, тем меньше оставалось бутылок с такой табличкой. Пятёрок всего пара штук была.

Как смекнул Даня, на табличках была стоимость, только вот в чем она измерялась? Патроны? Консервы? Или что-то другое?

Был еще и второй этаж, устроенный как терраса, добавляющая к помещению ещё почти треть пространства. Там расположилась пара стульев да здоровенный стол для особо больших застолий. Освещением выступили самодельные стеариновые и восковые свечи, уставленные где только можно, так, что за два квартала виднелись огни бара.

Сталкеры ласково называли это место башкой, за то, что рядом располагались и арена, где неустанно проливали кровь местные гладиаторы и скромная гостиница, куда можно было упасть после бурной ночи.

Пацан то и дело оглядывался, смотря на все это удивленными, полными детской наивности, глазами. Этот бар напоминал средневековый трактир, где ошивается крестьянский сброд, заглушая все свои беды пойлом, песнями и драками. Но люди, сидящие здесь, были далеко не простыми.

Наконец, Даня прожевал последний кусок котлеты и откинулся на спинку стула. На лице заиграл багрянец.

Вот, кончилась и картошка, и огурцы, и помидоры, что совсем недавно пополнили стол. Егерь не спеша доел свою порцию и рукой поманил Живика. Грузин в это время попивал пиво, любуясь на прелести местной официантки.

— Что, молодость в штанах заиграла?

Живик дернулся, повертел головой и через пару мгновений уже стоял возле путников, ехидно потирая здоровенные усы.

— Чтоб тебя, дорогой, уже посмотреть нельзя?! — снова по-театральному возмутился бармен.

Егерь снова чуть улыбнулся, но не ответил.

— Ну и как тебе, Мясник? Вижу, твой сынуля наелся так наелся!

Кавказец вздохнул, понимая, что не в его силах переубедить этого грузинского толстяка.

— Отлично. Спасибо, Живик.

Бармен, увидев расположение Егеря, тут же сел на рядом стоящий стул. Мебель, на удивление, даже не скрипнула от его внушительных габаритов. Уцепившись взглядом за единственный огурец, одиноко дрейфующий в рассоле, Живик взял банку и, приложив немалые усилия, выловил овощ одними только пальцами.

— Ну, дорогой, не утомляй меня своим молчанием, — весело начал он, — расскажи где ты столько пропадал? Мы тебя совсем потеряли после той неудачной попытки прорвать периметр!

Егерь, заметно помрачнев, сделал пару больших глотков из кружки, а Даня с любопытством взглянул на кавказца.

— Живик, друг мой, много дерьма потом случилось. Вот я его и разгребал.

Грузин сплел пальцы на животе и откинулся на спинку стула.

— Твоя краткость всегда поражала мой заживевший ум, как говорится: редко, но метко! Ну раз не хочешь говорить о прошлых своих заслугах, может хоть скажешь, что за чудный малый сейчас пьет с тобой пиво?

Даня, поймав на себе взгляд ухмыляющегося грузина, тут же отставил пойло.

— Не стесняйся, салага, друг моего друга — мой друг.

— Скажем так, это мой спутник, — спокойно ответил кавказец. — Большого знать не нужно.

— Ну, ладно, ладно. Вечно ты хмурый, как туча! О, иди сюда, дружище!

Живик обращался к спокойно сидящему рядом с Егерем, Зевсу. Услышав зазывания грузина, полуволок только опустил голову на бок, будто бы говоря: «Шел бы ты своей дорогой, человек».

— И ты, Зевс, тоже в папашу пошел, давно ведь знаем! — развел плечами Живик, но, поняв, что полуволок не подойдет, вздохнул.

— Так, — начал Егерь, затягивая сигарету, — денег у меня пока нет, Живик.

— Ну так, откуда им взяться? — улыбнулся бармен. — Не переживай, запишу.

— Вот и отлично. Там рубля три вышло где-то?

Грузин кивнул.

Только вот Даня совсем не понимал и даже осознать не мог, что такое рубль, деньги и прилагаемые к ним операции. В пункте все держалось на бартере и честном слове, а потому ни о каких финансах речи и не шло.

— Это, Дань, — Егерь одним ловким движением вынул из крохотного кармана на фартуке Живика блестящую алюминиевую монетку, — один рубль.

Грузин, конечно, возмущился, но ничего не сказал.

На белом фоне металла красовалась узорчатая цифра один, перевернув которую, возникли и красивые, элегантные крылья, заслонившие собой весь фон.

— На это, разве что, кружку пива да котлет с гарниром купишь. Есть два рубля одной монетой, три, четыре и пять. Как видишь, на три можно неплохо пожевать, а на двадцать можно такую пьянку устроить, что мама не горюй. Эти монетки в целом представляют из себя деньги, которые здесь в ходу даже больше бартера. С ними нет возни, как с оружием или какой другой приبلудой, расплатился этим крошечным рублем — и никакой мороки. Везде здесь используется.

Даня, смотря на эту блестяшку, послушно кивнул. Егерь тем временем, вернул монету Живику.

Тот быстро спрятал рубль, а потом как ни в чем не бывало заулыбался.

Даня глянул на часы. Стрелка показывала ровно половину первого ночи. И как только пацан увидел время, тело его едва не грохнулось. Мышцы тихонечко заныли, словно бы по щелчку пальца, а открывать глаз с каждым разом стало все тяжелей.

Горец почти сразу заметил, как алкоголь разморил юнца.

— Э, нет парень, так не пойдет, — тормошил кавказец Даню, — я тебя тащить никуда не собираюсь.

Малец продрал сонный глаз и вопрошающе уставился на Егеря.

— Так, значит, иди вон туда, — кавказец ткнул пальцем в дверь, что была за спиной Живика. — Там пройдешь до двадцать третьего номера, откроешь вот этим.

Перевозчик отдал Дане небольшого размера зубастый ключ, к которому была привязана бирка с названным номером.

— А ты? — медленно привстав, еле пошатываясь, спросил Даня.

— А я еще посижу, дела есть, — ответил кавказец, посматривая в сторону бара.

— Ну, ладно... Спокойной ночи...

— Да, отдохни хорошенько.

Парень встал и, немного пошатываясь и зевая, поплелся спать.

Когда Даня скрылся, перевозчик что-то нашептал Живику на ухо.

Грузин сразу помрачнел, быстро поднялся и скрылся за стойкой. Через пару минут, вернулся, достав со склада пузырь водки.

— Вот твой напиток. — он уставил на стойку пойло, три стакана башенкой и столько же кусков черного хлеба.

— Спасибо, Живик, до завтра. — сухо ответил кавказец, тут же удалившись.

Он тихо побрел в комнату, а за ним юркнул и полуволок.

Закрыв за собой дверь с табличкой двадцать пять, он сел к столику у окна, где почти не было слышно шума из бара. Оттуда открывался хороший вид на улицу.

Пустые железнодорожные пути, вьющиеся меж редких вагонов, небольшие двухэтажные здания... По большей части они были пусты, оставлены разбитыми гнить здесь за ненадобностью. Лишь в редких вагонах мелькали огоньки свечей и слышался слабый гул. Это были сталкеры, сделавшие из вагона-ресторана игорную.

Кавказец разлил по стаканам водку и на два из них положил по куску черного хлеба.

— Эх, мужики, — тихо прошептал он, глядя на пустые стулья, — простите меня, дурака. Простите, что не уберег.

Зевс заскулил, обвив ноги кавказца. Он тоже чувствовал. Чувствовал, как его хозяина разрывает изнутри от боли и пожирающей душу, от сосущего чувства горести, гуляющего по всему телу. Прильнув плотней он всего лишь хотел помочь. Егерь грустно улыбнулся, взглянув на питомца.

Глоток. Водка тут же обожгла горло.

Едва сморщившись, перевозчик взглянул на стулья по другую сторону стола. Ему на мгновение показалось, что перед ним возникли Артем и Витя. Этот миг длился непозволительно долго. Горец увидел грустную улыбку своих друзей, поднесших выпивку к губам.

На стареньком военном комбинезоне Артема кавказец успел рассмотреть следы от волчьих когтей, багрящиеся темной кровью, истесанную клыками руку, пробитое когтями горло. Кровь до сих пор не спеша струилась вниз. Несмотря на это, Артем улыбался — со слезами на глазах — улыбался. В этом взгляде не было обиды, не было боли или отчаяния. Только смирение, как и тогда. Перед смертью.

Витя тоже был мертв. Пробитый живот, испачканные алым цветом руки... Даже крест, что татуировкой отпечатался на его шее, побагровел.

Скромно улыбнувшись, он тоже держал стакан, прощаясь с жизнью.

Всем своим присутствием они говорили Дамиру о том, что он не имеет права сдать. Проиграть, пустить пулю, выйти из игры. Не потому, что он этого не заслужил, а потому, что далеко впереди еще маячила цель. Давно угасшая, израненная, похороненная глубоко внутри почерстевшей души. Цель, что ещё держала его в мире живых...

Время вновь приняло свой ход. Силуэты рассеялись, оставив одинокого скитальца наедине с собой. Егерь взглянул на пушистый амулет Рома.

В бледных глазах блеснули слезы. Последние слезы горя и утраты.

2

Было темно. Накрапывал дождь, понемногу перерастая в ливень. По старенькой деревянной раме тарабанили капельки.

Маленькую комнату освещала небольшая стеариновая свечка, волнами омывающая помещение теплым светом. Грубо сделанный деревянный шкаф, одинокая пружинная кровать, с мало-мальским утеплением из перекроенных на тысячу раз подушек, матраса и одеяла, массивная тумбочка, что громоздилась в углу. Тихо покачивалось из стороны в сторону плямя свечки...

Сверкнула молния, рыкнул гром.

Даня лежал, безразлично метая взгляд то на окно, то на свечу. Как только осиновая дверь отделила его от остального мира, он тут же без сил рухнул на кровать. В голове был суший кавардак, смесь эмоций, одновременно пустота и неясность. Сердце жутко колело, голова раскалывалась, болела, тело подрагивало. Парень не понимал, что с ним случилось. Что случилось вообще. Когда он потерял все? Когда он остался один? Когда на его жизнь обрушился вихрь, что разрушил все?

Еще одна белесая стрела вонзилась в землю, рассыпавшись на сотни кусочков.

— Дядя... — шептал юнец, под раскаты грома, — дядя, помоги... Я... Я больше не могу. Не, могу...

По щекам потекли слезы.

На стене блеснула тень. Блеснула еще и еще. Скоро их стало так много, что свободного места почти не осталось. Стало совсем пусто.

3

Вокруг расстелилась липкая, вязкая до омерзения тьма. Только лунное око, налившиеся янтарным цветом ядовито освещало, наполненные костями и черепами ковры человеческих душ.

Даня шагнул как можно тише. Впереди, сиял блеском немного сутулый человеческий силуэт, обернувшийся спиной.

Ещё шаг. Ещё.

Тихо и не торопясь, Даня почти добрал до загадочного силуэта, приблизился настолько, чтобы мутные очертания обрели ясность. Он почти наверняка знал, что это его дядя. Это точно он стоял и ждал его, облачившись в белое. Чтобы спасти, помочь и провести вперед, обойти смерть и муки.

— Дядь Артем? — неуверенно спросил парень, дотрагиваясь до силуэта.

Некто обернулся. Вместо доброго лица своего старика, пацана встретила скалящаяся волчья морда. Белесый плащ в секунду извратился, слившись со тьмой. И снова вой и блеск янтаря.

Даня сорвался бежать. Бежать, по пути сминая человеческие черепа под собой, проваливаясь в пустоты среди моста, ползти вперед, цепляясь за очередные кости. Из

трещин бурлила кровь. Кипящая, словно масло, она струилась за Даней, пытаясь утопить его в своих объятьях. Крики, полные мольбы о помощи не были слышны в этом аморфном мире. Они отдавались лишь слабым, секундным эхом.

— Нет, нет, нет! — выл он, в попытках вылезти из очередной ямы-ловушки, откуда доносились человеческие вопли.

Тысячи рук тянули его вниз, зазывая своим безумным хором остаться здесь. Остаться здесь навсегда, сгнить не только телом, но и душой.

Вдруг ему подали руку. Он тут же вцепился в нее. Усилие, рывок, свет луны.

Под телом Дани ковер черепов трещал, заливаясь кипящей алой субстанцией. Он взглянул на своего спасителя.

— Егерь?

Вместо ответа кавказец схватил его, словно тряпичную куклу и сдавил горло.

Глаза Мясника наполнились яростью, блеснув багровым светом.

— Как тебе, сученьш?! — взвился перевозчик, скаля зубы.

Кривыми зигзагами ударили молнии, завыл ветер.

Взгляд почти размылся, ещё секунда и Дане придёт конец.

Вспышка.

Откуда ни возьмись возник Хриплый, ловким ударом оттолкнув обезумевшего перевозчика.

Егерь стиснул зубы, безумно улыбнулся и ринулся вперед. Грады ударов, искусно отбиваемые его оппонентом, увеличивались с каждой секундой. Хруст костей.

Хриплый лежал, плюясь кровью, не в силах встать. Старик обернулся к племяннику.

— Ты виноват! Снова ты, мелкий ублюдок! Из-за тебя я умер, из-за тебя!

Даня испуганно отполз назад, едва не грохнувшись в тот же колодец. Силуэты дерущихся слились и через секунду из змеино-торнадо тьмы вырвались колоссальных размеров волк и медведь.

Они вновь сцепились, обливая округу неисчислимыми литрами крови.

Из колодца струей поползли уродливые лица, вытянувшие свои крюкоподобные руки. В них юноша узнал Чеснока, Дуба, Ваню...

— Не спас... Ты! Бросил нас! — вопили они, смешиваясь в аморфную массу. — Умри!

Даня вскочил и побежал дальше. Перед ним возникали фонтаны крови, на голову сыпались человеческие внутренности. Он кричал, плакал, молил Господа, чтобы все кончилось.

И вдруг стена. Нерушимая, титанических размеров стена, вымощенная из людских глаз. Они следили за каждым движением парня.

Даня ощупал свой правый глаз. На удивление, он был на месте.

— Что за чертовщина, твою мать? Помогите! Помогите, черт вас дери!

Волны мрака были все ближе. Пацану приходилось отступать к уродливой стене, чтобы не погрязнуть в этой отвратной жиже.

— Мама, мамочка... — упал он на колени, сложив руки в замок.

— Предатель, — жутким хором повторяли голоса. — Предатель!

— Нет, нет...

Пока последние очертания багрового не скрыла вязкая тьма, Даня снова увидел эти глаза. Блестящие янтарем глаза.

Очнулся юноша уже на полу.

С трудом поднявшись, он уселся на кровать, тщательно массируя виски. Голова трещала, будто бы по ней всю ночь лупили отбойным молотком.

За окном громоздились наплывы туч, пытавшиеся закрыть солнечное светило, но золотые лучи старательно пробивали мрачную оборону.

На часах уже девять.

Хрустя костями, он добрел до шкафа, с трудом приоткрыл дверь, в надежде найти воду.

— Совсем ни хрена нет, — зло ругнулся он, потирая рассеченную бровь.

Побродив еще немного по комнате, в надежде найти хоть что-то интересное или съедобное, он снова уселся на кровать. Единственным его развлечением на ближайшие полчаса стала стена. Серая, где-то побитая, испещренная трещинами... Стена.

Смотря в нее, он думал о этом кошмарном сне. Об этой кошмарной жизни, минувших событиях. Снова он, не в силах на что-то решиться, загонял себя в порочный круг крови и смерти.

«Почему всё это происходит со мной? Со мной, а не с кем-то другим. Где чертова справедливость? По...»

Стук в дверь. Сперва тихий и скромный.

— Открывай, скотина! Я тебя... Я тебя тут...

Стук перерастал в попытки выломать дверь.

Даня, немного побаиваясь, все же открыл.

За проемом его встретил какой-то бородатый мужик, с головы до ног вымокший в пиве. Одет он был как попало: на голове торчала шапка, а торс прикрывала лишь изорванная вусмерть майка-тельняшка. Огромная и неухоженная борода торчала в разные стороны и при желании в ней можно было разглядеть хлебные крошки, вперемишку с грязью. От него ужасно несло кислой капустой.

Немного пошатнувшись, он еще с полминуты буравил Даню суровым взглядом.

— Вам... Чего?

— Мне?! — встрепенулся сталкер, хмурия брови. — Да я тебя щас! Ты, сука, долг когда вернешь?!

Не успел Даня ответить, как выпивоха врезал ему по морде, загнав обратно в комнату.

Алкаш тут же ввалился за Даней. Злым, он многим напоминал гориллу, причём не самую адекватную.

— Дурить меня вздумал! А ну, выворачивай карманы, вор!

Не успел парень подняться, как пьяница отвесил ему очередной удар прямо в челюсть. На удивление, бил он довольно крепко.

— Эй, да что вы...

— Мразь ты поганая!

Очередной удар отправил пацана на пол, прямо к окну. Недавно запекшаяся царапина на брови снова обнажилась.

Из губы засочилась кровь.

— Уродец одноглазый, — шипел алкаш, снося тумбочки, швыряя мебель по комнате. — Куда ты спрятал ее? Куда!?

Даня уже не соображал. Боль в голове только усилилась и происходящее вокруг заметно помутнело.

«Вот же выродок...» — подумал парень про себя, утирая кровь с лица.

Вдруг выпивоха вынул огромный мясницкий нож из-за пазухи.

— Я тебя порежу! — маниакально заверещал он, быстро приближаясь к пацану.

Внутри что-то щелкнуло.

Испуганное детское лицо исказил звериный оскал. Кривая улыбка пробежала по щекам...

— Ах ты, мразь... — прошипел парень, глядя на переливающееся сталью лезвие ножа.

— Тебе конец, щенок!

Очнулся Даня, стоя над размалеванным лицом незадачливого сталкера.

Тот был по уши в крови, едва дышал, урывками хватая клочки воздуха. К его горлу парниша приставил свой трофейный нож из автомобильной рессоры.

Еще немного и пьяница бы попрощался со своей жизнью.

— Кто ты, мать твою... — процедил пьяница. — Кто ты, сука... Такой?

Даня посмотрел на руки, а потом на дверцу шкафа, к которой было прибито небольшое, треснувшее напополам зеркальце. На секунду он снова увидел ядовитый блеск волчьих глаз. Лишь на секунду.

5

— Да что ты стелешь! Он не один туда пошел, не мог просто!

— Да как это не мог? Олух! Один, говорю тебе, один рванул за периметр!

За столом сидела кучка уже порядком выпивших мужиков, которые, видимо, пили ещё с поздней ночи.

— Я тебе повторю, кретин, — бесился тот, что поздоровей, смахивая с усов пену от пива. — Он в одиночку рванул, Ром его бросил там одного!

— Да что ты мелешь? — развел руками второй короткий толстяк, с большущей, густой рыжей бородой. — Чтобы Ром и Егеря туда пустил одного? Не так было! Егеря друга здесь оставил! Вместо дел, как ошпаренный побрел за три-девять земель!

— Ну да, недоносок ты чертов, а вот если бы не он, мы бы о таких тварях и не слышали! — нахмурившись, бугай ткнул пальцем на здоровенный череп Йети, прибитый к барной стойке.

— Тут не поспоришь, — уже спокойней ответил бородач, поглядывая на аморфную черепушку, — это чудо-юдо точно из сказок вылезло.

— То-то и оно! — улыбнулся амбал, сверкнув парой золотых зубов, — А представь, что он этого четырехметрового великана один зарубил, один!

— Сказал бы что брешешь, да сам видел, как он эту скотину сюда приволок...

По телу бородача пробежали мурашки.

— А главное, — продолжил здоровяк, — что он эту тварь зарубил. Своим тесаком проехался по сухожилиям, обездвигил выродка, взял да срубил башку!

— Да... Эту скотину, — подхватил рыжебородый, — ведь и пули простые не берут. Мясник сказал или калибром крупней берите, или как он, в рукопашную режьтесь. Всё мне покою не дает, как у него мастерства хватило выкинуть такой трюк...

Что-то скрипнуло. Позади. Бородач обернулся. Тут он и заметил Даню, ошивающегося за соседним столиком. Тот делал вид, что пьет воду, хотя на самом деле усердно вслушивался в каждое словечко.

— Э, мужики, а это не егерский пацан сидит? — значительно тише спросил бородач.

Все перевели взгляд на юнца. Даня всё слышал, но старался делать вид, что нет. По его телу пробежали мурашки.

— Эй! — рявкнул незнакомый, третий, грубый, рваный голос. — Пацан, иди-ка сюда!

Тот не шевельнулся.

— Да, я тебе, — уже значительно серьезней крикнул незнакомец. — Иди к нам, не укусим!

Парень быстро обернулся.

— Вот те на, правда одноглазый, — выпалил бородач, шмыгнув носом.

— И волосы как пепел, — подхватил второй, переглядываясь со своим собутыльником.

— Ай да к нам, — улыбнувшись, широким жестом зазвал его третий.

Небрежно пододвинув рядом стоящий стул ногой, он взглядом пригласил пацана присесть.

— Здрасьте...

Двое выпивох снова переглянулись. Даня уселся как раз напротив здоровяка, поближе к третьему.

— Здорова, салага, давай без церемоний. Это Булат, — указал незнакомец на бугая, — Это Крюк, — указал он уже на бородача, откинувшегося на спинку стула. — Меня зови Корсаром.

Даня гмыкнул.

Корсар был высоким, подтянутым мужиком лет тридцати, с жесткой, грубой щетиной. Размерами он был гораздо меньше Булата, но чувствовалась в нем какая-то крепкость и стойкость. Сухое, покрытое ссадинами лицо, карие, постаревшие намного лет вперед глаза, напоминали пацану Егеря. Что-то было схожее между ними.

На голове в разные стороны, совсем небрежно раскиданные, торчали такие же чёрные волосы. На шее виднелось три черных линии, отдаленно напоминавшие стрелы.

Одет сталкер был в обычную военную форму, неплохо сохранившуюся еще с мирного времени. Из кармана торчала пачка сигарет.

На руках блестели пять серебряных перстней: четыре на правой и одно на левой, прямо на указательном пальце. На каждом было что-то выгравировано, совсем мелким шрифтом, но что конкретно, Даня так и не смог разглядеть.

— Тебя как звать-то, салага? — широко улыбнулся Булат, потягивая пиво.

— Д... Даня.

— А-а-а, — протянул Крюк, щелкнув пальцами, — погоняло еще не прицепилось?

Пацан, фальшиво улыбнувшись, кивнул.

— Да ладно тебе, не грузись, — ухмыльнувшись, ответил Крюк. — Ещё обзаведешься Пива?

Корсар протянул здоровенную кружку поближе к Дане.

Тот нелепо отмахнулся.

— Ну, как знаешь, — заключил Крюк, опрокинув кружку.

— Это ведь ты напарник Мясника, а? — спросил Корсар, потягиваясь за сигаретой.

Даня кивнул.

— Это с каких пор у Егеря появились напарники да еще и такие зеленые? — усмехнулся Булат, окидывая пацана оценочным взглядом.

— И то верно... Неужто расхлябался? — удивился Крюк, отдирая кусок зачерствевшего хлеба.

Корсар смолчал, еле заметно улыбнувшись.

На пару мгновений повисла тишина.

По телу юнца то и дело бегали мурашки. Его смущал Корсар. Совсем непохожий на других. Он был словно хищник: сосредоточен, собран и спокоен. Каждое его движение было выверено до всякой мелочи. Он будто бы выжидал жертву, готовился напасть.

— Можно вопрос?

— Валяй, салага, — бросил Булат.

— А... Егерь, чем он занимался раньше?

Здоровяк поперхнулся пивом.

— Серьезно, пацан? Ты путешествуешь с Егерем и не знаешь, кто он такой? — подхватил негодование Крюк, сложив руки на груди.

— Он почти ничего не рассказывал...

Корсар хмыкнул.

— Твой наставник, — начал Крюк, усевшись поудобней, — здесь, не побоюсь слова, самая настоящая легенда.

Даня сразу вспомнил, как бандиты разбежались, лишь услышав о перевозчике.

— Он, — продолжил Крюк, — был одним из первых, прорвавших периметр с запада. До того, как они вместе с Ромом и Хриплым пробились к нам, ни одной живой души мы оттуда не встретили. Эти трое рассказали нам, местным, о жизни за рубежом. О тех тварях, что там обитают. Сказать честно, я долго не верил в эти бредни, пока сам домового не увидел.

— Да, снова сказки сочиняешь? — буркнул бугай. — Когда ж ты его видел?

— Не доводи до греха, Булат. Дай пацану историю расскажу...

Здоровяк хмыкнул.

Крюк открыл бутылку и разлил всем по стаканам, хорошенько отхлебнул и продолжил:

— Так вот, рассказали они нам об тварях за периметром. Про огромного медведя, который шатается под Новосибирском — что уже не обычный зверь это... Но главное... Про то, что там, дальше, жизнь есть. Что не одни мы тут гнием!

— Да, — подхватил Булат, — помогли нам тут хорошенько. Хотя, города этого здесь почти и не было. Только строился. Поисли они здесь какое-то время, пока Хриплый не собрался да не уехал за пацаном своим, дальше, к военным пунктам.

Даня дрогнул, но едва заметно. Корсар криво улыбнулся.

— Остался только Ром да Егерь. Но и они потом разошлись, как в море корабли.

— Отчего ж они разошлись-то? — спросил Корсар, почесывая затылок.

— А? — удивился здоровяк, переметнув взгляд. — Корсар, ей богу, ты ж лучше нас знаешь. Это же очевидно, Ром просто соскочил и испугался периметр прорывать.

— Дубина! — послышался сердитый голос бородача, — Это Егерь с дуру полез и вместо дел пошел хрен знает куда.

— Хм...Рома-то тут конечно нет, а вот Егерь есть, — задумчиво произнес Корсар, поглядывая то на одного, то на второго, слегка улыбнувшись. — Вы, мужики, не хотите у него прямо спросить, что и как?

— А? Да нет, что ты... — замялся здоровяк.

— Куда нам до него! Как-никак, человек не простой...

— Бойтесь, а? — снова язвительно улыбнулся он, потирая щетину. — Плесни-ка, Булат.

Здоровяк ухмыльнулся и тут же небрежно залил полную кружку пива.

— А ты прям у нас самый смелый я смотрю, — заявил второй, недоверчиво поглядывая на Корсара.

Тот не ответил, лишь немного прищурился.

— Так... — Крюк театрально выдохнул, — Егерь с Ромом разошлись, а почему, каждый пусть решает сам. Разбрелись и всё тут. Егерь как с катушек слетел и рванул аж во Владивосток.

— Владивосток? — удивленно повел глазами Даня, вспоминая, что рассказывали об этом городе в пункте.

Последний оплот военных, вся их сила и мощь была сосредоточена именно там. Чего стоит только флот, позволивший тамошним воякам задавить всякую тварь. Рубахин тщетно пытался связаться с ними, получить хоть какой-то сигнал. Но из раза в раз слышался лишь белый шум. Попытки вытащить из Егеря хоть какую-то информацию о Владивостоке провалились. Кавказец сразу же мрачнел и говорил, что лучше Рубахину самому пробиться туда и воссоединиться с братией, чем тормозить старого волка.

— Да, салага, таинственный город. До сих пор никому не удавалось даже периметр заново пробить, что уж говорить о таких вылазках...

— Но ему все же удалось, — серьезно сказал Булат, — удалось прорвать периметр, а потом рвануть к Владивостоку. В те края, о которых мы даже не думали. Все он говорил что-то про ковчег и спасение. Аж глаза блестели. Этот сукин сын не человек... — заключил здоровяк, оглядев кружку пива.

— И что же было, когда он вернулся? — тут же спросил Даня, забыв о всяком стеснении.

— Хм... — Крюк почесал бороду. — После того мы его не видели, до вчерашнего дня. Я разные вещи слышал... Что он умер там, на севере, что калекой стал, что военные его завербовали... А оно вона как вышло! Егерь, жив-здоров, да еще с пацаном каким-то...

— Интересно, а где Ром с Хриплым шатаются? — улыбнулся Булат. — Раз Егерь здесь, может и эти двое к нам заглянут?

— А может они того, — ухмыльнулся Корсар, затягиваясь никотином.

Булат и Крюк переглянулись, а потом дружно захохотали.

— Ты, Корс, шутник еще тот! Чтобы эти двое и сгинули! А-ха-ха! Их даже тот медведь не возьмет!

Дане стало не по себе после этих слов. Он вспомнил кровь, бьющую из шеи его дядьки, гаснущие глаза Рома, тщетно цепляющегося за жизнь. Оба они погибли. Две легенды навсегда остались легендами в байках сталкеров.

Тут дверь резко распахнулась. Оттуда едва не выпал какой-то старик, размахивая чекушкой.

— Мужики! Мужики! Там Мясник на арене! Щас такое шоу будет!

Вся немногочисленная толпа, что была размазана по бару в один момент заломилась в единственную дверь, выплюнув старика к окну. Отшатнувшись, он попытался пролезть сквозь поток людей, но, случайно получив по башке, своей же чакушкой, грохнулся на пол, разлив жидкость по полу.

Бородач вместе с Булатом встали последними, чтобы не повторить судьбу бедного старика.

— А ты идешь смотреть, Корсар? — спросили они, вставая из-за стола.

В ответ, Корсар лишь ехидно ухмыльнулся, разом опустошив кружку.

Глава XVI. Крови и зрелищ

1

Толпа. Люди все тянулись и тянулись вперед, спешили, галдели, ругались, покрикивали, плевались, били друг друга в спину, лишь бы поскорей увидеть бой.

Даня держался Корсара, стараясь не отставать. Получалось плохо: он то и дело врезался в кого попало, чуть не получил по голове от очередного пьянчуги, случайно врезался незнакомой девушке прямо в грудь.

— Нахал! — взвизгнула она, прикрывшись руками.

Щеку тут же обожгло ударом.

— Простите, — бросил Даня, потирая место удара, тут же врезавшись еще в кого-то. К счастью, без происшествий.

В воздухе висел запах пота и прокисшей капусты, который заставлял морщиться пацана при каждом вдохе.

Толпа встала.

Еле пробравшись к ее голове вместе с Корсаром, салага увидел, как невысокий старичок с длинными усищами, окруженный двумя охранниками-амбалами обсчитывает каждого прохожего. Люди в спешке кидали монеты ему в руки и также быстро проходили дальше, по лестнице вверх. Ещё один, ещё.

— У тебя нет денег? — спокойно, но хорошо слышно среди общего гула, спросил Корсар.

Пацан утвердительно кивнул.

— Вход, конечно, не дешевый, но считай, тебе повезло, — ухмыльнулся он, ныряя в карман комбинезона.

— Двое.

— Сорок! — гаркнул старик, поправляя дужку больших, с кулак размером очков.

Зазвенели монеты.

— Сегодня будет отличное шоу, ты не думаешь? — спросил Корсар, отталкивая очередного зазевавшегося посетителя.

— А что там будет? — почти криком спросил Даня, протискиваясь меж очередной кучки людей.

— Ха! А ты и правда как с луны свалился.

Впереди была лестница. Неровно сваренная, где-то мятая, где-то гнутая, местами проржавевшая, прикрытая с боков бетонными блоками.

Ещё несколько рывков.

— Отвали, уродец! — рявкнул толстопузый дядька, толкнув пацана на пару метров назад, в густую толпу.

Казалось, этому кошмару не будет конца. Снова люди, люди, толчки, охи и ахи, смутные обрывки разговоров и мерзкий запах пота.

Наконец, последняя ступень.

Секунда, чтобы отдышаться, ещё одна, чтобы осмотреться.

— Охренеть, — выпалил парень, оглядывая арену. Не так он себе её представлял, совсем не так.

Трибуны змеями расползлись по обе стороны здания, смыкаясь овалом. Они были

выдержаны в том же стиле, что и ведущая лестница — грубо, небрежно, но крепко. Трибуны кольцами спускались вниз, как в цирковых шатрах, постепенно подходя к месту битвы.

Почти все места были забиты, а потому приходилось аккуратно пробираться через ноги сидящих зевак, снова толкаться и искать место попросторней.

Толпа неустанно расплзалась по здоровенному залу. Вдруг кто-то из общей массы ткнул Даню в плечо.

— Парень, такой день! — подозрительно задорно гаркнул коротышка, на локтя три ниже его. — Выпей, всего шестерка за такую настойку!

Незнакомец сверкнул крохотным бутылком с болотного цвета жидкостью внутри.

— Что это?

Коротышка поморщился, потом сплюнул.

— Буйвол! Не жалея, выпьешь, почувствуешь себя как сам Мясник!

— Нет, спасибо...

Карлик выругался и тут же растворился в толпе.

Даня пожал плечами.

— Чудила... А где же... — мямлил он себе под нос. — Корсар?

Пацан усердно замотал головой, но так и не смог отыскать своего проводника.

А толпа ползла, ругалась, пыхла, размазываясь по периметру арены.

Ведомый ей, зыряка во все стороны, Даня вдруг оказался подле самой арены, в первых рядах. Отсюда открывался шикарный вид на нее.

Арена была утоплена немного ниже, чем трибуны и ограждена массивными бетонными блоками, выставленными в два ряда. Поле битвы растянулось на двадцать пять метров в длину и десять в ширину. Такое расстояние было наиболее комфортным для сражений как с людьми, так и с мутантами.

— Всем заткнуться! — искаженно крикнул голос откуда-то выше, так, что все в зале замолкли. Даня задрал голову.

Наверху, прямо под потолком, растянулись мостки, проходящие по периметру здания и сведённые друг с другом накрест по диагонали. Их удерживали мощные, стальные тросы. Оттуда и доносился голос.

Что-то сверкнуло, парень прищурился.

Это был блик от прицела снайперской винтовки. Наверху, вместе с галдящим голосом, расположились восемь снайперов, на каждом углу мостков и по периметру. Они не спеша заняли позиции, как только ведущий начал говорить.

— Как вы знаете, сегодня — особый день! К нам в гости пожаловал сам Сибирский Мясник! Давайте же поприветствуем старого волка!

Все как с цепи сорвались. Возлуж разорвали громкие крики, хлопки и свисты.

— Давайте, выпустите его уже! — упиваясь собственной слюной, орал кто-то сзади.

— Мясника на арену!

— Пусть выйдет и прирежет уже кого-нибудь!

Постепенно, несвязанные фразы переросли в ритмичное скандирование.

— Мясник! Мясник! Мясник!

Толпа жаждала крови и зрелищ.

— И-и-и-и-та-а-к! поприветствуйте, на арене сам, Сибирский Мя-ясн-и-и-к!

Двое над воротами потянули за цепи и с помощью системы противовесов медленно подняли ржавую решетку. Цепи жутко закрипели.

Толпа на секунду умолкла.

Шаг. Твердый и уверенный. Из теней показался Егерь. Такой же спокойный и сосредоточенный, как и всегда. Ни визг толпы, ни галдеж ведущего, ни блики снайперских винтовок не могли поколебать его.

Он был в легкой майке-тельняшке, обнажившей его мощные руки и часть спины.

На левом плече Даня увидел татуировку. Это был феникс. Аккуратными, тонкими, извилистыми линиями, он тянулся вверх, ближе к шее, там же расправляя широкие, черные крылья, смыкающиеся в тонкие стрелы. Клюв был раскрыт, а шея элегантно вытянута. Глаза будто бы блестели пламенем.

«Как странно, — подумал парень, всматриваясь в узор тщательней, — как странно...»

— И сегодня, — продолжил ведущий, — сегодня, мясник нарубит нам мяса!

Свист, аплодисменты, пьяные крики.

— Теперь я тут легенда! — пьяно гаркнул кто-то позади. — Я прикончу Мясника!

Даня обернулся.

Вытянув руки вперед, с трудом раздвигая толпу, бегом прорывался какой-то мужчина лет двадцати пяти-тридцати от силы. На его худом, бледном лице, вспучились вены. Он скалил зубы, шмыгал носом, неуклюжим шагом приближаясь к арене.

— Порву! Порву как суку! — хрипя, кричал он. — Готовься!

Все только посмеивались, глядя на эту жалкую картину. Казалось, ещё два-три шага и он сломается, словно спичка.

«Неужели и правда решился?» — пронеслось у Дани в голове, перед тем как смельчак пошел в бой.

— Я порву его как щенка! А-а!

Прыжок.

К счастью, ноги он себе не сломал, а просто неуклюже грохнулся.

Повисла неловкая тишина.

Егерь спокойно повернулся. На лице возникла слабая улыбка.

— Ты ничего не перепутал, дружище?

Высочка еле поднялся, потер красные от песка слезящиеся глаза и сплюнул.

— Да! Думаешь не уделаю? Не прикончу?

Егерь скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что драться не собирается.

— Вот так начало боя! — гаркнул ведущий. — Монстру кинули зайчика!

— Никакой я не зайчик! — взбесился тот. — Я — повелитель арены!

Не успел ведущий ответить, как зайчик ринулся вперед. Без техники, без тактики, без хоть какого-то плана, ведомый лишь на чувствах, рванул в бой.

Он занес правую руку, в надежде поразить перевозчика одним мощным ударом, как вдруг рухнул на колени, а потом схватился за живот. Нелепо выпучив глаза и высунув язык, он начал жадно хватать воздух. Песок у ног окрасился в красный.

— Ну как, полегчало? — спросил Егерь, щелкнув пальцами у парня под носом.

— Я... Я! Пове...

Пламенную речь оборвал мощный удар в морду.

— Ха! Напоили Буйволом беднягу, — выпалил рядом стоящий мужичок. — Теперь остался без ребер...

Тушка опьяненного странным зельем мужичка расползлась по песку.

Даня оторопел, понимая какие перспективы могли его ждать после принятия этого

чудо-зелья.

— Два легких удара! — заключил голос сверху. — Два удара! Унесите несчастного, пока его тельце не задавили...

Тушку смельчака утащили почти сразу, остался только небольшой шлейф крови, блестящей алым на песке.

— Ха-ха! — смеялся лысый мужик слева, с огромным носом, смахивающем на бочку. — Вот так-то!

Толпа жаждала продолжения. Егерь это знал. Нужно шоу.

— И неужели, — криком, но также размеренно спросил перевозчик. — Это всё, ради чего я здесь?

Даже ведущий немного запнулся, а галдеж толпы тут же стих.

— Ха! Вы только посмотрите! Уже не молод, а кровь ещё кипит! Дайте же мяснику его топор!

В воздухе что-то блеснуло. Игообразный силуэт быстро летел вниз, со свистом разрезая воздух.

— Поймал! — выпалил Даня, широко раскрыв рот.

На арене заиграли короткие блики.

Егерь широко улыбнулся, блеснув зубами.

— Вот и встретились... — сказал он, осматривая оружие.

Длинное, дрожащее бликами лезвие, растянулось на семьдесят сантиметров вперед. Оно зло скалилось волчьими зубами, выбитыми на фухтеле и жаждало крови.

Егерь плотней сжал паракордовую рукоять, почувствовал приятное тепло, разлившееся по телу.

Лезвие описало небольшой полукруг и взмыло вверх.

— Крови и зрелищ!

— Кро-ви! Кро-ви! Кро-ви! — скандировали трибуны.

— Выпустите волка... — нарочно медленно протянул ведущий. — Да начнется битва!

На той стороне арены начались какие-то движения. Заскрежетали засовы, но на сей раз не снаружи. Что-то шмыгнуло к решетке. В темноте заблестели зубы.

Даня, задержав дыхание, ждал. Он ясно помнил ту ночь. Ту кошмарную ночь, когда всех его друзей и единственного родного человека загрызли. Когда жизнь перестала быть прежней. Когда он сам ощутил холодный поцелуй смерти и адские конвульсии, бьющие из момента в момент.

— Эту зверюгу мы поймали совсем недавно! — радостно воскликнул голос сверху. — Совсем молодой и потрепало его знатно. Бедолага... Но под травами злой, зараза! Ух!

Когда скрежет ржавых засовов стих, из закутков тьмы выполз, дрожа всем телом, волк.

— Какой уродец, — спокойно сказал Егерь, осматривая противника.

Кавказец был прав. Он был даже страшней тех тварей, что он видел в деревне. Из множества ран, гноем сочилась вязкая, темная кровь. Ощерившаяся, блестящая медными глазами, злая, морда, скалила белые, бритвенно острые зубы. Порванные уши, иссеченный шрамами нос и глаза, растрепанная серая шерсть. Животному явно было больно. Но тварь шла. Сперва тихо, принохиваясь и осматривая будущую жертву.

Егерь сжал рукоять.

Все ненадолго умолкли, в ожидании действий.

Лапы волка бесшумно продавливали песок.

«Снова эта тварь... Сколько можно преследовать меня?» — только успел подумать Даня, как вдруг волк слишком резко и шустро ринулся вперед.

Несмотря на паршивый внешний вид, бежал он ладно. Даже пытался лавировать, то влево, то вправо, пытаясь запутать Мясника. За три метра волк чуть сбавил темп и немного сгорбился, упершись лапами в песок. Прыжок. Резкий и быстрый. Не для Егеря. Тварь вытянула лапы вперед, выпустив крючковатые, острые когти, как можно шире раскрыла пасть. В разные стороны полетели слюни. Казалось еще секунда, какое-то жалкое мгновение и животное вцепится кавказцу в горло, разорвет артерию, завалит и раздерет ему лицо. Так думал Даня, сердце его бешено колотилось, обращаясь в ту ночь, когда он впервые услышал вой.

Лезвие плавно взмыло вверх, описало небольшой полукруг. Брызнули тонкие струйки крови, повторившие взмах тесака. Позади что-то глухо стукнулось.

— И... Все что ли? — промямлил обросший по плечи седой старикашка. — Во дает...

Егерь слегка обернулся. Позади виднелся разделенный надвое волк: голова еще немного покачивалась туда-сюда, пульсируя черной кровью, прямо из шеи. Челюсть все также была раскрыта, блестела зубами, а глаза еще не успели потерять медного блеска. Тело еще дрыгалось в конвульсиях, плевалось кровью, пыталось встать, но без успеха.

Перевозчик медленным шагом прошел к голове, оперся на нее ногой.

— А старик не перестает удивлять! — крикнул ведущий. — Расправился с монстром даже слишком быстро!

— Дешёвые фокусы, — раздалось из центра арены. — Есть что-то посерьёзней?

— Наконец-то интерес! А то всё какие-то соплежуи дерьмо месят! — довольно отмечал тот же длинноволосый. — Вот чего людям надобно — крови и зрелищ!

— Честно сказать, я растерян, господа... — послышался скрип мостков. Голос переместился вправо. — Так быстро, ловко и изящно разделаться с этой тварью под силу, видимо, только Мяснику! Аплодисменты!

Зал вновь окатил галдеж, хлопки, свист и крики.

— Увеличим ставки, господин Мясник?

Толпа вновь, как по щелчку, замолкла, ожидая ответа.

— Валяй.

— Даже не подумал... Хм! Что ж, сейчас не будет так просто!

По лицу Егеря скользнула хищная улыбка.

— Знаете, господа сталкеры, волки — это, конечно, прекрасно... Но! Мне кажется, такому гостю нужно подать особого монстра!

— Я слышал, — шепнул хриплый голос сзади пацана, — они рысь сюда притащили!

— Рысь! — охнул голос рядом. — Где ж её достали?

— Да хрен его знает, наверняка чуяли, что Мясник здесь тварей рубить будет!

— Бреешь...

— Да заткнитесь уже, — буркнул знакомый голос, — дай пройду...

Два сплетника притихли, а рядом с Даней объявился Корсар.

— Что, салага, нравится? — широко улыбнувшись, спросил он.

В зубах торчала сигарета.

— А... Где вы были?

— Так, давай сразу проясним, — сталкер ткнул Даню в бок. — никаких «вы». Я хоть тебе и не равный, но любезностей на дух не переношу. Понял? Вот и ладушки.

— О-о-о, я слышу, многие уже догадались, что за тварь, скалится за решеткой... Сможет ли наш герой справиться с этим исчадием ада? Или же будем собирать легенду по кусочкам?

Снова скрежет. Удар противовеса о землю.

Цепи медленно поползли вверх, утягивая за собой решетку.

Егерь наступил на волчью голову, из пасти тонкой паутиной растеклась кровь.

Через мгновение он уже развернулся и стоял в полной боевой готовности.

— Стоило ожидать, — буркнул перевозчик, щелкая шеей, — что будет весело.

Тварь быстро огляделась. Бетонные стены, песок, будто снег. Всё так чуждо.

— А я говорил! Говорил!

Корсар улыбнулся. Он хорошо помнил этого зверя. Даже слишком.

Егерь отметил, что рысь была не сильно больше своих здоровых сородичей.

Короткая, метра полтора, крепко сбитая зверюга, на которой расстелилась густая, пепельная шерсть, по бокам испещренная тёмными пятнами. Под шкурой перекачивались могучие мышцы лесного охотника. Злая, шипящая кошачья морда, острые уши-кисточки, торчащие вверх, будто стрелы. Сзади виднелся обрубленный хвост, раскачивающийся туда-сюда, будто часовой маятник.

«Странно... — подумал Егерь, ощущая, несвойственную мутантам осмысленность в поведении рыси, — вирус эту падаль совсем не тронул?»

Кошка не торопилась нападать. Она змеей вильнула по песку, затем ещё раз. Она обнюхивала стены, шипела, метала взгляд то на перевозчика, то на волчий труп, но не нападала.

— Чует, — довольно отметил Корсар, облокотившись на поручни трибун, — она-то девочка умная...

— Это не...

— Нет, салага, — прервал сталкер. — Это грозная представительница женского пола. Своенравная сука...

Даня хмыкнул. Рысь он видел впервые, что уж говорить о их «сильных женских представителях».

— Что, боязно? — спросил у кошки Егерь, перебрасывая тесак в другую руку.

Рысь в ответ только зло шипела, сверкая золотыми зрачками. Вдруг она пригнула шею, подалась к стене.

Егерь улыбнулся.

Мгновение. Всего через мгновение она была у него за спиной. Егерь едва успел выставить тесак, чтобы острые когти не вонзились в шею. По щеке потекла тонкая струйка крови.

Снова рывок, быстрый и четкий. Уворот. Снова.

Рысь закружила вокруг Егеря, словно торнадо, вздымая песок, с каждым кругом разгоняясь все больше. Она выжидала, искала подходящий момент и атаковала, когтями почти задевала оппонента, но видя смертельные отблески лезвия быстро уходила на новый круг. Егерь кружился в этом смертельном танце, еле успевая уходить от атак. Вот тварь едва не разорвала артерию, вот чуть не задела бок.

Даня не успевал следить за их движениями. Кошка на секунду остановилась, зашипела, впила когтями в песок.

Песок взмыл вверх. Загудел воздух рассекаемый лезвием. Егерь уходил от ударов в стороны или парировал их, но каждая атака оставляла несколько тонких царапин на теле,

блестевших на рваной тельняшке.

— Вот же сука...

Очередной круг. Тварь снова пригнулась для рывка.

Прыжок. В полете она прищурилась от слепящего солнечного блика, отраженного на лезвии. Егерь чуть подался вперед и что есть мочи ударил зверю по челюсти. Рухнув в песок, она тут же встрепенулась, ушла в другую сторону, прячась от удара тяжёлого сапога.

Остановилась в трех метрах, зло шипя и еще шурясь от слепящих солнечных бликов, пригнулась.

Егерь довольно ухмыльнулся.

Тварь, уже не так изящно, рванула вперед. Ещё круг, но на сей раз слабей. Танец продолжался до тех пор, пока очередной удар в морду не вывел суку из равновесия.

Мотая головой, скаля зубы, она отошла назад. Видимо, рассчитывала на один рывок, мощный и прямой. Собрав все силы пригнулась, концентрируясь на враге.

Не успел Егерь перебросить лезвие, оценить обстановку, как кошка всеми силами ринулась вперед.

Сталкер почти ушел вправо, но тварь угадала. Угадала, куда бить. Ещё секунда, мгновение и она победит. Животное почувствовало как когти входят в мягкую плоть...

Удар. Очнулась она, уже лежа на полу, прибитая к песку мощной рукой, держащей её за шею. Тварь хотела вскочить, трепыхнулась, но почувствовав как холодные пальцы стискивают ее горло, зашипела. Теперь от беспомощности.

— Смог! — послышалось среди трибун.

— Твою ж мать! И не убил, не убил, поймал!

— Ха! И делов то! Мясник уработал её на раз-два!

Постепенно голоса слились в неугасающий гул, хаотичные хлопки, крики радости, бубнеж тех, кто проиграл ставки, тонкий писк редких девушек, растворившихся в мужских рядах.

Егерь сидел одним коленом на теле твари, вместе с этим придавив шею рыси своей рукой. Множество царапин, что проглядывали сквозь разрезанную вдоль и поперек майку уже перестали кровоточить и покрылись тонкой коркой.

— А неплохо ты меня поцапала, — бросил Егерь, продавливая зверя глубже в песок. Рысь закряхтела, забила задними лапами.

— Считай, тебе повезло, — медленно сказал он, — убивать я тебя не буду.

Вместо решающего удара, кавказец поднялся. Тварь, ощутив приток кислорода вдохнула глубже, испуганно заметала взгляд и молнией метнулась обратно ко входу.

На песке, где отпечатался кровавый след, лежал скол острого зуба.

— ... живой! — продолжал ведущий, чересчур сильно крича. — Грозный монстр сбежал, поджав хвост! Bravo, маэстро!

Зал разразился аплодисментами.

— А он хорош, — бросил Корсар, хищно улыбаясь, — я недооценил старого волка.

Даня утер пот, обильно сходящий со лба.

«Так просто уделат рысь? — вопрошал он, смотря, как животное жметя у решеток, оглядываясь назад. — Так просто...»

Лязгнули цепи и грозный монстр, в несвойственной ему манере, метнулся в закутки тьмы, лишь бы не встречаться с Мясником.

«А эта тварь умней своих отсталых сородичей, — подумал Егерь, оглядывая осколок

зуба лежащий на песке, — те бы лезли, пока я башку им не отрезал».

— И это все? — громко спросил перевозчик. — Это всё, что у вас есть?

Ведущий молчал. Сверху доносились невнятные шепотки.

— Уделать, взять и закончить всё шоу за считанные минуты, — бурчал голос, шатаясь в разные стороны. — Великолепно! В этом и есть весь Мясник!

Чувствовалось, как комментатор пытается задавить и проглотить злость от проигранных ставок.

Ненадолго повисло молчание. Но каждая секунда шла непозволительно долго.

Казалось, прошло несколько часов, перед тем как ведущий звонко гаркнул:

— Но никто ведь не хочет, чтобы Мясник уходил так скоро, верно, господа сталкеры?

Все громко прокричали твердое: «Да».

Кавказец усмехнулся. Он чувствовал, что говорун сверху в полном замешательстве и не знает, что делать.

— А... Раз так, то почему бы кому-то из арены не сойтись в кровавой битве с этим костоломом? М? Господа сталкеры, прошу!

Трибуны стихли.

— Эх вы, чертовы трусы! — презрительно ворчал ведущий. — Такой шанс выпадает раз в тысячу лет! Вперед, быть может, это наша последняя встреча с живой легендой! У вас есть уникальный шанс потягаться с самим Сибирским Мясником!

— К черту! — пробубнил длинноволосый старикашка, оправдываясь перед самим собой. — Мне на моем веку уже хватит мордобоя!

Позади Дани замешкались два знакомых голоса.

— П-с, ну! Шуруй давай, хотел же его наказать!

— Пшёл ты, Крюк! Сам мне заливал, как изящно его отмудохаешь, так что сам шуруй...

— О! Корс, вот ты где!

Сталкер обернулся, а Даня за ним.

Расталкивая всех, кто преграждал путь, пришли Булат и Крюк.

— Вона как! И салага здесь, — буркнул бородач, утирая лоб.

— Что, мужики, в штаны поди наложили? — довольно ухмыльнулся Корсар, сбивая пепел с сигареты.

— Да не...

— Булат еще как! А я просто устал, вот и...

— Заткнись! — гаркнул бугай, уводя взгляд от Корсара. — Сам-то...

— Трусы, вы, мужики, ей богу. Такой шанс выпал, а вы как бабы по углам жмётесь.

Оба спорщика недовольно хмыкнули.

— Ты будто сам горазд... — высокомерно бросил Крюк, смотря на Булата, — Попробуй...

Крюк огляделся и по-детски захлопал глазами. Корсара не было. Даня держал в руках его форму.

— Во дела...

2

Умолкли все: галдящие трибуны, шепчущиеся между собой снайпера, ведущий. Все ошарашенно смотрели на то, как кто-то быстро и уверенно пересекает небольшую преграду из трибун, прыгает, плавно, словно кот, спускаясь на песок, прямо напротив Егеря.

Оба встретились взглядами. Тут же вцепились друг другу в глаза, холодно расценили

соперника, чуть сблизилась.

У Корсара было несколько преимуществ, каждое из которых он прокручивал у себя в голове.

Первое и, пожалуй, самое главное — эффект неожиданности. Егерь ни духом, ни слухом не знал о Корсаре, не видел, как тот ведет себя в бою. Для него он был загадкой, из ниоткуда свалившейся с небес. Корсар же знал — теперь знал — как бьётся знаменитый Сибирский Мясник. Пока все заливались хохотом, аплодисментами и восклицаниями, Корсар наблюдал. Наблюдал за каждым маневром, движением, ударом. Просчитывал тактику.

«В бою он не так быстр, — смекнул сталкер, когда смотрел, как рысь резала перевозчика когтями, — тварь без труда путала его в постоянных кругах, развивая бешеную скорость. Однако... Несмотря на это, он столько кругов держался. Не обращая внимания на резкие, рваные удары когтей, на идущую из царапин кровь, он не терял концентрацию. Все также холодно и расчетливо выдерживал тактику, ждал, пока сука оступится, взбесится и полезет на рожон. И при всем при этом он невероятно силен, — отметил он, уже когда Егерь вбил рысь мордой в пол, — Он махом срезал волчью голову, а сейчас за один удар пригвоздил такую тварь к земле. Нельзя пропускать ни одного его удара, иначе через пару минут он превратит меня в фарш. Мясник чем-то похож на Булата, но в отличии от последнего, у этого мозги на месте. Если того я раскрошил за счет банальных финтов, то с этим так не прокатит. С другой стороны, Егерь определенно измотан, так что шансов у меня чуть больше. Но кто знает, какие ещё козыри в рукаве у этого сукиного сына. Неужели я встретил кого-то, с кем будет весело?»

— А ты кто такой? — едва удивившись спросил Егерь, окидывая незнакомца оценочным взглядом.

Сталкер улыбнулся.

— Зови Корсаром. Я всегда хотел сразиться с кем-то действительно сильным и достойным, — он не спеша направился к оппоненту, — да вот только вокруг одни сопляки. А смахнуться с самим Сибирским Мясником, это, считай выиграть в карты у судьбы!

Сталкер оказался очень близко к перевозчику. Корсар тут же заметил на другом плече Егеря череп, щерящийся темнотой впалых глаз, держащий нож в истлевших зубах. На его голове красовался синий берет, блестящий остроконечной звездой, что расположилась по центру.

Сталкер улыбнулся.

— Десант?

Кавказец не ответил.

«Корсар? — подумал Егерь, смотря Корсару в глаза. — Шаг твердый, уверенный, речь ясная. На обколотого Буйволом не похож. Значит, по своей воле сюда пришел. По стойке понятно что он из спецчастей, выходит служил, и не только срочку. Встать против меня не испугался, даже будучи в курсе моей репутации. Слабым даже по виду не назовешь. Отказываться от боя с ним глупо и невыгодно, что ж...»

— Ставки сделаны, господа! — радостно кричал ведущий. — Восходящая звезда арены — Корсар и старая легенда — Егерь, схлестнутся в кровавом бою! Что же нас ждет? Останется ли старый волк хозяином арены или же молодая кровь разотрет его тело? Шансы равные, нас ждет умопомрачительный бой старого с новым! Итак, пожмите руки, уважаемые джентльмены!

И они пожали руки. Отошли друг от друга на метр. Егерь быстрым движением вонзил

тесак в волчью голову.

— Итак! По яйцам не бить, уж будьте людьми. Разрешено избить до полусмерти, но не больше. Хотя, думаю правила оба знаете. Что же... Три... Два... Один... Бой!

Они схлестнулись. На Егеря посыпался град быстрых, точных ударов, рассчитанных за раз сложить его вдвое. Каждый хук, каждый выпад он успешно отражал, блокируя выставленными руками. Корсар не останавливался, видимо, решил зажать перевозчика. Легкий выпад влево. Очевидно, фальшивит.

Егерь чуть сгорбился, прошел точно у Корсара под рукой, вмазал прямо в челюсть.

Сталкер едва не завалился назад, быстро отошёл, держась за челюсть. Не успел опомниться, как почувствовал очередной удар в лицо. Голова закружилась, ощущение были, словно под танк попал. Из носа брызнула кровь.

«Наконец, — хищно улыбнулся Корсар, уворачиваясь от удара под дых. — Наконец, кто-то сильный!»

— Корс, сукин сын! — ругнулся Крюк. — Не по зубам он тебе, не по зубам!

Рывок. Быстрый, точный. Егерь не успел защититься. Хук правой. Удар. Удар.

Кавказец отшатнулся, оценил обстановку. Противник снова замахнулся, чуть сгорбился.

«Хрена тебе собачьего...» — подумал Егерь, готовясь взять сталкера в захват.

Корсар сменил положение, чуть подался вбок, согнул правую ногу. Снова фальш. Сталкер вложил в этот удар всю силу, надеялся закончить все здесь и сейчас. Сначала удар в живот, затем, когда перевозчик согнется, добить ударом с колена, потом повалить и размалевать как следует. Идеальный план. Против простого человека.

Воздух мощным потоком вырвался изо рта, но Егерь не потерял бдительности.

Как только удар тупой болью пронзил стальной пресс, Мясник вцепился сталкеру в плечи, чуть дернул на себя и взял на калган. В глазах Корсара заплясали искры, после потемнело. Егерь врезал сперва с правой, потом с левой. Мощь удара была настолько велика, что сталкер ненадолго оторвался от земли, а после рухнул на песок.

Кавказец быстро приблизился. Его враг лежал совсем беспомощно, в полуметре от него, еле поднимая голову, сплевывал кровь.

«Неплохо держишься, — подумал про себя перевозчик, — но сегодня с тебя хватит...»

Поднялся Корсар слишком быстро. Егерь не успел подойти. Противник утирался от песка, смешанного с кровью из рассеченной брови, разбитого носа, но все также дико улыбался.

На секунду они остановились. Обменялись взглядами. И поняли, что оба пойдут до конца. Несмотря ни на что.

С трибун дальше сложно было разобрать хоть что-то.

Они быстро закружились, словно в танце. Каждый знал, что сделает другой. Ставка на истощение. Любое неверное движение, ошибка — проигрыш, вылет. Останешься собирать зубы на песке.

Егерь заметно подустал. Помимо крови, на лбу выступил пот. В глазах немного потемнело. В какой-то момент все вовсе залило красным. Внутри кипела животная ярость.

Очередной удар. Блок.

— А-а-а! — зарычал Корса, переходя в контрнаступление.

Время сбавило темп. Егерь заметил рой песчинок, медленно взлетающих из-под ног противника, крохотные капли крови, бегущие по руке. Вот он, шанс.

Кавказец успел чуть отшатнуться.

Хук левой, хук правой, апперкот.

Корсар сделал два неуклюжих шага, а затем рухнул, припечатавшись к песку. Больше он не вставал.

Егерь выдохнул, опустил голову. Стоять было невыносимо тяжело. Он не слышал как трибуны залились аплодисментами, как ведущий громко и радостно загалдел, заносился по подмосткам. В ушах стоял тонкий, противный писк.

— Спасибо, — хрипя, кашляя и плюясь кровью, сказал Корсар, — хоть кто-то мне вмазал...

3

У него была заметная татуировка на спине, которую Егерь различил только сейчас.

Аккуратные, с тонкими перепонками, смыкающиеся в острые, словно лезвие, концы, крылья, плавно перетекающие в такой же аккуратный и тонкий силуэт летучей мыши с черным беретом на голове, что расправила крылья прямо на фоне белой луны.

— Так значит разведка? — спросил перевозчик утирая голову тонким, перешитым на сотню раз полотенцем.

Корсар щелкнул шеей. Повернулся. На голове ежиком вспучились иссиня-черные волосы. Лицо, видимо, еще не успело сильно опухнуть.

— Ага, типо того.

— И долго?

— Ха, ну если складывать со срочкой, то лет шесть отпахал, пока наши заморские друзья не оформили нам подарочек... — усмехнулся он, подходя к вешалке. Вернее, подходя к наваренным кускам железа, имитирующим вешалку. Там висела точно такая же майка-тельняшка, но чистая, без кровавых пятен.

Егерь удивленно хмыкнул.

— А ты, старик, дал мне, молодому, просрать как следует. Я уж совсем зазнался, думал самый сильный тут.

— Обращайся. — выдерживая паузу ответил перевозчик. — Давно ты здесь, Корсар?

Тот быстро зашарил по карманам штанов, постучал по ним, вытащил пачку. Заглянул. И выругался.

— Форму, твою мать, они раз в триста лет выдают, а сигарет положить — не судьба. Мудачье, чтоб их!

— И все же? — спросил Егерь, тактично протянув никотиновую дозу.

— Ну, забрел я сюда года три назад. Думал, покумекаю здесь годик от силы да пойду на все четыре. Но слишком я тут прижился, — он выпустил сизое облачко дыма. — А что? Работа есть, бабы — тоже, мордобой под рукой, пошла — жри не хочу. Вот и закольцевало меня здесь.

Капелька воды шлепнулась об бетонный пол. Всего душевых, если так можно назвать присоединенные к трубам проржавевшие распылители от леек, из которых, даже при закрытом клапане стекала вода, было пять. Тусклый, дрожащий свет, исходящий от газовых энергосберегающих ламп, окутывал небольшую, нищую бетонную комнату, испещренную лужами и трещинами, что наполнились мутной водой.

Наступило молчание. Тихо капала вода.

— Слушай, — наконец заговорил Корсар, облокотившись на стену. — Не хочешь заработать неплохих денег?

На пол упала кучка сигаретного пепла.

— Зависит от предложения, — коротко ответил перевозчик, шнуруя берцы.

Зашнуровал, пару раз топнул, проверив надежность, затем быстрым движением стянул форму с вешалки.

Корсар потер щетину, чуть улыбнулся.

— Каждые пару месяцев мы отправляемся на охоту. Берем часть техники, бойцов, клетки и валим в леса. Там, следуя определенному маршруту, бьем и ловим мутантов, а потом привозим вот сюда.

— Плата?

— За трупов от сотни до тыщонки. Зависит от того, что за тварь и в каком она состоянии. За живых платят вдвое больше. Хотя, иногда качественная тушка волка стоит больше, чем его живой брат-инвалид. Всё зависит от тебя. Но я бы не стал предлагать человеку такого уровня простую вылазку на охоту, — Корсар отшатнулся от стены, медленно зашагал кругами по душевой — Я предлагаю тебе ходку в рейд.

— Рейд?

— Именно, — сталкер кинул окурок в сторону.

Тот упал в воду, зашипел, задымился и потух.

— Рейд проходит раз в год и то не всегда. Прямо-таки праздник! В отличии от простой охоты здесь участвует куча народу, почти все охотники, ворох техники. Затянуться такое торжество может на пару-тройку недель, если не на месяц. А нынешний рейд обещает быть очень прибыльным.

Егерь сложил руки на груди, посмотрел на сталкера.

— Когда выдвигаемся?

Корсар, пройдя круг и остановившись прямо у выхода ответил:

— Когда ударят морозы, то бишь, где-то в декабре. Совет пока молчит, но я так думаю числа десятого, как лёд встанет. Так что, ты решил?

— Договорились.

Сталкер улыбнулся.

— Отлично, а то я уж начал сомневаться. Старый волк снова в деле!

— Ещё вопрос, — спросил Егерь, приблизившись к Корсару. — Мне нужно знать, где тут стрельбище, полоса препятствий или что-то подобное.

— А, — ухмыльнулся сталкер, вспоминая странноватого одноглазого парня, — Конечно... Здесь, в пяти километрах, ещё до въезда в город, располагается база охотников. Я хоть и птица вольная, но время от время туда заглядываю. Если найдешь общий язык с нашим боссом — Беркутом, то будет тебе и стрельбище и препятствия и всё, что душевнике угодно.

Егерь слегка улыбнулся.

— С Дмитрием Степановичем мы договоримся.

— Ха! Время связей не режет как посмотрю.

— Типа того, — ответил Егерь. — Если будешь сегодня там, передай ему, что я буду завтра. Перетрём за былое.

— Как раз собирался. А... — продолжить помешал раздавшийся дверной хлопок.

Из ворвавшегося в темную комнату света возник силуэт. Высокий и сильно округлый.

— Ох, порадовали вы меня, мужики! — звонко крикнул некто. — И кошелёк мой не меньше.

— Ох ты ж, елы-палы, — развел руками Корсар, — сам Барон пожаловал!

Из света показался полноватый мужчина, с длинными и пышными усищами, спадающими до губ. Щуря большие карие глаза, он прошел внутрь.

Крепко поздоровался сперва с Корсаром, а, увидев перевозчика, охнул:

— Егерь, — он учтиво протянул руку. — Рад познакомиться лично.

Сталкер ответил сухим рукопожатием.

— Я, — начал тарахтеть Барон, плюхнувшись всем своим объемом на хлипкую скамью, отчего та протяжно застонала, — безумно рад, что ты посетил мою арену. Как только узнал, что здесь сам Сибирский Мясник, сразу распорядился все подготовить! Жаль сразу не встретился с тобой.

— И на том спасибо, — улыбнулся Егерь, глядя, как Барон утирает пот со лба.

— Надеюсь, Живик тебе все как следует объяснил? Ну и отлично! Что ты так смотришь Корсар? А, точно!

Он вынул из-за пазухи два мешочка. Один, толстый и пузатый, почти как Барон, скоро был в руках у Егеря. Второй, вдвое тоньше, достался Корсару.

Барон грустно вздохнул.

— Не смотри на меня так, — развел руками хозяин арены, глядя на нахмурившегося Корсара, — это я ещё надбавил за зрелищность!

Сталкер пожал плечами, чуть развязал мешочек, взял одну монетку, прокусил, сверкнув белыми зубами.

— На баб с пойлом хватит, — заключил он, звеня монетами, — может по пиву, а, мужики?

Барон тяжело поднялся, охнул, а после замахал головой:

— Я бы с вами, но дела, чтоб их!

— Конечно, конечно! — иронично отметил Корсар. — Не смеем отвлекать.

— Ну, бывайте!

Они пожали руки, а после Барон скрылся за дверьми, ведущими вглубь арены.

— Чертов еврей, мог и побольше отсыпать, — буркнул Корсар, — ну да черт с ним. Так что Егерь, может в бар? Там и перетрем за наше дельцо детальней.

— Пошли, — ответил перевозчик, — После такого грех не выпить.

— Верно! Там у Живика такая настойка есть, аж уши в трубочку...

Тяжело ударилась дверь, стихли голоса.

Об пол тихо ударилась капля воды.

4

В том же баре, за тем же столиком сидели трое. Вернее сказать, четверо.

— Значит, Зевс? Кусаешься, а? — спрашивал Корсар у полуволка, присев на корточки по-бандитски.

Зевс, на удивление, не рычал. Он даже не обратил внимания на новоприбывшего гостя и, скорчив грустную морду, жалостливо смотрел на стол, полный всяких вкусовностей.

— Странноватое имечко для собаки, — отметил Корсар, глядя животное, — почему не Бобик?

Егерь на секунду отвлекся от мяса.

— Иногда я сам задаюсь этим вопросом, — усмехнулся кавказец, — просто в голову пришло. Но Бобик — слишком просто.

— Хм, интересно. Назвать собаку в честь бога грома и молний...

— В какого бога? — удивился Даня.

— Ха! Это, салага, покровитель грома и молний, родом из древнегреческой мифологии, — сказал Корсар, щекоча питомца. — Так что, когда видишь молнии, считай, разгневали людишки великого Зевса!

Полуволк довольно растянулся по полу, завилял хвостом.

— Правда? Из древнегреческой? Это... Чего?

— Тьфу! Не знать таких банальностей... Хотя, — сталкер вдруг переменялся в лице. — К чему тебе это? В теперешнем мирке и остается только, что убивать, ломать кости и запивать всё пойлом.

— Впрочем, — продолжил он, усаживаясь за стол, — сменим тему.

Корсар ловким движением вынул игральную колоду карт из куртки.

— Ай да в картишки? Надеюсь, ты играть умеешь? — сталкер посмотрел на Даню, чей взгляд застыл на проходящей мимо девушке, а вернее, на глубоком вырезе ее груди.

— Ясно все с тобой, — засмеялся Корсар, — Ну, бабы здесь огонь, я тебе так скажу.

Парень резко обернулся, словно только вышел из транса.

— А? Да я не об этом...

— Ладно тебе, салага! Ну так, в карты резаться умеешь?

Парень утвердительно кивнул.

— Отлично! Ну, поехали...

Через полчаса на весь бар разлетались искусно завернутые трехэтажного размера маты. Ругался Корсар.

— Чтоб вам всем ходу не было! Снова дерьмо на раздаче! Пацан, я тебя шею сверну, еще раз так херово растасуешь!

— Да что я? Егерь тасовал, вы... Ты тоже проиграл! — защищался от нападков Даня, прсе себя усмехаясь над особой удачей Корсара.

— Чернота под красный козырь! А ты что туза словил? Лыбишься тоже, чтоб тебя, — перешел сталкер уже на Егеря. Кстати, не без оснований. Перевозчик потирал в руках козырный бубновый туз.

— Так, что говоришь, — начал Егерь, с легкостью отбиваясь от карт незадачливого сталкера. — Беркут давно так все успел организовать?

— Да, — буркнул Корсар, — как только стену поставили, сразу и решил построить отдельную базу. А, черт! А! На тебе, на, и вот!

Сталкер, закусив губу, подкидывал Дане несколько королей, крестовую даму и два туза.

— Ха-ха! Как тебе, Данька? Нравится?

Пацана больше смешил не проигрыш, а то, как взрослый мужик, упивался от радости, побеждая в какие-то карты. При том, что всего несколько часов назад этот же человек не на жизнь, а на смерть бился с Егерем. Перевозчик, кстати, за несколько партий ни разу не проиграл.

Даня собрал все накиданные карты в кучу, сложил вместе и подставил лоб. Щелк!

— Ай! Можно помягче было? — забубнил он, схватившись за лоб.

— А вот нехрен было закидывать в той партии! Я тоже настрадался.

— Понимаю тебя, Корсар, — довольно ответил Егерь. — Понимаю.

— Нет, черт возьми! Не понимаешь! Ещё раскидай, — гаркнул сталкер. — Он не может выйти из-за стола не проиграв!

С горя Корсар опрокинул всю кружку особой настойки Живика. Поморщился, но не закусил.

— А что за Беркут? — спросил Даня, раздавая всем по шесть карт.

— Беркут — глава базы охотников, — спокойно ответил Егерь, глядя на скромные карты, — мой хороший знакомый. Завтра едем к нему.

— Зачем?

— Тренировки, Даня. Тебе нужны тренировки, чтобы стать сильней.

Пацан вздохнул. Единственное, что ему хотелось сейчас — познакомиться поближе с той обаятельной официанткой, что виляла туда-сюда меж столиков, сверкая прелестями, а не заниматься изнурительными тренировками.

— Да, — подтвердил Корсар. — Тренировки, чтоб не быть как все эти разжиревшие мудаки. Иначе на рейде тебе кирдык придет.

— На каком рейде? — охнул Даня. — Когда?!

— Когда рак... А! Пошел ты, Егерь, сколько уже можно? Опять без козырей...

— Мы с Корсаром обсуждали всё это не просто так, — продолжил перевозчик, вытягивая карту из колоды, — с завтрашнего дня я начинаю усиленно тебя тренировать. До первых декабрьских морозов. После, мы вместе с Корсаром выдвигаемся в рейд. Что это такое и зачем оно надо расскажу завтра.

Парень спорить не стал и грустно вздохнул.

1

14 декабря.

Почти сразу после попойки в баре, мы двинулись за город. Он впечатлил меня своими размерами. Тогда, по приезду, мы ехали сюда в потемках и я толком ничего не разглядел, но... На самом рассвете, это место играет совсем другими красками. Несмотря на пятиутровую рань, по улицам слонялось много людей, причем, людей совсем обычных, таких как беженцы в моем пункте, и, казалось, ни разу не державшие в руках оружие. Они шныряли туда-сюда и каждый был занят каким-то мелким делом: кто-то в стельку пьяный плелся из бара, еле держась на ногах, кто-то, только проснувшийся, шел, видимо, на работу. Как я вызнал у Корсара, большинство населения здесь «слишком криворукое, чтобы держать оружие», поэтому оно занималось сельским хозяйством. Собирало посеянный урожай, на еще сохранившейся плодородности почвы, выращивало «чистых» животных, которые потом шли в пищу и на продажу. Кто-то занимался созданием кустарных патронов для оружия, ввиду их дефицита, ремонтировал и модифицировал убитые временем пушки, кто-то воскрешал старые, доисторических времён машины, кто-то под патронажем Совета чеканил монеты, которые до этого я видел лишь вскользь. Были даже те, кто, смешивая разные травы и остатки медицинских препаратов, экспериментируя с концентрацией того или иного компонента, создавали самые настоящие лекарства, которые вполне могли заменить производственные. Думаю, тот подозрительный барыга, что всучивал мне чудо-смесь «Буйвол» был одним из таких «травокуров», по определению того же Корсара. Кстати говоря, человеком он оказался не таким и страшным, как мне казалось сначала. На мое удивление, я и Егерь быстро с ним поладили, а Корсар каждый день все глубже и глубже погружал нас в реалии этого места. Оказалось, что город сталкеров живет только потому, что «каждая шестеренка этого механизма, строго выполняет свою цель». Охотники на вылазках добывают пищу и особей, которых можно разводить, охраняют город от монстров, а мирные жители, взамен, ведут сельскохозяйственную деятельность, выращивая будущую пищу. И так, вместе, они продлевают городу жизнь. На удивление, не было единого человека, который взял бы под свой контроль управление над этой системой. Корсар сказал, что всем здесь управляет некий совет «старых пердунов», на собраниях которого принимаются почти все серьезные решения. Кажется, только ему позволено так называть глав города. Большим влиянием в Совете обладает Беркут, как оказалось, старый знакомый Егеря. Вообще, что-то слишком много знакомых, и темных пятен в его прошлом, которое он так тщательно скрывает... Как бы то ни было, приехали на базу охотников мы довольно быстро. Не успел я оглядеться, как Егерь почти за шкуру потащил меня к боевому полигону, украшенному полосой препятствий, мишенями и другими интересностями. Всю ту массу оружия, что мы вытащили у Рома на базе, Егерь быстро распродал ещё до нашего отъезда. И вот, мне стало ясно, куда он дел, вырученные за снаряжение деньги. Скоро в моем распоряжении оказались почти все виды огнестрела, из которых мне предстояло научиться стрелять. Автоматы, дробовики, снайперские винтовки, пистолеты... Работу с этим оружием я должен был изучить хотя бы на базовом уровне, иначе на рейде меня сомнут в гармошку. Но перед этим, Егерь начал изнурять меня тренировками. Отжимания, пресс,

подтягивания — в разной комбинации, разной длительности и в разной форме... Бег. Сначала один, затем два, три, четыре километра, пока я едва не выплевывал свои легкие. Потом он учил меня рукопашному бою, основам и тактике движения. Изредка надо мной издевался Корсар, в два движения утапывая моё уставшее тело в землю. Меня это не на шутку злило и бывало, я даже материл его. Но его моя реакция ни пугала, не обижала, а только веселила. Мне приходилось ой как несладко. Временами, я проклинал все это всей душой и надеялся, что ни в какой рейд мы не выйдем... Но, несмотря на это я шел вперед. Однажды, когда я весь выдохся и совсем не соображал, когда единственной мыслью было сдаться, я, вдруг, будто получил озарение. Понял простую, но верную мысль. Я ведь не могу просто так сдаться и бросить всё. Неужели этому дядя учил меня, с тех пор как вернулся? Неужели таким он хотел меня видеть? Слабым, безглазым и больным инвалидом? Я вдруг почувствовал, что если останусь таким жалким, то разочарую его. Он всегда учил меня тому, что уж лучше жрать землю, чем опустить руки и сетовать на жизнь. Я все хотел найти в этом дерьме крайнего и, наконец, понял, кто это... Я сам. Я сам допустил смерть всех друзей и родного человека, я не смог защитить их. И позволил обратить себя в нечто странное... Когда вспоминаю о той ночи, то очень боюсь. Каждый шорох, вой в ночи, сводит меня с ума, заставляет трястись, как подбитую шавку. Но... Но эти монстры должны поплатиться за содеянное.... За то, что сделали со мной... Я убью каждую тварь. Каждая должна будет сдохнуть в диких муках. Может Егерь и кровожаден, жесток и суров, но именно он смог открыть мне глаза на этот мир. И я не хочу, чтобы дядя думал, что потеряв его, я стал сопляком, который только и делает что ноет и прячется в угол.

Сейчас, я пишу это, за несколько часов до рейда, пока никого нет. Прошло уже два месяца, ударили морозы и выпал довольно глубокий, декабрьский снег. Теперь, благодаря сотням тренировок, я больше не тот сопляк каким был раньше. Я убью каждую суку, что встанет у меня на пути, выпотрошу их, в ответ за ту ночь. Осталось совсем немного...

2

Горизонт смыкал вихрь взбесившегося снега. Тусклый солнечный шарик тихо спускался, гася слабый, холодный свет, проникший во мрачные лесные чащобы. Они пестрели, сбросившими с себя листву березами, вечнозелеными елями, что укрылись своими иглами, будто щитом, обугленными, омертвевшими стволами, укрытые белыми, большими хлопьями, только выпавшего снега.

Кружили вороны, чёрными стрелами изредко решета небо и своим карканьем разрывая могильную тишину сибирской тайги. Лес спал холодным, зимним сном.

— А, чертова скукота, — бросил Корсар, лениво посматривая на бесконечные, однотипные пейзажи хозяйки-зимы. — И сижки почти вышли... Что ты там чиркаешь, салага?

Даня встрепенулся, резко закрыл крохотную книжечку, сунул ее за пазуху зимней шубы.

— Да так... — замялся он, — заметки...

Корсар не ответил и сухо усмехнулся.

— Н-да... А ты что, песель? Ой, морда! А!

Зевс, обвившийся вокруг ног, будто змея, вывернул брюхо кверху, давая простым смертным возможность его почесать.

— Удивительно, что он к тебе так быстро привык, — отметил Егерь, дернув коробку передач. — Живика вот сразу невзлюбил...

КРАЗ чуть подался вперед.

Корсар откинул черные, будто смоль, отросшие по глаза тонкие локоны жестких волос, убрав их за уши.

— Ну, Живик-то мужик ушлый, пусть и добрый, почти как все его профессии. А я человек военный, простой, вот и пригляделся... Да, собакен?

Зевс задергал ногами, что-то просопев себе под нос и корчась от удовольствия.

Корсар, улыбнувшись, почесал свою бороду. За прошедшее время он почти не брился и как результат — обзавелся неплохой бородкой, которая, впрочем, не шла в сравнение с егерьской.

— Черт, хотел же побриться! А, чтоб его... Чешется, скотина! Как ты такое можешь терпеть, а? — обращался он к перевозчику, который лишь едва усмехнулся.

— Годы тренировок, годы...

Сталкер, впрочем, особо не поверил в слова кавказца и снова бросил взгляд на унылые красоты тайги. Вьюга медленно, но верно усиливалась, слышался протяжный гул ветра, что хотел пробраться в теплую кабину. Хлопья снега уже хорошенько закрывали обзор.

Даня вздохнул.

— А много тварей в лесах шарахается? — спросил он, чуть развернувшись к Корсару.

— Честно, — начал он, — в северные районы мы давно не заезжали. По правде говоря, это первый наш настолько крупный рейд в эти места. Обычно-то мы на восток ездим. За своё время я видел всякое: волки, огромные крысы, с неплохую собаку размером, рысей, как ты мог заметить... — Корсар зашарил по карманам мухортовой дубленки, повсюду истыканной косо пришитыми карманами. — О, нашел! Нашел, чтоб тебя! Ты гляди, еще и самокрут... — Корсар вдруг нахмурился. — Когда это я успел?

Пожав плечами он закурил. По кабине расползся, на удивление, не очень приятный, но и не очень противный запах жжёного табака. Даня всё же, локтя от носа не отставил.

— Да, — Корсар выпустил дрожащее колечко дыма, — каких-то особых тварей я не видел. Но, знаешь, народ всякое говорит. Слышал я, что после того как по нам хорошенько долбанули ядеркой, то взрывы эти разбудили созданий древних, которые таились глубоко под землей, прятались высоко в горах или шныряли где-то под толщей океанских вод...

— Разве такие бывают?

— Тебе ли не знать, мой одноглазый друг, что в этом мире полно всякого необъяснимого дерьма. Ну, к примеру, слышал я истории, что на Байкале видели рыбаки. огромную сволочь, несколько километров в длину, что даже рыбой язык назвать не повернется.

Даня удивленно захлопал глазами, а вернее единственно оставшимся и недоверчиво посмотрел на рассказчика.

— Не смотри на меня так. Я сам охренел, когда услышал этот бред, но мой собутыльник рассказывал так убедительно, что я с пьяных глаз и поверил. А, кхэ! Черт, что-то я перестарался с этой папироской...

Сталкер еще покашлял, поглядел на свое творение, но курить не бросил.

— И что же за чудо такое?

— Хрен его знает, что-то типо огромной змеюги, как-то они даже обозвали эту мразь... Тьфу! Не помню уж совсем. Но создание такое огромное, что Байкал ему по колено! А на голове у этой бикарасины рога, да еще и пасть размером с добрую баржу. Говорят, траулер рыболовный под воду утянул, к себе в замок подводный...

— Замок!? — выпалил Даня. — Под водой!?

— Ну, я там небыл — не знаю, но слушки ходят, да. Кто-то встретил эту гадину пока рыбку ловил и с божьим чудом улепетал оттуда, пока жопу вазелином не смазали, — рассмеялся Корсар. Потом посерьезнел, — А потом вздернулся.

Повисла гнетущая тишина.

— Да, паники ты навести можешь, — холодно сказал Егерь, поглядев на удивлённого Даню. — Давно я такого бреда не слышал.

— То же мне — эксперт, кто ж знает, что там, глубоко в водах творится?

— Ну, если бы какая каракатица там и жила, то давно бы вылезла и нас всех растоптала, — парировал Егерь, — и дело с концом.

— Ну ты и зануда! Даже байки травить не даешь!

— Не спорю, — согласился перевозчик, ухмыльнувшись.

— Может тогда сам чего расскажешь? — съехидничал Корсар. — Ты ведь у нас тут шкуры с кого только можно сдирал да по таким местам лазил, где даже волки срать боятся.

Даня с Зевсом немного обиженно переглянулись, а Егерь кротко хмыкнул и озадаченно почесал бороду.

— Что мне, ёп твою мать, уговаривать тебя? — возмутился сталкер, нахмурившись, — Дяденька Егерь, а расскажи про монстров за периметром! Так что ли?

Егерь рассмеялся, сверкнув белыми зубами. Даня вдруг понял, что раньше никогда не видел, как перевозчик смеется.

— Черт с вами, — наконец кивнул он.

— Другой базар, совсем другой! — обрадовался Корсар, потягивая самокрут. — Валяй, старик.

— Быстро ты меня в старики записал. Но да ладно. Тварей я много перерезал за свою жизнь, но расскажу про ту, что сам только издали видел и ближе подходить не стал...

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Корсар, ткнув под бок Даню.

— Ночевал я тогда в лесу. Вьюга была ужасная, до костей пробирала. Вот я почти заснул в машине, как вдруг слышу топот. Громкий, снег с валежником на пол леса хрустят, а дрожь по земле от каждого шага такая шла, будто танк упал. Выхожу из машины, наперевес с калашом. Оглядываюсь — никого. После, слышу очень низкое хрипение, где-то дальше, за деревьями. Тихо, на цыглах, нырнул за берёзу, выглядываю и вижу... В двадцати метрах от меня, прямо по лесной опушке, ползет здоровенный камень. Метра эдак четыре высоту и вдвое больше по ширине, я...

— А ну стоять! — выпалил Корсар. — Стопэ. Какой нахрен камень?

— Натуральная глыба, — спокойно ответил перевозчик, глядя на недоумевающего теперь Корсара. — Ползла на запад. Очень медленно. Я сначала думал, что почудилось. Это существо выглядело, словно оживший горный скол. Тело, если можно так назвать, было укрыто плотно уставленными друг к другу наростами, текстуры как раз таки камня. Больше в темноте я нихера разглядеть не сумел.

Даня сидел, сжав от напряжения кулаки. Атмосфера, стущающейся темноты и жутко завывающей за окном вьюги очень усиливала эффект рассказа.

— За ним тянулась протяженная полоса стёртого снега и отвердевшей земли. Да и оно само было вдоль и поперек в снегу. Слово проснулось от долгого сна. Ползло существо, опираясь на гигантские рукоподобные каменные конечности, то есть опиралось на одну и подтягивало остальное тело. Туловище, кстати, вместе с ногами, волочилось позади. Короткие по сравнению с телом ноги, если их так можно назвать, были усеяны трещинами и

сколами, а на одной и вовсе красовалась, пестрящая тёмной кровью дыра. Будто из РПГ разряд пустили. Я долго не решался, что буду делать. С одной стороны, стрелять было бессмысленно — эти наросты с лёгкостью бы пулю остановили. С другой — шуметь тоже нельзя, заметит и раздавит.

Оставалось только бесшумно уйти, надеясь, что это нечто меня не тронет. Едва я стал уходить, как вдруг оно обернулось.

— Мать твою, вот это новости, — ругался себе под нос Корсар, все интенсивнее затягивая почти изошедшую самокрутку.

— Ни рта, ни ушей я у этого существа не заметил. Хотя почему-то лицо очень мне напоминало человеческое... На месте глаз сверкали только два красных огонька, прикрытыми будто кирпичами. Я было полез за гранатой, но тварь только что-то невнятно пробубнила, занесла огромную, плоскую лапу и ударило по земле, да так, что я едва с ног не рухнул. Ощущение было как в две тысячи девятом, когда нам технику ИЛами доставляли, с парашютами скидывая. У одного БТР-а тогда парашют оторвался и тот с огромной высоты посреди поля вмазался. Вот и здесь звук похожий, — Егерь сделал длинную паузу и закурил сигарету.

— Ну, не томи мля, чё дальше то было? Ушёл?

— Как видишь, — не без иронии ответил перевозчик. — Только вот на следующий день я решил проехать по шлейфу, который оставило это существо.

— И что там? — спросил Даня, немного съёжившись.

— Десяток человеческих трупов. По видимому — бандиты. Осели в каком-то лесном домике, от которого, после этого монстра осталось одно название. Оно смяло их, как насекомых, смотреть страшно... Вот только откуда у этих несчастных оказался гранатомет — загадка по сей день.

Корсар выругался.

— Брешь, чтоб тебя! Не может таких чудовищ земля носить...

— Ну, можешь не верить. Мне врать ни к чему, — спокойно ответил кавказец, поглядев в окно.

Вьюга нарастала.

— И то верно, и то... О таком в баре пьяницы не рассказывают. Что ж ты раньше молчал?

— А к чему воду мутить? — буркнул Егерь. — Видел я его всего раз и, по всей видимости, никто кроме меня с этим не встречался. Кто поверит?

— Ха! Правду говоришь, если я сам едва в это вразумил.

— И что, совсем ни разу больше не повстречался тебе этот... Гигант?

— Нет, Дань, не встречался. Я только слышал, что некоторые местные шлейфы замечали после да ямы большие, полосой далеко тянущиеся. Но там уже за достоверность не отвечаю.

— М-да, теперь и поссать в лес нормально не сходить! А то ведь и хлопнут, как муху...

Все снова замолчали, погрузившись в свои думы. Которые, впрочем, были быстро прерваны писком рации.

— Внимание всем звеньям, движущимся в цепи костяка! Впереди обнаружено крупное оленьё стадо. Ведущая группа замкнула их и гонит на нас. Приказ: разбиться полукольцом и нейтрализовать стадо. Повторяю: разбиться полукольцом и нейтрализовать стадо! Работаем пневматикой с транквилизаторами. Расстояние между машинами минимизировать, о каждой

нейтрализованной особи докладывать немедленно! Приблизительное число голов — пятьдесят. Время сближения — десять минут. Приказ выполнять немедленно!

— 3-12. Приказ принял...

— О, Беркут снова за свое. — осклабился Корсар. — Вечер обещает быть интересным!

По рации последовали уточнения о координатах стада гонимого сюда. Машины образовали плотное полукольцо. Снегоходы получили координаты западни и погнали стадо ровно в ловушку.

— Расчетное время зрительного контакта три минуты, всем приготовиться. — раздался из рации голос Беркута.

А Корсар уже настроился подстрелить больше особей чем остальные.

— Та-а — а-к-с, где там моя винтовочка? — радостно приговаривал он, готовясь поразвлечься.

3

Двадцать машин стояли полукольцом. Стояли настолько близко, что почти смыкались бамперами. На крышах машин, словно статуи, совсем не двигаясь, лежали сталкеры. Метель все нарастала и впереди, кроме вьющегося одеяла вихря, было сложно хоть что-то разглядеть. Все было залито, будто молоком.

— Расчетное время зрительного контакта — одна минута — приготовиться.

Егерь вместе с Даней и Зевсом стояли около КРАЗа, наблюдая за происходящим. Полуволок принюхивался и активно вилял хвостом, почти полностью утонув в сугробе.

— Фу, нельзя, — приказал Егерь, глядя питомца по голове. — Нельзя.

Даня посильней натянул старенький, советских времен, разукрашенный в красно-зеленые тона, шарфик.

Парень поднял взгляд на крышу машины, где распластался Корсар. Он был сосредоточен и только что-то бесшумно бубнил себе под нос. В руках красовалась длинное дуло, оснащенное средненьким оптическим прицелом (уже порядком истрепанным), покрывшимся кучей царапин на корпусе. Оружие было оснащено внушительных размеров баллоном с газом и манометром. Само по себе оружие выглядело довольно бедно: куча сколов, тысячи мелких царапин, обмотанный изолентой старенький приклад цвета дерева, вместе с потертым от времени дулом. Впрочем, Корсар всегда хвалил эту пневматическую систему.

— Идут!

Впереди, из-под одеяла вихря и снега, показалось несколько десятков красавцев-оленей, разбившихся по периметру. Они даже не представляли, что улепетывая от снегоходов, бегут прямо в западню.

— Сначала задний ряд! — противно гаркнула рация.

Раздались тихие, похожие на свист выстрелы.

Сзади показался еще десяток оленьих голов.

Корсар выдохнул и начал стрелять.

Двое (те, что держались правой стороны оленя), вдруг чуть дернулись, пробежали ещё несколько метров и, запутавшись в ногах, рухнули на землю. Ещё двое возникли на сетке прицела чуть левее.

— Пиф! Паф!

Животные дернулись и скоро омертвели, уйдя мордой в снег.

Вдруг сталкер заметил здорового, намного больше остальных оленя, бегущего

впереди всех, с огромными, будто ветвями дуба, рогами. И Корсар едва удержался, от того, чтобы не прожечь курок.

«Живи. Пока что» — пронеслось у него в голове, прежде чем еще пара бегущих в задних рядах животных поникли.

— Паф! Ха-ха!

Сухие, тихие выстрелы, словно шелест листьев, пронеслись по лесу, прорываясь сквозь вой метели.

— 3-12, минус шесть, — быстро доложил Егерь, который вдруг оказался рядом с Корсаром.

— Минус се... — осекся Корсар, сжав зубы. Кто-то обогнал его, усыпив пару оленей по центру. Буквально в считанные секунды огромное оленье стадо, занимающее почти четыре плотных ряда, поредело вдвое, даже на половину не сблизившись с защитным кольцом.

«Нет, не просру! — подумал Корсар, быстро переводя прицел. — Даже не подумаю»

Ещё не усыпленные животные метали бешеный, испуганный взгляд на своих павших собратьев и от того пугались ещё больше. Некоторые скакали так сильно, что, спотыкаясь о ветки, схороненные глубоко в снегу, падали, ломая тонкие ноги.

Зевс скалился, рычал, прищурившись, но не смел послушаться приказа хозяина.

Даня, стоя рядом, буквально чувствовал кипящую злость полуволка, исходящую откуда-то извне.

— Ладно тебе, — бросил юноша. — Корсар же обещал, что нажрешься вдоволь.

Зевс недовольно зарычал, взглянув поблекшими глазами на Даню.

Ряды почти изошли и остался лишь прохудившийся авангард оленьего стада, во главе с вожак, трясушим своими массивными рогами, словно пытаясь отбиться от тонких и быстрых пяти сантиметровых дротиков с ярким оперением. Рядом с ним, держась почти наравне, бежала совсем лысая самка, пытавшаяся прижаться ближе. Едва она нагнала вожака, как вдруг испуганный взгляд притупился, постепенно остекленел и тело, наполняясь чем-то тяжелым, устало рухнуло в снег. Вожак чуть обернулся, фыркнул и, не успев опомниться, увидел десятки машин, сомкнувшихся в круг. Пелена метели рассеялась и вдруг он понял, что бежать некуда. Последние из стада сваливались с ног, оставив его наедине с охотниками. Он еще пару мгновений стоял, нервно озираясь, шурясь от света фар.

Корсар улыбнулся и повременил всего пару мгновений, чтобы рассмотреть главную жертву — самый жирный приз. Глухой щелчок курка. Свист.

— Что?

Олень рухнул, едва дротик коснулся его пятнистой шеи.

Корсар быстро оторвал взгляд от прицела. Слева от него, в самом центре, задорно кричал какой-то здоровый мужик, обернутый вдоль и поперек в волчьи шкуры. Корсар сжал кулак, блеснув перстнями. В голосе он узнал Булата.

— Сраный...

Корсар выругался. Обильно и жёстко.

— Эх, молодец! — похлопал бугая по плечу маленький мужичок, с длинной рыжей бородой.

— Крюк, подсевало рыжее, чтоб тебя в задницу лешие трахнули! — зверел на глазах Корсар, сжимая пневматику все крепче и крепче.

— Ха! Обогнали тебя, — хохотнул Егерь.

— И без тебя вижу, — прошипел Корсар, приподнимаясь с машины. — Капитан

очевидность...

Хмурое лицо сталкера, раскалённое сибирским морозом, казалось, закипало заново.

Он зло сплюнул и, ещё пару раз презрительно обернувшись к своим собутыльникам, прыгнул вниз.

4

— Молодцы, парни! — громко и звонко крикнул Беркут, оглядывая место бойни. — Отличный улов!

Шёл он спокойно, твёрдо, несмотря на глубокие сугробы, уходящие почти на полметра вниз. Подошёл он аккуратно к егерьскому КРАЗу.

— Здравия желаю, товарищ генерал!

— Привет, Егерь! Как улов у нашего стрелка? — тихо, но вместе с этим очень четко спросил Беркут.

Был он едва ниже Егеря. Широкий в плечах, облачённый в лисьи и заячьи шкуры, с шапкой-ушанкой на голове, что горела красной советской звездой. Глаза — яркие и блестящие водной гладью, иссечённое морщинами лицо. Сразу можно понять, что человек в возрасте. Простые солдатские берцы, тёплые штаны, словом, если бы кто-то взглянул на него со стороны, то наверняка подумал, что это обычный старик.

— Отлично отстрелял. Тринадцать штук усыпил, — ответил Егерь, вынимая сигарету из зубов.

— Превосходно. Эй, Корсар! — крикнул Беркут сталкеру, что стоял, угрюмо сложив руки у машины. Услышав знакомый, мягкий, но в то же время отдающий металлом голос, сталкер обернулся.

— Да вроде и настрелялся, а совсем кислый.

Егерь усмехнулся, глухо щелкнув зажигалкой.

— Наверно кому-то проспорил, — ответил Беркут, утирая шикарные и пышные седые усы, аккуратно смыкающиеся в тонкую линию. — А он такого не любит.

Егерь еще пару раз щелкнул зажигалкой, посмотрел на отметину газа в ней и вздохнул.

— Прикурить? — спросил Беркут, протягивая перевозчику зажигалку.

Егерь взял ее в руки и осмотрел.

— Нихрена себе раритет, — приподнял брови кавказец, откидывая массивную крышку черной коробочки, испещренной серебряными волнами. — Zippo?

Беркут хмыкнул.

— Спасибо.

— О, идет, звезда театра! — раскинул в приветственном жесте руки Беркут. — Что такой кислый?

— Я кислый? — удивился Корсар, пожав руку старику. — Тут просто... Кхм, просто погода дерьмовая вот и всё, настроение мне портит.

Егерь усмехнулся, выпустив сизое облачко дыма.

— А, понимаю. — улыбнулся Беркут. — Ну ты отлично потрудился. Это тебе лишняя монетка в копилку.

— Рад служить, а ещё больше — если платят вдвойне.

Беркут усмехнулся.

— Ладно, мужики, пообщаемся ещё как лагерь поставим.

— Так точно, — процедил Корсар, видя, как к командиру приближается Булат с улыбкой до ушей, радостно сообщить о своём подвиге.

Сталкер сплюнул и рефлекторно потянулся за сигаретой.

— Отряд! Грузить животных и быстро! — громко и жёстко гаркнул Беркут, таким голосом, что все в округе тут же встrepенулись и засуетились. Как-никак все усыпленные туши оленей нужно было загрузить в огромный, стоящий позади плотно сплетенного кольца, болотохода «Ямал».

Назвать машиной или грузовиком эту бандуру не поворачивался язык. Двадцатиметровый змей, оснащённый мощными гусеницами, грызущими под собой всё, что попадетcя, широкая и просторная двенадцатиметровая платформа, усеянная клетками, уставленными по всей площади. Кабина, длинной и шириной, которая выходила в добрые два КАМАЗа, внутри которой расположились связисты и всё верхнее командование, включая Беркута. Снаряженная масса этого монстра была в сотню тонн, если не больше.

По сравнению с Ямалом, КРАЗы, КАМАЗы, УАЗы и ЗИЛы, казались чем-то вроде муравьев, копошившихся рядом с настоящим колоссом. Позади кабины были воткнуты несколько поездных вагонов, служащих пристанищем местным охотникам.

Даня присвистнул, приблизившись к Егерю. Он вглядывался в технику, не отрывая глаз.

— Это что за штука такая?

— Это, Дань, венец советского творения вкупе с канадскими мастерами, — говорил перевозчик, указывая на борт кабины чудо-техники, где пестрел кленовый лист, укрытый серпом и молотом. — Болотоход СВГ-701 ЯМАЛ.

— А что ж я его раньше не видел? Столько ведь на базе были, а это ни разу не видел...

— Потому что в ангаре был, тоже готовился к рейду, — ответил Егерь, сбивая с сигареты горку пепла. — А уехали мы раньше, чем его выпустили.

— Охренеть можно... — удивлялся юноша, всё больше рассматривая болотоход, к которому, словно насекомые сбегались люди, волоча по снегу усыпленных оленей. Среди них пацан увидел и Корсара, который, заметив Булата, что тащил вожака стада, тут же подошел к сталкеру и начал показывать руками неприличные жесты. Булат съежился, что сделало его вид совсем неуклюжим, а потом, когда Корсар закончил выпад, покрутил пальцем у виска.

Даже с приличного расстояния Даня услышал шквал отборных русских словечек.

Из-за ЯМАЛа не спеша выкатились два КАМАЗа, оснащённые небольшими пяти-шести метровыми кранами и, пристроившись к машине, начали выгружать клетки, разогнав букашек, столпившихся внизу.

— Вы-ы-ы-гружай! — бодро протянул Беркут, махнув машинам. Из-за массивного борта болотохода вынырнуло ещё пару человек, которые принялись быстро цеплять приличного размера клетки к кранам. Как только первые конструкции рухнули в снег, почти сразу там оказалась пара спящих оленей и, закрытые в стальной клетке защелкнувшимся навесным замком, они ждали своего подъема. Так этот цикл повторялся, пока животных совсем не осталось.

— Эк! — хлопнул по ржавой клетке Крюк, поправляя шапку-ушанку. — Последние! Вира!

— Ага! — послышалось сверху.

Клетка мягко дернулось и плавно поплыла наверх.

— Так что, Корс? Проспорил ты нам с Булатом! — ехидно улыбнулся Крюк, почесывая рыжую бородку. — С тебя два ящика пивка!

— А может это ты мне должен? — съязвил Корсар, который стоял у погрузочного

КАМАЗа. — Вы сколько положили?

— Девять! — гордо сказал Крюк. — Ровно девять!

— А я — тринадцать, — жестко ответил сталкер, приблизившись к Крюку. — И кто кого уделал?

Глаза его горели раскаленными от гнева углями.

— Но...

— Хер тебе, а не но! То, что вы стыбзили моего жожака, не добавляет вам к счетчику, больше, чем на один, усек?

— Ха! Неужто обиделся, что Булат оказался быстрее тебя?

— Я смотрю ты дохера смелый...

— Ладно тебе, — разрядил обстановку Даня, что возник рядом совсем неожиданно. — Сдался тебе этот олень?

— И правда, — буркнул Корсар, зло посмотрев на Крюка. — Сдался мне он... Но ни одной бутылки я вам не должен, понял?

— Парнишка прав, но спор есть спор, — согласился Крюк. — Ты победил. А энто что за зверь?

Зевс, что был рядом с Даней, оскалился.

— Это егерьский песик, — ответил за Даню Корсар, присев на корточки. — Тот только свистнет и это собачонка тебе мигом яйца отгрызет!

Зевс вдруг резко изменился в морде и снова растянулся своим черным, как ночь массивным телом на снегу, вывалив красный язык.

— Слепой, как погляжу. Он хоть охотится-то может? — усмехнулся бородач, неодобрительно взглянув на животное.

— Увидишь.

— Р-р-р... — почти как кот мурчал полуволок, дергая лапами.

— Всем группам! — запищала рация. — Всем группам: особи укомплектованы, занять исходные позиции, костяку встать в строй! Снегоходы уже выехали!

— Так точно.

— Зевс, — свистнул Даня, — пошли. Пошли я тебе говорю, хорош валяться!

Полуволок лениво поднялся, нехотя отрываясь от любимого занятия и поплелся за пацаном.

Скоро Даня вместе с Корсаром скрылись в метели, оставив после себя лишь глубокие провалы в сугробах. Уже успело хорошенько стемнеть, хоть на часах и было всего пять часов. А метель все усиливалась и усиливалась, вороша снежные хлопья по лесу. Голубое небо занесли темные, пушистые тучки, мерно плывущее по небесной глади. Заревели моторы, пугая тихую округу. Машины двинулись в путь. После всех, очень тихо, но верно, пополз ЯМАЛ, сминая под собой снежный ковер, жутко грохоча и плюясь черным дымом. Через полчаса все совсем стихло и в чаще снова можно было услышать противное, кряхтящее карканье ворон.

5

Просека. Прорубленная ещё давным-давно она позволяла огромному конвою ехать без всякого промедления. Отмеченные маршруты вели к заранее осмотренным головным дозором местам, где можно было бы спокойно отдохнуть. Так вычищался сектор за сектором, а потому с каждым рейдом приходилось ехать всё дальше и дальше, уходя в самую глушь сибирской тайги.

— На связи З-19, докладываю, у нас поломка, масло течет. Видимо, где-то цепанулись поддоном о камень или корягу. Проедем километров двадцать от силы, что прикажете? Приём.

— На связи Беркут. Снижайте скорость, ретируйтесь в конец костяка, ждите приказа. В случае чего возьмем на буксир. Главное мотор не угробьте.

— З-19, принял.

— Всем машинам внимание! У З-19 поломка, двигаемся до шестнадцатой метки, затем выходим на поляну.

— Что там, опять? — спросил Корсар, потягивая спину.

— Слышал же, поломка. Едем до метки.

— Хм, — Корсар полез в бардачок, отщелкнул его и вынул старенькую, потрепанную карту, исчерченную красным карандашом, — так-с... Шестнадцатая — это старая опора ЛЭП, её тяжело не заметить.

Егерь хмыкнул.

Через несколько минут КРАЗ нагнал еле катившийся ГАЗ-66 и перегруппировался. Корсар, прищурившись, высматривал в сгустившейся темноте такую же темную метку. К счастью, свет фар впереди идущего УАЗа, освещал округу да и по его развороту можно было быстро сориентироваться.

Даня тоже пытался помочь делу, но отсутствие глаза, заметно сокращало радиус осмотра.

— О! — трепыхнулся Корсар. — Готовься сворачивать через два километра.

— Вижу-вижу.

КРАЗ плавно сбавил скорость, через пару минут слегка притормозил и плавно вошел в поворот, прямо в лесную чащу, аккуратно сторевшей башни ЛЭП.

Машину начало потряхивать от многочисленных кочек и ухабов, так, что Корсар пару раз стукнулся головой об салон.

— Сука, — шипел он, — можно поаккуратней?..

Егерь не ответил, лишь едва улыбнулся. Даня тихо хихикнул.

Тьма в этом месте сгущалась ещё больше, словно слипаясь вокруг тусклых лучей фар. Дальше двух-трех белесых берёзок за колеей было сложно что-то рассмотреть. Снег сыпал без продыху. УАЗ впереди плавно испарился за одеялом мрака, а поэтому приходилось ехать вдвое аккуратней. Даня выглянул в окно. Что-то быстро мелькнуло за деревьями. Может показалось?

— Где там эта поляна? — спросил Даня, оторвавшись от теней.

— Так, ну... Ещё минут пять-шесть, — ответил Корсар, водя пальцем по тонкой красной линии.

— Приём, всем группам. По прибытии на место образовать плотное кольцо, со входом для З-19.

— Принято.

Когда ухабистая дорога, богатая резкими поворотами и глубокими ямами кончилась, машина, наконец, вышла на просторную поляну. Ощущение было, что здесь рухнул метеорит, и в радиусе трех километров выжег всё живое. Деревья стояли так, что образовывали почти идеальный круг. Как и приказал Беркут, машины выстраивались в плотное кольцо. Егерь дернул коробку передач, вклинился к КАМАЗу рядом. Через десять минут все машины стояли как по линейке, ровно и четко образуя круг. Остался лишь небольшой проем в

полтора КРАЗа размером.

Послышался рёв чего-то огромного, после — хруст веток и стволов. Сперва из тьмы выползла Шишига и, совсем медленно и неуверенно поползла в круг, а за ней, круша все живое на своем пути — ЯМАЛ. Круг тут же был замкнут ожидающей машиной рядом и теперь можно было расслабиться.

Зашипела рация.

— Всем отдыхать. Оставить по одному дежурному за машиной и устраиваться на привал. Егерь, подойди к 3-19, помоги разобраться с поломкой.

Перевозчик щелкнул плечами, взял в зубы сигарету, схватил из-за сидений ящик с инструментами, вышел и был таков. Зевс быстро соскочил с нагретого места, потоптался Дане по коленям и вынырнул прямо перед захлопывающимся дверьми.

— Вот засранец, я ж придавлю тебя когда-нибудь! — послышалось снаружи.

Даня обернулся к Корсару. Тот сидел и, нахмурившись, завивал пальцами волосы.

— Что тебе, одноглазый? — спросил он, усевшись поудобней и закинул ногу на ногу.

— Да так. Кто сторожить будет?

Корсар матюкнулся и указал Дане на выход. Тот через пару мгновений захлопнул кабину.

Повисла тишина. Молчаливая, гнетущая тишина, постепенно сдавливающая черепную коробку. Корсар вынул из дубленки маленькую стеклянную баночку с каким-то белым порошком внутри. Вынул пробку с характерным звуком. Немного помедлив, сталкер опрокинул склянку и проглотил порошок. По гландам разнеслось сильное жжение, заставившее Корсара сморщиться и хорошенько прокашляться. Глаза заслезились.

— М-м-м... 3-3-зараза...

Через несколько секунд боль вдруг резко утихла. Сталкер откинулся на спинку сиденья, да так резко, что волосы убранные за уши оказались подле носа. Несколько минут он пролежал в таком состоянии, как труп. После лениво замахал головой и, глубоко вдохнув, поднял голову.

«И почему же выжил только я, засранцы? — обращался он, глядя на четыре серебряных кольца. Мелким шрифтом на каждом из них было выбито имя и дата. Месяцы разные, но год везде один — две тысячи десятый.

— Почему ты, Слав, бросился прикрывать меня от снайпера? Почему Жеку эти суки расстреляли, как чертов воздушный шарик? Почему Сашка, когда нас застали враспloch бросил под себя гранату и нас отвел от смерти? Почему... Почему я тогда испугался?.. Мог же, ведь мог же прикрыть и Серёгу и ту мамку с дочкой. Но отсиделся, как крыса в укрытии. Приказ ведь есть приказ! Сука, да чтоб провалиться и мне и этому мудаку Пострелову и всему батальону трусов! А, вот же черт, опять я за свое...»

Он обхватил лицо руками, сжав волосы в кулаке. И очень тихо засмеялся, опуская голову всё ниже и ниже.

«Какая же я мразь... А... Чтоб меня... Пошел к черту и Крюк и Булат, их все равно либо пристрелят, либо мутанты порвут. И эти двое, нахрена я к ним в дела полез?»

Сталкер вдруг болезненно простонал, свалившись телом к окну. Из покрасневших глаз пошли слезы, то ли от горечи, то ли от порошка. Он взглянул на правую руку, где было лишь одно серебряное кольцо. Без даты, но с именем — Руслан.

— Скоро и мое время придет, парни, и мое тоже, — шептал он, взирая то на кольцо, то на пожирающий округу мрак.

— М, поломка не из легких, — заключил Булат, осмотрев поддон, — но не так проблематично. Разве три здоровых лба не справятся?

— Вот и я о том же, — подхватил Крюк, подкидывая в руке гаечный ключ. — Ты как, Егерь, в машинах-то разбираешься?

Кавказец молча посмотрел на Крюка и в его взгляде было что-то нехорошее.

— А, ну да. Извиняюсь. Чтобы ты и не знал, кхе...

— Так, ну проблема как и думали в поддоне, царापина тут здоровая, сквозная.

— Да! — поддержал Крюк. — Я сразу догадался. Но вот только у нас с собой нет запасного поддона, да и сварочник с собой тут вряд ли кто-то брал.

Булат хмыкнул и почесал бороду.

— Ничего, — спокойно сказал Егерь, посмотрев на морду шестьдесят шестого, — знакомая проблема. Тащи посудину, чтоб масло слить.

— Что я тебе тут найду?

— Да хоть сральник кошачий. Канистру пластиковую обрежь и возьми у Беркута дизельную тепловую пушку. Щас масло сольем и заделаем вашу дыру.

Оба сталкера недоверительно переглянулись, но ничего не сказали.

Пока эти двое искали куда слить масло, Егерь достал из чемодана мелкую наждачку, растворитель и автомобильную шпатлевку с отвердителем.

Масло слили в канистру 20-ку с обрезанной бочиной. Затем, Егерь снял поддон, зачистил место пробоя наждачкой и обезжирил растворителем. После, облокотив поддон на пень, стоящий рядом, направил пушку, уже работающую от генератора подогнанного УАЗИКа.

Булат с Крюком смотрели на действия Егеря, как на чудо Господне. А перевозчик, отогрев металл, замешал порцию шпатлевки с доброй долей отвердителя и нанес на пробу, толстым слоем зацепив по пять сантиметров во все стороны от пробоя.

— И чего это? — спросил Булат.

— Шпатлевка. Минут через семь её уже от металла будет не отодрать. Не сварка, конечно, но полгода покатайся можно точно.

Как и сказал Егерь, после застывания шпакля намертво вцепилась в металл. Поддон без особых проблем поставили на место, предварительно согрев все место пушкой и смазав прокладку герметиком. Недостающее масло стрельнули на ЯМАЛе, залили в мотор и завели.

— Охренеть! — глядя снизу на поддон, удивился Крюк, дернув рыжую бороду, будто старик Хоттабыч. — Работает!

Шишига зло заревела.

— Откуда ж такие знания, брат? — спросил Булат, хлопнув в ладоши.

— Да, давняя история, — отмахнулся перевозчик, вытаскивая изо рта сигарету.

— Раз заикнулся рассказывай, — поддержал Крюк, спрыгивая из кабины, — а то уж больно интересно.

Даня, который все это молча наблюдал, вдруг дёрнулся. Егерь заметил это и, вздохнув, сел на ближайший срезанный пень. Зевс, оторвавшись от Дани, шмыгнул к перевозчику под ноги.

— Было это незадолго до встречи со сталкерами местными, мужики, — сказал перевозчик, посмотрев на Булата и Крюка. — После того, как медведь нас поцапал, дня эдак через два. Ехали мы по дуге Новосибирской, по старой федеральной трассе, идущей аккурат

возле города. Ехали-ехали, как вдруг сломались, также как тут, на арматурину в темноте напоролись. Только стали ремонтироваться...

— Эу! — послышалось откуда-то сзади. Все быстро обернулись.

— Значит им тут сказки травишь, а мне хрен гороховый? — кричал Корсар, размахивая маленькой фляжечкой. — Так дело не пойдет, давай по новой!

Сталкер подошел, ловким движением открыл дверь отремонтированной машины и, усевшись поудобней в кабине, принялся слушать.

— Ну, мля, продолжай!

Егерь усмехнулся. А после продолжил свой рассказ.

1

За окном крутилась жуткая вьюга. Снег взвивался небольшими смерчами и, будто змей, шёл по одиноким дорогам, пытаясь разогнать зимнюю тоску. Голые ветви берез и и тополей мятниками лениво раскачивались из стороны в сторону. Ещё не ночь, но черные снеговые облака уже погрузили во тьму полупустую округу. Посреди этой тоски, лишь в маленькой избушке, окружённой омертвевшими заброшенными домами, теплилась жизнь. В единственном косом окне, наполовину закрытом поникшей ставней, мерцали отблески тепла и глухо слышались чьи-то разговоры.

— Говорю тебе, не простой это медведь! — твердил Ром. — Бьюсь об заклад, что не простой!

— А какой, волшебный? — съязвил Хриплый, подкидывая дров в костер. — Как по мне, просто пережравший грибов.

— Грибов? Чернобыльских чтоль? Это шатун, Тём, шатун. Но явно не обычный. Они хоть и свирепые, но дури в них, чтобы помять машину, как сраную картонку, нет!

Ром сидел в углу избы за небольшим сосновым столом, на котором были остатки от недавней трапезы: консервные банки и опустевшие стаканы. Витя посмотрел на амулет, сделанный из медвежьего клыка, обрамленный пушистой, белой шерстью и вздохнул.

— Мы с отцом всяких били. И шатунов, и простых. Но говорю вам, ни один, даже близко на такие разрушения не был способен.

— Верно. Вообще повезло, что мы оттуда живыми ушли, а не стали ему кормом на зиму. Егерь посмотрел на хроющую ногу Вити.

Теперь, последний, как умел, ковылял на сосновой «трости», которую они нашли, пока ехали. На деле же это была удивительно ровная и прямая палка без коры, покрытая узорчатыми проходами, что оставили после себя короеды.

— Эт точно! Тебе там вообще как? Жопу не печет?

— Ни капли, — Егерь чуть привстал, — Умели ведь раньше делать: и задница не мерзнет и печет не сильно!

Он расположился на лежанке, устроенной прямо на печи и, довольно закинув ногу на ногу, тянул сигарету.

— Занял мое место, — буркнул Витя, выковыривая ножом остатки тушенки. — Ещё и выпендривается!

— А кто сказал, что оно твое? — улыбнулся Егерь. — Кто первый занял того и место.

— Никакого уважения к раненым.

— В таком случае, какого хрена печь я топлю, а вы баклуши бьете? — по-актерски нахмурившись спросил Артем и зло захлопнул дверцу печи.

Оба лежебоки тактично промолчали.

— В любом случае, — прервал тишину Витя, — долго мы здесь не просидим. Надо же было так продырявить поддон. Сперва шина, потом медведь, теперь — это... Хрен мы куда уедем теперича...

— Точно, — вздохнул Дамир, — дальше ехать — себя хоронить.

— Чинить здесь только сваркой, — добавил Артем, усаживаясь за стол. — А её тут хрен где сыщешь.

— Беда...

— Ну сегодня заночуем, а там что-нибудь придумаем, — заключил Егерь, приподнимаясь с печи. — Раненых прошу на койку, — добавил он, указывая на лежанку.

— Так бы сразу!

Ром, прожевав последний кусок тушенки приподнялся, ловко схватил трость и, на удивление, быстро добрался до печи. Отложил палку, только хотел оттолкнуться и прыгнуть в тёплую лежанку, как вдруг раздался громкий стук в дверь.

Все насторожились. Кроме Рома.

— Кого там нелегкая принесла? — буркнул он и тут же, никого не дождавшись, поковылял к двери.

— Вить, — шикнул Артем, — не открывай!

Но раненый уже не слышал.

— Кто? — гаркнул он в дверь.

— Помогите, пожалуйста, люди добрые! — раздался осипший голос из-за двери. — Беда приключилась, помощь нужна!

Егерь быстро ретировался к углу двери, привстав рядом с беззаботным товарищем.

Ром хмыкнул, снял здоровенный деревянный засов, опершись на трость, приоткрыл дверь из проема которой, посыпалась кромка наледи.

— Кто та... — что-то на секунду мелькнуло у носа Вити, а после он рухнул на пол, схватившись руками за лицо.

Из-за двери быстро вынырнула здоровая черная фигура с натянутым на лицо шарфом. В руках незнакомец вальяжно вертел револьвер, даже не целясь.

— Руки вверх, сучары! Щас господин Бугор устроит вам промыв жо...

Глухой удар. Тело достопочтенного господина обмякло и повалилось на пол, прямо рядом с Ромом.

Артем быстро выглянул в окно, уже держа ромов БЕКАс наготове.

— Один в окне. Держу на мушке. Походу, нас окружили.

Егерь, держа на прицеле незнакомца, выругался.

2

— А ну-ка повтори...

— Говорю же, Бугор! Тех, залетных петушар видели на здоровенной такой Шишке! — тараторил лохматый паренек. — Щас в домике, в соседней деревеньке ошиваются!

Одет он был во что попало: истрёпанная вязаная бабушкина кофта, с померкшим рисунком оленя, заштопанные тут и там балоневые штаны, поверх — паршивая зимняя курточка. В руках боец еле держал старенький калаш, то и дело перекидывая с одного на другое плечо.

— Так это просто охренительная новость! — засмеялся мужчина, устроившийся в изящном кожаном кресле, остов которого был создан из чистейшего красного дерева.

Был он довольно крупным, как в плечах, так и в животе, на пухлых щеках играл румянец. Бугор был лыс и то и дело мерил парнишку своими небольшими зелеными глазками, заставляя того невольно дергаться.

— Шуруй! Бери пацанов и пойдём рамсить этих клоунов, — он схватил бутылку водки, знатно отхлебнул с горла и даже не поморщился, а только утер капли спирта с пышных черных усов.

Парнишка кивнул и тут же скрылся за дверью.

Бандит закинул ноги на стол, который, кстати, полностью соответствовал царскому креслу: аккуратные, округлые края, красное дерево, обрамленное изящными, кое-где испачканными невесть чем, выющимися узорами. Комната в целом, напоминала кабинет какого-то важного начальника. Кроме шикарного стола и кресла, помещение украшали длинные книжные полки, которые, впрочем, были заставлены совсем не книгами: репродукции картин, Рафаэля и Микеланджело, скосившиеся далеко в сторону изящные шкафы, где валялись части от пистолетов — патроны, порох и пустые бутылки. На полу расстелилась медвежья шкура, истесанная то ли ножом, то ли чем похуже.

Бугор качнулся на кресле, полез в карман своего военного комбинезона, вынул пачку сигарет. Закурил.

— Вот черти, — бурчал бандит себе под нос, — щас мы им вставим по самое ата-та...

Резким движением он вогнал лежащий рядом здоровенный охотничий нож глубоко в стол.

3

— Так, шкеты! — гаркнул Бугор. — План таков: значитса, я, как ваш пахан, иду прямо к этим бесам в хату, стучуся, они мне открывают, а я их — бах, бах! Конец комедии, петушары лежат, а я всех одолел.

— Но...

— Никаких но! — заткнул он Серого. — Единственное — вы меня подстрахуете. На всякий. Пока я буду мотать до тудова, вы этих циркачей обойдите и в окна глядите пукалками своими, чтобы если че расстрелять там всех к чертовой бабушке! Понятно? Вот и отлично.

Мы только выгрузились из тачек, даже место толком не осмотрели, подумать не успели, как на, пожалуйста! Бугор уже все решил... И ведь хрен ему че скажешь, сразу яйца прострелит, как Жеке Коробу, который теперь Жека Стреляный. План, конечно, хуже некуда. Как он вообще с такими мозгами не просто живой, а еще миряков крышует, нами командует, да и водку жрет, будь здоров... Ой, чую, вставят ему когда-то хороших трячек! Впрочем, стояли мы от этих залетных на достаточном расстоянии, так что ни увидеть, ни услышать они нас не должны. Нас свора пятнадцать человек, не считая пахана, может что и выйдет. Но что Бугор своим револьвером сделает? Эта срань стреляет-то когда сама захочет.

Мы еще пытались возражать, но Бугор даже слушать не хотел.

— Так, вы че, мне не доверяете? Думаете я щас вам тут херню какую-то исполнять буду? Да я за свою жизнь этот трюк столько раз делал! Тьфу! Ну хорошо, хорошо! Что ты, Сифа, предлагаешь?

Сифа, который все это время молчал и послушно кивал, вдруг дернулся.

— Ну... Э... Вообще можно было бы просто кинуть им в окно осколочную и дело с концом...

— Кинуть осколочную, кинуть осколочную! — передразнил его Бугор, замотав туда-сюда лицом. — Не по-мужски это. Надо зайти и показать, как я и мои люди работают, ясно? Вот так-то. К тому же, вы ежели шо не так пойдет, их всех накормите свинцом. Ну все! Хорош сиськи мять, я пошел, вы — следом.

Круг, в центре которого вешал наш пахан разомкнулся и мы, дружно вздохнув, пошли окружать дом. На руках у меня двенадцатый, так что при случае — любого с первого разряда похороню.

Мы быстро спустились с легкой возвышенности, гурьбой прошли по хрупкому снегу,

пробираясь сквозь жуткий вихрь.

Пригнулся, прильнул к избе и не торопясь побрел к окну. Вроде никого. На той стороне пацаны, должно быть, уже собрались и ждали.

— Чекан! Твою мать, Чекан, в избе всего одно окно! Твое!

Я оглянулся и посмотрел на Сашку, который наблюдал за движениями Бугра. Впереди меня сидел еще Славик и Серега, прижавшиеся к стене и ждущие хрен пойми чего.

Твою мать! Вот толку мы окружили все это здание? Что теперь, бревна решетить? Вдобавок, ещё хрен пойми, сколько засранцев там, внутри. На что он надеялся...

Что за шум? Два глухих удара, какие-то шепотки... Че там творится?

Я аккуратно выглянул и вдруг захотел также аккуратно заглянуть обратно. На меня тарачился какой-то сутулый дед с дробью наперевес, а рядом здоровенный амбал целился на...

Черт, Бугра взяли!

— Пацаны, — передал я в рацию, держа ружье на деде. — У нас ма-а-ленькая проблемка...

4

Ситуация накалялась с каждой минутой. Егерь держал незнакомца на прицеле, Хриплый тоже держал неприятеля с карабином на мушке дробовика, тот тоже не опускал ружья. Ром ещё дергался и матерился себе под нос, утирая бегущую из носа кровь, а Бугор валялся без сознания, слюнявя пол.

— У нас ваш глава! — гаркнул Артем. — Хоть одно лишнее движение и ему кранты!

Фигура за окном не двигалась.

— Кароче, так! — крикнул Егерь, так громко, что, наверно, услышал весь лес. — Либо щас самые умные из вас заходят сюда и мы пытаемся решить этот вопросик, либо перестреляем друг друга и дело с концом!

За избой послышались какие-то шевеления, шепотки.

— Даю десять секунд! Раз...

На восьмой дверь чуть распахнулась. Фигура за окном исчезла, а в проеме появились двое бандитов с поднятыми руками. Егерь уже успел оттащить заложника подальше к печи, а Ром удачно отполз в угол и тут же взял чужаков на прицел ПМ-а.

— Та-а-ак... — начал один из вошедших, тот, что был чуть повыше.

В остальном они были похожи как две капли воды — и шитой на сто раз бомжеватой одеждой и черными шарфами.

— Мужики... Мы... как-бы это сказать...

— Зря на вас наехали, — поддержал второй, — ошибочка тут вышла небольшая! Недоразумение, понимаете... Давайте так: мы этого кадра забираем и уезжаем отсюда, а вы забываете про это происшествие...

— Ага, а потом нас изрешетят остальные десять или двенадцать говнарей с улицы, — отметил Хриплый, прильнув к автомату. — Так не пойдет.

— Предлагаю свой вариант, — щелкнул языком Дамир. — Сейчас вы, шакалы, выстраиваетесь в плотненькую такую шеренгу, а я каждому из вас бошку продырявлю, м? А вот этого клоуна, — он бросил взгляд на Бугра, — подвешу за яйца к люстре и будет мне елка на Новый год. Как вам такое, а?

Повисла тишина, нагнетаемая молчанием двух сторон. Затишье прервал Бугор.

— О-о-о... Это, мы... Зай, шлифанем потом... Ха, вот это у тебя буфера! То что надо...

Агх!

Повторный удар прикладом от Дедушки Мороза..

Бандит умолк, снова треснувшись мордой об пол.

— Так что делать будем? — спросил Хриплый у двух гостей.

— Так, — тот что был ниже, опустил руки. — Нас ведь больше. Даже если вы его пристрелите, вам уже не жить. Так что тут мы должны условия ставить...

— Ага, как же, — буркнул Ром, шмыгая сломанным носом. — Вы без оружия, дебилы, у нас в заложниках ваш придурок... Я тебе вот этой тростью щас всеку, посмотрю, как ты условия будешь мне тут ставить!

— Э... Не бей, не надо... — застонал Бугор, обхватив руками голову. — Я знаю, как нам ре... разрулить ситуацию...

— И как? — спросил Егерь, замахнувшись прикладом.

— Я попутал вас, мужики... Давайте вы меня в заложники возьмете, а? Бросите меня где-нибудь, а я как-нибудь доковыляю и меня пацаны заберут... А вы едите куда там надо... Ну так, по рукам?

— Идея неплохая, — согласился Хриплый, не спуская мушки, — но мы далеко не уедем. У нас масло течет, так что не канает.

— Тогда давайте ко мне! На хату... Я честно не обижу... Там и перетрем за мои косяки, да и над поломкой вашей покумекаем, м?

Хриплый, Ром и Егерь переглянулись. Делать было нечего.

— С нами будешь, — прошипел Егерь. — Пусть твои шакалы первые едут, понял?

— Ну как иначе? — криво улыбнулся Бугор и в дружелюбном жесте развел руками.

Вдруг Дамир схватил бандита за шкурку, поднял, хорошенько треснул по лицу, приставил калаш к лысой голове и медленно повел наружу, пока тот старался не упасть.

Один из псов Бугра, стоявший у входа, что-то буркнул в рацию и вышел.

Скоро изба опустела.

5

Хриплый уселся за руль, а Егерь с Ромом следили за Бугром, пусть тот и был связан веревками по рукам и ногам. Ехали молча.

— Вот же сука, — ругался Витя, тихонько ощупывая разбитый нос, — нахрена так бить-то, козел?

Бугор, привязанный к кровати, который до этого момента с интересом рассматривал кузов чудо-машины, дёрнулся.

— Ну а фто? — он попытался развести руками, но вспомнил о своем незавидном положении и съежился. — Мне тоже дофсталось.

Бандит, прищурился опухший глаз, как бы невзначай, посмотрел на Егеря, но тут же отвел взгляд.

— Будешь выступать, еще раз вмажу, — мрачно ответил кавказец и чуть приподнял автомат, лежащий у него на коленях.

— Нет, не надо! Кофсяк понял.

— Так все же, это был твой идиотский план, будучи группой из пятнадцати вооруженных человек, вместо подрыва или на худой конец расстрела этой несчастной избушки, заявиться одному давать нам концерт?

— Нет, — замахал головой Бугор. — Я фто, похож на идиота?

— Совсем чуть-чуть, — ответил Егерь, оглядывая заложника, — зачем вы на нас напали

и с кем попутали?

Бандит помолчал, прищурил маленькие глаза, вздохнул:

— С залетными. Есть здесь клоуны, которые опиваются на военных складах. Они мне глаза мозолят уже давно, а мы думали, фто... что это они, вот и решили помять ублюдков.

Егерь удовлетворенно хмыкнул, отвернувшись от заложника.

Бугор еще несколько минут потерпел установившееся молчание, увидел ручку, торчащую из пола машины, нахмурился и выдал:

— Мужики, обычно рукояти к полу не приваривают. Я, конечно, вижу, что у вас тут, как говорили пендосы, «олл инклюзиф», но это какое-то издевательство!

— Обычно заложникам рот кляпом затыкают. Намек понял? — прошипел кавказец, демонстративно поигрывая автоматом на колене.

— Понял, понял... Ладно, давайте уладим ситуацию, мужики. Всё понимаю, я накосячил, по башке заслуженно отхватил, пусть и немного больше... — Бугор уловил агрессивный взгляд Егеря. — Но! В любом случае, я бы хотел загладить вину.

— И как же? — спросил Ром, опершись на стойку с оружием, где ярче всех блестел его дробовик.

— Выпивкой. Жратвой. В обильных количествах.

— Хм, — почесал затылок Витя, — откуда у тебя такие богатства?

— Хо-хо! — улыбнулся Бугор, показав щель между зубами. — Да я тут, считай, местный царек. Щас мы как раз едем в деревню, которую я крышую.

— Крышуешь?

— Ну да! Мне местные платят чем могут, хотя я много и не требую, ну так, чтобы жить можно было. А я их от всяких петуша... Ну, в смысле, от залетных защищаю. Эти, знаете, мародеры там, ещё какие засранцы. А местные вона, живут, в ус не дуют.

— Подозрительный ты тип, — сказал Егерь, поглядывая на опухшую рожу бандита. — Сам как бандит выглядишь и также говоришь, с местных налоги за крышу берешь, а трех «засранцев» в избушке, всей толпой взять не смог.

Бугор вздохнул:

— Кто ж знал, что вы так сработаете? Обычно заходил, так все либо бежать начинали, либо лапки вверх, только не стреляй, дядя. Знаете, я тоже посмотрю, вы не из простых ребят...

— Хм, — Егерь сжал калаш. — Интересная ситуация выходит у нас, господин Бугор. Смотрите как бы ещё один зуб не потерять.

— Само собой! Косяк был, косяк загладим!

— Дамир, что ж ты такой злой? Видишь, человек помочь пытается, — Ром подсел к Бугру. — А выпивка у тебя какая?

— Хо! Пиво, водка, вина, все что душевнее угодно. Есть даже раритетный коньяк «Зов предков» девяностого года.

— Другой разговор!

Егерь недовольно хмыкнул, поняв, что Витю уже не остановить.

Шишига вдруг сбавила обороты, начала тормозить.

— Эй, выводите военнопленного! — послышался сиплый голос из кабины. — Приехали.

6

В большой зале, обставленной в том же стиле, что и кабинет местного крышевателя, а именно, в сочетании богатства с бандитской небрежностью, за огромным овальным столом

расположилось человек так двадцать, точно на царском приеме. Бугор, на удивление, был не на самом почетном месте — украшенном изваяниями креслом, а на старом шатающемся стуле. Рядом сидел Егерь, до сих пор не спускающий палец с курка, но уже пистолетного. Ром был там, где выпивки было побольше, а Хриплый по противоположную сторону от своего кавказского друга.

Стол был, конечно, не как у царей, но стремился соответствовать уровню. Выпивки, еды и правда была целая гора с маленькой тележкой — всё, как говорил горе-бандит. Из еды было неприлично много мяса: свиное, говяжье, куриное, из закусок были всеми любимые соленые огурцы, помидоры и, конечно, почертсвевший и твердый, будто кирпич, чёрный хлеб. На горячительном хозяин сделал особый акцент: пиво, вина, разноразличные настойки, самогон, водка, сидры...

Где-то на фоне посвистывал магнитофон, на котором крутили не стареющий у бандитов шансон. Бандиты, кстати, без намордников выглядели совсем иначе: добрые, пусть и омраченные от крутых поворотов судьбы лица, как молодые, так и старые. Словом, не так выглядят бандиты, при упоминании которых, многие грустно вздыхают и готовятся к налёту.

Сидели все молча, слушая вой магнитофона на фоне. Бугор, вздыхая, глядел на пустующее кресло, потом на приставленный к брюху ПМ. Ну, хотя бы развязали руки.

Вся орава сидела молча и мучительно долго сверлила друг друга взглядами.

— Ну я не понял, пацаны! — вдруг рявкнул Бугор. — Почему вы на наших гостей смотрите, как на проклятых врагов? Вы не попутали? Что, Сифа тебе не нравится?

Сифа, по-своему обыкновенно, молчавший и занятый совсем другим, осекся.

— Да... Ну, Бугор, как...

— Они ж тебя отмудохали, связали, как проститутку, а щас сиди с ними водку пей?! — крикнул Чекан, сложив руки на груди. Послышалось глухая поддержка справа и слева сидящих.

— Так, цыть! — ещё пуще прежнего гаркнул крышеватель, не стесняясь ствола у пуза. — А ниче, что мы их пришить хотели, придурки? Повезло вам, дебилы, что меня там не подвесили за мои бубенцы...

Бугор посмотрел на Егеря.

— Кхм, так вот! Давайте за этим столом забудем обиды, выпьем и подумаем как нам решить сложившуюся ситуацию, а?

— Это дело, — согласился Ром, наполняя стакан пивом. — Будем?

— Будем! — поддержал Хриплый.

— Вот так лучше, — хохотнул Бугор. — Давайте, налегайте, не стесняйтесь!

Потихоньку одноименная волна тостов «Будем» разнеслась по зале. На удивление и Сифа, и Чекан, пусть совсем нехотя, тост поддержали.

Самым хмурым остался Егерь, не спускающий взора с пленного.

— О, любимая! — раззявил рот Чекан, заливая за шиворот полный стакан водки. Обращение, на удивление, было не к горячительному, а к музыке.

— И ты попала-а-а!

Толпа напившихся бандитов, плеская алкоголь, чокалась направо и налево, а затем все дружно, будто по сценарию, гаркнули:

— К настоящему колдуну!

— Он загубил таких как ты, не одну!

— Чьих невольница ты идей?! Зачем тебе охотиться на люде-е-е-й!?

Особняком от горланящих, отмалчивались трое: Бугор, недовольно растекшийся по столу, объедавший остатки куриной ножки, Ром, уткнувшийся носом в блестящую жиром тарелку и Егерь, мирно выкуривающий сигарету. Артём буянил вместе с остальными.

— Не люблю я этот рок, — сказал Бугор, отрывая мясо от кости. — Чё-то тянут, тянут, тьфу, молодежь!

— Ну да, молодежь, — улыбнулся Егерь смотря на своего товарища, что плясал у горящего камина, — особенно вон тот, с бородкой.

— Ха! А знаешь, что, Дамир? Давай-ка выпьем за то, чтоб вечно быть молодыми?

— А давай! — поддержал кавказец и улыбнулся так, что от прежней мрачности и следа не осталось.

Они вылили остатки пива себе в стаканы, стукнулись разом опустошили кружки.

— О-ох! Хороша, подлюка!

— А то, — улыбнулся Бугор. — Это ведь мы ещё не переходили к нашей жемчужине!

— Да, но запозднились мы порядком, — отметил кавказец, посмотрев на Витю, который лениво размазывал остатки мяса по своему лицу.

— Хе, так кто же ожидал, что он будет перепивать каждого моего пацана и каждого удельвать в фарш? — Бугор невзначай обернулся к пяти упавшим под стол телам, что лениво поворачивались вокруг своей оси.

— Хорошие вы мужики, Дамир. Хорошо, что так вышло. Правда зуба теперь нет, — бандит демонстративно поелозил языком по пустой щели между зубов.

— Прости уж, Володь, я думал ты из каких-то балаболов, а нет! Мужик!

Он хлопнул по плечу собутыльника и они ещё раз выпили. Теперь за потерянный зуб.

Вдруг Егерь, распяневшим взглядом увидел что-то блестящее под столом, поднял и... случайно даванул на курок.

В общем шуме и гаме выстрела никто не услышал, зато Бугор мгновенно протрезвел и нелепо поднял палец вверх, озарёно промолвив:

— Чтоб тебя! Да ты гений, Мир, гений!

— Чего? — не понял Егерь, осматривая пистолет. — Эйнштейн или Да Винчи?

Бугор облизнул уже совсем голую кость и выкинул. Сбоку заматерились.

— У меня такое предложение, — он скрутил край своих усов, — я ж вас, знаешь, с кем спугал?

— С петухами, — уверенно ответил Егерь, стараясь не терять ясности ума. — Ну?

— Так тут в районе правда петушары ошиваются! — рассмеялся Бугор. — А самое забавное, что они отсюда в полчасе езды.

— А! — догадался Егерь. — Ты хочешь их прищучить?

Бугор кивнул.

— Так, а чем они тебе насолили?

— Мне — почти ничем, — хмыкнул бандит, — Но вот местным мирякам вставляют по самое не хочу.

Дамир подоткнул подбородок рукой и развесил уши.

— Убивают всех без разбору, девок деревенских ловят и трахают. А в детей даже, прикинь, в детей стреляют!

Егерь вдруг посерьёзnel, сжал кулаки. Паф! Пуля продырявила глаз девице с картины, что восседала на белом жеребце. Сифа, стоявший совсем рядом, замер, боясь

пошевельнуться.

Кавказец небрежно отбросил ПМ к объедкам свиного шашлыка.

— Признаться честно, — продолжил Бугор, отпивая с горла уже водку, — пару моих ребят цепанули, но слава боже, не убили. Так, суки они еще и склады военные прижали! А там техники, стволов, мама родная! Понимаешь, я, как защита этих женщин и их детей, и этих... — бандит посмотрел на блюющего бандита у окна, — дебилов... Должен решить эту проблему. Смекаешь, в чем сложность, Егерь?

Бугор сделал еще пару глотков, заохал, оторвавшись от бутылки. Егерь вздохнул.

— Понимаю... С ними по-хорошему знаешь, что сделать надо?

Дамир предался перечислениям различных ухищрений и пыток, о которых не то что рассказывать, даже подумать страшно.

— И обоссать напоследок! — закончил кавказец, ударив по столу. — На нашу помощь можешь рассчитывать!

— Ну, так метнемся за...

— Заткнись, Володя! — рявкнул Егерь, так, что все затихли. — Мы их прямо сейчас возьмем! Слышали все?! Подняли свои жопы и вперед гасить этих шакалов позорных! Где они? На складах! Так мы им сейчас устроим такое! Засунем...

Егерь, уже во весь голос принялся перечислять фантазии своего извращенного разума опьяневшей аудитории.

— Да... — поддержал некто из под стола, — уга...

— А че, парни? Давай-ка им жопы разогреем!

— Да! — поддержала часть.

— Егерь дело говорит! — поддержала вторая.

— Решено! Тогда всем собираться и по машинам! — крикнул Бугор, выронив опустевшую бутылку. Та с треском разбилась.

— На счастье, — сказал Егерь, — только пусть за Витьком посмотрят, а то он сейчас очухается и выдует всё твоё пойло.

Бугор фыркнул.

— Сифа! Слышь, Сифа! Да, остаешься с Ромом! Заведешь его в комнату свободную и не выпускай, понял?

Застывшая у картины фигура, кротко кивнула.

— Остальные, по коням!

Через пару минут шатающаяся от спирта толпа начала выползать к выходу. Вся, кроме Артёма, ещё танцующего под знаменитые хиты девяностых. Увидев, как зала пустеет, он выругался себе под нос и пошел следом.

7

Военные склады, как и говорил Бугор, располагались в получасе езды. Сначала, гурьбой из пяти машин, все ехали по разъезженной главной дороге, под освещением бледной луны, после чего ведущий УАЗ резко развернулся и, не теряя скорости, влетел в прямо в лесную чащу. За ним поползли остальные машины, быстро находя неприметную тропку, уходя по которой, укрывались во мраке.

Дальше лес: кривые ветви деревьев ползли прямо к лобовому стеклу, кривые, вьющиеся вокруг самих себя стволы уродливых березок закрывали собой тусклый лунный диск. Среди мрачных колон деревьев сложно было разобрать хоть что-то — тёмные краски сгустились там больше всего. Лишь изредка мерещились белые фигуры, скользящие по веткам.

— О! — охнул Бугор, прилипнув к окну. — Ты посмотри! Совунья!

Егерь отвлекся от руля.

На массивной ветви сосны, гордо насупившись, действительно сидела белая, будто снег, сова, с редкими тёмными шрамами на голове. Поймав на себе любопытный взгляд Бугра, что тарасился, будто ребенок, она взмыла в воздух, расправив широкие крылья и быстро скрылась во тьме.

— Сучка, — ругнулся бандит, — я тебя поймаю, накуканю...

Машину трянуло.

— Это точно, — согласился кавказец, придавливая газ, — но сначала эти утырки. Где, говоришь, они?

Уаз вновь дернулся, чуть приподнялся и, не без усилий, выехал из ямы.

— Склады военные, тута ещё чутка проехать, щас вот поворот... Здесь Егерь, здесь!

Кавказец вывернул руль на сто восемьдесят градусов, прожал педаль газа. Буханка качнулась, так, что сзади что-то с треском шлепнулось.

— А! — Артем, мирно дремавший на заднем сиденье, загнул излюбленные трехэтажные рифмы. — Чё? Приехали?

— Почти, — успокоил его Бугор, потирая лоб.

Скоро все оказались у старой дороги. Из машины, шатаясь, вышло наше трио и ещё пара каких-то бандюганов. Мороз тут же окутал теплые тела людей, распёк щёки, закусал пальцы ног и рук. Бугор пожалел, что не надел вторые подштаники.

Всего из машин вылезло двадцать один человек, включая самого Бугра. Все стояли, пошатывались, лениво осматривались, стараясь не выронить оружие. Вооружены бугоровские люди были всяким: калашами, тозами, обрезам, где-то мелькали СКСы, пшпки: кипарис, витязь, вепрь... Хриплый и Егерь держали в руках укороченные 74 калаша, с которых гасили мишку-переростка, а Бугор крутил в руках раритетный наган, полученный ещё от отца. Стрелял, он, как и говорил Чекан, через раз.

— Та-а-к! — протянул Бугор, щурясь вдаль. — Вон тама видишь?

Он ткнул пальцем на темные силуэты небольших домиков, расползшихся за дорогой. Егерь прищурился, увидел. Артём только сделал вид.

— Значится... Хм... Их там человек двадцать всего. Пара-тройка ошивается в штабе, — Бугор утер стволом револьвера нос. — Остальные шарахаются по периметру, в вооружении — простые калаша. Ни гранат, ни молотовых у придурков нет.

— А ты не, ик! — замялся Артем. — Неплохо осведомлен об их жизни.

— Так мои ребята следили за ними сутки напролет, — похвалился бандит. — Эти крысы сидят в своих норах, боятся вылезти. Понадеялись на внешнюю охрану. Так шо, если удастся положить типов снаружи, оставшиеся уроды останутся без защиты.

— Так за работу! — сказал Егерь. — Пошмаляем их и дело с концом.

Бугор нахмурился, спрятал руки, вместе с наганом, в карманы.

— Э, нет. Будем шуметь, хрен знает, чего они учудят. Это ж военные склады, вдруг у них там пулемёт какой, а? Вот и я о том же. Поэтому, надо действовать тихо.

— Тихо?

— Да, Чупа, — ответил он бандиту, который шатался, будто часовой маятник, — тихо. Ножам, кирпичам, да хоть палкой! Главное, не шуметь...

— Значит, давайте по тихой щас туды пройдем, рассосемся по периметру и будем их валить, пока не кончатся, — тихо зашептал Егерь, стараясь не привлекать внимания.

Непонятно чьего.

— Это дело, — согласился Бугор, вынимая из-за берца широченный охотничий нож. — Есть у меня одна идейка.

8

Склады были совсем небольшими. Несколько одноэтажных зданий, обнесённых полутораметровым забором по периметру, четыре наблюдательные вышки, с погасшими прожекторами, давно не работающий контрольно-пропускной-пункт, с настезь распахнутыми проржавевшими железными воротами да скромное двухэтажное здание, являющееся, по-видимому, штабом. Назвать это полноценными складами, язык не поворачивался. Да и в действительности, все военные запасы не должны были здесь задержаться, а вскоре после начала войны, быть переброшены ближе к горячим точкам. Но война закончилась гораздо раньше, чем ожидалось и все эти сокровища остались пылиться здесь.

В крохотной будке КПП горел тусклый свет. Ветер лениво качал ворота, заставляя те жутко скрипеть.

— Так... Небольшое возвышение на местности, пять букв... — мямлил себе под нос мародер, крутя пальцами сломанный карандаш с еле выглядывающим грифелем, — Хм... Холм не подходит...

— Бугор. Бу-гор!

Раскинувшийся на столе охранник почесал затылок, посмотрел на вопрос, затем на пустующие клеточки сканворда, прошептал слово ещё раз и удивленно повел бровями:

— Ха! Подходит... Стоять?

Он быстро оторвался от кроссворда, дернулся, как вдруг обмяк и расплылся по столу, словно желе.

— Эх, молодежь, — сказал Бугор, потряхивая рукоятью ножа, — таких простых вещей не знать. Он выглянул в окно, в темноте различил свору затаившихся бандитов, одобрительно махнул рукой в сторону открытых ворот. Операция: «Надрать всем задницы» началась. Группа гуськом поползла вперед, неуклюже спотыкаясь о каждый камень, пытаясь быть как можно тише. Но получалось скверно.

— Э... Умя... А... — замямлил мародер, сползший со стула. Бугор подошел поближе, присел, поведив ножом по щеке.

— Знаешь, как называется ситуация, в которую ты сейчас попал? Четыре буквы.

Мародер молчал, пытаясь прийти в себя.

— Жо-па. Вам всем кирдык, солдатик. А за то, что насолил мне и моим людям, я тебе кое-что отрежу.

Он поднес холодное оружие к самому сокровенному мужскому месту, ехидно улыбнувшись.

— Так, — шепнул Егерь, вы туда, я... ну и ты — вон туда. Действуем тихо, чтоб ни писка, ни визга, ясно?

Вдруг, со стороны КПП раздался пронзительный вопль, спугнувший даже ворон дремлющих на столбах ЛЭП.

— Твою мать...

Тем не менее, все быстро разбрелись по периметру складов выискивать жертв. Пусть сонная охрана, услышав полный боли крик, тут же проснулась, было слишком поздно. Команда из кровожадных пьяниц уже начала действовать.

Наконец, они заметили четыре спешно идущих с внешней стороны фонарика, чей шаг переходил в бег.

Егерь тут же махнул бойцам идти дальше, вглубь базы, а сам переглянулся с Хриплым кровожадным взглядом, посмотрев на здоровенный алюминиевый шлагбаум около распахнутых ворот.

— Кажется, Тёма, у меня есть план...

— Что за крик? — вопрошал один из силуэтов, дергая дуло калаша то на ворота, то на будку КПШ.

— Может показалось? — не сбавляя темпа, спросил второй.

— Идиот! Четверым сразу — не могло.

Остальные патрульные молча плелись в хвосту. Как только они приблизились к воротам КПШ, один, самый высокий, отдал приказ:

— Салтык, проверь будку, а вы со мной, за ворота.

Один из патрульных отделился и, боязливо целясь в дверь контрольно-пропускного пункта, начал тихо открывать дверь.

— Ты — лево, он — право, я — центр.

Направляя стволы калашей в указанные стороны, патрульные, жутко дрожа, продвигались за ворота.

— Твою мать... Где шлагбаум?

— Тута! — раздался осипший голос из закутков тьмы. Быстро прочертив дугу в воздухе, шлагбаум обрушился на грудь несчастных. Раздался отчетливый хруст десятка костей.

— У-у-у, — заохал Артем, отряхивая руки, — земля вам пухом, пацанчики.

— Тс, Тём! Там же ещё один был, — занервничал Егерь, дергая товарища за плечо.

Из КПШ снова кто-то завизжал.

— И тебе тоже, — заключил Артём, перекрещиваясь.

Оставшаяся группа расплзлась по периметру. Чекан вместе с парой бандитов четко видели, как один из залетных завернул в туалет.

Дверь распахнулась и мародер воочию увидел как трех его товарищей размазал шлагбаум, под аккомпанемент дикого вопля. Едва тот успел раскрыть рот и застегнуть ширинку, как его обвил Чекан, приставив ружье к спине.

— Тише-тише! Нам шуметь нельзя...

После этих слов бандит разрядил дуплетом в несчастного бедолагу, что оказался не в том месте, не в то время.

— Эй! — крикнул Егерь на весь периметр складов. — Вы потише будьте! У нас тут тайная операция! Дебилы!

— Слышал? — спросил Чекан у расплывшегося трупа мародера. — Тайная операция. Тс!

Округа начала наполняться шагами, топотом и вскриками. По меньшей мере, на складах шаталось ещё человек шестнадцать. Группа тайных алкоголиков очень громко, надругавшись над здравым смыслом и всякой логикой, скашивала мародеров, как цветочки на лугу. Нескольких рассеяли с автоматов, позабыв о скрытности, в кого-то прилетели залпы из камней в миг размазавших черепа, некоторые, затаившись в углу, оказались застигнуты Артёмом, вооруженным тяжёлой, длинной и, что главное, крайне острой арматурой.

Егерю и вовсе удалось застать одного из мародеров врасплох. Тот шархался у ворот первого склада, каждую секунду озираясь по сторонам, дрожащим автоматом целясь в

густой мрак. Дамир, словно черный плащ на крыльях ночи, таял во тьме, припрятав за пазухой огромных размеров кирпич. Вот он подгадал момент, чуть вышел вперед, пошатываясь под действием спиртного аки моряк на корабле, замахнулся кирпичом и ударил. Но промахнулся. Еле уцепившись за плечо несчастного мародера, он удивленно повел глазами.

— Упс... — кавказец поднял кирпич с земли, — неудобно вышло...

Бедняга, видя всю эту картину и понимая, что сейчас случится, вжал курок автомата, пытаясь попасть в обидчика, но, скованный ужасом, дырявил землю.

— Тихо!

Шмяк. Тело мародера рухнуло на снег.

— Калаша детям не игрушка, — буркнул Егерь, — и кирпичи, впрочем, тоже...

Визги, крики, мольбы о помощи наполнили уснувшие военные склады жизнью. Как бы Бугор, махая и стреляя из своего нагана в небо, не пытался обратить на себя внимание, не кричал, пытаясь остановить заварушку, спектакль продолжался.

Он вздохнул и поплелся к штабу, где, по теории, сидела мародерская верхушка. Минуя трупы, разваливающиеся одноэтажные казармы, заржавевшие оградки, он вдруг услышал сбитое человеческое дыхание. Бугор нахмурился и заглянул под разваленный УРАЛ. Скорчившись в позу эмбриона, там лежал какой-то несчастный, дрожа, словно подбитая собака.

— О, привет-здрасьте! — хохотнул бандит, присаживаясь на корточки. — А ты чего тут забыл?

— Кто вы мать твою такие, — мямлил мародер, не опуская рук с головы. — Оружие забрали, зуб выбили и пустили! А Яшка... Таким вот шестом и прямо в...

— Да, — согласился Бугор, почесывая усы, — разошлись че-то пацаны... Ну а что ты хотел? Как девок чужих трахать, мужиков резать и детей пугать, так пожалуйста, а как огребать, так мы нюни распустили?

Мародер проскулил что-то себе под нос.

— Понятно, — Бандит вынул наган, — щас поступим так... Вот тут одна пулька осталась. Щас крутану барабан, щёлкну. Если выживешь — свободен, если нет, то... Ну ты понял. Согласен?

— Отпусти, Христа ради...

Бугор рассмеялся.

— Ага, сразу туда и выпишу билетик! К Христу. Как заговорил, тьфу! Ну так давай. Раз!

Щелчок. Выстрела нет.

— Хм...

Мародер выглянул из-за сползающего на лицо шарфа.

— В-всё?

— Два!

Щелчок.

— Ты же обещал!

— Ну да. Подожди только... Три! Да, черт возьми...

Вдруг мародер пулей вылетел из-под машины, устремившись вдаль.

— Стой! Почти ж получилось, — расстроился Бугор, обходя машину.

Мародер бежал со всех ног и, приблизившись к забору, было хотел перелезть, как раз в том месте, где не было шипастой, вьющейся железной сетки. Прыгнул, ухватился, как вдруг

огромная арматура вонзилась прямо в пятую точку. Такой ужасный вопль было не описать.

— Хе, сучара! Сбежать решил? — смеялся Артем. — Не выйдет!

Тушка бандита шлепнулась вниз.

Бугор вздохнул:

— А мог от пули помереть. Ой, дурак, ей богу!

Он случайно прожал курок, как вдруг наган зло выплюнул пулю.

— Вот мудака, — плюнул бандит, — как обычно.

— Эй, Бугор! — крикнул осипшим голосом Артем. — Это последний!

— Как?! Совсем?!

— Совсем! Последние либо глухие, либо в штабе заныкались!

— Ну так че ты там исполняешь? Все к штабу!

К небольшому двухэтажному зданию стали стягиваться люди. Один, два, три... В штабе свет не горел, словно бы никто и не слышал происходящего кошмара снаружи, раскиданных по территории тел.

— Так! — шепнул Бугор, обращаясь к своре, вооруженной уже совсем чем-попало: палки, кирпичи, камни, изредка ножи и ещё реже автоматы, — основную работу мы сделали. Теперича нужно на цытлах туда зайти и пришить их всех.

— А ско... Ик! Сколько там человек?

— Человек пять. Можете всем им ребра переломать, но Свина не трожьте! Этот сукин сын мой.

— Свин? — удивился Чекан, опершись на дуло двустволки. — Он же себя Кабаном зовет...

Бугор плюнул на пол, сложил руки на груди.

— Какая разница? Сало есть сало! Вы поняли о чем я. Но! Если с вами, — Бугор посмотрел на Егеря и Хриплого, дремлющих на ровном месте. — Кхм! Эй!

Товарищей легонько толкнул в бок рядом стоящий бандит, дабы разбудить, за что незаслуженно получил крепкий хук в лицо.

— Егерь! Ты что творишь?!

— Рефлексы, — ответил кавказец глядя на рухнувшее тело, — извиняюсь...

— К черту! Так вот, — продолжил Бугор, — мой трюк с вами не прошел. Но с этим... нехорошим человеком пройдет. Так что, подстрахуете меня.

Егерь утвердительно кивнул и толкнул под бок Артема. К счастью, тот не обладал такими отточенными рефлексами.

Толпа бандитов тоже утвердительно закивала, а дальше, все, как и полагается, тихо, на цытлах, нырнули внутрь. Видя два десятка человек, что гуськом шли за Бугром, как утята за мамкой, можно было бы подозревать у себя приход белочки, что обосновано. Но белочка пришла не к наблюдающим.

Через какое-то время тёмные окна спящего здания озарились вспышками, рядами оружия, криками, балаганом и суетой. Одно из окон второго этажа вылетело, а вслед за ним отправился какой-то несчастный. Глухой хлопок.

— А это точно он?

— Нет, тот стремный такой, с шрамом на всю морду.

— А это тогда кто?

— Откуда мне знать? Всё, пошли...

Бугор в сопровождении Чекана быстрым шагом прошел по коридору, ощущая

вибрацией, как под низом творится сущий кавардак. Что можно было еще ожидать, оставляя Егеря и Хриплого наедине с заложниками.

Все двери первого и второго этажа были выбиты насквозь, но Кабана или Свина, нигде не было. Последняя правая дверь осталось единственной невскрытой.

— Так-с! Все как тогда, только не как тогда, — сказал Бугор, заправляя барабан револьвера, — план помнишь?

— Конечно! Ты заходишь, я жду. Если что-то идет не так, кидаю туда гранату!

— Идиот! — надулся крышеватель. — Если что-то идет не так, заходишь и помогаешь мне, кусок ты дебила...

— А, ну понял! Ясно. Но Бугор...

— Что?

— А почему бы нам не проверить сперва комнату, он ведь может засесть и расстрелять тебя!

Бандит хмыкнул в усы.

— Тогда сделаем так. Ты будешь играть меня!

У Чекана глаза на лоб полезли.

— Тебя?!

— Ну да. Откроешь, выйдешь, будто это я, а сам я тебя озвучу! И мне безопасно и ты... Ну, роль покрупней возьмешь!

— Но-но...

— Все, давай, кыш!

Бандит за шкуру подтащил Чекана к двери, вручил отцовский револьвер и навел на предполагаемую цель. Затем разошелся, вдарил по бедной двери да так, что та чуть не разлетелась, пока открывалась.

Чекан сделал неуверенный шаг вперед, а Бугор начал озвучивать.

— Что, чёрт поганый! Думал господин Бугор не придет и не отымет тебя и твоих шавок! Ха-ха! Вот, сукин сын, я пришел!

— Бугор... — зашептал Чекан, опуская наган, — он... спит.

Бандит аккуратно скрипнул полом, чуть выглянул и замер.

Действительно, за небольшим столиком, окруженным ветхим шкафом, на старом кресле развалился он — Кабан. Огромный жирдяй, будто сросшийся с креслом, полусидя, дремал, разинув рот. По лицу разошелся длинный, уродливый витиеватый шрам, доказывающий, что именно это — лидер мародеров.

— Чего?

Вопрос Бугра удовлетворило спиртное, стоящее в бешеных количествах на столе. Преобладала водка.

— Вот скотина! Я ему сапог в задницу затолкаю! — рявкнул бандит, вырывая револьвер у своего дублера. — Мы тут такое устроили, а эта свинья спит! Эй!

Он дал мощную пощечину своему оппоненту, на что тот даже не пошевелился.

— Издевательство! Придется тебя будить...

Не стоит описывать все жуткие издевательства, проведенные над бранным телом пьяного Свина, можно сказать лишь то, что Бугру удалось разбудить и долго не давать заснуть своему заклятому врагу. Бандиты, подоспевшие после, были поражены свирепостью своего босса. Некоторых узревших вырвало, кто-то удивлённо присвистнул, Артём и вовсе похлопал больной фантазии бандита, воплощенной в жизнь, а Егерь предпочел промолчать.

Но теперь было точно ясно, что мародеры не будут угрожать спокойной жизни деревни Бугра.

Решив отпраздновать успех операции, вся шайка разворовала остатки горячительного со складов, мигом их опустошила, после чего, тяжесть спиртного прибила каждого к полу, погружая в царство Морфея.

9

Пробуждение выдалось, болезненным... Бандиты охали, ахали, матерились, искали воды или рассола. Ощущение было, как будто голову размозжили кувалдой, собрали, а потом снова треснули чем потяжелее. Вдобавок, все ещё быстрее трезвели, видя то, что сотворили ночью. Изуродованные тела, подвергшиеся почти средневековым пыткам, куча крови, смешанной с выпущенными наружу внутренними органами, трупы, застывшие в сковывающем тело ужасе.

— Господи Иисусе... — бормотал Артем, высасывая весь рассол из банки с солеными огурцами. — Это мы натворили?

— Похоже на то, — ответил Дамир, обхватив руками голову. — Ой, как башка-то трещит...

— Да, мужики, — подхватил Бугор, выползая из двери, где давече отправил на тот свет Кабана. — Переборщили чего-то...

— А мы точно водку жрали? — спросил Дамир. — Не абсент? Разнесло нас совсем нехило...

— Да мы, считай, всё мое пойло на полгода выпили... И здесь разгулялись... Так, а где? Чекан! Чекан, мать твою, ты где?

Из противоположной комнаты послышались протяжные болезненные стоны. Видимо, Чекана посетил бодун.

— Ясно...

Ещё несколько часов понадобилось героям на то, чтобы отойти от вчерашних посиделок, ужаснуться содеянному уже в какой раз и, наконец, начать зачистку складов.

Машины, стоявшие в укрытии подогнали, пусть и не без проблем, начав грузить ценный хабар. Сначала группа двинулась обыскивать каждый уголок штаба, в котором кроме запаха смерти, особо ничего не нашлось, а затем перешла к самим складам. Пачки разношерстных патронов основных армейских калибров, автоматы, в большинстве своем калашаи разной модификации — АКМ, АКС, АКСУ, гражданские дробовики — от обреза, до Сайги, гора и маленькая тележка пистолетов, винтовки, даже ящик винторезов нашёлся, причём в заводской смазочке, гранаты, бронежилеты, комбинезоны, рюкзаки — маленькие и большие, разгрузочные жилеты... Для Бугра это был настоящий рай, который он увозил к себе домой.

Из техники нашлось три новеньких законсервированных УРАЛа, семь штук УАЗОВ, но ни одного Шестьдесят шестого. Ни единого.

Бугор справедливо решил, что будет проще загрузить под завязку все имеющиеся машины и со всеми презентами вернуться в деревню, чем несколько раз таскаться за остатками снаряжения. Когда последний цинк с патронами был загружен, последний ящик винтовок закинут, можно было отправляться домой, оставив за собой опустевшие склады и ворох трупов. Заревели двигатели.

— Скажи, Егерь, что у вас там с машинкой стряслось? — спросил Бугор, осматривая кабину новенькой, почти не потрепанной кабины УРАЛа. — А то вижу как расстроился, что Шестьдесят шестого в складах не оказалось.

Кавказец затянул сигарету, переключил передачу.

— Поддон картера. Пробили, а сварки нет, чтобы закрыть пробоину. До тебя еле доехали, дальше если не отремонтируемся, хрен куда уедем.

Бугор хмыкнул, наблюдая как их машину быстро и юрко объезжает новенький УАЗ, за рулем которого сидел Хриплый.

— Так в чём проблема? У нас каждая вторая тачка с такой проблемой, так мой механик — Жора чинит на раз плюнуть.

— И как же?

— Да хрен его знает, может колдует, — хихикнул Бугор. — Я в его дела не лезу. Плачу́ и всё тут. Но, слово своё даю, сделаем твою машинку.

— Буду благодарен.

— Думаю, если Рому расскажем, охренеет, если вообще поверит!

Егерь посмотрел ну Бугра. Тот сплел пальцы на животе и созерцал пейзажи зимы.

— Это точно... Повезло ему протрезветь и выспаться.

10

— И что, даже капли самогоночки тут нет? — вопрошал Ром, осматривая полупустую комнату. — Ты погляди, совсем ни хрена!

И правда, в комнате, кроме стола, стула, дивана и одного шкафа больше ничего не было. Витя вознамерился во чтобы то ни стало отыскать выпивку.

— Сифа, будь ты человеком! Открой дверь, у тебя ж ключ!

— Не... Бугор ведь приказал тебя держать взаперти, чтобы ты не глыкал...

— Да брось ты! — махнул рукой Ром. — Мы ж друзья с тобой! Ай да, выйдем поговорим, выпьем... Я к тому же больной человек, видишь?

Он демонстративно выкинул руки перед перевязанной ногой.

— Мне лечение нужно, Сифа, понимаешь! Спирт!

— Нет, нельзя, Ром, — пытаюсь показать твердость говорил Сифа, отвернувшись от собеседника. — Запрет.

— Чёрт возьми! Ты мужчина или баба? Все всё за тебя решают. Это сделай, это не сделай... Оставили тут инвалида пасти. Это ж неуважение!

Сифа чуть повернулся.

— Ты же взрослый мужик, сам решать можешь! Хочешь — пей, не хочешь — не пей, а? Приказы ещё слушать будешь. Давай! Выпьем по одной, за жизнь потолкуем...

Сифа посмотрел на своего пленного, в кармане дубленки нашупал ключ от комнаты. Несколько минут не решался. Ром с надеждой буравил его взглядом.

— Если только по одной... — наконец решился настоящий мужчина.

— Группа кро-о-о-ви!

— На рукаве!

— Мой порядковый но-о-мер!

— На рукаве!

— Пожелай мне удачи... В б... В бою!

— Поже... А! Агх!

Сифа не успел закончить куплет и с треском рухнул на пол, опрокинув на себя остатки бугоровской водки.

Из коридора слышались поспешные шаги, недовольное бурчание, маты. Кто-то

заковырял ключом в двери, быстро отщелкнул замок. Дверь резко распахнулась.

— Ох ты ж, ёпрст! Мля, чё это за херня, мужики?

Бугор был поражен до глубины сердца. В его кабинете, сидели, распевая песни и распивая спиртное, Сифа и Ром. А вернее, уже заканчивали.

Шкаф, что раньше изобиловал горячительным остался совсем пустым: оставшиеся бутылки и склянки лениво катались по полу, звеня друг об друга. Произведения искусства на стенах слетели с петель и, на прекрасной «Форнарине» Рафаэля теперь пускал слюни Сифа. Рядом лежал стул, с которого, видимо, тот перекатился к лежанке поудобней. Ром, уже не совсем в адекватном состоянии, бормотал что-то себе под нос, допивая «Зов предков».

— Егерь, Хриплый! — крикнул Бугор в коридор. — Я их нашел! Спят, сукины дети...

Товарищи, которые обыскали почти все комнаты и уже решили, что друга им не найти, выдохнули.

— Сколько ж он выжрал? — спросил Артем, смотря на десятки разбросанных бутылок.

— Тихий океан, — с грустью в голосе ответил Бугор. — Мой океан! Ещё и Сифа, дебила кусок... Ну, что разлётся, вставай!

Бугор размахнулся и хорошенько отвесил ногой своему подчиненному, прямо по пятой точке. Но тот даже не пошевелился.

— Бесполезно, — сказал Егерь, подходя к пьяным тушам ближе, — после пьянок с этим якутом он еще будет день минимум дрыхнуть.

— Оставил, называется, понянчиться...

— Ты уж извини за него, — Егерь похлопал Рома по щеке, но тот даже не шевельнулся.

— Ай, черт с этим! — махнул рукой бандит. — Это вам спасибо, что живым оставили да ещё так подсобили. Теперича конкурентов у меня нет.

После этих слов бандит буквально засиял от счастья.

— Ну, спасибо в карман не положишь! — хмыкнул Артем.

— Да отсыплю я вам хабара, само собой! Мы после вчерашней ночки уже люди не чужие.

— Ага, кто б мог подумать. Ну-ка, Вить... Эх!

Егерь взвалил на себя совсем нелегкое тело товарища, взяв того под руки и, не без помощи Артёма, поволок его к двери. Бугор хлопнул дверью.

11

— Кхе! Дамы и господа, разрешите представить...

— Жора! Рожай быстрее.

Небольшой обросший по шею мужчина, с густой, поседевшей бородой, свернутый спиной в крендель, кашлянул.

— Слушай, Бугор! Я тут перед людьми фурор собираюсь произвести, так что не лезь!

— Старый пердун, — буркнул Бандит, отойдя в сторону.

Гараж был небольшим, но достаточным, чтобы в него прошла почти любая техника. Рядом с Шишигой красовались три новоприобретенных УАЗа. Жоре предстояло проверить все машины на целостность, включая те, что сейчас морозились на улице. Егерь и Хриплый стояли в предвкушении, ведь никто из них не верил, что без сварочного аппарата, можно решить поломку. Но все гениальное просто.

— Так вот, кхм. Разрешите представить... Ну, вам придется нагнуться, иначе ни хрена не увидите.

Товарищи нагнулись, заглянули под низ своей ненаглядной и обомлели.

— Ха-ха! Вот оно как делается, — похвалился Жора, теребя бороду. — Как вам?

— Нихрена не понял, — удивился Артем, смотря на зашпаклеванную дыру поддона. — Как?

— Жора, ты чего тут наколдовал?

Старик согнулся, втиснулся между Егерем и Хриплым.

— Вон энто, — он указал на поддон, — шпаклей кузовной я дыру залепил, она ж как затвердеет, так хрен от металла отдерёшь. Вот токмо мотор у вас необычный, так шо не знаю на сколько такого ремонта хватит. Сталбыть, как найдете новый поддон, сразу меняйте.

— Охренеть не встать. Да ты гений, Жора! — хлопнул по плечу старика Егерь. — Спасибо за помощь.

— Я знаю, что гений. Но вот Бугор энтого факта не признает.

— Ну что с него взять, — вздохнул Артем. — Факт остаётся фактом. Без тебя никуда б не уехали. От души!

— Ладно, ладно... Но не дай боже этот сукин мне сегодня же динамометрический ключ со складов воякских не отдаст. Обещала, скотина!

— Отдам, — услышал бандит, докуривая сигарету. — Вот закончишь с машинами, ещё и сервисный шкаф полный германских инструментов отдам.

Жора недовольно хмыкнул и удалился в глубины своей обители, скрывшись за верстаками заваленными различным инструментом и расходниками.

— Ладненько, — сказал Егерь, похлопывая Шестьдесят шестой по капоту, — пора нам.

— Это точно, — усмехнулся Хриплый. — Внезапное приключенице выдалось.

Бугор нахмурился, почесал усы.

— А может, мужики, вы здесь останетесь? А что! Вы сразу видно, воробьи стрелянные. Мне бы ваша помощь пригодилась, — он окинул товарищей взглядом. — А я бы взамен вам тёплый дом, еды, работы... В общем, всё что простому солдату надо, а?

Дамир переглянулся с Артёмом, прочитал в его глазах свои мысли.

— Кхе, Бугор, да будь я один совсем, так с радостью! Но, мне, понимаешь, к родне ехать надо.

— Да, — поддержал Егерь, — а нам его одного отпускать нельзя. Да и загрузились уже. Но, спасибо за предложение.

Бандит пожал плечами, тяжело вздохнул.

— Ну, что сделаешь. Родня — дело святое. Если пересечемся ещё, рад буду вас приютить!

— Взаимно, Бугор! Ну, бывай.

Они крепко пожали руки, друзья ещё раз поблагодарили бандита за помощь и, наконец, сели в починенный Шестьдесят шестой. Ром уже благоговейно дрых в кузове, да так, что храп было слышно снаружи.

Как Бугор и обещал, он отстегнул приличную часть из достанного на складах добра, так что теперь героев мог не заботить вопрос патронов и снаряжения. Бандит расщедрился настолько, что отдал Артему новенький, трофейный Слонобой, что достался ему в наследство от прошлого хозяина — аристократа и охотника на всякого рода экзотику. Интересно, что мощнейшая винтовка была стилизована под старенькую мосину, ничем не примечательную. Хриплый был в детском восторге и долго лелеял новую игрушку.

Также заменили пробитую запаску на новое со складов.

Заревел двигатель. Машина, неторопясь выползла из гаража, встала в проезженную

коллею снега. Бугор еще раз махнул новым знакомым, вдруг отвлекся, что-то буркнул себе под нос, наклонился и слепил снежок. Из гаража показалась фигура Жоры, который что-то недовольно ворчал, пока снежок не растопил его ворчливое лицо. Бугор хохотнул и направился к старому механику, при этом слушая его трехэтажные рифмы.

Солнце лениво сползало за горизонт, высыпали крупные хлопья снега, жалостливо выл ветер. Скоро последние домики шумной деревеньки укрылись за одеялом снежной пурги, оставив путников наедине с собой и длинной, нескончаемой дорогой, что вилась змеей сквозь шумящий вихрь идущего снега.

Глава XIX. Атака мертвецов

1

Во время рассказа, вокруг стала скапливаться толпа заинтересованных слушателей. Уже успело прилично стемнеть, звезды затянуло свинцовыми тучами, грозящими вот-вот выпустить тонны снега. С каждой минутой холодало, мороз пёк руки и ноги, пробирался глубоко под шубы, но никто не хотел лишать себя интересной байки старого ветерана.

Высоко горел большой костёр, плясали рваные силуэты теней на белых коврах снега.

Егерь закурил и умолк, дав понять, что рассказ окончен. Окружившие костёр сталкеры зашушукались.

— Ха! Вот это история, — хохотнул кто-то из собравшихся, — а Бугор ещё тот придурок!

— Ага, — ответил другой. — Кто ж знал, что Егерь был на такое способен. Молодость — дурная кровь, а, брат?

Перевозчик сухо улыбнулся.

— Кстати говоря, — спросил крепко сбитый сталкер, сидящий по-турецки на старом, отверделом пне, — а щас-то ты что один? Без Рома с Хриплым?

Все затихли. Глухо трещал костер. Даня, сидящий совсем близко к рассказчику, который пять минут назад ухахатывался с истории, резко помрачнел. Зевс жалостливо заскулил.

— Нет их больше, — стараясь сдерживать поток гнева, слез и боли, выдавил Егерь. Больше ничего не сказал.

Поползли шепотки, через которые почти каждый узнал подробности. Оказывается, что Живик давно растрепал всем вокруг о том, что Егерь в одиночестве кого-то поминал. Догадаться кого, было несложно. Но мало кто в это верил. До этих слов.

— Вот те на... — тоскливо протянул Булат и бросил дров в костер, — таких легенд, таких людей смело... Что уж о нас, простых сталкерах, говорить?

— Точно, — поддержал Крюк, нервно дергая рыжую бороду, — про Хриплого, честно сказать я и не слышал после отъезда, но про ромовские заслуги весь город знает. Связь наладил во всей близлежащей округе, почти в одного. Вдобавок ещё пункт небольшой основал, этакое связующее звено между военными шавками и сталкерами. Но какие-то сучары его пристрелили... А салага твой, ведь Артёма племя...

Егерь нахмурился, понимая, что подтвердить слухи было лишним.

— Ну-ну! — включился Корсар. — Человек тут перед вами распинался, историю забавную рассказал, а вы — ох, как же грустно, что больше их нет... Ясен-хрен грустно, большая это потеря, что уж тут. Но давайте не будем на больное давить? Честь имейте, господа.

Он бросил окурок в снег и закурил снова. Из-за туч на мгновение показалась луна.

— Ты, прости, брат, действительно перегнули.

— Ничего, — отрезал Егерь, — сменим тему.

Пламя взвилось вверх.

— Знаете, я тут тоже историю вспомнила! — из толпы прорезался тонкий, мягкий женский голос.

Корсар ухмыльнулся, увидев, как Даня насторожился.

Уверенным, спокойным шагом, в круг самых первых слушателей, элегантно втиснулась девушка. Укутанная как все прочие — в утепленную серую курточку, большие ей размером перчатки, отчасти скрытая под беличьим шарфом, с яркими, будто кошачьими, пылающим огнем, маленькими глазами. Мужская, неотесанная одежда, не убивала в ней красоты.

Она плавно села на рядом лежащее бревно, где расположился Даня, что поглаживал полуволокна, закинула ногу на ногу, ехидно улыбнулась, не побоявшись острых зубов Зевса.

— Ну так, чего ты там вспомнила, Рысь? — хмуро спросил Булат.

Она сверкнула белоснежными зубами.

— Было это месяц назад. Шлялась тогда по нашей базе, на стрельбище, шмаляла по мишеням.

Даня задергался, заерзал пятой точкой по бревну, боясь посмотреть ей в глаза.

— Значит, вижу — паренек молодой совсем, в руках мосину держит, — Рысь широко улыбалась, невзначай окидывая Даню взглядом, — и банку выбить пытается.

Егерь чуть улыбнулся.

— Ну, а соль-то в чем? — возмутился Крюк, растапливая солидный кусок сала на костре. Девушка закатила глаза, намекнув на бестактность возражающего. Впрочем, того больше интересовало мясо.

— А он, значит, так уверенно прикладывает её к глазу, еле оттягивает затвор, кое-как целится, а потом — бам! Чертыхается, отлетает на пару метров назад, кричит, бедненький, держится за глаз.

Все дружно загоготали, подтрунивая над горе-снайпером, который даже мосинку в руках удержать не может.

Стрелком этим был Даня. Он хорошо помнил тот суровый декабрьский день. Тогда он стрелял из пистолетов и только пробовал калаши. Но когда суровый наставник отлучился по делам, Даня заприметил винтовку своего дяди. Ту самую, из которой он бил волков в проклятой деревне. Устоять был не в силах: оглянулся, вокруг — никого, схватил оружие. А дальше — известная история. Крик распугал всё воронье, а матюки, выученные у местных охотников и дополненные военными наречиями, быстро разнеслись по стрельбищу. Так что, подошедшей девушки, надменно скривившей губы, он не заметил.

Она отчитала его как щенка, за то что тот неправильно держал винтовку — оказывается, нужно было весь упор давать в плечо и глаза держать на безопасном от мушки расстоянии, чтобы не произошло то, что уже случилось. Да и мосина оказалась куда массивней, жёстче и мощней, чем он предполагал. От банки, в которую Даня чудом попал, не осталось ничего. Егерь, вернувшись, по-доброму посмеялся над историей и сказал, что с этим монстром — он кивнул на оружие покойного дядьки — ему не совладать.

Ещё несколько дней Даня ходил еле видя: мало того, что один глаз вырвали, так теперь и второй опух так, что теперь он смотрел на мир глазами китайца. Вдобавок, сердце обжигали ручьи стыда, вызванного несчастным происшествием. «Так опозориться, ещё и перед девушкой...» — корил себя юноша, краснея всякий раз, когда на глаза попадалась улыбающаяся Рысь.

— Ну ладно-ладно, — успокоился Корсар, весело смотря на Даню, — он же салага, с кем не бывает?

Пока разговаривали, жарили мясо. Кто-то напевал песни, кто-то травил очередные байки, кто-то вспоминал былое. Компания разрослась и галдела ровно до тех пор, пока из теней ветвей не возник Беркут. Серьёзный, нахмуренный взгляд, пронизательные и тяжелые

глаза.

— Я вижу у вас тут балаган, — спокойно, потирая кончики усов, сказал он, — по какому поводу?

Крюк тихо чавкал сало, молодой сталкер с гитарой в руках весело щебетал с Рысью, Даня и Корсар говорили о своём, а Егерь, молча гладил своего питомца. Все, слыша спокойный барритон командующего, стихли.

— Ну, тут Егерь, — Крюк глотнул кусок сала. — Историю рассказывал. Вот мы и...

— Ясно, — перебил Беркут. — Машина на ходу?

Булат приподнялся, вжал живот и гордо заявил:

— Конечно, Беркут! Всё готово. Теперича нам и сварки не надо, чтоб поддоны латать.

Хмурые брови командира растаяли, но голос остался таким же спокойным и жестким.

— Отлично. Всем пять минут на сбор и спать. Завтра длинная дорога. Выполнять. Вика зайди ко мне как разложишься.

— Так точно, — мягко ответила Рысь, потягиваясь на бревне.

Толпа тихо рассосалась, скоро остались только Егерь, Даня, Корсар, Крюк и Булат.

— Хе, пошла Беркута ублажать, — улыбнулся Крюк. — Сучка!

— А тебе-то что до её дел, Крюк? — ответил Корсар, докуривая сигарету.

Тот поморщил нос, но так ничего не ответил. Булат, на удивление, заснул и словно часовой маятник раскачивался туда-сюда, сидя на пне. Крюк не удержался и, слепив снежок, бросил в друга. Шлёп! Булат встрепенулся, вскочил, быстро вынул пистолет из кобуры, принявшись внимательно изучать просторы леса.

— Ха-ха! — улыбнулся шутник, рассматривая недоумевающее лицо товарища. — Ладно, соня, просыпайся. Нам ещё в кузове дерьмо убрать надо, там спать завалимся.

— Где? — спросил Даня.

— В п... — Булат осекся. — В кабине, салага. Где ж ещё.

— Это точно, — поддержал Корсар, спрыгивая с подножки машины. На удивление, он даже не пошатнулся от настойки, которую тянул все то время, пока Егерь травил байку. Он быстро скрылся во мраке леса, даже не попрощавшись.

Даня посмотрел на часы: 11:36. Егерь, увидев время, поднялся, отряхнулся. Полуволок тут же вскочил и прильнул к ногам хозяина.

— Нам тоже пора, Дань. Пошли.

Салага последовал примеру наставника и, терпя боль в затекших ногах, поковылял следом.

— До завтра, мужики! — крикнул Булат вслед.

— До завтра! — ответил Егерь, дружелюбно помахав рукой.

2

Проснулись все бодро, жаль только, что погода продолжала бушевать: ветер, снежная пурга, затопленная снегом дорога. Вдобавок, мороз совсем не хотел отступать и на утро тело жгло ещё сильнее. Под руководством Беркута техника быстро выдвинулась с поляны, оставив после себя, лишь глубокие провалы снега. Выстроились в ту же схему, как и прежде: снегоходы впереди, в центре — основные машины, в хвосте перемальывал снег ЯМАЛ.

Ехать было ещё невесть сколько. Общая поездка уже занимала около шести дней, за которые, помимо стад оленей, периодически подстреливали мутировавших волков, несколько чистых кабанов. Вышло, пусть и не без труда, отловить пару рысей. Но после крупного оленьего стада тайга совсем опустела. А потому на ближайшие несколько часов

единственным развлечением, по крайней мере у Корсара, стало рассматривание причудливо скрученных деревьев, на фоне обильно идущего снега.

— Тоска зеленая, — в очередной раз тянул он, когда смотрел в белесую даль, — сколько ж уже можно...

Егерь, не отвлекаясь, сосредоточенно вел машину, Даня снова что-то черкал в ежедневнике, Зевс спал. Всё как всегда.

Минута тянула другую, час сменял другой. Вдруг зашипела рация, разогнав хандру:

— Внимание всем! Через десять минут доберемся до рубежа. Первому звену ориентироваться по берегу реки.

Корсар мигом оживился, заёрзал, оторвавшись от долгого сна. Солнце почти зашло в зенит, тучи сгустились вокруг, но закрыть светило не посмели.

— Ну, ёп твою за ногу, наконец-то! — радостно верещал Корсар, видя, как Шестьдесят шестой впереди останавливался.

Снегоходы встали чуть дальше точки рубежа, остальные сомкнулись в знакомое кольцо. ЯМАЛ остановился рядом.

Корсар тут же вышел, захрустел всем телом и блаженно выдохнул. Следом вышли Егерь, Зевс, Даня.

Морозно.

Остановились снова на большой поляне: дальше деревьев было всё больше и больше, дорога тоньше, извилистей, запутанней.

Шестой день пути, животные всё реже... Это знаменовало окончание известного маршрута. Руководство, во главе с Беркутом, отдало приказ разбить лагерь, как минимум до завтрашнего утра. И ждать. Чего, непонятно.

— Этого хватит? — спросил Даня, бросая охапку веток на расчищенный снег. Корсар хмыкнул, приказал принести еще.

— Вот же засранец, — буркнул Даня, но вспомнил, что он не один.

Юнец уже в четвертый раз ходил вглубь леса за палками, вместе с ещё тремя парнями его возраста, которых он раньше не замечал.

— Вас как звать-то хоть?

— Я — Саша, — протянул руку небольшой, щуплый парнишка с зелеными глазами, тонкими, почти женскими чертами лица и еле прорезавшимися усиками под носом.

— Меня Михой зовут, — ответил на молчание второй, с курносом носом-картошкой, большим, рассечённым здоровенным шрамом, широким лбом и пухлыми губами. Сам выглядел крепко.

— Даня.

Как оказалось, ребята были родом из города, но жизни до Удара, в силу возраста, почти не помнили. Как подросли, работали кто где: Сашка собирал железо и сдавал местным, зарабатывая копейку на еду, а Миша после смерти отца перебивался случайным заработком...

— А мамку я свою совсем не помню, — говорил Миша, пытаясь сломать свежую березовую ветку, всем телом навалившись на нее. — Эх... Батя говорил, что она погибла при аварии, ещё до Взрывов, но я ему почему-то никогда не верил.

— Жаль конечно, что так оно вышло, — вздыхал Саша, присев у разошедшегося соснового ствола, — Соболезную. У меня вот все, слава Богу, живы-здоровы.

— А ты, Мишка, в охотники зачем подался? — спросил третий, до сего момента

молчавший.

Чуть выше Дани, широкоплечий, с длинным острым носом, тёмно-голубыми глазами. Он то и дело хмурил взгляд, морщился, пиная снег.

— А куда ещё, Никит? — переспросил Миша, наконец, щелкнув ветку. — Предлагали либо на арену — мусор собирать, дерьмо за тварями чистить и песок ровнять, либо на поля — спину гнуть. Я и там и там пахал, как батя слег. А он ведь у меня охотником был да еще каким!

— И каким же? — ехидно спросил Никита, потершись о ствол дерева, имитируя упорную работу.

— Его Буйволом кличили. Здоровый такой дядька был, с самого зарождения города тут. Мне батя даже рассказывал, что с Егерем, Хриплым и Ромом они от тварей пару секторов зачистили.

— Ха! — усмехнулся Никита. — Не поверю. С Егерем тут только один знакомый, вот он.

Все с интересом посмотрели на Даню.

— Что вы уставились? — он отвлекся от сбора веток. — Знаком, если так можно сказать.

— Это мягко сказано! — охнул Саша, волочащий здоровое бревно. — Ты с ним путешествуешь, а это дорогого стоит.

— А расскажи, как ты с ним путешествовал? — поддержал Миша.

— Да, интересно уж, как с таким человеком, — Никита сделал сильный акцент, — слоняется кто-то вроде тебя. Не поведаешь, каково путешествовать с такой шишкой, пепельноволосый?

Даня сжал березовую ветку, да так, что та хрустнула, расплескав щепки по снегу. Он криво улыбнулся.

— Всего-ничего. Просто придется пожертвовать друзьями, родным человеком, зрением, психикой и лицом. А в остальном мелочи — убийства, пытки, смерти. Можете лично у него спросить, если больно интересно, каково это ходить с ним рядом и собирать кости его жертв.

В голосе звучал металл, каждое слово он будто чеканил.

Все посмотрели на черную пиратскую повязку, исполосованное шрамами лицо, пепельные волосы, бурлящий ненавистью янтарного цвета глаз и замолчали, каждый занимаясь сбором хвороста. Но Миша не выдержал.

— А что... Дань, а что с тобой случилось, что ты стал вот... таким?

Даня вздохнул.

— Не твое дело, — отрезал Даня, в порыве, ломая очередную ветку.

Снова напряженное молчание.

— А... Понятно, — старался прервать тишину Саша. — На город вот раньше тоже часто нападали, пока стену не додумались возвести.

— Стену? — переспросил пепельноволосый, вспоминая монументальное сооружение вокруг города сталкеров.

— Ну да, разве не видел? Огромная такая бетонная стена, через которую хрен какой ублюдок пролезет.

Даня смутно вспомнил, как в ночи, приезжая в город первый раз, видел серые ограждения за КПП, но значения им не придал.

— И что, помогают?

— А то! — Сашка улыбнулся. — Щас, конечно, твари почти не нападают, но вот в первый год жали конкретно. Ходаков куча, лешие, волки, крысы... Всех и не пересчитать. Но что они могли сделать? Царапали стену, толпились возле неё, пока старшие с пулеметов их гасили.

— Помню тот день, — высокомерно фыркнул Никита, — тогда шестерых ходаков завалил.

— Ты? Ха! — в голос рассмеялся Миша, чуть ли не роняя ветки. — Да после того как нас в отряд приняли, ты ж ведь даже крыс-переростков боялся!

Никита побагровел, но важной мины не лишился.

— Неправда. Я, в отличие от тебя, тренировался и работал много, поэтому Беркут меня и взял в рейд.

— Оно и видно, — съязвил Миша, видя, как Никита сломал две тоненьких веточки и ожидал, пока остальные закончат.

Даня, уже собрав приличную охапку, не думая, сунул ветки лентяю в руки.

— Э-э...

— Без «э». Щас себе доложу и пойдём. А что за ходаки такие?

Миша с Сашей переглянулись, пожали плечами.

— Это слабый аналог леших, пояснил Саша. — Последние быстро двигаются, также быстро регенерируют, пули их почти не берут. В бою очень опасны. А вот ходаки — просто ходячие мишени. Шатаются без дела, иногда даже ударить толком не могут. Но вот толпой становятся жутким врагом, да ещё и живучие, как тараканы. Лучше жечь их сразу или с чего калибром покрупнее гасить.

Даня повел бровями. Надо же. Егерь, конечно, в перерывах между тренировками, рассказывал о разных тварях: волках, леших, домовых, лихо, кикиморах, йети... Но вот про ходаков он слышал впервые. По правде сказать, гуманоидных тварей он совсем не видел и относился к рассказам о них, скорее как к интересной сказке, чем как к реальной угрозе. Ему казалось, что они очень редки и встретить их в лесу — та ещё задачка.

— А ты неплохо осведомлен, — отметил пепельноволосый, — что, книжки читаешь?

Саша, еле удерживая нагруженный вес, закричал:

— Ага... Вроде того... Нам старшие много интересного рассказывают, а я записываю, анализирую. Что-то типо бестиария.

— И много там написал?

Саша, не в силах стоять на ногах, рухнул на снег и уронил ветки. Даня загрузил выпавшую часть себе.

— Спасибо, а то тяжело... — замялся ботаник. — Пока занес немного, в основном из рассказов опытных охотников. А тут выдалась возможность в рейд ехать! Думал, успею всю книжку исписать. Одно ведь дело истории слушать и совсем другое — вживую видеть. А нет, — он вздохнул, — рейд уже кончится скоро, а у меня только... олени.

Никита фыркнул, актёрски запрокинув голову.

— Ну ничего, в следующий раз обязательно что-то выжму, — мечтательно проговорил он.

Наконец, хворост был собран. Они, не торопясь, побрели к лагерю. По пути Миша предложил встретиться в более-менее тихом месте, подальше от суеты старших, поговорить о своём. Даня, пусть и нехотя, но принял тот факт, что ему не хватает простого общения со

сверстниками. Корсару было плевать, куда он уйдет, а Егерь сейчас был в ЯМАЛе, решал с Беркутом какие-то вопросы. Поэтому, оставив недовольному сталкеру очередную охапку дров, парень скрылся у дальних машин.

Возле дрыхнувшего сном покойника безызвестного сталкера, собрались, развели костер.

«Этого придурка ещё принесло» — невольно подумал Даня, видя надменное лицо Никиты, неуклюже крутящего в руках ПМ.

Говорили о всём: тренировках, сталкерах вокруг, девушках, машинах, тяжёлой жизни, тварях, прошлом. Пацаны долго рассказывали о том, как их взяли в охотники, как тренировали, уму-разуму учили. Для них это было первое серьёзное дело, — на прошлых рейдах их оставляли в патрулях — так что все относились к происходящему предельно серьёзно.

— Вот заработаю себе имя, потом в элите буду, там глядишь и генерала заменю, — мечтал Миха. — Будут потом внуки говорить: «А мой дед ой-ой-ой каким мужиком был!».

— Ну да, — острил Никита, — поди, попробуй.

— А ты чего хочешь? — спросил Саша, съёжившись от мороза и прильнув ближе к костру.

— Я? Да ничего особенного. Жить и в ус не дуть. Не надо мне в элиты биться, классным травником становиться и мир изучать, — он презрительно посмотрел на Сашу, который доселе рассказывал о своих мечтаниях. — Мне просто жить, где безопасней, вкусно есть, с красивыми телками в кровати кувыркаться и пиво пить. А остальное — по боку.

— Деньги тебе с неба упадут? — холодно спросил Даня, буравя выскочку хмурым взглядом.

— В этом и вся суть, — Никита растянулся в фальшивой улыбке. — Здесь, думаю, подработаю рейд-другой, получу репутацию хорошую, а с рекомендациями охотников не только у них работу найдешь. В охране Совета, например.

— Ого! — ахнул Миша. — Не высоко лететь хочешь, воробей?

— По крайней мере, ложных надежд, чтобы стать вторым Беркутом, у меня нет. Мы еще прозвищ себе не заработали, а ты уже мечтаешь генералом стать. Тьфу!

Саша, ощущая как атмосфера накаляется, вдруг перешел на Даню, который с интересом наблюдал за перепалкой:

— А ты, Дань, что хочешь?

Тот задумался. Стиснул зубы. Сжал кулаки. Выдохнул.

— Перебить монстров. Пусть не всех, но до каких дотянусь. И не важно, какого калибра: йети или ходак, леший или ещё какая тварь похуже. Всех хочу вырезать.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся понятно кто. — Серьёзно? Да ты хоть понимаешь, что подготовленная группа опытных охотников даже из десяти человек, с трудом возьмет хотя бы одного йети! Вот ты и правда какой-то безумец. Один может и осилишь пару леших, но чтобы с йети квитаться, ха-ха...

Даня злобно оскалился, но не ответил. Его опередил Саша:

— Но ведь Егерю под силу такое. Завалить йети в одиночку, орудия только тесаком.

Никита натянул надменную улыбку ещё больше.

— Такой как Егерь один на тысячу! А таких как мы — остальные девятьсот девяносто девять, понимаешь, Сань? Большинство таких самонадеянных болванов и гибнут на первых ходах.

— А ты у нас прямо-таки ветеран, — парировал Даня, — смотрю опыт плечи ломит.

— Без юношеского максимализма, — пояснил Никита, потягивая спину. — И идиотизма.

Ещё слово, неверно брошенная фраза и Даня бы втоптал выскочку прямо в снег, умыв его в собственной крови... Но вдруг раздался крик Корсара.

— Эй, вот вы, идиоты! Даня, сукин сын, поднял жопу и в КРАЗ, живо!

Все вскочили, пепельноволосый быстро и без лишних вопросов пошел к сталкеру.

— Вы тоже к своим, марш! — гаркнул Корсар. — У нас тут что-то интересное намечается...

3

Чем-то интересным оказался рывок в восточную сторону деревни. Пока Даня вместе с остальными прохладился, одному из сталкеров — Гралю — пришла неплохая идея.

— Слушай, Корсар, — обратился он к сталкеру, который перебирал страницы «Преступления и наказания» Достоевского, найденного у Егеря в кабине. Не то чтобы чтить ему сильно нравилось, но делать было нечего.

— Чего тебе? — спросил он, не отвлекаясь от книги.

— Есть толковое предложение, — ухмыльнулся Граль. — Не буду тянуть, скажу сразу: на востоке, в сорока минутах езды отсюда, есть старенькая деревенька — Пустовье. Я ещё мальцом там был, бабка моя там жила...

— Рожай быстрее, — буркнул Корсар, следя по строчкам за тем, как Раскольников бьет бедную процентщицу топором по голове.

Граль нахмурился, но продолжил:

— Чёрт с тобой. После войны я никого из её жителей не встречал, видимо, все там и померли, да и попробуй выберись из такой чащи. Хотя, может живы ещё да не...

— Граль, не тяни кота за яйца.

Рассказчик вздохнул:

— Я к тому, что она глубоко в лесах. Про жителей ни черта не слышно, а мы в сорока минутах езды от неё. Ну я подумал, почему бы нам не съездить туда, может чего полезного найдем?

— Так, — Корсар закрыл книгу, оставив Родиона наедине с трупом бабки, — это к Беркуту надо. От меня ты что хочешь?

Сталкер сел на поваленный сосновый столб, почесал густую бороду.

— В том и дело, Корс. Если я к начальству пойду с таким предложением один, меня выпрут и потом ещё здесь оставят, снег по тайге чистить. Но вот с тобой, птичкой поважней, может чего и выйдет.

Корсар задумался, пришлось закурить.

— Хм, идея неплохая, — после долгого молчания выдал он. — Штабу все равно делать нехрен, возьмется щас с картами. Можно будет и цепануть часть состава.

— Я о том же, — согласился Граль. — А там может чего интересного обнаружится. Ты если Егеря к этой затее подключишь, считай, дело в шляпе.

С этими словами он встал, поправил куртку, посмотрел на Корсара:

— Ну, а дальше сам решай. Моё дело — предложить.

И Корсар согласился. Почти сразу пошёл к Беркуту, решать вопрос лично. В кабине ЯМАЛа торчали пара техников, возящихся у передатчиков, Рысь, перебирающая какие-то бумажки и сам Беркут, который что-то живо обсуждал с Егерем.

— Будут тебе маршруты, — заверял командир, хлопая перевозчика по плечу. — Вот в

Совете отчитаемся и получишь. Я уже отдал картографу соответствующие распоряжения. Подготовит свежие и в лучшем виде.

Егерь удовлетворенно кивнул головой.

— Вот они где! — громко сказал Корсар, бросая на всех беглый взгляд. — Сидите-пыхтите?

— Типо того, — ответил за всех Беркут. — Что-то хотел?

Корсар улыбнулся, утёр нос.

— Конечно хотел. У меня к тебе, господин Беркут, предложеньице есть.

Вкратце сталкер рассказал идею командиру и, несмотря на хмурое лицо последнего, уже решил сколько техники и бойцов ему понадобится.

— Пятьдесят человек, — он постепенно загибал пальцы, — а следовательно, тринадцать машин от общего состава. Людей, считай, я уже нашёл.

Беркут поморщил лоб, скривил лицо.

— Хм, — протянул он, — даже не знаю, Корсар.

— Один хрен вы с картами возитесь, — возмутился сталкер. — Так хоть делом займемся. Хабар лишним не бывает, а?

— Да, — внезапно согласился Егерь, — к тому же деревня брошенная и располагается совсем недалеко. Тварей зимой почти нет, хладнокровные они, большинство в эту пору в спячку впадают, до лучших времен. А раз деревня пустует, то откуда им там взяться? До вечера успеем управиться.

Пожалуй, мнение перевозчика перевесило всякие сомнения.

Беркут потер усы и, вздохнув, дал добро:

— Чтобы к ночи вернулись. Всё.

— Конечно, мамочка! — съехидничал Корсар, расплывшись в улыбке. — Разрешите готовить состав, товарищ главнокомандующий?

— Шуруйте уже.

— Дмитрий Степанович, — мягко протянула Вика или же Рысь, — можно мне с ними?

— Нет, — отрезал Беркут. — Тебе ещё отчеты по численности, пойманным зверям, нынешней комплектации снаряжения и амуниции заполнять. Сиди, работай.

Она вздохнула, нехотя погрузившись в бумаги.

А Егерь и Корсар, формально попрощавшись, принялись готовить состав.

4

Хотя Корсар и соврал, что собрал добровольцев, желающих нашлось прилично. Среди них затесались Даня, с новыми знакомыми, Булат и Крюк, Граль, и ещё несколько десятков таких же отморозков, которым не сиделось на месте. Все расселись по машинам: Граль с Егерем (вместе с Даней они поехали впереди) оставив недовольного Корсара в хвосте на Шишиге Булата и Крюка.

Вьюга, наконец, стихла, солнце приветливо раскидывалось еле теплыми лучами, обжигая белесые сугробы снега.

Скоро колонна машин оказалась у Пустовья.

Деревня оказалась совсем не такой уютной и маленькой, как рассчитывал Корсар. Длинные, будто сросшиеся воедино дома, оттеснённые друг от друга лишь небольшим слоем косога забора, изредко — профлистом. Лишь на небольших холмиках виднелись одинокие, занесенные тоннами снега отшельные хибарки, мирно загнивающие вдали от всех. За домиками виднелся край небольшого, уже порядком промерзшего озера, блестящего

солнечными зайчиками, что прыгали по льду, отражаясь от солнца. И только кривая, пестрящая глубокими провалами дорога, ветрами очищенная от большей части снега, встретила путников. Было совсем пусто. Ветерок лениво качал свалившиеся ставни окон, пытался открыть подгнившие двери, попасть в брошенные дома.

Машины заглушили моторы, затихли.

— Так, — Егерь посмотрел на Граля, — дальше командование я беру на себя. Ты не против?

Сталкер пожал плечами и быстро вышел из грузовика, не в силах больше терпеть недовольных рыков Зевса.

Даня, сидевший рядом, наконец, нормально уселся, унимая затёкшие суставы. Осмотрелся, дрогнул.

— Эй, — Егерь хлопнул пепельноволосого по плечу, посмотрел на него., — Всё будет в порядке. Вряд ли здесь будут твари.

— Тогда мы тоже так думали, — буркнул Даня, пряча записную книжку за пазуху.

Егерь посмотрел на Никиту, который споткнулся о крыльцо Шестьдесят шестого и рухнул лицом в снег, усмехнулся и сказал:

— При случае, теперь ты сможешь дать отпор. Не зря ведь я тебя тренировал?

Даня вздохнул.

«Действительно, — подумал он, — после тренировок я научился многому: владению рукопашным и ножевым боем, стрельбе... Стал сильнее, ловчее, умнее, проворней, хитрее. Я знаю как убивать, куда стрелять, как бить, в общем говоря всё то, что мне пригодится дальше. Но... Хватит ли у меня духа, чтобы не испугаться? Хватит ли силы оставаться холодным и расчётливым, смогу ли я, по крайней мере, защитить хотя бы себя? К черту! Как говорил Корсар: «Не забивай голову хернёй пока есть патроны, а когда все выйдут, уже можно и пораскинуть тем, что от головы останется». Да и вовсе не факт, что случится что-то страшное. Может, я просто надумываю?»

— Эй, уснул что ли? — перевозчик ткнул подмастерье под бок. — Выходим, нас только и ждут.

Все стояли у свалившейся таблички, где на выцветшем фоне, еле виднелась понурая надпись: «Пустовье».

— Ну что? — весело крикнул Корсар столпившимся вокруг людям. — Ай да искать сокровища, а?

Егерь, спустившись с КРАЗа, недовольно хмыкнул.

— Что такое, мистер зануда? — иронично спросил сталкер, кривя детскую гримасу.

Все сухо посмеялись.

— Надо обмыслить ещё кое-чего, — спокойно ответил Егерь, приближаясь к табличке. Перевозчик открыл новую пачку сигарет, закурил. Столпившиеся ждали.

— Нас много, деревню обшерстим быстро. Значит, нужно разбиться по группам и пойти в разные направления.

— Нас пятьдесят бошек, — ответил Корсар. — Можно разойтись по десять человек и одного командующего к каждой группе приставить.

Егерь кивнул, сбил пепел с сигареты.

— Предлагаю так: первая группа — левая часть, первый сектор, вторая — левая часть, второй сектор и так далее. Пятая группа идет в самый конец деревни, к вон тем зданиям, — перевозчик пальцем ткнул в одиноко стоящие далеко от остальных дома. — Я отвечаю за

первую группу, Корсар — за вторую, Граль держит третью... Остальные две?

Из толпы смутившихся лиц показались две руки. Желаящими оказались Крастер — толстопузый мужичок, уверенно размахивающий РПК-74 и Булат с «Печенегом» на плече.

После, командиры стали пополнять ряды добровольцами.

— Жгут ко мне!

— Иди сюда. Да, ты!

— Чибис, Руппер, — гаркнул Корсар. — Ко мне!

— Ты, ты... И ты. В первую.

Скоро суэта закончилась, сталкеры распределились. Даня, на удивление, предпочёл быть с Булатом, Крюком и новенькими знакомыми, чем с Егерем. Впрочем, кавказец только одобрил такую инициативу.

— Отлично, — перевозчик выбросил окурок, поправил разгрузочный жилет, проверил готовность своего семьдесят четвертого АКСУ и одернул медвежью шубу. — Отряд! Разбиться и рассредоточиться по периметру деревни! Связь держать постоянно. Начали!

Дальше всё как по плану: группы двинулись в разные стороны, опустошая деревню, словно саранча. Тащили все, что видели: консервы, запчасти от автомобилей, мотоциклов и тракторов, баллоны с горючим газом, оставшиеся в домах, удавалось найти даже целые снегоходы, пусть и порядком потрепанные временем. Всё грузили в рюкзаки, мешки, притащенные с собой, мелочи пихали в карманы, а самое крупное и тяжелое сразу уносили в машины. Несмотря на опасения, что помимо сталкеров в Пустовье кто-то есть, было подозрительно тихо. И пусто. Жители, будто испарились: ни трупов, ни костей, ни брошенных в спешке вещей. В один момент все будто исчезли. Это настораживало.

— Жуткое место, — бормотал Саша, осматривая занесенные снегом крыши домов. — Пряма не по себе.

— Пф! — фыркнул Никита, поправляя шапку-ушанку на голове. — Трус. Чего ж тут бояться? У-у-у! Призраки!

— Хорош уже, — буркнул Миша, сильнее сжимая калаш, — клоун недоделанный.

Даня отмалчивался, но был готов в любую секунду сорвать АК или новенький дробовик «Рысь», полный жекана, и изрешетить незнакомцев свинцом. Но только ветер недружелюбно свистел им в спины.

Шли они к дому, стоящему на небольшом холмике, недалеко от подобных ему отшельников. Слово старый мудрец он шурился сваленными друг к другу ставнями окон, хмурился заваленными набок бревнами, скрипел единственной оставшейся от забора калиткой.

— Да правда, чего ж бояться? — повторял Никита. — Булат, Крюк и остальные совсем недалеко, вон в той гнилушке шарахаются. Чего ты разнылся, Саш?

— Незнаю, — отвечал он, — жутковато здесь...

Саша съежился, с трудом поправил свалившийся с плеча калаш. Его трясло, хотя одет он был в теплые рыжие лисьи шкуры.

Наконец, они подошли. От забора дома осталось лишь название, торчала только треснувшая, горбатая калитка, окна, съехавшая на бок крыша, грозящая вот-вот свалиться, пустые, на удивление сохранившиеся окна, по которым плясали солнечные блики.

Небо вновь стало затягивать свинцовыми тучами.

— Вот же срань, — Миша хлопнул по колену, — сколько ж можно? Только солнышко выглянуло и вот те, на!

— Хорошо уже на звезды жаловаться, — хмыкнул Никита. — Пойдем в дом.

За грязным, покрытым пылью окном что-то дёрнулось. На мгновение. Даня моментально выхватил автомат, прицелился, даже не успев подумать.

— Стой! Не ходи туда.

Никита посмотрел на дуло автомата, засмеялся.

— Ха-ха! Что, пепельноволосый? Испугался, небось? Пукалку уже высунул, куда стрелять-то собрался?

— И правда, Дань, — Миша посмотрел на напряженное лицо боевого товарища, — что такое?

— Ребят, может не пойдём? — Саня попятился назад, чувствуя, как атмосфера накаляется.

Никита, усмехаясь, демонстративно обернулся к Саше, затем к окнам дома.

— Да там же никого нет, придурки! Ты ведь, согласен, Мих...

Он замолк, как только увидел тёмный, расплывчатый силуэт, что стоял за окнами домика.

— Вы... это видите? — спросил Никита, теряя дыхание. — Черт бы побрал, что...

Все замерли. В доме кто-то был.

— Нет-нет-нет! — испуганно лепетал Саша, дрожащими руками стягивая автомат. — Кто это?!

Даня снял предохранитель. Щёлк.

— Стреляем насчет три, — пытаюсь унять дрожь в голосе, говорил он. — Раз.

— Стоять! — Никита усилием двух рук отвел дуло автомата. — Может это выживший? Может ему нужна помощь?

Резко потемнело. Тучи сомкнули солнечный шар.

— Идиот, — прошипел Даня, всматриваясь в силуэт, — кто там, мать твою, может быть?

— Эу, ребятки! — раздался из дома приятный старческий голос. — Шо вы там мерзнете? О, господи, на улице то зима, едрить-колотить, а они ходят в чём попало!

Бойцы переглянулись. На лице проступил пот. Руки у всех неистово дрожали, как бы их не пытались унять.

Даня старался держать себя в руках, хотя и был на пределе, Саша уже успел пустить слезу, Миша и Никита молча раскрыли челюсти.

В доме был старик.

Прямо за пыльными окнами, стоял дедушка, с пышной седой бородой, маленькими добрыми глазами, одетый в старый камуфляж. На его голове торчала зелёная рыбацкая панамы. Он прищурился, зажег рядом стоящую свечку. Тёплый свет разогнал липкий мрак, застеливший ветхий домик.

— Ну! Чего застыли? — по-доброму заворчал дед. — Шуруйте уже с мороза, я как раз печку только затопил!

— Что за срань, — прошептал Даня, вжимаясь в приклад. — Что за срань?

— Это ведь не может нам казаться, ребят? — переспросил Саша, отходя все дальше и дальше. — Кто это?

— Дедушка! — проглатывая страх, крикнул Никита. — А что вы там делаете?

Старик нахмурился.

— Как что? Живу!

— Но ведь, кроме вас здесь никого нет, — продолжал парень, — как вы тут оказались? Дед поковырялся, с усилием приоткрыл окно. Свеча задрожала, чувствуя холод снаружи.

— Чего, внучок? Совсем уж плохо слышу, повтори!

— Дедуль, я говорю, как вы тут оказались, вокруг ведь никого нет!

Старик чуть выглянул из окна.

— Ну так, после войны отсюда все поубежали, а у меня ноги больные, не смог. Да и куда мне, старику? Я своё отжил. А вы кто, откуда?

Дед вдруг вздрогнул, схватился за сердце.

— Ой, господи, — закричал он, — внучок, не пугай старика, убери автомат, Христа ради!

Даня, не думая, опустил оружие.

— А вы... Вы точно человек? — кривя лицо от ужаса, спросил Саша. — То-точно?

— Эй, ты чего, сынок? — старик потер густую бороду. — Тут отродясь кроме людей никого не было. Все сатанинские отродья стороной это место обходят, жрать-то тут нечего. А я им, старый, не нужен. Смотрю вы напуганы сильно, заходите! У меня тут чаёк стынет, печенья есть. Я уже ох сколько лет с живыми людьми не разговаривал.

Все переглянулись, пожали плечами, выдохнули. Страх ушел, оставив только какое-то странное, гипнотическое, тёплое чувство.

— Дверь открыта, ребятки! У меня ноги толком не ходят, так что заходите сами, не стесняйтесь! — дедушка улыбнулся, прикрыл окно, махнул рукой, приглашая гостей зайти.

— Вот же остальные охренеют, — бормотал Никита, убирая оружие за спину, — живой человек!

— Ага, — выдохнул Миша, до сего момента утирающий литры пота. — Я уж испугался...

— Да, — облегченно улыбнулся Саша, ускоряя темп, — я, честно, уже замерз!

Даня шёл с остальными. Вдруг, у самой калитки замер. Принюхался, совсем инстинктивно.

— Парни, — он задрожал, — не идите.

— В смысле? — спросил Миша. — Что такое?

— Запах, — Даня принюхивался тщательнее, — какой-то... Нечеловеческий.

Саша нахмурился, Никита только ухмыльнулся.

— Ну-ну! — фыркнул выскочка. — Чёртов трус и зануда. Боишься всего. Видишь же, дедушка больной, совсем один здесь.

— Вам чай с сахаром или без? — раздалось из дома. — У меня тут ещё травы лечебные есть.

Никита, сложив руки, закатил глаза.

— Видишь? Всё, пошли!

— Я сказал: стоим! — процедил Даня сквозь зубы и снова вскинул автомат. — Стоим и ждём, мать вашу. Я говорю... запах... Люди так не пахнут.

— А ты больно в запахах разбираешься? Псина или волк какой? Зря тебя в рейд взяли, жалкий трус, — буркнул Никита. — Вы как хотите, а я на холоде торчать не собираюсь.

Он заскрипел гнилыми ступеньками, быстро поднялся к двери. Щёлкнула гнилая доска.

— Дедушка, я захожу, у вас замка нет?

В ответ молчание.

— Ха-ха! — рассмеялся Никита, — А вы забавный. Надеюсь, что кружечку чая мне уже

налили.

— Никита, сукин сын! — рывкнул Даня. — Стой, мать твою! Стой!

— Пошел ты, Дань, — сказал он, отворяя дверь. Шагнул внутрь. Хлоп!

Тишина.

В окне до сих пор стоял старик и добродушно улыбался.

Саша и Миша стояли на месте, замороженно глядя на дверь домика.

— Идиоты! — рывкнул Даня, влупив каждому по щеке. — Чего вы уставились?

Они схватились за лицо, замотали головой, выругались.

— Дебил, — ворчал Миша, — Ты чего?

— Даня, ты охренел? — взбесился Саша, затем взглянул на окно и обомлел.

На месте старика теперь стоял Никита и во весь рот улыбался.

— Ну что, придурки? — кричал он. — Видите? Здесь тепло и уютно. А ещё дедушка...

Черная тень мелькнула перед ним, разрезав тьму. Парень отшатнулся, схватился за горло. Руки окрасились в красный, изо рта потекли струйки крови. Она брызнула на стекло, отпечатавшись алым шлейфом. Никита задрожал, рухнул телом на подоконник, расплескал кровь по стеклу. Так и застыл, обхватив руками горло и умирающими голубыми глазами, глядя на придурков, не решивших зайти внутрь.

А милый старик стоял позади, по-доброму махая рукой.

— Ну, что вы, ребятки? Заходите на чаек! Грех на морозе столько торчать!

— М-м-мамочка... Что-что, что, только что случилось?! — залепетал Саша, пуская слезы. — А? Что такое! Это ведь не сон, нет? Я ведь хотел зайти туда, хотел! А Никита, он что, что с ним? Он правда м-мёртв?

— Господи Иисусе, — бормотал Миша, срывая Калашников, — что с ним? Дань, что с Никитой? Что происходит?!

Даня сжал зубы. Вдохнул свежий зимний воздух.

Он помнил рассказы Егеря. Тот рассказывал ему о таких тварях. О домовых, обитающих в брошенных деревнях, таящихся в тёмных углах одиноких домов. Твари, способные влиять на сознание и дурманить разум жертвы, заставляя того поверить в то, чего он сам хочет, чтобы заманить и сожрать. Некоторые из них настолько сильны в своем искусстве, что способны создавать почти отдельные мирки, наслаивать иллюзию на реальность, смешивая всё в одну картину. И глупая жертва, не понимая сути, попадётся. Даня знал, с самого начала знал, что это за тварь. Но настойчиво не верил, что здесь, именно здесь, мог затаиться домовый. Он до последнего не верил в происходящее.

— Кранты Никите, — сухо заключил пепельноволосый, смотря на кровь стекающую по стеклу, — сообщите группе, что мы попали на домового. Быстро.

Кровь прилила к лицу. Ноги дрожали, руки не слушались. Пот пробивал лицо.

А старик не унимался — безумно реалистичная иллюзия приветливо улыбалась, зазывала к себе в логово, будто не понимая, что жертвы видят растерзанный труп товарища.

Саша заплакал. Миша нервно сообщал в рацию происходящее, выслушивая отборные маты Булата. Напряжение натянулось, словно гитарная струна. И никто не хотел играть свой аккорд.

— Эх, вы! — грустно произнесло существо. — Не хотите уважить старика!

Вдруг он исчез. Поблёк, растворившись в воздухе. Даня держал прицел. Егерь говорил, что они любят играть с жертвой. И даже если не смогут достать когтями, будут стараться изводить иллюзиями.

— И насколько же ты хитер, сукин сын? — шипел Даня. — Миша, Саня, успокоиться! Сейчас он будет насылать иллю...

Он обернулся. Миша, свернувшись клубком, обильно выплевывал кровь. Живот вспороли, выпустили кишки наружу. Рядом стоял Саня, истерично смеялся, давил фальшивую, злую ухмылку.

— Ты что творишь, урод?

Даня прицелился.

Миша закашлялся, сплюнул тонкий ручеек крови. Взгляд притупился, остекленел.

— Саня, что ты творишь?

Тот только посмеялся, рассекая воздух охотничьи ножом.

— Ха! Ты — монстр, тебя надо порезать? Да!

— Отвали, придурок! Подойдешь — накормлю свинцом! Ты не понимаешь, что творишь!

Снег багровел, в такт шагам убийцы.

— Хе, нужно отрезать тебе голову и скормить монстрам! Да, псина? Да, чёртово отродье?

Даня положил палец на курок. Он дрожал. Как в ту ночь. Боялся двинуться, страх сковал тело.

«Нет-нет! Я не могу, не могу двинуться... Черт, меня будто сжали, — думал он. — А ведь я обещал...»

— Ты ведь лгун! — хихикал Саша, не переставая зло улыбаться. — Врёшь нам, себе, всем вокруг! Трус. Ну давай, выстрели в меня, пришей!

Он почти подошел. Потом согнулся. Сделал рывок. Удар! Даня успел увернуться, взять Сашу в захват, обездвигить руку с ножом. Он сдавил его шею, так, что тот стал похож на помидор и нелепо закричал.

— Сдохни, сука! — бормотал пепельноволосый. — Раз в себя не можешь придти, так хотя бы сдохни...

— Эй! Даня, сюда!

Даня на секунду отпустил обмякшее тело Саша, посмотрел в направлении дома.

— Егерь?

Перевозчик был около двери, держал АКСУ наготове.

— Слава богу ты здесь! — Даня облегченно выдохнул. — Там, в доме, домовый! Сильный, зараз-за!

— Вижу, — спокойно ответил перевозчик, глядя на распластаный труп Миши. — Отпусти этого и оставь снегу. Он уже без сознания. Нужно прикончить эту мразь. Живо ко мне!

Даня бросил кряхтящего Саню, схватил выроненный калаш, быстро побежал к дому.

— Эй! — сзади послышался знакомый, хриплый голос. — Ты не туда идешь, сынок.

Даня замер. Обернулся.

— Дядя?

Хриплый стоял в своем привычном положении, чуть сгорбившись. Одет он был в обычное сталкерское тряпье.

— Ты запутался, сына. Это не Дамир.

— Что... что происходит?

Позади Артёма всплыли две черных фигуры.

— Дядь, сзади, сзади! — закричал Даня, вскинув автомат. — Осторожно, сзади! Артем улыбнулся, закурил сигару. Кубинскую.

— Даня, это не Дамир, — он ткнул пальцем в Егеря, — а дешёвая копия. Силуэт перевозчика задрожал.

— Даня, твою мать, не отвлекайся, иди сюда! — ворчал перевозчик, кивая на дверь. Голова закружилась. Стало совсем плохо соображать. Будто разум взяли в тиски.

— Не бойся, иди ко мне, — спокойно сказал Артем. — Так будет лучше.

— Но... Но эти двое?

— Они помогут, Дань. Поверь мне.

— Не слушай его! Черт, щас эта тварь уйдет! Даня, шуруй сюда!

Но было поздно.

— Прости меня, дядь... Что не смог спасти... Прости, — слезы ручьем пустились по щекам. — Я хотел... Правда хотел тебя защитить...

Он всеми силами прижался к Артёму.

— Всё в порядке, сына... Будь сильным.

Очертания поплыли, всё задрожало, растеклось и смешалось. Тонкий писк забил уши. Но и он скоро стих.

5

Проснулся от взрывов. Громких, оглушающих взрывов. Где-то близко.

— Твою мать! — смутно слышался чей-то голос рядом.

— Там чё, динамит лежал? — спросил второй, не менее знакомый.

— Скорее всего баллоны с газом.

Взгляд немного прояснился, писк в ушах утих. Одинокий домик буквально разорвало, разворотило в щепки. Его обуяло дикое пламя, жадно пожирающее гнилые доски.

Разбилось окно. Оттуда, шипя, взывая и крича, вырвался маленький карлик, пытающийся отделаться от прицепившегося огня. Он упал в снег, заворочался, что-то вскрикнул. Бах! Раздался очередной взрыв, разбивший остатки домишки. Тварь прибило к снегу кусками горящих досок. Она что-то недовольно просипела и стихла. Снег окрасился в черно-красные тона, а щепки досок, словно град, осыпали землю.

Миша, смотрящий за происходящим, перекрестился.

— Может он жив? — хныкал Саша, сидя обняв колени. — Может, Никита жив?

Булат сел рядом, положил руку на плечо.

— Нет, Саш. Его теперь даже не похоронить. Сгинул он.

Сашу затрясло. Бугай оставил его.

— Приём, это четвертая! Булат, мать вашу, что там за взрывы? — запищала рация.

— Приём. Домовой, закидали молотовыми. Видимо, в доме были баллоны с газом, они и рванули.

— Тварь убили?

— Да, но у нас один двухсотый и двое трехсотых, лёгких.

В рации выматерились.

— Нас Беркут повешает! Чёрт, ладно... Мы всё обыскали, давайте подтягивайтесь к нам и сваливаем отсюда. Остальным группам сейчас сообщим.

— Понял, Крастер. Ждите. Конец связи.

К этому моменту Даню успели поднять. Он отряхнулся, вытащил из снега автомат, потер лоб.

— Что случилось? — он посмотрел на собравшихся. Вся пятая группа: Булат, Крюк, Ильин, Шувер, Косой, Ожог и он с пацанами. Все ошарашенно смотрели на догорающий домик.

— Ты сам не свой был, — пояснил Крюк, усевшись на старый пенёк — Мы пришли, а тут Сашка лежит, еле дышит и ты у ворот домика стоишь. Мы тебя звали, но ты не слушал. Слава богу, вдруг замер, так тебя Булат и схватил, хорошенько отогрев по голове.

— Ты уж прости, Дань, — серьезно сказал Булат, — иначе никак было.

Даня кивнул, посмотрел на Саню, потирающего шею.

— Да... Ты тоже прости, — бормотал Саша. — Я думал вы с Мишкой в ходоков превратились, вот и полез...

Сам Миша не ответил, только грустно вздохнул.

— Да, Дань. Видимо, сильный домовый попался...

— А Никитка, — протянул Ильин, кривя кислую мину. — Никитка!

— Отставить ныть, — жестко процедил Булат, — оплакивать будем потом. Задача сейчас — сомкнуться с четвёртой группой. Они все обшмонали, да и нам тут делать нечего. Приказ понятен?

— Так точно, — дружно прогалдели сталкеры.

Были они в тридцати метрах от того проклятого места, так что, до четвертой группы оставалось недолго.

Ба-бах! Последние остатки дома обвалились, оставив после себя только горсть щепок и пепла.

— Ну, хуже уже точно не будет, — выдохнул Саша, утирая пот и слезы с лица.

Оставшиеся девять человек колонной двинулись вглубь деревни. Шли быстро и молча.

Даня поморщил нос. Обернулся. Позади, совсем невдалеке, у старых скрученных берез стоял человек. Горбатый, сутулый, засыпанный снегом. Что-то кряхтел себе под нос.

Парень скинул калаш, прильнул к мушке, разрядил несколько пуль точно в голову. Туша затрепыхалась, рухнула наземь.

— Это что за срань? — спросил Миша, вытаскивая сорок седьмой.

Группа оглянулась. Крюк выматерился. Булат поддержал.

— Это, мать вашу, — процедил Ильин, — ходаки...

Наледь на снегу трещала, сугробы лопались, будто воздушные шарики. Из-под белого ковра поднимались десятки живых трупов. Грязные, обросшие, уродливые сгнившие снаружи и покрытые волдырями, с кусками льда, вросшими прямо лицо, ломая себе кости, они, словно в голливудских киношках, восставали из снежных могил. Одеты были в простую, гражданскую одежду, а вернее, то что от нее осталось: кофты, джинсы, шубы, штаны...

— Так вот куда все делись, — выматерился Булат, готовя «Печенег». — Ну держитесь... Четвертая группа, у нас тут десятков пять ходоков! Срочно требуется подкрепление! Двигаемся к вам!

Твари прорастали из снега, ломая горбы, хрустя остатками тела, медленно брели к живым.

— Так, мужики! Двигайтесь первые, мне тут работы на пару минут, — хищно оскалился Булат, выставив пулемет.

Пока Крюк вел остальных ко второй группе и попутно отбивал возникающих тут и там тварей, Булат, дав остальным отойти подальше, приступил к работе.

— Ха-ха! Получите, сукины дети!

Брызги пулеметных очередей змеями взвились по воздуху и рассекли тела несчастных тварей. Ходоки ломались, словно спички, хрустя иссохшими костями, мычали что-то себе под нос, пока свинец воротил их морды.

В руках Булата пулемет казался легкой пластиковой игрушкой, которой он виртуозно вертел, размалывая уродцев. Вот, одна тварь пробилась из-под снега совсем рядом, выкинула кривые тоненькие руки, потянулась к ноге. Шмяк! От старого тракториста осталось только название.

Ра-та-та!

«Печенег» дрожал, пытался выбиться из рук, но Булат отлично держался, ловко переводя его на очередную пачку уродцев. Цок!

— Твою мать, патроны... — оружие заглохло, Булат нырнул под шубу, вытаскивая пулеметную ленту.

Вдруг почувствовал вязкие, липкие руки на плече. Рефлекторно врезал твари прикладом, отчего голова ходока запрокинулась, а после и вовсе рухнула в снег. Тело чуть простояло и отправилось вслед за ней.

Он принялся быстрым шагом отступать. Ствол «Печенега» после второй ленты чуть покраснел.

— Перегрелся, сукин сын!

Сталкер отстреливал напирających тварей короткими очередями.

Он чувствовал, как спектакль из жанра развлекательного, перетекал в драму.

А ходаков ничуть не убавилось. Булату удалось прибить около пятидесяти-пятидесяти пяти, но сволочи пробивались из под снега, словно грибы после дождя, всё множась и множась.

— Крюк! — кричал он, добегая до группы. — Их слишком много, я их не вывезу!

Простым автоматчикам тоже приходилось несладко. Вооруженные калашами, Ильин, Шувер, Косой, Миша и Саша гасили ходаков автоматами, а Крюк, Даня и Ожог разряжали дробь в особо наглых, приблизившихся вплотную.

— Где Крастер с остальными? — матерился Шувер, пробивая прикладом голову очередного ходока, выраженного во все женское. — Мы долго так не продержимся!

Крюк, закусив губу, осадил ещё троих ублюдков со старого-доброго «БАЙКАЛА МР 153».

— Выкуси, урод! — гаркнул он и поймал еще одного. — На!

Бах! Бах!

Пустовье наполнилась жизнью. И запахом смерти...

— Булат, приём! — раздалось из рации. На фоне звенящих очередей, было тяжело разобрать хоть что-то.

Сталкер выхватил рацию, держа опустил пулемет и выхватил ПМ.

— Нас тоже прижали! — пыхтел голос на той стороне, пытаясь переорать крики и автоматные выстрелы. — У нас тут лешие! И ходаков не всратья просто!

Булат выругался, сплюнул. На лице вспучились красные, пульсирующие вены.

— Мы отходим к колхозному гаражу, на северо-востоке! Он вдали ото всех домов, увидишь!

Булат вспомнил строения, смутные очертания которых видел по приезду.

— Понял! Держись, Крастер!

В рации не ответили — она захлебнулась в криках и нескончаемой стрельбе.

— Всем быстро к гаражу! — он ткнул на большой ангар, стоящий вдалеке от остальных домов. Благо, отсюда, до него было несложно добраться. Они прорывались сквозь тварей, решетили их свинцом, били прикладами, прокладывая себе путь. Булат осаждал толпы пулеметом, дробовики не подпускали уродов ближе, автоматы стрекотали, не останавливаясь. Ситуация все больше походила на кошмарный сон, воплощенный в жизнь.

Даня старался глубже дышать, успокаивая kloкочущее сердце, Саша лил слезы и, стараясь не попасть по своим, лупил автоматом в разные стороны, Миша дергался, не мог толком прицелиться, но стрелял, помогая товарищам.

Ветер раздувал снег все сильнее, закручивая его в страстном танце. Скоро поднялась такая метель, что дальше пяти-шести метров ничего не было видно.

— Крюк, сзади! Сзади!

Сталкер обернулся, успел пробить мозги появившемуся из-за снежной пыли монстру.

— Где этот чертов гараж? — кричал Ильин, прикрывшись руками от режущего лицо снега. — Сколько здесь ещё тварей?

— Мать вашу! — орал Булат, чья тень еле виднелась где-то впереди. — Получите!

В снегу заблестели десятки пулеметных вспышек.

— Мама! Мамочка! — визжал Саша, увидев лицо ходака вплотную. — А-а-а!

Вовремя подоспел Даня, разрядив в уродца дробью. Тот взвизгнул, растворившись во вьюге.

Наконец, впереди показались очертания гаража, проглядывающие сквозь снежную насыпь. Рядом послышались автоматные очереди и отборные русские маты.

— Быстро! Быстро в ангар!

— Крастер! — гаркнул изо всех сил Булат. — Мы здесь!

Вьюга разразилась нешуточная.

— Где? А, чёрт, Булат, я нихрена не вижу!

Где-то рядом раздался сдавленный крик, а за ним хруст костей.

— Урод! — зарокотал автомат. — Диса! Диса, ты жив?

— Оставь его! — гаркнул другой голос. — Пошли, идиот, пошли в гараж!

Снова рокот орудий, глушимый вьюгой.

Даня слезящимися глазами взглянул сквозь снежный покров. Прочертились и ворота колхоза. Булат вместе с остальными мужиками встали за юнцов, приказывая последним бежать внутрь. Они сомкнулись полукольцом и держали оборону. Твари выскакивали из снега, мелькали то тут, то там. Патроны брызгами тонули в снегу, под визг умирающих тварей. Позади раздался рык РПК Крастера.

— Булат, ко мне! Оставшиеся — закрыть ворота! Мы вас прикроем!

Крюк, Ожог, Шувер и Ильин разбились по двое и налегли на створки, пока пулеметчики травили мразей свинцом. Косые, сгнившие ворота, нехотя поползли по снегу.

— Уходим, уходим! — заорал Булат, видя как ворота закрываются.

Крастер, несмотря на свои не самые маленькие габариты, свесил пулемет и быстро помчался вслед за бугаем. Как некстати, за ними увязался ходак, почти нырнувший внутрь зернохранилища. Ворота скрипнули, тварь наполовину протиснулась.

— Получи, сука! — рывкнул Крастер.

Череп мрази лопнул, вспенившись сгнившими мозгами. Все позволили себе несколько секунд отдыху.

— Крастер, — кряхтел Булат, глядя во тьму, — сколько вас?

Сталкер закашлялся, сплюнул, зажёл налобный фонарик. Блѣклое пятнышко света забегало по тѣмным уголкам ангара.

— Девять... Зябла сожрала.

— Восемь, — прошипел кто-то из темноты. — Денчика тоже...

Крастер выматерился.

Тьму разбило ещё несколько фонариков, хороводом расплывшимся по тьме. Все огляделись.

Гараж внутри был полупуст. Где-попало были разбросаны деревянные коробки, железные, рухнувшие с потолка, конструкции. По углам виднелись насыпи зерна, видимо, давно промерзшего и прогнившего. Недалеко в углу ютился старый-добрый трактор «Беларус», грустно взирающий на людей разбитым лобовым стеклом. На его морду насадили паллетные вилы, которые за долгие годы успели проржаветь и покрыться приличным слоем пыли. Два больших, широких проема на стенах пропускали тусклый свет в эту обитель мрака. В общем-то говоря, гараж был не таким уж и большим, как показалось многим сначала. Всего тридцать метров в длину и пятнадцать в ширину.

За воротами было тихо, только ветер зло насвистывал и скрипел гнилыми досками.

— Отойти всем дальше, сделать себе укрытия и ждать! — рявкнул Крастер, перезаряжая пулемет. — Кто знает, что будет дальше...

Все послушались приказа, разворошили коробки, подтащили металлические блоки и прочий хлам, соорудив небольшие укрытия. Крастер сел за вентиляционным каркасом, установив на него РПК.

— Ты пробовал связаться с другими? — крикнул Крюк, не отводя мушки с двери.

— Пробовал, — ответил Крастер, — но нихрена. Видимо, у них тоже весело.

— Твою мать, — ругнулся Ильин, — и что нам теперь делать?

— Ждать, — процедил Булат, что сидел с противоположной от командира четвертого, стороне, — Что нам еще остается.

— И где эти суки? — спросил Ожог, — Только лезла куча...

Как назло, после этих слов в дверь что-то врезалось. Гнилые доски зашатались, бешеными ударами их стало выламывать. Отвалилась одна, вторая, третья... Из расщелин выглянули кривые руки, обезображенные морды, тела ходоков и леших.

— Стреляй по головам! — крикнул Крюк автоматчикам, — Будут ближе, мы встретим!

Ра-та-та-та! Пули резали ворота, добивали еле держащиеся доски, вскрывали лица тварям, отчего те дергались, остатками дерева вскрывая себе глотки. Несмотря на то, что рокот и галдеж оружия не утихал, монстров меньше не становилось. Щелей все больше, твари ползли свободней. Некоторые не обращали внимания на свинец.

— Твою мать, лешие!

Саша, услышав это слово и вспомнив, на что они способны, взвизгнул.

— Не ной, — буркнул Миша, проглатывая выскакивающее сердце, — Выживем, обязательно...

Даня стрелял из калаша, пока в том еще были патроны. Дробовик он свесил, до поры, до времени. Попадать становилось все труднее. Руки устало дрожали, его трясло, пот пробивал все больше и больше. Он думал, что это его последний день. Что какая-нибудь тварь вынырнет и вцепится ему в горло. Но видя разрыдавшегося Сашу, схватившего лихорадку Мишу, и трепещущие взгляды старших, он понимал, что боится не один. Никто не хотел умирать.

«Егерь мне не поможет, — думал он, — Нет тут таких смельчаков. Пока, даже несмотря на весь ужас, я могу только одно — стрелять...»

Последний рубеж обороны провал особо причудливый леший. Выпученные, почти вываливающиеся из орбит рыбы глаза, пухлые щеки, уродливое лицо и очень сильные, не свойственные карликовому телу, руки. Он выдрал последние доски, не дающие прохода, ринулся вперед, несмотря на вспоровшие брюхо, остатки ворот. словно пес, он на четвереньках мчался к Дане, ловко подпрыгивая на брошенном металле. Минувя десятки пуль, он оторвался от земли. Даня не успел отклониться. Леший вцепился ему в плечи, пробив толстую шубу. Даня рухнул на пол, выронил автомат, успев лишь выставить руки. Леший зарычал, вытаращив острые зубы, разбрызгивая противные зеленые слюни ему по щеке.

Когти прошли глубже, Даня простонал. Смерть была совсем рядом. Дышала ему в лицо. Он попытался выхватить дробовик но не смог — руку свело нестерпимой судорогой.

Тварь уже почти вцепилась ему в горло, как вдруг, что-то мелькнуло над ее головой. Удар приклада. Леший пошатнулся, рухнул наземь. Рокот автомата был так близко, что еще чуть-чуть и пули бы попали в пострадавшего.

— Получи! Получи! По-лу-чи!

Саша остервенело топтал тушу лешего, от головы которого, осталось только название. Вместо нее багровело темно-красное, слизистое пятно. Саша оглянулся, тут же поднял Даню.

— Спасибо, Саш, — выдохнул он, стискивая зубы, от боли в плечах, — Спасибо...

Даня оглянулся. У испещренных ворот расстелился ковер из трупов, еще дергающихся в предсмертных конвульсиях. Из щелей ворот пробивался свет.

Больше ходоков или леших не было. Совсем.

Все сбито дышали, подрагивали и не смели опускать ружий. Одну, две, три минуты все стояли недвижимо. Было тихо.

— У-ух, — выдохнул Крюк, смотря на распластавшуюся тушу ходока-фермера, — Вроде все.

Солдаты неуверенно опускали стволы. Последними успокоились Булат с Крастером.

— Наконец-то, — Ильин выматерился, — Наконец-то... Он тут же закурил.

Еще несколько последовали его примеру.

— Эй, молодняк, вы как? — Крюк обернулся к пацанам.

Все дрожали, пытались схватить побольше воздуха, что-то тихо бормотали.

— Понятно... Даня, ты жив?

Парень, неустанно утираясь от остаток слюней лешего, кивнул.

— Да... Сашка спас.

— Хе, — фальшиво хохотнул Крюк, — А ты не только ныть умеешь.

Саша отвернулся и хныкнул.

— Ладно, хорош пререкайся, — сказал Булат, — Патроны у меня почти вышли, один короб остался. Ты как?

— Я тоже почти пустой, — ответил Крастер, — Так что, парни, теперь вы нас кроете.

— Я вообще нема, — сказал Жгут, вышагивая из тьмы, демонстративно потряхивая автоматом.

— Я тоже, — поддержал Хабба.

В ходе недолгой переклички выяснилось, что все либо пустые, либо почти пустые.

— Мать вашу, — кряхтел Леня Паровоз, — Это вообще не дело. Надо вырывать отсюда, к остальным группам.

— Верно, — поддержал Хлеборез, — Надо сматывать. У меня такое чувство, щас еще партейка полезет. Да и вроде вьюга потише.

И правда, снаружи вьюга стихала, словно оглашая окончание битвы.

— Так, хорошо. Значит щас аккуратно выходим по несколько человек. Пока одни выходят, другие — прикрывают снаружи и наоборот. Все, пошли.

Аккуратно, словно боясь прервать устоявшуюся тишину, обе группы зашагали к воротам. Хрустели кости мертвых ходоков и леших, ботинки стучали по лужам крови и слизи. Первыми приблизились Жгут, Хлеборез и Леня Паровоз. Среди них затесался и Сашка, едва не сблевавший, от кучи трупов и отвратительного запаха тухлых яиц. Он оторвался от Миши с Даней почти сразу, сказав, что больше не может терпеть этого места и хочет быстрее наружу.

Все они навалились, чуть приоткрыли одну дверь ворот. Свет проник внутрь, осветил уставшие, вспотевшие лица сталкеров. Едва первые из них успели сделать шаг, как вдруг землю тряхнуло. Еще раз. Еще.

Все быстро переглянулись, чуть попятились. Тонкую белую струю, затмила тень, пожирающая все отблески света, бегущих из щелей меж досок.

Сталкеры застыли, было слышно лишь тяжелые вздохи. Булат, дрожащими руками схватил пулемет.

За воротами раздалось спертое, прерывистое дыхание, схожее с медвежьим рыком. Еще тяжелый шаг, пошатнувший ворота.

Даня, чувствуя как холодный пот пробивает его в очередной раз, несмотря на животный страх, посмотрел наверх. Оттуда, из развороченных досок, глядел огромный, размером с яблоко, ядовито оранжевый, глаз. Существо за воротами медленно осмотрело испуганных букашек, трусливо пятившихся назад. Его взгляд остановился на трясущемся, словно зяблике, пареньке, из глаз которого лились слезы.

Саша, почувствовав как в животе пустеет, а сердце прячется в пятки, задрожал пуще прежнего, побледнел. Он аккуратно, очень медленно обернулся, посмотрел на остальных и дрожащими губами спросил:

— Это... Это... Йе... Йети?

Что-то с треском вырвало ворота.

1

— Как успехи? — спросил Егерь, проходясь по раздавленной голове ходака.

— Бесполезно, — ответил Веркес. — Помехи, нихрена не разобрать.

Дорога была устлана трупами ходаков, леших и волков, прибежавших из леса на запах крови. Ветер свистел, мороза спины, пускал в глаза снег, замыливая взгляды.

— Что с остальными?

Веркес пожал плечами. Ничего. О группах Корсара, Граля, Булата или Крастера не было известно ровным счетом ничего. Все будто утопи в снегу.

Егерь вздохнул, присел на крыльцо дома, закурил. Взвились серые облачка дыма, быстро растворившиеся в пурге.

— Итак, что мы имеем: ни с командованием, ни с остальными группами мы связаться не можем, хрен пойми из-за чего. Потерь у нет, но патронов растеряли знатно, так что не факт, отобьём ли следующую партию ублюдков или нет. Вьюга такая сильная, что дальше десяти метров нихрена не видно. Верно, Веркес?

Сталкер переменулся с ноги на ногу, потер разодранный на плече рукав куртки, откуда ещё немного сочилась кровь, и, нехотя, кивнул.

Егерь сплюнул и затянулся никотином снова.

— А значит, у нас вариантов немного. Либо идти сквозь пургу и отыскивать другие группы, рискуя собственной шкурой, либо сидеть и ждать у моря погоды. Что думаешь по этому поводу?

— Понятия не имею, Егерь, — честно признался сталкер, отряхивая густую бороду от снега. — Возвращаться без остальных — точно не вариант.

Перевозчик недовольно хмыкнул.

Вдруг из-за угла выскочил чёрный силуэт, скалясь белыми зубами. Веркес рефлекторно схватился за автомат, но существо уже шмыгнуло мимо него и оказалось возле кавказца. Это был Зевс. В зубах держал голову, содранную с очередного ходака. Довольно мерзкую: впалые щеки, побледневшая, рассеченная морщинами кожа, пустые и безразличные поблёкшие глаза. По зубам полуволка медленно стекала кровь поверженного противника.

— Зевс, фу, — спокойно сказал Егерь, легонько треснув питомцу по голове. — Сказал же, не таскать всякую срань.

— А зря, — раздался знакомый голос. — Кто ж знал, что эта собачонка такая умная!

Егерь тут же поднялся, насторожился. Веркес тоже.

— Ой-ой-ой! Боюсь-боюсь!

Из-за плотной снежной стены вынырнул Корсар, ехидно оскалившись зубами. Через напыленную шапку пробивались локоны тонких волос, а густая щетина порядком покрылась инеем. Щека пестрила ручейками запекшейся на холоде крови. На плече сталкер держал массивный пулемет Калашникова.

— Твою ж дивизию! — гаркнул Веркес. — Мы тебя уже похоронили!

Корсар фальшиво рассмеялся, воткнул пулемет в снег.

— Ну-ну! Не дождётесь.

— Сколько потеряли? — спросил Егерь. — Удалось связаться с остальными группами? Твари ещё есть?

Сталкер не торопясь подошел к крыльцу, положил пулемет рядом. Съёжился, чувствуя, как холод пробирается под шубу. Ухмылка медленно сползла с его лица.

— У нас минус два — Чибис и Руппер. За Граля с остальными не знаю, сами еле до вас добрались. Твари... Лешие, ходаки, даже волки, чтоб их, — сталкер пнул в морду лежащее животное, со вскрытым черепом. — Еле отбились.

— Где остальные?

— Где и ваши. Сидят за углом, от жизни охреневают, — Корсар закурил, посмотрел вокруг.

— Веркес, шагай к остальным, — приказал Егерь, — продолжай попытки связаться со штабом. Понял?

— Так точно, — сухо ответил сталкер и понуро зашагал прочь.

В небе каркало воронье. Небольшими стайками они пробивались сквозь пургу, летя куда-то к северной части Пустовья.

— Дурной знак, — сказал перевозчик, смотря на особо здорового ворона, который горделиво взирал вдаль. — Очень дурной.

— Что делать будем? — Корсар теребил полуволок за ухом, дожидаясь пока тому это надоест и он недовольно зарычит. Почему-то сталкеру нравилось выводить пса. Но пока Зевс только довольно ёрзал по снегу.

— Ждать. По крайней мере, пока метель не спадет. Но предчувствие у меня поганое, Корс. Очень поганое.

Егерь отряхнул навалившийся на шубу снег, поправил АКСУ на плече. Полуволок выскочил из-под рук Корсара, хвостом примкнул к хозяину.

— Да и у меня не лучше, — после недолгого молчания ответил сталкер, поглаживая рассеченную щеку. — Дерьмовая идея была сюда идти. Послушал этого придурка Граля, чтоб ему пусто было! Теперь нас Беркут всех повесит...

— Не похоже на тебя, Корсар, — отметил Егерь, глядя на хмурое лицо сталкера, — где прошлый азарт?

— Зато ты подозрительно спокоен, — парировал сталкер, — Будто всё идет по плану, как в той песне.

Егерь вздохнул, почувствовал как быстро бьётся сердце. Как на лбу проступает пот. Как руки слегка подрагивают.

— Сейчас бесполезно нервничать, сам знаешь. Пойдем к остальным, надо подготовиться, до того как метель утихнет. Я твою группу на своем горбу не потащу.

Корсар выкинул окурок прочь, сплюнул. Секунду помедлил, засмотревшись на то, как красиво кружат снежинки, танцую в бешеном ритме зимней пурги. Затем встал, отряхнулся, взял пулемет.

— Ненавижу ждать...

2

Он видел. Как ворота, словно картон, гнутся и сминаются в гармошку. Как ставни вылетают за ними. Как они рушатся, хлопком падая на землю. Как человеческие тела трещат под их весом, словно хворост. Слышал хруст. Противный хруст десятка человеческих костей. Видел, как кровь небольшими сгустками вылетает из их тел. Видел стекленеющие глаза, раскрытые от ужаса рты, испуганные лица. Видел, как раздавило Сашу, Лёню, Жгута. Как Репе — небольшому мужичку с детским лицом, раздавило ногу одной из балок. Она вонзилась прямо в кость острым обломком. Тот даже не пискнул.

Он с ужасом смотрел, как огромное существо с интересом разглядывало букашек внутри.

Оно было покрыто белой, длинной, вьющейся шерстью. Длинное, одутловатое тело, обезображенное тысячами шрамов, ссадинами и волдырями лицо, которые глубоко проникали в бледную кожу, а пестрящие кислотно-оранжевым цветом глаза смотрели прямо в душу. Существо потирало огромную, ниспадающую до пуза белую, как снег, бороду, здоровой, толстой лапой. На этих бревнах, по ошибке названных руками, красовались желтые, крючковатые когти. В одной из рук существо держало вырванную под корень сосну, ветки которой обломало после удара. Монстр был усыпан снегом с ног до головы. Он зыркал туда-сюда, явно подумывая над следующим ходом.

— Эй, — шепнул Миша, глядя на умирающего Сашу, что плевался кровью. — Что... Это?

Существо чуть сгорбилось, вытянуло голову, заглянув внутрь.

— Хе-а! — взревело оно и ударило по остаткам ворот.

Они хрустнули, после ещё раз. Затем ещё. Бедолаги под ними превратились в кашу.

— Назад! — рявкнул что есть мочи Крастер. — Назад!

Крик сталкера вырвал всех из оцепенения, оставшиеся забежали вглубь гаража. Во тьму. Йети же, вдоволь настучав своей дубиной по разрушенным воротам, криво оскалился, зарычал.

— Твою мать, твою мать, Жека! — лепетал Ильин, глядя как бедный Репа застыл в ужасе. Он испуганно приоткрыл рот, что-то шептал себе под нос, глядя на монстра впереди.

Йети вытянул огромную лапу, нащупал тело сталкера. Тот дико взвизгнул, словно мышь, пойманная котом. Монстр ловким движением когтистых пухлых пальцев вытащил Репу из-под завала, легонько сжал в ладони. Тот как раз в неё умещался.

— Э...Эй! Хватит, не надо! Пожалуйста! Нет! Отпусти, молю! — визжал сталкер. — Господи, господи, спаси!

Вдруг сталкер закричал, заплевал кровью. Тварь изобразила подобие хищной улыбки. Сжала кулак сильней. Сталкер задержался в предсмертной конвульсии.

— Эу... Кх! А...

Через миг тело несчастного оказалось в пасти чудовища. Йети отодрал половину тела Репы, быстро прожевал, сверкая желтыми зубами.

— Нет! — зарокотал автомат Ильина. — Ублюдок!

— Идиот! — одернул товарища Крюк. — И так патронов нет, куда ты, мать твою стреляешь?

— Но... Жека...

— Отставить ныть! — гаркнул Булат. — Выжившим не стрелять! Может уйдет...

Бугай, не веря в собственные слова, вскинул пулемет. Тварь, будто чувствуя человеческий страх, выкинула остатки сталкера на снег, размахнулась и ударила сосновым стволом прямо в стену гаража. Здание заметно трянуло, кирпичи со свистом вылетели внутрь, едва не задев сталкеров.

— Нет, чтоб вас! — взревел Ильин. — Не уйдет!

— Что ты как баба! — осадил его Крюк, нервно дергая бороду. — Успокойся!

Тварь ударила ещё раз, обломав последние кирпичи.

Булат вдохнул. Набрал побольше воздуха. Посмотрел на Крюка, Крастера, остальных.

— Быстро разбиться по разным сторонам! Отвлекаем ублюдка!

Остатки сталкеров разбежались по гаражу, попутно постреливая в монстра.

Йети, после очередного удара, наконец, смог войти. Сгорбившись, но смог. Коротышки разбежались по сторонам и застреляли из своих игрушек. Пули проходили в шерсть монстра, и оседали в ней, а он, чувствуя лишь слабую щекотку, нагнул ещё больше — лупил по стенам, разворачивал остатки крыши, пытался попасть по жалким букашкам, шныряющими под ногами.

— Нихера! — орал с другой стороны Крастер, решетя ублюдка из пулемета. — Он даже не чувствует!

Тварь отвлеклась, увидела перебегающего через горы хлама Крюка, кинула в него обильную охапку кирпичей.

— Крюк!

Россыпь камней разнеслась по гаражу, утопая во тьме.

— Жив я! — раздалось недовольное мычание. — Эк, саданул, сучара!

Булат сплюнул, принялся отвлекать на свою сторону. Даня тоже старался помогать, но патронов в калаше критически не хватало, а подбираться к Йети ближе — самоубийство. Поэтому он неуверенно пускал по несколько патронов, стараясь попасть в глаз. Сердце норвило выскочить из груди, пот бил всё сильнее.

«Вот каково, — думал он, — вот каково доохнуть в таком дерьме...»

— Ты что удумал? — крикнул Ожог, уклоняясь от града кирпичей. — Крюк!

Экающий и матерящийся себе под нос сталкер смог добраться до старого трактора, скалящегося паллетными вилами.

— Мать вашу, отвлекайте этого урода! — орал Крюк, нервно дергая тракторную дверь. — Дайте мне несколько минут!

— Что он... — Булат осекся, видя как монстр почти выбил одну из стен. — Ладно! Действуй!

Йети сдирал кирпичи, словно они были детским конструктором, метал их туда-сюда, яростно выл.

— Миша! Миша! — гаркнул Ожог, видя, как сосновый ствол падает на мальчика. Он быстрым движением оттолкнул паренька в сторону. Бам! В полу образовалась здоровенная вмятина, а в ней — раздавленный сталкер.

Миша поднялся, огляделся, тут же дал деру.

— В рожу, садани ему! — ворчал Булат. — Крастер, в морду!

— Стараюсь! — слышалось на другой стороне, — Он, сучара, плечом прикрывается!

Затараторил пулемет. Йети прикрывался плечом, забыв про нападающего с другой стороны.

— Получи, выродок!

Щёлк. Щёлк.

Вышли патроны. Булат выматерился.

— В глаза стреляйте! — взвыл бугай от безнадежности. — В глаза!

Десяток автоматов зарокотал. Стакеры стреляли, дрожащими руками целились в морду. Большинство не попало, но несколько вонзились прямо в цель.

Йети взвыл и саданул сосной по полу. Крастер не успел уйти. Пулеметный рокот стих.

— Ах ты, чертова тварь! — крикнул Шувер, пустив остатки патронов по монстру.

Бам! Бам!

— Идиот, — прошипел Булат, не успев остановить сталкера.

Йети скорчился, отшатнулся назад, разбив головой проем ворот. Бетонное перекрытие с грохотом обрушилось на землю.

— Уделали? — спросил Ильин, с надеждой глядя, как тварь заваливается под собственным весом.

Йети выл, царапал лицо, колотил руками по снегу.

— Добиваем! — выпуская остатки страха крикнул Булат. — Давай!

Автоматная трель стихла. Выжившие недоуменно смотрели на ружья, глухо прожимали курки.

— Мы все пустые, — сокрушался Ильин, демонстративно бросив калаш на пол. — Совсем...

Булат огляделся. Изодранные, будто из бумаги, стены. Пыль, раздражающая легкие. Раздавленные, превращенные в фарш трупы товарищей. Его широкая челюсть слегка задрожала, он зло заскрипел зубами. На высоком лбу вспучились вены. От бессилия вскинул пулемет. Прицелился. Прожал курок. Ничего.

Вдруг бугай увидел, как к упавшему телу монстра мчится силуэт. Быстро, умело минуя разбросанные препятствия. На свету блестели волосы. Цвета пепла.

— Салага, — гаркнул сталкер, — ты что творишь?!

Но Даня был далеко. Он держал в руках дробовик. Ловко перепрыгивая через кирпичи, куски от ворот, он неминуемо приближался к монстру. Сердце бешено стучалось, к лицу прилила кровь, пот шел ручьями. Не получалось держать дыхание.

«Осталось чуть-чуть, — думал он. — Всего пара разрядов в глаза. И тогда конец».

Наконец, достиг ревушей от боли твари. Йети дрыгался, расцарапывал морду.

— Глаза терять больно, — фальшиво хихикнул сорванным голосом пепельноволосый. — Знаю.

Он быстро прицелился, навелся.

Йети оскалился желтыми зубами. Из пробитого глаза обильно текла кровь. Вблизи, морда выродка казалось еще отвратней. Обрюзгшая, испещренная морщинами и гнойными волдырями кожа, о носе напоминали две глубокие дыры в центре мерзкого лица.

Выстрел!

Даже лишенный зрения, йети ловко схватил Даню в кулак, слегка приподнявшись. Дробовик выскочил из рук.

— Ему надо помочь! Булат! У тебя же остались патроны? Остались ведь?!

— Нет, Миш, — вздохнул амбал, — я пустой.

По белой шерсти ползли обильные ручейки крови. Тварь зло хрипела.

Даня чувствовал холод. Не тот, что пускал под шубу ветер. Это костлявая старуха бродила где-то рядом.

Даня почувствовал как его тело сжимают огромные, холодные пальцы. Почувствовал, как ноги отрываются от земли. Увидел, как челюсть монстра медленно раскрывается, выпячивая наружу усеянным язвами язык. Увидел остатки сталкерской куртки на огромных коренных зубах...

И услышал рёв мотора.

Трактор на полной скорости влетел в тварь, пробив ему брюхо паллетными вилами.

— Эк, ублюдище! — матерился Крюк. — Получи, скотина!

Монстр слегка сжал кулак. Даня поперхнулся, почувствовал как хрустят кости. Из носа тонкой струйкой брызнула кровь. Хватка твари стала слабеть, пальцы разгибаться. Йети что-

то прорычал, затем нелепо отшатнулся назад. Бух! Раздался мощный грохот, слегка сотрясший землю.

— Это что еще было? — Миша сорвался с места, не желая ждать остальных, выбежал наружу. Осмотрелся. На снегу распласталась огромная туша великана, из брюха которого торчали палетные вилы того самого Беларуса, что таился в углу гаража. Его колеса, подгоняемые мотором, всё ещё крутились. По белой шерсти монстра растекалась кровь.

Невдалеке стоял Крюк, пытающийся вытащить из сугроба обмякшее тело Дани.

— Эк, не посмей мне тут помереть, — ворчал сталкер, поднимая тело салаги, — я что, просто так эту сракотань так долго заводил?

Булат не стал медлить. Приказал быстро пересчитать потери, поменять оружие.

Потеряли многих. Слишком многих. Саша, Лёня, Хлеборез, Ожог, Крастер. Вынимать тела из-под многочисленных завалов кирпичей не позволяло время.

— Булат, у тебя сердце есть? — вопрошал Ильин, смотря на то, как бугай цинично и холодно отбирает снаряжение у ещё недавно живых товарищей.

— А у тебя мозги есть? — зло ответил Булат. — Времени на слезы нет. Повторяю: мы их не похороним. Забираем снарягу и валим отсюда.

— Ублюдок, — прошипел Ильин, — бес...

— Заткнись. Забирай калаша. Хабба, подсоби. Косой, Ваня, Колян, быстро разберите оружие из-под ворот.

Нехотя, сталкеры забрали остатки огнестрела. Мёртвым всё равно ни к чему. Но, несмотря на обновленное снаряжение, патронов все равно не хватало, как и людей. Из двадцати человек, осталось всего девять. Жутко напуганных, измотанных и раненных.

Пурга чуть утихла. Впереди виднелись очертания домов.

— Ну, как, жив? — спросил Миша, дергая Даню за плечо. — Эй!

Голова пепельноволосого гудела. словно её взяли в тиски и медленно сдавливали. Жутко болел живот, от каждого движения бросало в судорогу. Взгляд замыленный, туманный.

— Крюк, — крикнул Булат, — уходим!

Сталкер утвердительно кивнул, помог Дани подняться.

— Ну и... здоровенная сука, — ухватившись за живот, кряхтел пепельноволосый, — он точно сдох?

— Точно-точно, — Крюк взял его под руки, дробовик свесил на спину. — Его насквозь вилами от тракторишки пробило, а ты его ещё ослепил перед этим.

Даня, тяжело наступая на ноги, посмотрел на тушу великана. Монстр лежал неподвижно, только ветер раздувал клочья белой шерсти на его теле. Хотя, казалось, что тварь вот-вот встанет и довершит начатое.

— Действуем по-старому! — огласил Булат, когда остатки группы столпились вокруг поверженного великана. — Идём в начало деревни, не задерживаемся.

Он тяжело вздохнул, посмотрев на развороченные ворота гаража.

— Простите, мужики. Не сможем вас даже похоронить по-человечески...

Снег неприятно щекотал лицо, обжигая щеки. Где-то впереди, виднелись косые силуэты домиков.

3

— Сколько?! — переспросил Корсар, потирая рассечённую щеку. — Девять?!

— Да, — буркнул Булат, — девять. Большинство прибил йети, остальных сожрали

ходаки да лешие.

Корсар сплюнул, уселся на развалившуюся лестницу домика. Лицо его не выражало ничего, кроме печали. Закурил.

— Да каким образом ты допустил такие потери? — сказал он после долгого молчания. — Семь здоровых лбов легло! Я уж не говорю о сопляках, которые при виде вспоротой тушки волка бегут блевать дальше, чем видят, не учитываю безрассудство Крастера, который решил подохнуть смертью героя-защитника, бросив остальных.

Булат слушал, не перебивал. Он до сих пор не мог восстановить дыхание. Глотку рвало от морозного воздуха, ползущего внутрь.

— Ты там не был, Корс, — вступился Крюк, что сидел рядом с бугаем, — так что не смей отчитывать нас, как детей.

Корсар треснул кулаком по доске лестницы, да так, что та треснула и провалилась внутрь порога.

— Беркуту также скажешь, умник? — прошипел он. — Четверть общей группы полегла, увязнув в какой-то сраной деревеньке. Прекрасный рейд, чтоб его! А ведь мы рассчитывали выйти сухими из воды.

— А не твоя ли это была идея, а? — Булат зашлёлся кашлем. — Ты нас всех потащил в это дерьмо, да ещё как пел складно!

Корсар нахмурился, сплюнул. Выкинул сигарету, не докурив.

— Так на меня всех собак спустить хочешь? Если уж играть в крысиные бега, то идею мне подкинул Граль, который сейчас носится хрен знает где. Но не веди себя как девка, Булат. И я, и ты, и Крюк, все, мать вашу, согласились на эту авантюру. И дерьма за шиворот все получим.

— Верно, — Крюк сплел пальцы, уставил руки на колени, приняв задумчивый вид, — получим все. Но сейчас нужно хотя бы отсюда живыми выбраться.

— Что по группе Граля?

— Понятия не имею, — фыркнул Корсар, — этот ублюдок с группой ушел ближе к озеру и после заварушки связаться толком не выходит. Дерьмовое у меня предчувствие.

Никто не ответил. Повисла затяжная тишина, изредка разгоняемая слабым ветром.

В доме, на крыльце которого сидел Корсар, на большой, пожранной молью постели, отлеживался Даня. Рядом, на старенькой кресле-качалке сидел Егерь и, медленно раскачиваясь туда-сюда, курил.

— Домовой, говоришь? — перевозчик посмотрел на своего протеже. Тот скрючился от боли, боялся сделать хоть одно неверное движение, пусть раны и не были особо серьезными.

— Ага, — прокряхтел он, — знаешь, в жизни эти ублюдки гораздо страшней, чем на словах. В какой-то момент я даже поверил в безобидного дедка, который живет в избушке и зовет на чай.

Егерь вздохнул. Затарабанил пальцами по ручкам кресла.

— Оно всегда так, Дань. Одно дело слушать интересные, захватывающие рассказы старых ветеранов, думая, что уж ты-то, наверняка не будешь таким простодушным олухом и не попадешься на такие дешевые манипуляции, — Егерь качнулся на кресле, заставив его протяжно заскрипеть. — И совсем другое — быть в водовороте дерьма и не знать, доживешь ты до следующего рассвета или нет. Опыт, Дань, зарабатывается только потом и кровью, причём не так важно: твоей или товарищей, что были рядом.

— Что-то ты больно разговорчив сегодня, — отметил пепельноволосый, чуть

поворачиваясь на кровати, попутно обхватив живот руками.

— Знаешь, чем старше становится, тем больше развязывается язык, — перевозчик оглядел огрубевшие от тяжести жизни, пальцы.

— Не так уж ты и стар, — саркастично отметил Даня. — Одной рукой бошки монстрам рвать, другой — бандитам глотки резать.

Егерь качнулся на кресле, затаился никотином.

— Булат сказал, ты хорошо сражался, — перевёл тему ветеран. — Какие ощущения после боевого крещения?

Даня фыркнул.

— Паршивые. Мало того, что бóльшую часть группы растеряли, так ещё и этих идиотов... — парень тяжело вздохнул, унимая дрожь в голосе. — Прикончили.

Снова молчание. Слышно только тихий скрип стула.

— Думаешь, сможешь протянуть так всю жизнь?

— Что?

Перевозчик выбросил окурок. Переспросил:

— Сможешь всю жизнь, каждый день убивать, чтобы не быть убитым? Одной рукой резать глотки, другой — умерщвлять тварей, бегая от смерти?

Даня не ответил. Не знал, что сказать.

— Пойми, Дань, никто из нас не вечен, — серьезно сказал Егерь. — И в любой день например, как в сегодняшней, костлявая старуха может придти за тобой. И не сомневайся, она придет, рано или поздно.

— Это ты к чему? — спросил Даня, недоверчиво смотря на перевозчика. — Помирать собрался?

— Просто хотел сказать, что на месте Саши или Никиты когда-то окажусь я. Корсар. Ты.

— Ага, люди не бессмертны и всё в таком духе, — Даня, наконец подобрав удачную позу, когда ребра не сводило от жуткой боли, вздохнул. — Я знаю. Даже слишком хорошо.

«Нет, — подумал Егерь, — не знаешь. Не придаешь этому значения. Думаешь, что особенный, раз тогда и сейчас смог выжить. Ты ещё мальчишка...»

Размышления прервал крик. Кричал Корсар.

— Егерь! Ёп твою мать, быстрее сюда! Тут это... Скала! Оживает!

Пурга на улице утихла. Сталкеры (все три группы) столпились у косых ворот ограды домика и смотрели вдаль деревенской улицы, где на гладкой опушке разлилось озеро. На берегу бегали люди, что-то приглушенно кричали, убегая от огромной, неестественно выросшей в озеро, скалы. Лёд на озере трещал, земля подрагивала, будто от небольшого землетрясения. Зевс, сидящий рядом с Егерем, зло зарычал.

— Это не про эту херобору ты мне рассказывал? — спросил Корсар, наблюдая за тем как сплошной кусок камня раскалывается, обретая гуманоидные черты. — По-моему очень даже похож.

— Граль, прием! — Булат пытался связаться с последней группой. — Что у вас там происходит?!

— ...живое! Оно живое! ... не берет! Стреляй!

Маленькие силуэты людей исчезали под ударами существа, а землю ощутимо потряхивало.

— Оно, — подтвердил перевозчик, — точно оно.

— Ну так что встали?! — Корсар дал рядом стоящему сталкеру по лбу, отчего тот сразу отрезвел. — Валим!

Сталкер схватился за голову, выmaterился.

— Но... — замялся он. — А Граль?

— Хочешь им помочь? Ну так вперед! Вы как знаете, но я — сматываюсь.

— Может оно нас не заметит? — дрожащим голосом спросил Миша, видя как нечто с легкостью рвет стволы деревьев вокруг, впечатывая оставшихся страдальцев в землю.

Вдруг существо замерло, медленно повернуло огромной, выложенной из камня, головой. И медленно, оглашая каждый свой шаг лёгкой дрожью земли, направилось прямо в сторону сталкеров.

Благородных не осталось. Все быстро сорвались к машинам, обогнав даже Корсара. Егерь быстро разбудил Даню, который только-только уснул и нехотя поднимался, терпя боль в ребрах. Зевс плелся рядом и не переставал зло рычать, скалясь на чудовище, мерно бредущее к сталкерам.

— Скала? — спросил Даня, быстро оглянувшись в пути. — Вон та что ли?

— Да, — Егерь открыл дверь КРАЗа, помог пацану взобраться и сам через несколько мгновений уже заводил машину. — Камень.

— А третья гру...

— Забудь, — отрезал перевозчик, повторно прокручивая ключ, — нет больше их. Да заводись, чтоб тебя!

Машина загудела, задрожала и взревела. Егерь быстро вжал гашетку акселератора в пол. Снег из-под колес разлетелся в разные стороны.

4

В кабине ЯМАЛа было уютно. Радисты весело трепали анекдоты, пересчитывали прибыль, которую группа выручит с этого рейда, сплетничали о делах в Совете и, что скоро там намечаются значительные изменения. Аппаратура молчала.

— Ох, пиво было бы куда лучше, — хохотнул тонкий, худущий, будто солома парень, оглядывая кружку с чаем.

— Ты еще повыпендривайся, — сидящий рядом усатый пухлый коротышка сделал два глотка из стального, помятого термоса, — и так живем не впроголодь.

— Сколько можно болтать? — возмущилась Рысь, которая упорно пыталась сосредоточиться на отчетах. — То о бабах, то о тачках, то о внутривнутриполитических изменениях в структуре города, то о пиве... Языки пересохнут!

— Хо, — коротышка облизнулся, смотря на аппетитные, выпирающие из-под сиденья бедра сталкерши, — не пересохнут!

Второй радист тихо дал товарищу по голове, чтобы тот не пререкался. Как-никак, рядом, меланхолично глядя в окно, стоял Беркут. Молчал он долго, ровно столько, сколько два радиста болтали, размениваясь дешевыми сплетнями и кислыми шутками.

Вдруг аппараты, представляющие из себя квадратные коробки, усеянные разными кнопками и разноцветными огоньками, запищали. Щуплый паренек, не отвлекаясь от чая, ловко переключил пару из них, поднес кривой, старенький микрофон ближе, приложил наушник к уху.

— База слушает.

В приемнике раздались отборные маты, крики. После нескольких секунд глаза радиста стали по пять копеек и медленно поползли ко лбу.

— Дмитрий Степанович... — зашептал радист, — тут... Это...

— Что?

— Полгруппы... Перебили. И... За ними гонится какая-то огромная скала.

Беркут резко обернулся, зашагал к радисту. Второй коротышка нахмурил брови, сглотнул слюну.

Беркут быстро забрал наушник у щуплеца.

— Это Беркут. Что такое?

— Мать его, бегите! — кричали в рации. — У нас куча трупов и огромная каменюка идёт по пятам!

— Какая каменюка? — переспросил Дмитрий Степанович, сжав край стола.

— Живая! Заводите ЯМАЛ и уматывайте оттуда сейчас же! Она мнёт дома, как картон!

Беркут отбросил наушник, ударил по столу кулаком. Нервно задышал.

— Чингис, — рявкнул командир, — заводись! Живо!

Храпевший в водительском кресле сталкер подскочил и, не разобрав причины, почему окружающие такие бледные, принялся заводить болотоход.

Рысь быстро отложила бумаги, схватилась за пистолет, лежащий рядом.

— Не поможет, — буркнул Беркут, — нам теперь ничерта не поможет...

1

— Да как вы умудрились потерять столько бойцов?! Я отпустил вас, надеюсь, что вы вытащите из этой дерьмовой деревеньки хоть что-то стоящее! А в итоге? Из пятидесяти человек выжило двадцать девять! Как ты мне это объяснишь, Корсар?

Сталкер вздохнул.

— На то были причины...

— Какие? — прервал Беркут, сжимая от злости кулаки. — Какие причины могли унести двадцать с лишним бойцов? Натренированных, подготовленных и проженных жизнью бойцов.

— Мутанты, — вмешался Егерь. — Больше тысячи.

Беркут набрал воздуха в легкие, постарался спокойно выдохнуть. На его лице дрожал каждый мускул, на лбу вспучились вены, а сам он покраснел, словно помидор. После дыхательной терапии Дмитрий Степанович уселся в пустующее кресло Рыси, нахмутив брови глянул на отчеты. Глазами он пробежался по бумагам и, увидев несколько десятков перечеркнутых имен, вздохнул.

— Откуда в этом забытьё столько тварей? — голос Беркута слегка переменялся, но также отдавал металлом. — Откуда, Егерь?

Перевозчик облокотился на панорамное окно, поглядел на засыпанные снегом деревья.

— Когда мы обыскивали дома, останков жителей в них не было. Ни трупов, ни костей, ни остатков от одежды. Было совсем пусто. Тогда мы подумали, что гражданские мигрировали сразу после Взрывов, но нет. Егерь потер бороду.

— Почти все превратились в леших или ходаков.

Беркут посмотрел на сталкеров, после на отчеты.

— Хочешь сказать, пятьдесят человек не смогли отбиться от ходаков и леших? У вас были пулеметы, автоматы, куча снаряжения... И ты говоришь мне, что вы не смогли перебить сотню-другую безмозглых ходаков?

— Мы-то перебили их без особого труда, — Корсар сидел на месте одного из радистов и с интересом разглядывал разноцветные кнопки на приемнике. — Но вот группы Булата, Граля и Крастера не справились.

— Меня не интересует Булат, Граль или Крастер, — прошипел Беркут. — Вы. Вы оба проявили инициативу на вылазку в эту деревню. Вы организовывали её зачистку. И требую чёткого и ясного отчета я только с вас. Так что, мать вашу, объясните мне, откуда такие потери?! Откуда?!

Беркут треснул по столу, да так, что кружка подскочила и упала со стола вниз, расплескав чай по полу.

— Ходаков было около полутора тысяч... Как раз численность жителей Пустовья. Среди них — сотен пять леших. Мы с Корсаром отбились успешно, но Булат, Крастер и Граль не смогли, — спокойно продолжал Егерь, — всё потому, что напор тварей на их сторону был больше. Булатовская группа, помимо этого, наткнулась еще и на домового.

— Это до сих пор не объясняет всех потерь, — буркнул Беркут, — я не поверю, что из-за одних только полудохликов и одного домового вы просрали полгруппы.

— Ощутимой суеты навел йети, — как ни в чем не бывало добавил Корсар, случайно

ткнув по какой-то кнопке приемника, отчего пара огоньков переключилась на красный. — Булат сказал, эта сука прибила девять человек, или около того.

— Йети? — Беркут устало закатил глаза. — Откуда этому выродку там взяться...

— Понятия не имею, — сказал Егерь, — Сам их уже лет десять не встречал. Тем не менее, его они сумели прибить. Сейчас у нас есть проблемы похуже.

— Это из-за этой проблемы нам пришлось срывать лагерь и гнать куда подальше? — фыркнул Беркут, — Расскажи мне поподробней, что это за проблема, Егерь, больно уж интересно!

— Камушек! — заявил Корсар, щёлкнув по очередной кнопке и, решив, во чтобы то ни стало сделать все зеленые огоньки красными. — Огромный такой, живой камушек!

Егерь сухо улыбнулся, посмотрел на недоумевающего Беркута.

— Хрен знает как это отродье обозвать. Но сталкеры прозвали скальником.

— Не понимаю, чем им камушек не угодил, — Корсар пожал плечами, откинулся на спинке кресла, — как по мне — звучит!

— Это существо, — продолжил Егерь, — выглядит как живой кусок скалы. Я видел одну такую тварь лет десять назад. По ней жажнули гранатометом, но это бедняг не спасло...

— Стоять! — Беркут хлопнул по столу. — Кусок камня? Ходячий?

— И живой, — добавил Корсар.

— Эта сука дерет деревья, как солому. Передвигается пусть и медленно, но каждый шаг этого чудовища — настоящее землетрясение. Именно этот выродок и задавил группу Граля. Всех.

Наступила тишина. Беркут массировал виски, слегка прикрыв глаза. Корсар продолжал играть с аппаратурой радистов, а Егерь смотрел за легким сумеречным снегопадом.

— Так, скальник, да? Черт возьми, как вы на себя столько мразей накликали? Ходячая глыба, толпы хоذاков, йети, лешие, домовой...

— Там что-то у Булата бахнуло, — ответил Егерь, попеременно щелкая каждым пальцем на руке.

— Баллоны с газом, — Корсар качнулся на кресле, сделал легкий полуоборот. — В доме этом, где домовой сидел, была хренова туча этих взрывных штучек. А ведь они молотовыми хибарку закидали. Вот и бахнуло.

— Откуда в каком-то деревенском домике столько газовых баллонов? — справедливо заметил Беркут. — В городах их не всегда сыщешь. А здесь — целое раздолье.

— Ну так и столько мерзопакости в городах не всегда встретишь, — сказал Корсар. — Да что уж там, сколько я с ребятами Хруста не катался, столько дерьма ещё не видывал.

— Точно, — Егерь сложил руки на груди и внимательно посмотрел на Беркута. — Давно такого не было.

Беркут отложил отчеты в сторону, откинулся на кресле, сплел пальцы на груди и закрутил ими мельницу.

— Да, Егерь, давно, — после недолгих раздумий заключил он. — Что-то меняется. И меняется быстро. Это первый за последние десять лет случай, когда в рейде погибло столько бойцов.

Корсар сделал очередной поворот вокруг своей оси, потом резко схватился за стол, поняв, что от головокружения его вот-вот вырвет. Но слава Богу, всё обошлось.

— Так... — он сплотнул слюну, потряс головой. — Это, конечно, наш косяк, ошибка и все соответствующие выговоры мы справедливо понесем, согласно четырнадцатому пункту

договора «О ответственности физического лица...»

— Договор? — удивился Егерь. — С каких это пор в наёмнической структуре охотников появилась проклинаяемая тобой бюрократия, Беркут?

— Не моя инициатива, — усмехнулся командир. — Жирдяи из Совета на честном слове работать не хотят. Заключи им договор о наемнической деятельности, утверди состав и квалификацию группы, оформи страховку, на случай невыполнения заказа, назначь штрафы, согласуй с ВБКОБ-овцами да сделай ещё кругов десять по этим бумажным станциям.

— И ты согласился? — не переставал удивляться Егерь. — Да и какие к черту договоры в наше-то время?

Беркут покрутил края седых усов, качнулся на кресле.

— Многое изменилось с нашей последней встречи, — серьезно сказал он. — Теперь это не просто городок под охраной сталкеров, где могут найти приют выжившие, а целая система, со своими правилами, порядками и проклинаяемой мной бюрократической суетой. Без бумажки ты букашка, как говорил мой отец. Забавно, что это актуально даже в такое дерьмовое время, когда тебя преследуют огромные каменные валуны.

— Кстати о них, — напомнил Корсар. — С этим фуфелом надо что-то делать. Он пускай и медленный, но доползти до нашей мирной обители когда-нибудь да сможет.

— Придется созывать Совет, — вздохнул Беркут, — тормозить этих засранцев. Иначе через месяц-другой от города останется только название, а эти заживевшие свиньи и дальше будут обнимать свои гроши, лёжа в четырех метрах под землей.

— Н-да, — протянул Егерь, — изменилось и правда многое. Даже слишком. Кстати, Беркут, хотел спросить.

— О чем?

— Клинок. Откуда?

— А, ты о нём, — командир попытался отыскать блестящее лезвие на поясе, но не увидев оружия, перевел взгляд на перевозчика. — Один из одиночек нашёл, через несколько лет, после твоего исчезновения. Сказал у какого-то бандита, которого сожрали волки.

— Иронично, — холодно заметил Егерь. — Но за возврат спасибо.

Беркут молча кивнул.

— В общем так, — сказал он после недолгой паузы. — С экономическим и моральным уроном разберемся по прибытию. Пока что отсыпайтесь, завтра засветло выезжаем и едем до пятой входной.

Корсар удивленно повел бровями, присвистнул.

— А шофёры выдержат столько езды?

— Будете подменять друг друга. Всё. Ну теперь свободны. Позовите Рысь и остальных, а то дали деру, чтоб их...

Сталкеры кивнули и через несколько секунд оказались снаружи. Было чертовски холодно. Егерь сразу пошел в КРАЗ, попутно отказываясь от предложений Корсара выпить и разогреть моторы, а последний, недовольно пошагал отыскивать пропавших радистов и секретарш. Когда он, наконец, застал их в компании Булата и Крюка, что рассказывали им о своем героическом путешествии и произошедших там же ужасах, то очень рьяно отругал их за отлынивание от должностных полномочий. И пусть Булат с Крюком обматерили сталкера вплоть до четвертого колена за прерванную беседу, Корс оставался непреклонен.

— Время уже не детское, — буркнул он. — Завтра вставать спозаранку. Так что спать, шагом ма-а-арш!

Все быстро исчезли.

А затем, он, попутно опустошая фляжку с водкой и сам отправился в царство Морфея.

2

Земля грохотала. Снова.

Корсар лениво поднял голову, осмотрелся. Сегодня он уснул в КУНГе шестьдесят шестого ГАЗа, у Булата с Крюком. Правда, их здесь не было.

Он поднялся, отряхивая дубленку, поморщил лицо, чувствуя, как неприятно сводит рот.

«Видимо, вторая бутылка была лишней, — решил он, ощущая, как голову сжимает в тисках. — Где бы водички выпить?»

Снова громынуло. Сильнее.

Впрочем, Корсара это не интересовало. Он прошелся по скудному кузову, где по углам было брошено четыре понурых матраса, где-попало валялись бутылки, оставленные здесь после вчерашнего. Шатаясь то туда, то сюда, он наконец отыскал, зарытую под ворохом одежды, фляжку ледящей горло воды и жадно отпил.

Землю колыхнуло снова.

— Мать вашу, — буркнул в пустоту Корсар, — ни поспать, ни попить... Чё там приключилось?

Где-то снаружи кто-то энергично бегал, ругался, даже стрелял.

Сталкер, не торопясь опустошил фляжку, пальцами расчесал спутавшиеся волосы, уложил их назад.

Еще несколько минут он искал своего сто первого калаша и, наконец, обнаружив его под собственным матрасом, закинул оружие за спину, попутно проверив наличие патронов. Ещё несколько секунд его мучил вопрос о том, как же ствол оказался здесь, а не за сидением егерского КРАЗА, но он решил это уравнение простой мыслью: «Пьяного сталкера и чёрт боится». Затем с усилием выбил примерзшую дверь и оказался снаружи.

Было темно, хотя близился рассвет. Сквозь хмурое небо, белая луна освещала своим бледными, безжизненными лучами холодного света земную округу. Тихо, кружась в вальсе, опадали большие хлопья пушистого снега, что снижаясь, смыкались с волнами сугробов, разлившихся по сибирскому лесу.

Всю эту медитативность, спокойствие и гармонию природы рушил нарастающий грохот.

Корсар увидел как кто-то продирается сквозь машины, безумно сильно прижав автомат к груди.

Это был Миша.

Он дрожал, невротически метал взгляд то туда, то сюда, словно искал кого-то.

— Эй, салага, — окликнул впавшего в ступор пацана Корсар, — чё тут происходит?

— Там, ска-а... — парень сделал повторный вдох, прижал автомат сильнее. — Ска-альник!

— Камушек? — переспросил Корсар, внезапно помрачнев. — Сейчас?

Миша кивнул, а Корсар выматерился.

— Только про говно вспомнишь, оно тут же и приползет, — буркнул сталкер, снимая автомат с плеча, — и где это чучело плетётся?

Миша кивнул назад, туда, где стояли основные скопления машин и снегоходов, вместе с ЯМАЛом.

— А ты чё деру дал? На очко присел? — ехидно хохотнул Корсар, чувствуя как

адреналин разгоняется по крови.

— Мне Беркут сказал остальных разбудить, — оправдался Миша, — вот...

— Чёрт с тобой, — фыркнул Корсар. — Где одноглазый и его батек?

— В самом хвосте, — протараторил Миша, — там щас все собираются, тащат всё, что стреляет.

— Ага, — смекнул Корсар, — ну всё, кыш! Иди там, алкашей оставшихся буди, но чтоб потом был в первых рядах, усёк?

Миша кивнул и тут же скрылся за Шишигой. Корсар вздохнул, ведь не успел отвесить ему пинка.

Снова удар. Они чувствовались все ясней.

3

Защитное кольцо, образованное скопищем машин, скальник рвал на удивление быстро. Две машины — болотного цвета УАЗ и побледневшая Буханка в секунду оказались размазаны по снегу, точно лепешки. К счастью, сталкеров внутри не было.

— Вот же з-зараза, — процедил Беркут, смотря на то, как чудовище разворачивает его технику, — ты у меня, сучара, выхватишь!

Беркут схватил рацию и, что есть мочи гаркнул:

— Пулемётам огонь открыть!

Пулеметные гнезда, что были установлены на каждой из двадцати грузовых машин, вспыхнули трассерами. Потoki свинца норовили пробить толстые хитиново-каменные щитки, покрывающие огромное, широченное тело скальника, но тщетно. Монстр, ощутив инерционное давление тысяч пуль, рефлекторно прикрыл огромной напоминающей горный скол лапой блестящие рубином маленькие глазки. Попытки сталкеров оправдались частично: с тела каменного голема пылью разлетались сотни маленьких камушков, а поток свинца не позволял ублюдку продвигаться за кольцо — ближе к болотоходу, но даже одновременная атака двадцати с лишним пулеметных спарок была ему по боку. Так, царапины.

Кроме неустанно атакующих пулеметчиков подле скальника кружили все оставшиеся сталкеры. Около ста восьмидесяти человек вскинули автоматы, дробовики, пулеметы и пытались раздолбить крепкий панцирь чудовища.

Ра-та-та! Мощная кожа твари трещала, плевалась облачками пыли, лёд, вросший глубоко внутрь звенел, будто стекло.

Монстр одной свободной лапой рвал землю, вырывая из нее огромные куски отверделой земли, выдергивал деревья, будто сорняки и швырял куда попало. Тихий сибирский лес в одночасье взорвался трелью криков, матов, грохота и хрустом костей.

Несколько сталкеров, что толпились больно близко у голема под ногами не смогли увернуться от прилетевшего по ним ствола тополя. Большинство с жутким хрустом, придавило, а другим — насквозь пробило конечности острыми, крючковатыми ветками.

Рация шипела, плевалась, топла в многочисленных криках. Беркут, стоящий на платформе болотохода — там, где в клетках ютились и мычали проснувшиеся олени, то и дело считал потери. Один, два, четыре, семь...

Один из сталкеров схватил пулемет погибшего товарища, решил отбежать подальше и оттуда вести огонь, но не успел — россыпь камней и земли похоронила его в сугробе.

— Шувер! — зло рывкнул Булат и вскинул «Печенег». Пулеметная трель отрикошетила и утопла в снегу. Бесполезно.

Брызги свинца, чередуясь с постоянными вспышками, резали каменистый экзоскелет скальника, но люди, даже будучи далеко от голема, гибли как мухи. Дождь из земли, камней, щепок и деревьев воротил землю. Всё дрожало и кипело.

— У нас минус девять! — заверещала рация.

— Минус два!

— Минус четыре!

Беркут наблюдал, как одна пачка солдат за другой тонет в снегу.

Вдруг пулметная осада стала стихать. Дула разогрелись, вышли патроны. Рёв оружий стихал.

Скальник, почувствовав слабинку врага, на секунду замер, после расправился, отряхнул голову от каменной пыли.

Он зарыскал крошечными глазами, увидел десятки букашек вокруг, что так долго царапали его. И разошёлся.

Люди кричали, старались лавировать меж града осколков, попутно уклоняясь от тяжелых ударов лап чудовища. Земля дрожала и редела.

— Эк, скотина, — выматерился Крюк, утирая кровь с лопнувшей губы. — Ты как?

Булат потряс головой, сплюнул. Мощным ударом его с рыжебородым откинуло на несколько метров от эпицентра событий.

— Ничего... — закричал он, — сколько нас еще?

— Пока достаточно, — Крюк с психу вжался в курок РПК. — Что ты за сука такая?!

Рокот не спас ещё семь человек. Голем рвал едва прорезавшимися пальцами деревья и бил по снегу. Вдруг схватил особо здоровый, криво скрученный тополь, не без усилий вырвал его парой огромных лап и запустил в болотоход.

Беркут дрогнул.

Тополь прочертил замысловатый пируэт, но обошлось. С грохотом и шумом, он обогнул ЯМАЛ, размазав по земле пятерку новеньких снегоходов.

— Эк, чертов ублюдок! — гаркнул Крюк. — Лови лимонку, говно собачье!

Граната пролетела несколько метров и угодила голему прямо в морду. Бам! Тварь расслабила хватку, отряхнулась и решила отложить второй запуск снаряда, переведя взгляд на Крюка, Булата и на ещё два десятка других, толпившихся рядом сталкеров.

— Походу нам кирдык, — отметил Крюк и посмотрел на Булата. — Ну умирать, так с песней!

Бугай хищно оскалился, вжался в пулемет.

— Чё дрожите, мужики? — рявкнул сталкер. — Нельзя этому уродцу дать к городу пройти! Там же люди! Люди!

Стоявшие позади сталкеры подняли автоматы.

Огромная махина вырвала из земли несколько жирных кусков. В ответ пятнадцать человек забили свинцом.

Перед концом Крюк успел взглянуть на Булата. У того в глазах стояли слезы, но зрачки горели твердой решимостью.

Бам! Бам! Бам!

Вспышки, взрывы! Скальник на секунду полыхнул огнем, выронил снаряды и с жутким грохотом повалился на землю.

— Отлично, Корсар, — выдохнул Беркут. — Отлично.

Корсар закинул на плечо гранатомет, отдышался.

— Эй, полудурки, — хрипящим голосом гаркнул сталкер, — думали подохнуть так просто? А хрена вам лысого!

Крюк утёр пот с лица, опустил РПК. Остальные последовали его примеру.

— Ха-ха, — закашлялся Булат, — я то уже всё, бабушку видел.

— А я и дедушку, — добавил Крюк, — Ну вы как, мужики, живые?

Позади сталкеры облегченно выдохали, отдавали мольбы всем богам мира и рьяно матерились.

Беркут взглядывался биноклем в атакованного скальника. Его туша лежала неподвижно, но что-то не давало командиру спокойствия. Всё казалось притворством, фальшивкой, игрой.

— Ну что, Беркут, план «Б» идет в жопу, — сказал Корсар. — Так Егерю и передай.

Командир ещё раз внимательно осмотрел поверженное чудовище через бинокль, затем взял рацию и отдал приказ:

— Ближняя к твари группа, убедитесь, что она мертва.

Ближней группой никто выступать не хотел. Все рябью держались от монстра почти на едином расстоянии, ибо всех ближних голем превратил в кровавую кашу.

Но подходить никому не пришлось.

На развороченном снегу, в небольшом кратере, усыпанный сотней-другой мелких камушков и сколов, монстр шевельнулся.

Сперва слабо, неуверенно. После решительней.

— Ну нет! Нет, нет, нет! — Корсар покачал головой. — Я же саданул ему прям в бошку!

Беркут стиснул зубы, видя как чудовище восстает из собственного пепла.

Голем вдруг резко впечатался двумя лапами в снег. Землю потрянуло.

— Ладно, ладно! — затараторил Корсар. — План «Б», так план «Б»!

Беркут сплюнул, сжал кулаки.

— Егерь, прием, — сказал он в рацию, — у нас тут...

— Вижу, — холодно ответил перевозчик. — Придётся вам побыть наживкой.

Корсар высказал такие словесные обороты великого русского языка, от которых у любого интеллигента глаза бы на лоб полезли.

КРАЗ Егеря был в левом секторе защитной колонны. В кабине бледный, как смерть, сидел Ильин, готовый в любую секунду сорваться и удрать куда-нибудь глубоко в лес, подальше от всего этого сюра. Он то и дело гладил рычажок коробки передач, водил рукой у ключа, но заводиться не рисковал.

Даня стоял на крыше КРАЗа, рядом с лежащим на ней Егерем. Пацан клацал зубами то ли от холода, то ли от ужаса, внушаемого чудовищем, которое, наконец, смогло подняться.

Скальнику происходящее явно не нравилось. Он зло выпятил широкую, мощную грудь, по которой паучьими узорами разбежались тысячи больших и маленьких трещин. С его здорового тела отвалилось несколько жирных частей и теперь на их месте блестела тёмная, как смоль, кровь. Морду ему тоже расквасило нехило: широкая, большая челюсть растрескалась, а со лба то и дело падали крошки хитина и камня.

Только красные, как рубин глаза, зло искрились, в поисках обидчика.

Вдруг монстр почувствовал тонкие уколы по всему телу. Это оставшиеся сталкеры всё не унимались. Скальник издал подобие животного рыка, поднял огромные лапы, чуть приподнялся. Удар!

Близлежащий снег вспенился, землю затрясло, змеей прошли трещины. Удар!

Все стало ходить ходуном да так, что сталкеры вокруг стали падать, стоя на ровном месте. Удар!

Сейсмологи оценили бы такие удары на 4–5 баллов.

Люди в спешке ретировались, а скальник, создав локальное землетрясение, хищно взглянул на болотоход, где очень неприличные жесты показывал Корсар.

— Придурок, — буркнул Даня, вжимаясь в автомат. — Он идиот!

— Тише, — Егерь прекратил настраивать прицел мосины, глубоко вдохнул, стабилизируя диафрагму.

— Ха-ха-ха, — истерил Даня, не в силах сдерживать эмоции, — двадцать пулеметных спарок, сотня-другая оружия, шесть зарядов гранатомета... Ты думаешь остановить это чудище... простой винтовкой?

— Заткнись, — в голосе Егеря прозвучал металл, заставивший Даню умолкнуть.

В воздухе повисло противное, режущее уши напряжение. Всё окружающее стало меркнуть. Оставалось лишь ждать.

Скальник сгорбился. Выкинул лапы вперед. Подобно горилле, оперся на одну, затем на другую лапу, а ногами помогал движению. На удивление, скорость росла неизмеримо быстро. Содрогая землю, впечатывая снег, он помчался напрямик к ЯМАЛу.

— Умирать так с пивом, — Корсар достал из внутреннего кармана дубленки знакомую фляжку, отпил. — Будешь, Беркут?

— При исполнении не пью, — холодно сказал командир, наблюдая, как скальник бронепоездом прёт на них.

Корсар пожал плечами, опустошил фляжку за раз.

— Пошел ты нахер, мудень! — крикнул он горе камня, рвущейся к ним.

Егерь не отрываясь смотрел в прицел. Ждал нужного момента. Всё померкло. До нужного угла осталось совсем чуть-чуть.

Три... Два...

«Это не простая винтовка, Дань, — успел подумать Егерь перед выстрелом, — она противотанковая».

Оглушительный выстрел разорвал беспорядочный шум.

4

Блестел закат. По алеющему небу летали стаи ворон, громко галдели, изрезая темно-голубую гладь черными стрелами.

— Как думаешь, много они вынесут? — спросил небольшой крепко сбитый парень, сверху донизу окутанный в тёплую бабушкину шубу.

Второй охранник, активно греющий руки от ледящего мороза, не отвлекаясь от процесса, посмотрел на покрасневшее лицо товарища.

— Больше обычного, — наконец ответил он. — Рейд-то крупный, вона сколько техники поугащили.

— Хм, а мне вот кажется... — первый посмотрел на черные тучи ворон в небе, поправив шапку-ушанку. — Моя бабка всегда говорила, шо черное вороньё в небе не к добру. Дескать, эти пернатые чуму ведут. Так что...

— Ну и дура же твоя бабка, Гош, — засмеялся второй, оголяя свой жирный подбородок, на котором тонким слоем высypала щетина. — Всем известно, что чуму крысы приносят, а не эти каркающие мрази.

Охранник поднял небольшой камушек с земли, прикрыл глаз и начал целиться.

Совсем недалеко, на скрученной в три баранки березе, давно высохшей и сгнившей, села здоровая ворона и что-то активно ковыряла клювом.

— Сам ты дура, Петька, — буркнул Гоша, — ещё и косая наверняка.

Камень со свистом разрезал воздух, прочертил дугообразное движение и попал точно вороне в клюв. Та трепыхнулась и рухнула в снег.

— Ха! — метатель расплылся в довольной улыбке и посмотрел на Гошу. — Видал!

Сугроб, куда провалилась ворона задрожал, и птица, еле расправив крылья, кое-как вспорхнула и улетела, то и дело громко каркая. Видать, материла охранников на своем вороньем.

— Ну что, Гоша, может по ноль пять?

Жирдяй вынул из-за пазухи запотевшую стеклянную бутылку, утер покрасневшийся нос. Быстро открутил крышку и жадно сделал два глотка.

— О-о-ох, хорошо пошла! Будешь?

— Давай сюдыть, — буркнул Гоша, — всё равно делать нехрена. Когда у нас там смена кончается?

Петька задрал рукав, посмотрел в треснувшие паутиной железные часы, где одна кривая секундная стрелка, гнала не менее горбатую, минутную, вперед.

— Околя через пять минуток, — Петька поправил сорок седьмой на плече. — Там сегодня на ужин окорочки с картошкой!

Боец облизнулся и благоговейно посмотрел вдаль, туда, где догорал закат. Впереди ухабами стелилась холмистая земля, кое-где торчали сухие стволы березок и тополей, проросших меж забытых деревенских домиков, оставленных сталкерами на растерзание времени. Впереди, там где заканчивалась отсечённая от городской жизни деревенька, на северо-востоке, горели десятки маленьких огней. Там, в плотном скопище жилых домов, обустроились охотники, что жили жизнью отшельников, работая наймом.

Вдруг из лесных чащоб, теснящихся восточней пристанища охотников, выехала огромная машина, гудящая и пытящая, словно несколько танков. За ней, продирая снег, на тросах, плелись еще несколько машин.

— Это, шо такое? — удивился Петька, щуря слезящиеся от горечи водки глаза.

Гоша, закручивая заветную бутылку, всмотрелся вдаль. Несмотря на габариты, огромная машина быстро пробралась через столпы снега и через минуту-другую уже скрылась между домами охотников. За ней также шустро промчалась колонна грузовиков.

— Неужто вернулись? Что-то рано! Они, вроде как, ещё пару дней кататься должны были, — Гоша почесал затылок, озадаченно посмотрел на своего компаньона.

— Похоже на то, — жирдяй взглянул на остатки водки, что плескались на дне бутылки, грустно вздохнул и разом ее опрокинул в себя. — У-у-ух!

— Хватит жрать, придурок! Ворота открываем?

— Не-а, — охранник покачал головой, — они сейчас отстаиваться будут, как обычно. А завтра вернутся и обо всем доложут.

— Ага, — Гоша шмыгнул носом, прокашлялся, — а вот это не они случайно мчат?

И действительно, впереди, вздымая и вспенивая снег, быстро мчался УАЗИК, лавируя между огромными сугробами. Скоро послышался рёв мотора. Машина вылетела на колею и, чуть не придавив поддатую охрану, лихо развернулась боком, обрызгав пьянчуг снегом с ног до головы.

Охранники переглянулись и, не зная, что делать, принялись ждать.

— Кто такие? — крикнул Петька, нервно почесывая щетину. — До... Допуск есть?

Дверь машины отворилась и оттуда вывалилось несколько фигур. Одну охранник сразу признал. И тут же заткнулся.

— Дмитрий Степанович, — голос Петьки сменился и стал более мягким, — простите, не узнал!

Беркут, что в секунду оказался подле распяневших охранников, поморщился от запаха перегара.

— Вот на таких пьяниц и оставляй защиту города, — буркнул он, буравя каждого холодным, морозящим спины взглядом. — Почему ворота закрыты?

— Ну, — промямлил Гоша, — мы... Это, ну мы думали...

— Немедленно открыть ворота, — прошипел Беркут таким голосом, что через мгновение охранники уже исполняли приказ.

Скоро к Дмитрию Степановичу приблизились и остальные фигуры: Егерь, Даня, Корсар и Зевс. Последний, рыча, пытался порвать балоневую штанину, сорванную с трупа ходока. Как бы Егерь не пытался ругать питомца, тот никак не слушал и занимался своим делом — рычал и рвал.

— Ну так чё делать будем? — спросил Корсар, видя как охранники не могут сдернуть защелку с ржавых ворот.

Беркут пощелкал пальцами, вздохнул.

— Собираем Совет, — после недолгого молчания сказал он. — Надо прояснить очень многое.

— Ага, с тебя три шкуры там сдерут, — хмыкнул Корсар. — Что ж, могу пожелать удачи.

Беркут криво и неприятно улыбнулся.

— Ты и Егерь тоже идете.

— Это я-то там нахрена? — удивился сталкер, посмотрев на ухмыляющегося Егеря. — Я эти собрания терпеть не могу.

— Знаю, — ответил Беркут, — и помню как ты материл всех до пятого колена, включая меня, за то что на тебя свалилась вся бухгалтерия и отчеты в прошлом году.

— Ага, потому что эта су, — Корсар осекся, видя недовольный взгляд командира. — Вика заболела. А я там вообще нахер не упал! Свалили просто на кого было, мудаки.

— Тем не менее, вы оба идете со мной, — серьезно сказал Беркут. — Мне нужны точные детали происходящего в деревне. В общем, не обсуждается.

Егерь смолчал и только пожал плечами. Корсар надулся.

Наконец, ворота жутко закрипели, открывая проход в город сталкеров.

Пока старшие говорили о отчетах, собрании и предстоящем Совете, Даня смотрел вокруг. На большие, пятиметровые, бетонные толстые стены, окружающие весь просматриваемый периметр города. Видимо, только из-за них, сталкеры и гражданские могли жить, не думая о постоянных нападениях.

— Даня, — Егерь вырвал парня из раздумий, — возьми Зевса и шуруй в бар. Не смотри на меня так, тут повсюду карты и маршруты, ориентируешься, не маленький.

— А сам куда?

— На Совет. Чёрт знает, когда вернусь, — Егерь сплюнул. — Тоже терпеть не могу эту возню.

Даня пожал плечами и, с силой вырвав у Зевса несчастную штанину, быстро

прошмыгнул за ворота. Полуволок недовольно зарычал, посмотрел на хмурого Егеря и, будто почувствовав приказ, поплелся за пепельноволосым.

— Ты, — Дмитрий Степанович подозвал одного из охранников, — связь с Кобой есть?

Петька кивнул, хотя связаться он мог разве что с заместителем его заместителя.

— Свяжись со штабом, передай, что Беркут созывает Совет. Срочный.

— Какого уровня? — неуверенно промямлил сталкер, чувствуя как мурашки бегают по спине.

— Когда я говорю срочный, то это значит самый срочный, — в голосе Беркута звучал металл. — Сегодня. Как можно быстрее. Без всяких отлогательств, заверений и прочей возни. Понял?

Петька кивнул и быстро, словно испуганный кролик, вернулся на пост, что-то нервно лепеча в рацию.

— Даже не перекурить, — вздохнул Корсар.

— Это точно, — поддержал Егерь. — Ну что выдвигаемся?

Заревел двигатель, машина двинулась вперед. Скоро УАЗ скрылся за ржавыми воротами КПП, оставив двух пьяниц-охранников наедине. Они ошарашенно переглянулись.

Следом за УАЗом залетели четыре Шишиги и сразу порулили в северный район, напрямиком к врачам.

— Бред какой-то, — сказал Петька, откладывая рацию, — что-то не то...

— Чего такое?

— Совет первого уровня срочности ещё не созывали, — буркнул сталкер. — Никогда не созывали.

1

Коридор.

Стены пестрили большими, широкими полотнами картин и золотистой окантовкой узорчатых изваяний. Обволакивающий лёгким теплом, шёл свет, расходясь с многочисленных узорчатых люстр, увешанных над коридором.

В аккуратно отделанных, деревянных рамках окон почти догорал закат. Солнце, брызгаясь остатками оранжевого света, утопало за горизонтом, а тонкий серп луны, не спеша восходил на свой небесный трон. Хлопьями кружился снег, засыпая только-только расчищенные дороги города.

— Это что, товарищ Ленин? — спросил Корсар, намеренно не выговаривая букву «р». — Не знал, что эти пердуны — фанаты коммунизма.

На полотне действительно, раскинув руки, стоял первый вождь Советского союза, окруженный аплодирующей толпой пролетариата.

— А здесь Суворов, — Егерь смотрел на толпу сигающих с обледенелого утеса солдат, которых направляла твердая рука Александра Васильевича,

— В жизни они бы явно не поладили.

Беркут стоял у раскрытого окна и курил.

— Эти репродукции тащили со всех музеев, из городов в округе, — пояснил Дмитрий Степанович. — Здесь тебе и Эйнштейн, и Александр II, и Ленин с Суворовым. Даже Брежнева не забыли. Кого только не натащили. Когда будем в Зале Собраний у вас вообще челюсть отвалится. Они же как сороки, прут всё, что блестит.

— И сколько будем ждать? — вздохнул Корсар и стал бесцеремонно шариться в тумбочке под портретом Ленина.

Пошебуршив он не нашел ничего, кроме пары болтов и отсыревших тетрадных листов. Грустно присвистнул.

— Пока нас не пригласят, — Беркут сбил пепел с сигареты, выдохнул дым. — Любят они официальность.

Егерь перестал рассматривать картины, обернулся к командиру.

— А тебя не смущает, что сначала собираются они, а только потом приглашают нас? Пахнет лицемерием.

— Тут здесь им все пропитано, — буркнул Дмитрий Степанович. — Нас вообще как организацию тут многие недолюбливают. Ну и я в частности, им по яйцам прошёлся не раз.

Егерь нахмурился и посмотрел на две узорчатые дубовые двери с позолоченными ручками. Вдруг они дернулись, а из проема вынырнули две тени. Облачены неизвестные были в сплошную черную спецназовскую форму, лица были плотно прикрыты балаклавами.

Под рукой, в кобуре, торчали пистолеты, а на поясе болтались длинные дубинки, которыми обычно колотят людей, преступивших закон.

— Внутреннее бюро контроля общественной безопасности, — пояснил Беркут, отвлекаясь от окна. — Сокращенно: ВБКОБ.

— Ага, — фыркнул Корсар, впиваясь в фигуры злым взглядом. — Оборотни в погонах, чтоб их.

— Не будем сейчас. Можно идти.

Они направились вперед по коридору.

Беркута ВБКОБ-овцы пропустили сразу, а вот Корсара с Егерем тщательно обыскивали. Даже слишком.

— Ну куда! — шикнул Корсар. — Там-то я точно ничего не пронесу, куски вы...

— Шагай, — холодно сказал один из них.

«Так бы и плюнул в морду, — подумал сталкер, ступая за двери, — жаль она под маской».

Следом обыскивали Егеря и не нашли ничего, кроме пачки сигарет и зажигалки. Дальше проверять не стали.

— Проходи.

2

— Итак, господа, — здоровенный толстяк, раскинув руки на офисном кресле, которое еле-еле выдерживало его габариты, качнулся, — Совет можно считать открытым. Без лишних приветствований, поясню контекст. Дмитрий Степанович, лидер охотников, ни свет ни заря, возвращается из долгого и изнурительного рейда, а после, снова ни свет ни заря, созывает всех нас. И созывает срочно, чрезвычайно срочно. Поэтому спрошу без лишних слов: что случилось, Беркут? И вместе с этим, что даже более важно: выполнен ли заказ?

Сидели члены Совета в большом, овалообразном кабинете, большим ровно настолько, чтобы в нем, за столом, могли уместиться почти тридцать человек. Но сегодня в кабинете главной администрации города было всего десять самых влиятельных и крупных игроков в городе, тех, кто содержал в своих руках такую власть, что ни одному горожанину не снилась.

Кабинет веял шиком и блеском.

Горела тысячами огней огромная люстра, прямиком из двадцатого века, усыпанная хрусталем и золотом, с одним лишь отличием — электрическими лампами. Змеями ползли и извивались деревянные, украшенные резьбой и позолотой арки, не спеша щёлкал дрова шикарный, выложенный из белого камня камин, а на полу, под овалообразным столом из темного дуба, расстелился шёлковый турецкий ковер, на котором пустили абстрактные узоры лепестков, обнажённых женщин и лоз винограда. В изящных, очень широких шкафах, теснились книги всех веков: от Цицерона до Достоевского, от Библии до последних работ по нейробиологии. В каждом из хранилищ уместилась не одна сотня книг. Огромные часы-маятники, что стояли около камина, мерно качали маятником из стороны в сторону, отсчитывая минуту за минутой. А на фронтальной стене, прямо с огромного полотна, гордо задрав голову, взирала Елизавета II, облаченная в бархатное платье, и мерила весь этот блеск и богатство, удовлетворённым взглядом. Само собой, такая превосходная картина была замкнута в золотистую рамку и прикрыта лучшим стеклом, лишённым даже намека на царапину.

Корсар, усевшись на кресло где-то посередине, ещё долго не мог привыкнуть к мягкой, слегка пружинистой подкладке. Оглядывая залу, он то и дело придерживал челюсть.

На столе, за которым уселись все из Совета, подле каждого стояла бутылка выдержанного коньяка и аккуратный, граненый по углам, тюльпановый стакан.

«Охренеть, мать вашу, — хмурился Корсар, — мы, значит, пьём водку с самогоном, и то, если повезет, живём в халупах, работаем на износ, а эти во тебе! Картины, камин, ковры. Тьфу! Какие с них коммунисты?».

Несмотря на то, что Корсар пару раз бывал на заседаниях, сюда он попал впервые. Раньше дела обсуждали в баре. Тогда всё было гораздо уютней и проще. А теперь, когда

ремонт администрации, на которую вбухали тучу бабла был закончен, сталкер чувствовал себя как бродяга у аристократов. Впрочем, так оно и было.

Он посмотрел на рядом сидящего Егеря, затем на Беркута. Им тоже было не по себе. Перевозчик смотрел то на стакан с выпивкой, то на разжиревших советчиков.

В воздухе висела паршивая атмосфера, напряжение росло и тянулось, пахло лицемерием и напускной вежливостью. А ведь заседание только началось.

Дмитрий Степанович набрал воздуха, потёр пальцами виски. Собрался мыслями.

— Заказ выполнен, Якуб, — после недолгого молчания сказал он. — Триста оленьих голов, пять десятков волков, из них — восемь трупами.

— Недурно, — Якуб почесал густую щетину, шмыгнул носом и потянулся к выпивке. — Денюжки уже ждут. Триста двадцать пять тысяч рублей. Но это без учета вычета моих и твоих налогов, сборов и, конечно, Безвозмездных в фонд развития города.

Беркут поморщился.

— Всё как обычно, доставкой через моих людей. Но раз заказ выполнен, — Якуб поднял стакан, демонстративно понюхал и отпил. — В чём дело?

— Кажется, я догадываюсь, — сказал старичок, сидящий ровно напротив Беркута.

Его лицо избороздили десятки морщин, на длинном носу он держал аккуратные, округлые очки, что на свету электрических ламп, рассредоточенных по кабинету, блестели ярким жёлтым светом. На голове у него была обильная, кудрявая, седая шевелюра, спадающая до плеч. Но больше всего его выделяла огромная, пышная, белесая борода, как у Толстого. Внешне старичок был хорошо сложен, даже для своих лет.

— В больницы пару часов назад доставили почти сорок трёхсотых. Тяжёлых. У одних повреждены рёбра, у других — ноги или руки. Третьи с повреждениями внутренних органов. В общем, если составить список всех ранений, хватит протянуть от госпиталя до сюда. И все из охотников. Мои врачи уже занимаются ими, — старичок обратился к Беркуту, слегка кивнув. — Но я предполагаю, что отлеживаться им ещё прилично.

— Спасибо, Алексей Владимирович, — чуть добрее сказал командир охотников. — Вы верно догадываетесь. Мы в дерьме.

— Ты в дерьме. Ты в дерьме, Беркут. Не впутывай весь Совет в свои проблемы.

Голос у говорящего был хрипящий и паршивый, хотя он выглядел приятно: широкий в плечах, высокий мужчина, лет тридцати-тридцати пяти, с коротко стриженными черными волосами и длинной, козлиной бородкой, которую он то и дело потирал. На нем была униформа спецназа.

В отличие от остальных членов Совета, он уже опустошил добрую половину стакана и сейчас крутил на столе большой, испещренный узорами перстень, в который был вправлен самый настоящий, красный, как кровь, рубин.

— Ошибаешься, Коба, — спокойно и холодно парировал Беркут. — Это не только мои проблемы. Это проблемы рейдеров. Это проблемы ланцетов. Это твои проблемы. И всех тех кто сейчас собрался в этом зале.

Коба криво усмехнулся.

— И что же это за проблемы? — вмешался ещё один голос.

Беркут посмотрел в другую сторону стола.

На него уставшими, изумрудными глазами, смотрел высокий, кряжистый мужчина. Он сплел пальцы на руках, положив на них подбородок и внимательно слушал. Это был Хруст, лидер рейдеров.

Глава тех, кто горбят спины в выжженных ядерными ударами городах, похороненных под радиоактивным пеплом, в поисках двигателей, проводов, патронов и оружия. Тех, кто гибнет от лучевых болезней, в попытках вынести то немногое, что осталось лежать под руинами погибшей цивилизации.

— Во время зачистки одной из деревень, — начал Беркут после недолгого молчания, — моих бойцов осадили полчища мутантов. Ходаки, лешие...

— Ха! — Якуб язвительно улыбнулся, в его голубых глазах заплясали огоньки. — Серьёзно, Беркут? Ты созываешь Совет, чтобы мы послушали чудесную историю о том, как твои бойцы резались с ходаками и лешими? Серьёзно? Это твой повод собрать всех нас?

— Было около полутора тысяч тварей.

Некоторые члены Совета напряжённо сглотнули слюну.

— Один йети, домовый и чудовище, из-за которого я вас и созвал, — продолжил Беркут. — Сейчас мы имеем дело с угрозой такого масштаба, от которой у тебя, Якуб, появится невероятное желание послушать мои чудесные истории и сделать всё, чтобы эта чудесная история сюда не явилась.

Камин щелкнул и следом из него брызнули искорки пламени.

— Йети? — старичок поправил оправу очков. — Сейчас? Господи, наука их не видывала уже лет десять так точно! Как он там оказался? Что случилось?

Беркут посмотрел на рядом сидящих Корсара и Егеря. Первый тяжело вздохнул, хотел сплюнуть, но вспомнил, где находится.

— Мы зачищали деревню. Как её там... Пусровье? Нет, черт бы её побрал... Пустыхо?

— Пустовье, — поправил сталкера Егеря, видя, как недовольно морщатся члены «высшего общества».

— Точно. Так вот...

Корсар предался красочному описанию происходящего и ловко комбинировал рассказы Булата со своими фантазиями. Слушая рассказ, Егеря то и дело усмехался, ведь, как оказывается, йети был побежден огромной палкой, которую удачно метнул Корсар, а потоки монстров он гасил голыми руками, лишь изредко применяя автомат.

Глаза слушающих оставались незаинтересованными ровно до того момента, пока не объявился йети, а при первом упоминании скальника у многих глаза на лоб полезли. Хотя, старичок, весь рассказ держал рот раскрытым от удивления.

— Это же нонсенс! — воскликнул он, когда Корсар закончил. — Почему же вы не притащили эту неопознанную тварь сюда? Уму непостижимо!

— Спокойнее, Алексей Владимирович, — Якуб лениво посмотрел в опустевший стакан, открутил бутылку коньяка и налил ещё, — всё это не имеет за собой никакого подтверждения. Это существо... Камушек?

Корсар кивнул.

— Этот Камушек, — продолжил толстяк, — мог оказаться, не знаю... Простой горой мусора или иллюзией, которую наслал домовый. Ну, или вы просто нашли там склад самогона и вусмерть нажрались...

— Простая гора мусора или иллюзия раздавила тринадцать моих бойцов и ещё сорок отправила в больницы? — вспыхнул Беркут. — Что ты такое несешь, Якуб?

— Спокойнее, господа, — сказал толстый, округлый мужичок, то и дело шмыгающий раскрасневшимся носом. — В любом случае, чудовище побеждено, так что повода для беспокойств нет.

В этом противном, слегка сдавленном голоске, Корсар узнал Барона — управлял арену.

Егерь холодным взглядом посмотрел на толстяка, криво улыбнулся.

— Все вы слишком беспечны, — сказал он. — Этот монстр выдержал одновременный огонь двадцати пулеметных спарок, кучи калашей, пулеметов, шести зарядов «Бульдога». А потом, как ни в чем не бывало раздавил семь снегоходов, смял в бумагу два УАЗА и ещё покоцал пару Шестидесят шестых. Вы понимаете, что случится, если подобная тварь придет к городу? Вы осознаете масштаб угрозы?

Гитарной струной повисла нагнетающая тишина, прерываемая только тяжелыми вздохами Барона.

— И что ты предлагаешь, Беркут? — спросил Хруст, почесав аккуратную остроконечную бороду.

— Я предлагаю всем вам вытрясти побольше денег из кошельков и вложиться в укрепления города. Значительные укрепления.

— То есть, семиметровой стены, которая толщиной в целых пять метров, не хватит? — фыркнул Якуб. — Её не пробьют ни ходяки, ни лешие, ни йети, ни огромные камни.

— Знаешь, мне по большей степени плевать на судьбу этого города, — прошипел Беркут, открывая бутылку коньяка. — И если это чудовище проломит стены и прорвется через рубеж охраны, — командир посмотрел на хмурое лицо Кобы. — А потом примется планомерно выкашивать всё население, придавливая одну пачку гражданских за другой, то я и пальцем не поведу. Я могу в любой момент собрать своих людей и сняться с лагеря, а вы будете лично расплачиваться кровью за собственную ушлость. Не в моих интересах вытягивать из вас каждую копейку для защиты ваших же людей.

Коба, которому вконец надоело крутить перстень, ловко нацепил его на палец, а затем добил остатки коньяка на дне стакана.

— Своих-то ты защитить не смог, — буркнул он. — Охренеть. Двадцать с лишним бойцов полегло в какой-то дерьмовой деревне в заднице тайги. И после этого ты думаешь, что мы будем слепо исполнять твои приказы? Приказы того, кто и своих-то защитить не в силах?

В глазах Беркута заискрились маленькие молнии.

— И правда, — сказал Якуб, заливая за шиворот ещё коньяка. — Ты стареешь, Беркут. Где твой профессионализм? Раньше ты выполнял заказы быстро, приносил кучу зверья и тряс нас так, что самим на пожар не оставалось. А что теперь? Твой самый крупный рейд за последнее время стал твоим самым крупным провалом. И ты претендуешь на прошлый авторитет, тыкая нас, как щенков, в дерьмо?

— Кстати говоря, — Барон громко высморкался в белый платочек, — птички мне напели, что очень давно, лет эдак... Да, лет десять назад, Дмитрий Степанович, отправился в ходку за тысячи километров отсюда. И, по слухам, также как и сейчас потерпел сокрушительное фиаско! Десятки трупов, сломанных хребтов и судеб из-за хотелок одного человека! Именно после этого случая, энтузиазм нашего Охотника поутих. Ровно на десять лет.

— И даже по их прошествию, — добавил Коба, — снова обжегся на том же месте. Не пора ли тебе на пенсию, Степанович? Той хватки-то уже нет, дай дорогу молодым.

Часовой маятник лениво перекатился в другую сторону. Огонь лизнул стенку камина. Паршивенькая атмосфера нарастала.

Беркут посмотрел на обвиняющих жёстким, суровым взглядом. Не спеша отпил из тюльпанового стакана, слегка поморщился.

— Засунь своих птичек себе в жопу, Барон, — медленно проговорил он после долгого молчания, — иначе скоро я обломаю им крылышки. Дела прошлых лет — это исключительно мои дела и вам до них нет никакого дела.

Охотник невзначай посмотрел на Егеря. Тот, сжимая кулаки, буравил испепеляющим взглядом, выпучившего глаза Барона.

— А что касается моего профессионализма, — он посмотрел на кислую улыбку Якуба. — То факты говорят за себя. При планке в сто пятьдесят голов неизменных животных, я притащил тебе три сотни чистых оленей и ещё с пять десятков мутантов. Всего за неделю. А вот мои потери, — Беркут впился взглядом в противную морду ВКОБ-овца. — Ни тебя, Коба, ни кого другого касаться не должны. Если вы хотите забрать моё место, то объявите голосование и посмотрим, кого выберут мои люди. Думаете, они поверят в то, что я добровольно ушёл? Они же волки — дикие, злые, неотёсанные хищники со звериным чутьем. И во главе им нужен такой же хищник. Думаешь, твои золотые подачки, Якуб, заставят их плясать на задних лапках? Или тебе, Коба, кажется, что твоя дубинка ломает им хребты? Думаешь, Барон, твоя трава, пойло и шляхи купят их доверие? Если вы решили, что выбив меня, получите мою власть и влияние, то глубоко, очень глубоко ошибаетесь. Вас сожрут и не подавятся.

Обвиняющие переглянулись и умолкли. Ответить было нечем.

— И верно, — согласился Хруст, зачесывая густые, белые как снег волосы назад, сплетая из них самурайский хвостик, — дело принимает серьёзный оборот. Сейчас не до грызни за точки влияния. Как вижу, эти двое, что сидят рядом с тобой, толк в битве монстра знают. У вас, мужики, есть идеи, что нам со всем этим делать?

Корсар качнулся на стуле, посмотрел на Егеря.

— Скальник, — сказал перевозчик, перенимая эстафету рассказов, — наверное, самое опасное чудовище, которое я видел за свой век. Огромное, до ужаса сильное и разрушительное. Как сказал Беркут, если эта херня доползет до города, то за пару часов от ваших укреплений не останется и следа. Если говорить сухо, то по мощности оно сопоставимо с несколькими танками и парой-тройкой пехотных отрядов, вооруженных крупняком. В прикрытии. Так что, гасить его надо тем же.

— Откуда же мы возьмем танки? — спросил из дальнего угла широкий, одутловатый мужичок, с шикарными, пышными усами, которым позавидовал бы сам Ницше. — У нас просто нет таких ресурсов!

Это был заведующий сельским хозяйством, Серпов Василий Михайлович, которого и в народе, и в Совете, звали просто Михалычем.

— Хм, — высокий, худощавый мужчина, не торопясь посмаковал немного коньяка, — Барон, когда мои люди налаживали освещение в твоих гаражах, то заметили под тентами несколько законсервированных, совсем не тронутых танков. Позволь спросить, почему до сих пор об этом, кроме меня и тебя никто не знает?

Барон громко чихнул. Слава богу, в платок.

— Так этьить, Тесла... — замялся он, чувствуя как все взгляды сосредоточились на нем. — Готовил я их, готовил...

— Продать ты их готовил, — буркнул Хруст, — разобрать на части и впихнуть как контрафакт воякам на пункты, обходя контроль Кобы.

Глава внутреннего бюро контроля общественной безопасности не выдержав взгляда, отвернулся, выпил коньяка.

— Да какой там! — Барон фальшиво улыбнулся — Я держал их про запас, до поры до времени, а сейчас вона как! Они и нужны!

— Сейчас не время мелочиться, — буркнул сидящий поодаль от Якуба, Гробов Виталий Юрьевич, заведующий министерством строительства. — Если такая тварюга придёт, от нас и нашей меркантильности не останется и мокрого места.

— Значит, вытаскивай танки, Барон, — сказал Хруст, щелкая пальцами на сухих испещренных шрамами, руках. — Всё, что есть. И приводи в боевую готовность.

— Стоять! — Якуб ударил толстыми руками по столу, да так, что у сидящего, возле края стола, суховатого, крепкого мужика, с крошечными глазами, задрожал стакан.

Он встрепенулся, посмотрел по сторонам, потряс головой.

— Не время спать, Всеволод Викторович, — буркнул Беркут. — В этой операции вы тоже примете непосредственное участие.

Всеволод потер слезящиеся, красные глаза, рукавом от старой, советской куртки, такой, которую носили автомеханики.

— Так я чего? — не понимая спросил он. — Сперва грызете глотки друг дружке, аж визг стоит, а теперь вона, о обороне языка зачесали. Надыть топлива на танки? Так я вам отолью сколько надыть, не обижу.

Он залпом опустошил всю кружку коньяка и даже не поморщился.

— Стоять, — медленно повторил Якуб — Может танков и не понадобится. Куда вы спешите? Лучше ответь мне, Беркут, как вы, без танков, РПГ и прочей херни увалили эту мразь?

— Тебе же говорят, идиот! — взорвался Корсар. — Двадцать пулеметных спарок, ещё пачка пулеметов, несколько выстрелов из «Бульдога» и один мощный заряд из противотанковой винтовки! В глаз! Ты жопой слушаешь?!

Якуб покраснел, его жирные губы задрожали.

— Да как ты смеешь, щенок, — прошипел он, — так со мной говорить? Я тебя раздавлю и скормлю псам...

— Попробуй, жирная свинья.

— Довольно! — не выдержал Алексей Владимирович, которого обычно кличили Ланцетом. — Сколько можно пререкаться? Вы прямо как малые дети! Прекратите выяснять отношения! Сейчас мы все, простите за выражение, в полной заднице.

— И из нее надо выбираться, — спокойно сказал Егерь. — Смерть этого чудовища — результат жертвы двадцати хороших бойцов и почти сорока раненых. Плюс к этому ушли тысячи патронов, десятки гранат, шесть залпов из гранатомета и один, точный выстрел из противотанковой, я подчеркиваю, противотанковой винтовки, прямиком в глаз. Этот ублюдок помотал и выбил из боеспособного состава первоклассных охотников, отправив либо под землю, либо в больницы. Есть ли у вас такие жертвы, которыми мы заплатили за этот рейд?

Повисла тишина, прерываемая треском костра и тиканьем маятника часов. Все молчали, не зная, что ответить.

— Резюмируем, — наконец сказал Хруст. — Группа Беркута, будучи на рейде, столкнулась с полчищами мутантов и одним неведомым чудовищем. Это чудовище, именуемое скальником, охрененно помяло охотников, придавив кучу техники и людей.

Монстра убили, но сам факт появления такого ублюдка, означает, что в любой момент нас могут прижать к стенке и в считанные часы от нашего города, в который мы всадили столько сил и времени, останется буквально ничерта, если мы не предпримем мер. И учитывая это, часть из нас отказывается проводить кампанию по защите города, ссылаясь на то, что чудовище не такое страшное, как кажется. И раз наше мнение разделилось, предлагаю решить все просто: голосованием.

В голосе рейдера чувствовалась скрытая насмешка и, пока он говорил, часть из собравшихся трусливо отвела взгляд.

— Кто за начало кампании по укреплению обороны города? — спросил Хруст, поднимая руку.

За ним жест повторил Ланцет, следом Беркут, а за ним и Тесла, и Михалыч, и Всеволод Викторович, невероятно быстро опустошающий бутылку коньяка. Самыми последними сдались Коба, Барон и Якуб.

Так или иначе, согласились все.

— Решено, — заключил Хруст. — Предлагаю следующий план действий: Барон расконсервирует танки, приведёт их в боевую готовность. Тесла и Всеволод Викторович помогут с их обслуживанием. Следом, все финансовые издержки на себя берет Якуб, как глава внутренней торговли.

Толстяк поморщился.

— Я и Беркут вместе с Кобой, в разы усилим охрану и выставим дальние патрули, плюс ко всему найдем экипаж в танки, — Хруст немного отпил из стакана. — А Виталий Юрьевич займется возведением оборонительных и заградительных сооружений. Как вам план, господа?

Все переглянулись. При ярком блеске хрустальной лампы было отчетливо видно, как часть собравшихся кривится и недовольно вздыхает.

— Придётся увеличивать налоги, — проговорил Якуб и зашарил по карманам черных шитых брюк. — Иначе такие издержки негативно скажутся...

— Никакого повышения налогов, — обрезал Беркут. — Каждый из нас и так ежемесячно, если не ежедневно, жертвует по двадцать процентов от прибыли, в безвозмездное развитие города. Так что воспользуйся теми резервами, которые успели накопить.

Якуб фыркнул, достал стальную, украшенную языками пламени, зажигалку, затем поджег массивную кубинскую сигару. Егерь уловил знакомый запах.

— Да, конечно, — сказал Якуб немного помолчав. — Накапать там успело. Немало.

— Значит решено, — сказал Хруст. — С завтрашнего дня приступаем к реализации проекта. С этим разобрались.

— Минуточку, — тактично прервал Ланцет, убирая опавшие волосы за уши. — Дмитрий Степанович, вы так и не сказали, почему вы не привезли этот удивительный субъект сюда, в город?

— Более сотни тонн камня, костей и хитина, — пояснил Беркут и посмотрел на догорающие остатки полешек. — Было бы почти невозможно притащить его сюда. Особенно в таком состоянии.

— Да, этот дерьмодемон и после смерти нам хлопот доставил, — буркнул Корсар и, не удержавшись, взял бутылку и хорошенько отпил коньяка. Не церемонясь, прямо с горла.

— Дерьмо... Ну и дерьмо!

Он поморщился и отставил бутылку. Якуб нахмурился и взглянул на свои остатки пошла.

— Кстати о нем, — Хруст откинулся в кожаном кресле. — О дерьме. На севере, ближе к Иркутску, на нас стали нападать какие-то фанатики. Мозгов у них совершенно нет, впрочем, как и тактики. Палят во все стороны и не боятся подохнуть. В этот раз, слава богу, отбились, но давече мои парни сообщили, что встретили ещё группу. Четыре трупа. Моих солдат.

Беркут посмотрел на рейдера, понимающе кивнул.

— Уж не связано ли это с потерей контакта с ретранслятором в Иркутске? — спросил Тесла, поправляя русые волосы на голове. — Сигнал был потерян совсем недавно, в районе двух месяцев назад.

— Так в чем проблема? — Гробов потёр вспотевший лоб, сплел пальцы на большом животе. — Свяжитесь с Ромом. Он же полгода назад там антенны проверял!

— Ром недоступен, — пожал плечами Тесла и глянул в пустой стакан, — уже как несколько месяцев.

Егерь вздохнул, затарабанил пальцами по столу.

— Больше вы с ним не свяжетесь, — медленно проговорил перевозчик. — Его... Весё перевалочный пункт вырезали какие-то бандиты. Я выпытал из одного ублюдка, что их, уродов, спугнули с насиженных мест какие-то церковники с крестами на лбах.

Хруст удивлённо повел глазами.

— Паршивенько, — отметил Якуб, — очень паршивенько. Почему же мы узнаем об этом только сейчас?

— Потому что Совет был собран только сегодня, — Беркут успел остановить пыхтящего от гнева Егеря. — Хотя по планам он должен был состояться в первых числах ноября и...

— Пустите! — забурчал голос из-за дверей. — Пустите, идиоты! Я — Мимик Владимир Николаевич, главный правосудитель этого города! Хотите горбатиться на плантациях у Михалыча!? Так я вам быстро устрою, куски вы дерьма! А ну, разошлись!

Входная дверь задрожала, ручка нервно задержалась. Послышался шум и гам, отборные маты. Дверь распахнулась и в зал вбежал, пыхтя и ругаясь, толстый, высокий мужчина с блестящей от света хрустальной лампы, лысиной на голове. Он был слегка горбат и будто бы сплюснен. Одет в черную мантию, из-за которой выглядывали язычки белой рубашки. Он поправил очки, посмотрел на заседающих. Шмыгнул носом и, громко стуча туфлями, зашагал к свободному креслу. Шлёпнулся на месторядом с дрыхнувшим Соляровым Всеволодом Викторовичем, который, наконец, успел опустошить всю бутылку. Своими громкими движениями он заставил его проснуться.

— Дико извиняюсь, господа, — затараторил Мимик, раскладывая на столе кучу заполненных бумаг. — Коба, не мог ты найти бойцов поумней? Эти придурки не пускали меня. Меня!

— Ты уж прости, — холодно сказал ВКОБ-овец, — они приказ выполняют.

— Мне законы и приказы не писаны, — буркнул Мимик, поправляя очки. — Так-с, что я пропустил?

— Почти ничего интересного, — буркнул Якуб, выпуская облачко дыма.

— Раз так, — главный правосудитель города, зарыскал по карманам и, отыскав ручку, быстро поставил несколько подписей в разложенных по столу, бумагах, — то сразу скажу: из-за этой чрезвычайности, я опоздал на три, на три заседания! Ужас и кошмар! Мне нужно было судить двух подростков за разбой и кражу пятнадцати булок хлеба, затем вынести приговор юноше, который пытался ограбить оружейный склад и, наконец, посадить

старикашку, который напоил бедную девушку снотворным и хотел повернуть свои грязные делишки...

— Успокойся, Николаич, — хохотнул Барон. — Ты время видел? Какие заседания?

Мимик насупился, погладил залысину на голове.

— Время суду не помеха, — буркнул он и отпил из горла бутылки. — Я работаю днем, ночью, вечером и утром. Всегда.

— Забавно, — Беркут помял пальцы на руках, — на двух из трех заседаний ты будешь бить по рукам малолеток, которые хотели наесться хлебом.

— И стыбзить огнестрел, — добавил Мимик и черкнул еще несколько подписей в бумагах. — Уму непостижимо!

— А ведь я давно талдычу вам о создании Министерства образования, — сказал Беркут, — но вы все бережете деньги. Посмотрите, к чему приводит ваше игнорирование. Дети таскают хлеб, а потом горбчатся у Михалыча на поле.

Михалыч, до сего момента, сидящий в покое, недовольно хмыкнул.

— Не вороти из меня гитлеровца, — возмутился он. — Мне как приказывают, я так и делаю! Думаете мне приятно этих салаг стегать по самое не хочу? Да не всякий мужик такую работу выдержит, сталбыть, что о пацанах-то говорить! А девки то, девки! Жопой светят в переулках, а самим-то токмо шестнадцать стукнуло!

Он вздохнул, пригубил ещё немного выпивки.

Корсар поморщился.

— Так что я супротив не буду, — продолжил он, вылакав еще алкоголя. — Этих бестолочей надо в ежовьи рукавички брать и учить уму-разуму.

— Не кривись, Якуб, — сказал Хруст, смотря на его засаленные подбородки. — Шевелить жирком пора. У меня тоже люди не молодеют, а мрут постоянно. Того глядишь через лет пять останемся мы у разбитого корыта.

— О том и речь, — согласился Беркут. — Большинству моих бойцов уже за сорок. Пора думать о замене.

Ланцет утвердительно кивнул.

— Несмотря на улучшение средней продолжительности жизни, во многом благодаря новым лекарствам и улучшению обстановки в городе, смертность всё ещё превышает рождаемость. А это может вогнать нас в дефицит рабочих кадров.

Лампа на люстре противно замигала.

— Незнаю откуда у вас столько стариков, — буркнул Якуб, — на гражданке всё нормально. Торговля идет...

— Нет-нет-нет, — Мимик замотал головой. — Все отвратительно! За последний месяц на двенадцать процентов увеличилось количество краж и изнасиловний, только за последних четыре процесса я, при поддержке ВБКОБ накрыл несколько маленьких наркокартелей. И угадайте, кто был во главе этих гнусных делишек? Парни до восемнадцати лет!

— Что уж говорить, — нехотя протянул Коба, — мои ребята последнее время только и вяжут малолеток. Большинство грабежей из-за вот этого, — он поднял бутылку коньяка и демонстративно повертел в руке. — Так что да, надо думать о преемственности поколения.

Якуб вдруг громко закашлялся и отбросил тлеющую сигару на стол.

— А ведь было предложение ввести обязательный призыв, — он, словно ванька-встанька, закачался на кресле. — И что вы мне ответили?

В его глазках заплясал огонек. Он взглянул на Беркута, затем на Хруста.

— Мы сказали тебе, что бессмысленно, абсолютно бессмысленно устраивать обязательный призыв, — спокойно пояснил Беркут. — Во-первых, только испугаем молодняк, за шкурку утягивая в авангард. Наши ряды могут поредеть в считанные часы, как сейчас, и никакие деньги не смогут купить вторую жизнь. Думаешь, большая часть молодых ребят променяет секс, алкоголь и рок-н-ролл на кровь, пот и смерть?

— Во-вторых, — добавил Хруст, — если мы будем принудительно толкать пацанов в наши ряды, проку от них не будет совсем. Им нужно будет минимум два-три месяца на боевую подготовку. А даже если мы кое-как их и подготовим, у них все равно не будет цели. Того, ради чего можно подвергать себя ежеминутной опасности. Это мы, старичье шизанутое, помним ещё довоенное время, пытаемся хоть кого-то спасти и сами не сдохнуть. При этом лезем в такие места, где волки срать боятся. А дети что? Им проще в подворотнях сношаться и траву долбить, чем честь города отстаивать.

Барон снова громко чихнул, на этот раз, еле успев приложить платок.

— Но мы же организовали экспериментальную группу из щенков, — он быстро шмыгнул носом. — Чем вам не понравилась эта затея?

Беркут помассировал виски, опрокинул ещё немного коньяка.

— Из двадцати человек, всего трое отправились в охотники, — наконец сказал он. — Двое погибли и ещё десять получили пулю от Западных, во время рейдов Хруста. А оставшиеся восемь, те, что вступили к Кобе, насколько знаю, сейчас горбятся у Михалыча, за превышение должностных полномочий.

Лидер ВКОБ кивнул.

— И что вы, господа умники, предлагаете делать? — спросил Якуб.

— Создавать полноценные школы, искать среди гражданских учителей, организовать им достойную плату, чтобы был спрос идти работать, ввести патриотическое воспитание, дабы молодняк стремился защищать город, — перечислял Беркут, загибая пальцы. — А после четырех-пяти лет полного обучения распределять в войска. Рейдеры, ланцеты, ВКОБ, кузнецы... Кстати говоря, где Клим?

— Бухой дрыхнет, — фыркнул Гробов. — Как всегда. Срал он на наши Советы.

— Понятно... В общем говоря, нужно всерьёз взяться за воспитание молодежи и через лет пять-десять, у нас будет достойная замена.

— Позволь спросить, Беркут, — Якуб криво улыбнулся. — Почему ты так ратуешь за город и при этом говоришь всем нам, что тебе на него плевать?

— Я независим от ваших решений, — сказал Беркут. — Но тем не менее, раз у меня есть власть, я должен хотя бы попытаться вырастить здесь поколение, на которое смогу оставить город. Поколение, которое будет любить и защищать свою Родину, а не последние гроши в кармане.

«Щас расплачусь, — подумал Корсар, смотря на воодушевленно вещающего Беркута. — А нам таких слов и в праздники хрен скажет».

Якуб, выслушав Охотника, очередной раз поморщился и окончательно сдался. Больше он не говорил.

— Так-так, лирика, это, конечно, превосходно, но! — быстро проговорил Мимик, как только разобрался с бумагами. — Отчеты. Прошу, господа...

По столу быстро разошлись расписанные сверху донизу бумаги, испещрённые цифрами и отметками.

— Итак, — продолжил главный правосудитель города, — Начнем с Вас, Виктор Якуб, за последний квартал вы отдали... Хм, две шестьсот на тридцать один...

— О нет-нет-нет! — Корсар вскочил с насиженного места, тут же почувствовал как судорога вгрызается в ноги. — Я эту срань слушать не собираюсь! Ты уж прости, Беркут, но я пас. С математикой на Вы ещё с третьего класса, поэтому, извольте, но я покидаю сие отвратительное местечко.

Корсар уловил недовольный взгляд Якуба, ухмыльнулся.

— Я тоже должен идти, — согласился Егерь и поднялся из-за стола, — бывай, Беркут.

Командир охотников лениво посмотрел на объемные пачки отчетов, недовольно вздохнул.

Следующие три часа обещали быть невероятно унылыми и скучными.

Хлопнула деревянная дверь.

— Итак, восемьдесят тысяч шестьсот рублей. В довесок к этому, ещё семнадцать процентов накладных, включая к этому повременные выплаты БГН, получается...

Беркут потер уши, аккуратно отложил отчёты в сторону.

— Впрочем, мне тут тоже делать нечего, — решил Охотник, поправляя рукава военного кителя. — Дальнейшие обсуждения продолжим после Нового года.

— Беркут! — гаркнул Серпов. — Опять сбагрить решил?

Дмитрий Степанович мягко улыбнулся, посмотрев на негодующего завхоза.

— Как говорят в спецвойсках, не сбагрил, а тактически ретировался. Но не беспокойся, Михалыч, я отправлю вместо себя своего секретаря. Судя по стопкам бумаг, считать придется много.

— Ленивый ты засранец, — буркнул Хруст, пальцем отмеряя количество бумаги.

Беркут ещё раз посмотрел на недовольных советчиков, затем на что-то возбужденно подсчитывающего Мимика.

— *Vai all'inferno!* — сказал он и тут же тактически ретировался за дверь.

1

Двадцать девятое декабря.

Мороз гулял по улицам города, жёг руки и лица снующим туда-сюда горожанам, а ветер гнал их в дома, где под тёплым одеялом, с горячей кружкой свежего, травяного чая, можно было растопить холод сибирской зимы, осевший глубоко в душе.

В тот день, в привокзальном здании, где расположился крупнейший городской бар, Живик — добросовестный грузин и хозяин этого заведения, жил своим обычным днем: оттирал до блеска пивные кружки, аккуратно расставлял бутылки с горячительным по многочисленным деревянным полкам барного стола, помогал немногочисленному персоналу с обслуживанием стольких же немногочисленных клиентов, что коротали время в приятной компании.

— Эй, это вон тудить, — ругался Живик на недавно принятого работника. — Куда ты ставишь?! Я говорю: это к тем ящикам, а не к этим!

После, бармен как обычно выпроуждал слишком напившихся постояльцев и выпроуждал их таким же обычным способом: пинком под зад. После, он, очень поэтично высказываясь, упорно оттирал с дубовых столов, оставленные бухариками подарки. Грузин то и дело одёргивал своих изумительно красивых официанток от дополнительной работёнки, которую предлагали местные богачи, потряхивая полным кошельком.

День шёл как обычно. Ровно до того момента, пока в дверях не показался Дмитрий Степанович Стицев. В гражданской форме.

Живик, стоя за барной стойкой, рефлекторно откупорил ближайшую бутылку пойла, налил полрюмки и выпил, даже не сморщившись.

Беркут аккуратно снял дубленку, повесил её на вешалку. Милая официантка, которая поспешила поприветствовать старого охотника и усадить за премиальный стол, почти мгновенно обожглась об отказу командира. Вздохнув, пошла дальше обслуживать столики.

Одет Беркут был просто, но со вкусом: блестящие на свету лампы, ботинки, шитые чёрные брюки, подстёгнутые массивным кожаным ремнем, и, что самое интересное, белая рубашка, слегка расстегнутая у груди и заправленная в рукавах.

Живик нервно закрутил длинные усы, видя, как гость твердым шагом направляется к нему.

— О, приветствую, Дмитрий Степанович! — он крепко поздоровался с командиром, попытался искренне улыбнуться. — Какими судьбами, мой дорогой? Выпить-закусить?

— Привет, Живик, — командир, не торопясь уселся на барный стул, потер лысину, — Нет, не сегодня. Занят, понимаешь ли. Столько дел уладить надо.

Живик понимающе взглянул на охотника, слегка кивнул.

— Всегда было интересно, мой дорогой друг, во сколько ты встаешь, чтобы все это успевать?

Беркут посмотрел на блестящие серебром механические часы.

— В пять, иногда в пять тридцать, — ответил он, слегка подкрутив заводной шарнир. — Но я к тебе по делу, Живик.

Бармен снова попытался скорчить довольную рожу, сверкнув парой золотых зубов.

— И по какому же, мой дорогой друг?

— Видишь ли, — начал Беркут, вынув из штанов сигареты. Похлопав по карманам, и не найдя зажигалку, он жестом попросил Живика прикурить. — Через два дня Новый год, праздник. А у нас на базе из праздничного только полудохлая елка, которой уже лет пять, если не больше.

Живик кивнул, подставил пепельницу.

— Поэтому мои люди, а также рейдеры и ланцеты, — продолжил он, аккуратно сбивая пепел, — будут праздновать здесь, в баре.

Живик сглотнул слюну, еле сдерживаясь от крика ужаса.

— Хорошо! Конечно! Без проблем! — затараторил он и вынул отсыревший блокнот из-за стойки, затем, дрожащими руками еле отыскал сломанный карандаш, отлистал на тридцать первое декабря. Стиснул зубы. Число было свободно.

— Я хочу полностью, повторю, полностью, арендовать весь этот бар на два... Нет, на три дня.

Живик кивнул, рваными буквами черкнул в блокнот очень неприличное слово, которое, тем не менее, прекрасно описывало суть намечаемого дня.

— На счет выпивки можешь не ломать себе голову, — сказал Беркут, чуть покурив. — Людей много, своей притащим. Но вот о еде позаботься обязательно. Найми двойной, или тройной персонал. Скажи, что оплата будет по двойному или тройному тарифу.

Беркут обернулся, поймал на себе сосредоточенный взгляд одной из официанток. Она тут же отвернулась и продолжила принимать заказ со столика.

— Ко всему этому, — продолжил охотник, — скажи своим прекрасным официанткам, чтобы тридцать первого декабря работали здесь. Можешь даже напрячь другие бары, мне уже без разницы. Но персонала должно быть достаточно, надеюсь ты понимаешь.

Живик хохотнул, быстро черкнул в блокнот ещё несколько слов.

После тщательного подсчета окончательной цены, в который входили и услуги персонала, и аренда здания, и еда, и прочие элементы для хорошей русской попойки, вышла очень приличная сумма на пятнадцать тысяч рублей. Беркут, услышав ценник, улыбнулся и сразу же согласился. Заправляла бара покраснел, как помидор, осознав, что цену можно было заломить и побольше.

— Ну что ж, Живик, хорошая сделка, — Дмитрий Степанович потушил сигаретный окурочок, поднялся. — Мне пора идти, но накануне я ещё загляну, посмотрю, как всё подготовлено.

— Конечно, Беркут, конечно! — улыбнулся бармен, и по-дружески хлопнул командира по плечу.

Они попрощались и как только охотник скрылся за дверьми, Живик громко и очень ярко выругался.

— Так, бегом всё, что плохо стоит на склад! — гаркнул Живик собравшемуся вокруг себя персоналу. — Дорогой алкоголь, резные стулья, окна... Окна завесить чем-нибудь! Всё прячьте от этих зверей! Всё!

— Но Леон Лезарович, — сказал молодой парень в робе. — Склады и так забиты! Куда нам всё это девать?

Живик в одно мгновение покраснел.

— Да хоть в жопу! — взорвался он. — Ты не понимаешь, что после их пьянки ничерта от моего трактира не останется? Знаешь, что было в прошлом году?

Юноша опустил голову, пожал плечами.

— Они сожгли половину бара! Сожгли! Самодельными салютами! И знаешь, кто за это платил? Я!

После началась суета: стулья, имеющие хоть какую-то форму уносились на склад, литры алкоголя, от которых ломилась барная стойка, испарялись в считанные секунды.

— Леон Лазаревич, — снова пробурчал юноша, — куда вы так торопитесь? Ещё же два дня!

Грузин ударил кулаком по столу, поморщился.

— Антошка, — сдерживая поток гнева проговорил он. — Они всегда берут аренду на тридцать первое число. Но нажираются уже тридцатого! И пьянствуют, дай Господи, пока всё не разворотят, не выжрут всю выпивку и...

Живик осекся, видя как официантки прислушиваются к каждому его слову.

— В общем лучше подготовиться заранее, чтобы потом проще было собирать мой трактир по осколкам, Антошка.

Парень понимающе кивнул и, еле протиснувшись сквозь заваленный склад, принялся укладывать всё на свои места. А Живик тем временем, отправился страховать своё имущество.

— Страховка? — щуплый мужчина, одетый в богатый костюм почесал аккуратно уложенную седую бороду. — На твой бар? Тридцать первого?

Живик кивнул.

— Думаешь, после прошлого года мы оформим тебе страховку на бар, а потом будем за него еще и раскошелиться?

Живик кивнул.

Мужчина поправил аккуратные, остроконечные очки, почесал ручкой у виска.

— Нет, Леон Лазаревич, — улыбнулся страховщик, — больше вы меня и мою компанию не проведёте. Я отказываю вам в страховании.

Грузин насупился. Сильно, очень сильно, помял пальцы на руках. Посмотрел на кабинет.

— Вот ты, дорогой мой, — начал Живик, — сидишь в хорошеньком кабинете, за хорошим столом, пьешь дорогой кофе, вертишь дорогой ручкой, одетый в дорогой костюм. А знаешь, где буду сидеть я второго января?

Страховщик отрицательно повертел головой.

— А я тебе скажу, дорогой мой, — продолжил грузин. — По уши в дерьме. Они разнесут мне бар в щепки, если ты не поддержишь меня в такой ситуации.

— Что тебе мешает отказать им?

— Отказать!?! — удивился грузин. — Ты что! После такого плевка мой бар и вовсе опустеет. Он же сталкерский, как-никак.

Страховщик сделал задумчивый вид, поправил серебряный перстень на руке.

— А, — догадался Леон Лазаревич, — понимаю. Смотри, если ты, именно ты сможешь заключить мне этот чертов договор, то я отстегну тебе...

Живик намеренно снизил тон, зыркнул по сторонам.

Голоса страховщика мгновенно поползли на лоб.

— Тогда и я получу денежную защиту, и ты не останешься в обиде. Ну как, поймеем эту конторку?

Страховщик заулыбался, достал форму с ручкой.

— Оформляем?

— Спрашиваешь!

2

Что-то глухо ударилось об пол. После послышались вяло произносимые маты.

Корсар нахмурился, приложил пальцы ко лбу, поднялся и заполз под тёплое одеяло.

Инстинктивно отыскал подушку и упал в нее. На ощуп она оказалась слишком упругой.

Он чуть привстал, откинул одеяло. Потёр красные глаза.

Осмотрелся.

Сегодня он лежал в очень уютной комнатке: рядом с кроватью стояла маленькая тумбочка с небольшим круглым зеркальцем. Она была усеяна всякими женскими штучками: помады, какие-то мази, старые бутылки от шампуней, куча расчесок и заколок. Казалось, апокалипсис затронул всё, кроме средств для ухода за женской красотой. На стенах было наклеено огромное количество постеров со звездами и знаменитостями прошлого века: музыканты, артисты, художники и поэты.

— За-а-ай, — послышался из-под одеяла сонливый женский голос. — Ты куда?

Корсар испуганно схватился за сердце. Обернулся. Приподнял одеяло.

Под ним, в очень странной, неестественной позе, совсем без одежды, раскинулась девушка лет восемнадцати-девятнадцати, с растрёпанными в разные стороны, густыми чёрными волосами. Впрочем, сталкер смотрел совсем не на волосы.

— Ого, — тихо удивился он, — вот это я нажрался вчера... Где я был-то?

— За-а-ай, — одеяло зашевелилось, сталкер почувствовал на себе теплые женские руки. — Полежи со мной еще...

Хватка ослабла, после чего Корсар аккуратно выпустил руки из ловушки.

— Ну уж нет, — прошептал он, — я этого... Ну того... За хлебом... На работу пошёл, в общем.

Он оделся так быстро, как одевался только в армии. Застегнул штаны, еле отыскал разбросанные по полу носки, быстро напялил кофту, наскоро накинул чёрное пальто и быстро растворился за дверью.

Как только он вышел из четырехэтажного здания, то сразу же отдышался. Залез в карманы, отыскал сигареты и зажигалку.

Было чертовски холодно. Он не понимал, как мог умудриться прийти сюда, в город, только в одном пальто и тонкой кофте. Но после таких пьянок рассуждать логически было самым недейственным методом. А ведь солнце ещё не успело выползти из-за горизонта. Вокруг темень, да такая, что черт ногу сломит.

Впрочем, сталкеру не понадобилось свету, чтобы на инстинктивном уровне, чувствуя, как ломит кости и виски, отыскать место, где можно опохмелиться.

Он шёл, еле разбирая дорогу, тщательно массируя виски, пытаясь прогнать чувство усталости и дикой слабости, то и дело падал в снег, но, подобно фениксу, восставал и шёл дальше.

Чёрные фигуры вышли из теней ночи и скользнули за ним.

Сталкер по запаху пива и рассола быстро отыскал какой-то бар, через ноги зашел в него, распугивая поддатых посетителей. Хозяин трактира — скрюченный в три баранки старичок, как обычно вяло спросил:

— Чё лакать будешь?

— Что покрепче, — ответил Корсар, стискивая зубы от вгрызающейся в мозг боли. — И

это... Сразу двойное.

Когда старик отдал ему две полные кружки пива, сталкер направился к столикам.

— А плата? — прошипел старичок, хмурия брови.

— Потом... Я ещё возьму, — солгал Корсар и направился к свободному месту.

За столом сидели двое мужиков и о чём-то оживленно спорили.

— Извините, — заплетающимся языком сказал сталкер, — я присяду. О, благодарю.

Горожане переглянулись, пожали плечами.

Корсар за одно движение опустошил одну массивную кружку, затем, после небольшого отдыха, принялся за вторую.

Дверь в бар со скрипом отворилась. Две чёрные фигуры в масках скоро стояли у столика, где Корсар пытался одолеть похмелье.

— Господа, — хрипящим голосом сказал один из незнакомцев, — валите к черту, пока мы вам кости не переломали.

Стол тут же опустел, оставив сталкера наедине с двумя незнакомцами.

— Вам чего, дупела? — спросил сталкер, добивая остатки какой-то крепкой бодяги. — Пить не с кем?

Дупела переглянулись, хохотнули.

— А на тебя тут кое-кто зуб положил, — буркнул один из них. — Сказал тебе кости переломать и в дерьмо помакать.

— Ага, — добавил противный голос рядом, — но я боюсь, мы заказ перевыполним.

Корсар небрежно откинул кружки с пивом. Утёр отросшую за длительный рейд бороду. Осмотрелся по сторонам. Те немногие, кто остался, сосредоточенно смотрели на него. Особенно бармен, что пугливо спрятался за стойкой.

— Ха-ха-ха, — засмеялся сталкер. — Якубенюк с жиру бесится, а? Ну ладно. Щас я через вас ему кое-что передам.

Корсар поднялся, с лету увернулся от прямого удара в лицо. Сделал лёгкий полуоборот, схватил одного из наёмников и быстрым, чрезвычайно быстрым движением познакомил его с деревянным столом. Основательно.

Пока нападающий выл, схватившись за хрустнувший нос, второй вынул пистолет, постаравшись прицелиться сталкеру в пузо.

Но было поздно.

Корсар схватил его за руку, со всей силы вывернул кисть в обратную сторону. Пуля продырявила потолок. Сталкер, услышав сдавленный визг наемника, хищно улыбнулся и вдарил ему между ног. Тот согнулся, выпустил обильный поток слюней.

Второй оторвался от стола. Вынул нож, попытался ударить в шею.

Корсар сделал оборот, прошёл мимо стального лезвия. Изрешетил нападающего быстрыми, точными хуками прямо в лицо. Тот обмяк, завалился на спину.

Второго, того, что ещё держался за свое самое сокровенное место, сталкер схватил за волосы, жёстко ударил коленом. Один, второй, третий раз.

Наёмников рухнул без сил.

Корсар не спеша поднял выпавший пистолет с пола, подошел к держащемуся за лицо недоналетчику. Поправил пальто, оттер пятнышко крови с щеки.

— Н-да, — протянул он, — дерьмовые из вас избиватели и наказатели. Уж лучше людей Кобы цепанули бы.

Говоря это, он вдруг заметил вываливающийся из-за черной куртки документ.

— Та-а-к-с, — он поправил помятые страницы документа. — Чижиков Владимир Олегович. Офицер внутреннего бюро контроля общественной безопасности. Пф!

Сталкер выбросил документ прочь.

— Слушай сюда, Чижик, — прошипел он, перезаряжая пистолет. — На меня смотри, упырь.

ВКОБ-овец кое-как оторвал руки от разбитого в кровь лица.

— Передай Якубу и Кобе: меня им не взять. А если ещё раз попытаются, я очень поспособствую, чтобы эту жирную свинью и его пса зажарили на костре. Понял?

Чижик замахал головой.

— Ну, а для большего эффекта, — он не спеша направил пистолет между ног спецназовца. — Ба...

Бах!

Раздались жуткие визги.

— Слышь, Бармен! — обратился Корсар к старичку за стойкой, когда ВКОБ-овец чуть поутих. — Вот с этих мудаков возьмешь плату за пойло.

Бармен испуганно кивнул, видя сколько крови придется оттирать.

— Кстати говоря, старик, какое число?

— Тридцатое, — закричал бармен, видя как сталкер бесцеремонно пинает второго человека Кобы.

Корсар удивленно присвистнул.

— Так завтра новый год! — весело гаркнул он, закончив пинать солдата. — Всех с Наступающим!

Он поправил пальто, растрёпанную прическу, выпрямился и зашагал к выходу.

Старичок выдохнул.

3

Она сидела у окна, укутавшись в тёплый плед и медленно пила настоявшийся кофе. Листая страницы романа она то и дело вздыхала, смотря на белого голубоглазого кота, что распластался рядом.

— Эх, — вздохнула Вика и небрежно бросила книгу в сторону, оставив принца в теплом браке с принцессой. — Вот как обычно! У всех, блин, любовь-морковь, женитьба, долго и счастливо, а у меня что? А, Мурзило?

Она взглянула на кота. Тот потянулся, удовлетворённо выпустив когти. Вика почесала его за ухом. Кот протяжно замурчал.

— Только ты меня и понимаешь, — медленно проговорила она. — Вот так и помру! С котом, старой девой...

Мурзило попытался улизнуть из крепких объятий девушки, но, не в силах сопротивляться твердой женской хватке, противно зашипел.

— Ну чего-чего? Что тебе опять не нравится?

Мурзило посмотрел на пустую миску. Замяукал.

— А, тебе опять только жрать и охота! Сколько можно? Все вы, мужики, одинаковые.

Она лениво потянулась и нырнула под одеяло. Так она пролежала почти полчаса, пытаясь заснуть. За окном была та ещё темень, но часы били пятый час утра. Уснуть Вика не смогла. Она услышала протяжный, сдавленный крик, хлопок дверей за окном и отборные маты. Отборные маты, произнесенные очень знакомым, наглым голосом.

Она вскочила с постели, быстро прикрылась пледом и, минуя стопки отчетов,

разбросанных по столу тумбам и даже полу, рванула к окну.

Как следует подышав на узоры деда Мороза, она энергично стёрла их и начала приглядываться.

Внизу, выбив двери близлежащего трактира, громко бранился какой-то растрепанный мужик, одетый во что попало, совершенно без вкуса и стиля. Она догадалась о смысле его слов по импульсивной жестикуляции.

Брови девушки тут же подскочили, когда она увидела, что руки и лицо незнакомца испачканы в крови. Испачканы очень, очень сильно.

— Это, это что... Корсар? — Вика обернулась к мурлыкающему коту, что обвинил ее ноги, в попытках выпросить еды. — А что он тут забыл?! Идиот! Время... Время пять утра!

Корсар в это время зачерпнул в обе руки приличные охапки снега, громко произнес древние проклятия и обмазал себе лицо. После энергетика жестикуляций усилилась.

— Дурак! — она застучала в окно. — Что ты творишь? Да если Дмитрий Степанович узнает, что ты... Что ты там делал?!

Кот сделал очередной круг между ног, замурлыкал сильнее.

— Пш! — шикнула Вика, элегантно топнув ножкой. — Ты разве не видишь, что этот... Ненормальный там делает?!

Корсар ещё что-то пробурчал себе под нос, быстро нырнул в карман пальто, достал фляжку, открутил и хорошенько отхлебнул.

— ... год! ... шёл... нам! — слышалось из-за замерзшего окна.

Во тьме ночи было сложно что-то разобрать, но девушка, будто почувствовав что-то неладное, быстро оделась: напялила облегающую майку, затем нырнула в черную водолазку, накинула теплый свитер, после — прекрасную песцовую шубу, вязаные перчатки, шарфик и, конечно же, не менее тёплую шапку. Она быстро посмотрелась в зеркало, что стояло на прикроватной тумбочке, слегка поправила одежду, хотела нанести себе небольшой макияж, но четко услышав протяженные ругательства, выбежала наружу.

Когда она скользнула вниз по лестницам пятиэтажного здания, выйдя наружу, то мигом рванула к дворику, где кричал опьяневший сталкер. В полутьме она сумела разглядеть чёрное тело, наполовину утопшее в снегу.

— О боже! — она попыталась поднять тяжелое сталкера из снега. — Как же от тебя несет! Ты живой?!

— Катюха? — сталкер едва оторвал голову от обжигающего снега. — Ты что ли?

— А ну цыть! — Вика покраснела и треснула Корсара по лицу. Небольшо.

Он поморщился, но ничего не сказал.

— Вставай давай, вставай!

Она смогла обхватить его плечо, по-змеиному изогнувшись, взяла за торс и потащила из сугроба.

К счастью, сталкер более-менее пришел в себя уже через минуты две. Всё благодаря неустанным хлесткам хрупкой девушки.

— Чего ты меня лупишь! Пусти!

Она отпустила сталкера, отчего тот треснулся головой о промерзшую землю.

— Ой! Прости, ты цел? — она нежным движением потерла рассеченный лоб.

Корсар схватился за голову, поправил волосы.

— Ага, — буркнул он, — чувствую себя великолепно, мать его.

— Черт бы тебя побрал, — буркнула она, почти что выплевывая легкие. — Что с тобой

такое? Вот блин-блин-блин, моя шубка!

Одежда была испачкана в крови. Задело и заячьи сапоги, и любимую шубку, и шапку, и тем более варежки.

— Ну да, кровь она такая, — сказал сталкер, осматривая алые узоры на руках, — липкая, зараза.

Рысь уткнула руки в бока, насупилась, немного выпячив губу.

— Корсар! — она вдруг закипела. — Ты охренел бухать в такое время! С ума что ли сошел?! А если Дмитрий Степа...

Сталкер ухмыльнулся, изящным движением приставил палец к губам Вики, заставив ту, как по щелчку, умолкнуть.

— Дмитрий Степанович, — начал Корсар, доставая сигарету из кармана дубленки, — сам щас бухает. Да и ты мне не мамка. Сам разберусь... Вика.

Она треснула сталкера ещё раз. Треснула больно.

— Какие вы мужики безответственные! Да вы все...

Дальше началось красочное описание недостатков мужского пола, описание достаточное подробное. Настолько, что Корсар уже через пару минут выкурил целую сигарету и принялся за вторую.

— Всё? — спросил он, когда визг стих.

Вика фыркнула, топнула ножкой, пытаясь как можно быстрее отдышаться.

Сталкер почувствовал как руки леденеют, а в тело въедается холод. Невольно вздрогнул.

Вика, заметив это, протяжно вздохнула.

— Время пять утра, — более мягко сказала она и присела рядом, — а ты без шапки, без перчаток. Пойдем... Пойдем хоть чаем тебя напою, что ли.

Корсар повел бровями.

— Чаем? А пива нет?

Она слегка улыбнулась, но тут же посерьезнела.

— Нет, — фальшиво злор буркнула она. — Чай! Только чай.

4

— Мих, может ну его? — спросил Даня, когда его товарищ принялся ползти по водосточной трубе женского общежития.

— Не ссы, Дань, мы ведь только одним глазком! — хохотнул Миша и сделал очередное подтягивание по трубе.

Ползти было ещё прилично. Оба юноши долго не могли решиться на эту операцию. Сначала идея поглазеть на девушек пришла к Мише, когда он, отдыхая на полученные деньги в баре, увидел несколько прекрасных девушек за соседним столиком. Как бы он не пытался к ним подсесть и завязать разговор их защита оставалась неприступной. В конце концов, ему пришлось спешно бежать из бара под громкие крики девушек и ругань Живика. К счастью, он успел узнать, что дамы были студентками медицинского университета, ну тобишь, при ланцетах учились.

— Я тебе говорю, во-о-о-от такие! — Миша активно рисовал круги в воздухе, пытаясь высказать свое восхищение. — Ай да! Мы по трубе заберемся и посмотрим! У них всё равно окошки постоянно расшторены.

Даня, сидя на лестнице, среди небольшого городского парка, что пестрил березами и тополями, приняв задумчивый вид, почесал затылок.

— Не знаю, Мих, — наконец сказал он, — мне сегодня на тренировки надо. Егерь

сказал...

— Егерь сказал, Егерь сказал! — буркнул Миша, слегка нахмурившись, — У тебя на уме одни тренировки! Как приехали, ты только и делаешь, что тренируешься, жрёшь, дрыхнешь и снова тренируешься. Пить ты не идешь, по бабам тоже. Может ты из этих?

Даня посмотрел на Мишу.

— Охренел? Чёрт с тобой, пошли! Пошли-пошли, что ты вылупился? Но я тебя, идиота просто подстрахую, понял?

Миша широко улыбнулся, хлопнул товарища по плечу.

— Это недалеко, — сказал он, поправляя шапку-ушанку на голове. — Сначала прямо по улице, потом направо и во-о-н туда.

— Чувствую, нам с тобой хорошенько попадет.

И вот теперь, Миша героически полз на третий этаж, к окну без штор.

— Почти-почти, — подбадривал друга Даня, то и дело оглядываясь по сторонам. — Пару рывков!

Миша показал палец вверх, едва удержавшись за мерзлую трубу и, тревожно вздыхая, пополз дальше.

«И с чего он вообще взял, — подумал пепельноволосый, — что именно в восемь утра там кто-то будет переодеваться?».

Наконец, Миша добрался до третьего этажа, аккуратно ступил на кирпичный выступ и прополз дальше. Скоро заветное окно было рядом.

— Дебил, — буркнул себе под нос Даня, — кувыркнешься вниз и конец твоим амурским играм.

Миша прильнул к окну и принялся активно на него дышать, растирая разводы на стекле.

— Ну-ка, ну-ка, — шептал скалолаз, — опа!

Он вцепился взглядом в растопленное окошко. Сначала нахмурился, потом слегка улыбнулся, затем расплылся в радости.

— Даня! — по-детски взвизгнул он. — Да тут целое раздолье! Ого-го-гошеньки!

Вдруг его радость прервал тонкий женский вскрик, отборные медицинские словечки. Окно быстро открылось и Миша вдруг отшатнулся с карниза.

— Мадам, — испуганно залепетал он, — да мы только! Нет, что вы... Только не сковородкой!

Что-то глухо треснуло. Ловелас, не удержавшись, начал падать.

— Миша! — испугался Даня, видя как обмякший силуэт его товарища летит вниз.

Шмяк! Миша, словно пушечное ядро, пробил огромный сугроб. Даня посмотрел на окно, из которого ошарашенно глядела обнаженная девушка. После тщательного осмотра, он уверился в словах своего друга, купающегося в снегу.

— Ах! — пискнула блондинка то ли от смущения, то ли от ужаса произошедшего. — Козлина! Что вы тут удумали? Извращоги! Охрана!

Из окна высунулось ещё несколько дам. Даня задержал взгляд и на них, но, почувствовав как атмосфера накаляется, ринулся спасать друга.

Когда он успел вытащить Мишу, теперь большего похожего на снеговика, во двор выбежало несколько амбалов, с дубинками на вооружении.

— Миша, нам кирдык, — буркнул Даня, натягивая шарф на лицо, — поднимайся, любовник хренов!

Бежали они как никогда. Даня, поддерживая опьяневшего от снега друга, бежал прочь

из злосчастливого двора общежития. Охранники пытались нагнать мерзавцев, поймать за шиворот и знатно измолотить беглецов до посинения. Мише, что еле перебирал ногами, то и дело прилетало брошенными дубинками, отчасти из-за того, что Даня им прикрывался.

— Стоять, засранцы! — ворчал амбал, кривя лицо. — Поймаю — убью!

Но они были уже далеко. Мелькнули за проржавевшим забором, свернули в какой-то переулок, напугав спящего у мусорки бедняка, сделали пару-тройку фальшивых кругов по кварталу и помчались дальше, до самого сталкерского бара.

Когда они шмыгнули за дверь, прикрыв ее собой, Живик уже во всю дирижировал процессом зачистки бара от всего ценного. Сейчас грузин упорно откручивал череп йети с барной стойки.

— Придурок ты, Миша, — шипел Даня, жадно хватая воздух, — придурок и идиот.

— Пошел ты, — ответил ловелас. — Зато такое увидел!

Грузин, услышав шепотки, обернулся.

— Вам чего, шкеты? Бар закрыт до десяти! — гаркнул Живик. — Видишь, дорогой, надпись, закрыто до десяти! Хотя...

Он схватил падающую черепушку, положил её на стойку. Засучил рукава кофты, хмуря брови, подошёл к беглецам.

— Ты, мой дорогой, егерьский сынок?

Даня кивнул, смотря на злую рожу бармена.

Грузин хмыкнул, потёр усы.

— Сегодня уже тридцатое, — он почесал затылок, — а я ещё не всё убрал. Значит так. Держи. Это тебе, это тебе.

Он вручил беглецам метлу и швабру. Миша с Даней переглянулись.

— Чего, дорогие, вылупились? Завтра вы здесь дебоширить будете, а убирать кто? Вот и я о том же.

— Не-не-не, — замахал головой Миша, — иди к черту, Живик, со своей уборкой.

— Вот-вот, — поддержал Даня, отставляя метлу.

Грузин вздулся, стиснул зубы.

— Черт с вами! — он нырнул в карман брюк, вынул несколько монет и небрежно всучил ребятам в руки. — Вот вам средства, а теперь марш за работу. Нужно вычистить всё добела!

5

Егерь недолго постоял у входа. Большое, коридорного типа, сложенное из шлакоблоков здание, бурлило огнем. Из многочисленных труб валили клубы пара, слышался звон металла, бьющего о металл, шум нескольких молотов и отборная брань.

Сталкер не без труда отворил обледевшую, массивную железную дверь. Зашел внутрь, тут же скинув шапку от невыносимой жары.

Воздух здесь, раскалили до предела. Гортань и лёгкие обжигало будто бы кипятком. Перевозчик осмотрелся.

Большие, просторные жерла печей пестрили раскаленными до красна углями, искажающими воздух невыносимым жаром. У каждой из пяти печей стояла массивная наковальня и куча инструментов рядом с ней: молоты и молоточки, кувалды и клещи, заполняющие обширные полки посеребривших от пекла шкафов. Меж печей ходили кузнецы: здоровые, как сам Егерь, почти все с усами или бородой. Их лица избородили трещины и морщины, но тем не менее, в серых глазах играла жизнь, особенно в те моменты, когда они

высекали искры. Егерь заворуженно смотрел за их тяжелой работой, за переменным взмахом молота, стуком металла, за шипением воды в чанах для закалки.

Кузнецы в основном ковали холодное оружие, занимались его ремонтом и обслуживанием, работали над модификацией огнестрела, но только в другом здании. А больше всего любили выпить. Обильно.

— Кого нахер там принесло? — раздался знакомый Егерю голос.

Из-за клубов пара, вспотевший и красный, вышел бородатый сухой старик, с подтянутым, волевым лицом.

Увидев Егеря, он сразу подобрел, отложил огромный молот.

— Егерь, друг мой! Здорова, чёртов ублюдок!

Они крепко пожали руки.

— За заказом, сталбыть?

— А он готов, Клим? — спросил перевозчик, снимая медвежью шубу.

Клим хохотнув, ткнул Егеря вбок.

— Пойдем, до моего скромного угла, покажу.

Они прошли через обжигающий поток горячего воздуха, обогнули несколько печей и оказались у самой крайней. Пока шли, кузнецы вокруг также тепло здоровались с кавказцем.

— Я только вчера его закончил, — удовлетворенно сказал Клим, когда они приблизились к его углу, у которого, казалось, было жарче всего.

Старик подошёл к дубовому столу, обитому металлом. На нём расположилось произведение его искусства.

— Ого, — удивился Егерь, глядя на клинок, — вот это ты постарался, Клим!

Кузнец довольно улыбнулся, предложил перевозчику взять оружие в руки.

Это был длинный воронёный клинок из дамасской стали, оснащённый изогнутым, грубо отделанным эфесом, что направлением уходил к обуху. Сам же обух было очень широким, и постепенно расширялся к клинку, особенно у окончания, там, где обретал четыре острых и толстых зазубрины, позволяющие человеку, что не обладал особыми познаниями в искусстве меча, рубить врага, как скот. Клинок блестел темными расплывчатыми узорами, плывущими волнами по клинку.

— Дамасская сталь, — пояснил Клим, — несколько сотен прокалённых слоев, зазубренное лезвие, семьдесят сантиметров лезвие, ещё тридцать — рукоять. Двухсторонняя, очень тщательная заточка. Ей любого йети можно укокошить и на сдачу пару сотен ходаков, как бумагу порезать.

— А вес?

— Этот фальшон весит два с половиной килограмма. Почти в полтора раза больше, чем обычные, но и просьба у тебя была особенная.

Егерь быстро рассек лезвием воздух, после удовлетворенно кивнул.

— Ох, точно!

Клим быстро зашарил по шкафу, заваленному разными инструментами, спешно отыскал аккуратные деревянные, обитые кожей ножны.

Егерь вонзил клинок.

— Крепятся как обычно, на пояс. Помотал же ты меня с этим заказом, — хохотнул кузнец, — я даже этот сраный Совет пропустил.

— Слышал, ты нажрался тогда.

Клим нахмурил брови.

— Сталбыть тот, кто это брякнул, охренел. Я, конечно, пил, но в основном маялся с этим фальшионом. Три пота с меня сошло.

Кавказец улыбнулся, вынул из кармана толстый мешочек и вручил его кузнецу.

— Да что ты! — отмахнулся Клим. — Я в долгу у тебя, смекаешь? Не спас бы ты меня тогда, где б я был?

— Забудь, — спокойно сказал Егерь и насильно положил деньги старику в руки. — Это ведь не мне, а пацану.

— Ладно, проставлюсь сегодня, — хмыкнул кузнец и рухнул на рядом стоящий неотесанный стул. — И давно ты себе сына нашел? Бабу какую отпердолил?

Егерь присел рядом.

— Нет, не нашел, — грустно улыбнулся кавказец, — это Артёма племяш. А Тёма сам сгинул...

Клим протяжно охнул.

— Что ж ты раньше не сказал! Придурок ты, Егерь! Я ж... Ах, черт! Ещё одного Бо забрал. И что ты, воспитываешь пацана?

— Да, — вздохнул перевозчик, — клятву Тёме дал, что пристрою его, от смерти сберегу.

— А это на кой? — кузнец потянулся за деревянным стаканом с пивом. — Подарочек?

Егерь взглянул на фальшион.

— Типо того. Память хоть обо мне будет.

Клим поперхнулся пивом.

— Ты-то помирать не собирайся, сукин сын! Мы с тобой ещё выпить напоследок должны!

— Завтра и выпьем, — предложил перевозчик. — Как на это смотришь?

Клим радостно привстал, развел руками:

— Сугубо положительно! Я всё ждал, пока меня, благочестивого кузнеца, пригласят нажраться на Новый год.

Они дружно рассмеялись. После Егерь поднялся и, замотав фальшион в ткань, ещё раз поблагодарил кузнеца.

— Завтра как следует отметим, — сказал Егерь, прощаясь с кузнецом.

— О! Это еще мягко сказано!

6

Тридцать первого декабря бар был полон под завязку. Столы ломились от изобилия еды и выпивки. Было всё: пиво, водка, вино, коньяк, самогон, абсент, сидр, виски, мартини, ром, даже чертов ирландский скотч. Еда была представлена скромнее, в основном мясо: жареное, тушёное пареное и запечённое. Но были и копчёные колбасы, сало, рыба. Ко всему этому бардаку шли и овощные гарниры: картофель во всех его представлениях, салаты из солений, сами соленья — помидоры и огурцы и их всевозможные сочетания. Меж столиков юлили официантки, одетые в очень короткие обтягивающие юбки и блузки с глубоким декольте. Сталкеры, на удивление, сидели спокойно, даже не прикасаясь к выпивке. Они ждали.

Барная стойка пустовала. Не было ни Живика, ни дорого алкоголя на ней, ни трофейного черепа йети. Зато огнями блестела гирлянда пёстрой зелёной ёлки, что укромно стояла в углу. Она была увешана самодельными, простецкими игрушками: лампочками, разноцветными тряпками и треснувшими новогодними шариками. Но, несмотря на простоту, от неё веяло новогодним настроением и теплом.

— И где он? — буркнул Булат, крутя в руках граненый советский стакан. — Я уже выпить хочу.

— Потерпи, — сказал Крюк, одетый в очень старую, но все же молодящую его измученную кожу, — сейчас выступит.

Даня, Егерь и Корсар сидели за тем же столиком и ждали, как все остальные.

— Обычно я не люблю пустой бубнеж, — Корсар поправил воротник своего военного кителя, — но Беркут попусту никогда не триндит.

Все вдруг замолкли. Сталкеры перестали шушукаться, а официантки с ними кутить. Даже Зевс, что опять рвал зубами какую-то тряпку, умолк.

Все взгляды сосредоточились у барной стойки. Не спеша, размеренно шагая, Беркут приблизился к центру стойки. Он был одет в том же стиле, что и два дня тому назад. Честно говоря, почти все сталкеры примерили на себя официальный стиль, хотя многим могло показаться, что одеваться со вкусом — совсем не для бывалых охотников. Даже анархист Корсар одел праздничную военную форму.

Беркут посмотрел на своих бойцов. Набрал воздуха в легкие.

— Не буду официализироваться, — начал он, — знаете, не терплю формальностей. Сегодня у всех нас, охотников, ланцетов и рейдеров, а также немногочисленных кузнецов, что сели там, где побольше выпивки, — Беркут слегка ухмыльнулся. — Сегодня у нас праздник. Новый год. И каждый год мы с вами дружно собираемся, пьем и, извините за выражение, сношаем до самого утра. А после Живик рвёт волосы у себя на голове и жопе, пытаюсь добиться страховых выплат.

По бару поползли лёгкие смешки.

— И сегодня точно такой же день. Но... — Беркут посмотрел на небольшой советский автоматический счетчик, что стоял на стойке. — Этот год выдался тяжелым. Мы потеряли тридцать человек. Пятерых — в нескольких рейдах: весной и летом. Но наша последняя вылазка забрала остальных двадцать пять.

Десять человек придавил скальник. Одиннадцать сгнуло в деревне от лап йети и ходалов. Среди них было двое совсем юных парнишек. Ещё четверо погибли во время ночного нападения в лесу.

Миша с Даней переглянулись.

Советский счетчик показывал цифру тридцать.

— Все они погибли, следуя своему пути, — продолжил Беркут. — Кто-то хотел заработать денег, кто-то — сразить всех монстров в округе, кто-то — развлечься. И все они сгнули в лесах нашей тайги. Я не буду говорить, что они навсегда останутся в наших сердцах. Многие забудут их через полгода. Через полгода некоторых из вас тоже может не стать. Все мы с вами подохнем, что уж. Так давайте почтим память наших погибших товарищей. Нет, не слезами. Мы отпразднуем победу! И пусть радость нашей победы разнесется даже там, где принято рыдать! Пейте, веселитесь, пусть дни нашей жизни прогорают и мчат дальше! Пусть, когда смерть придет к нам, мы встретим её с распростертыми объятиями, без сожалений о прожитом! Не бойтесь умирать, бойтесь не жить! С Новым, 2029 годом!

Булат утёр слезу с щеки.

— Умеет за душу взять, чтоб его, — здоровяк поднял полный пива стакан. — С праздником, мужики!

— С праздником! — подхватили другие столики.

Зал оживились. А Беркут нажал на кнопку сбоку календаря, обнулив счетчик.

Праздник начался.

7

Заиграла музыка. Сталкеры чокались друг с другом, пили, не жалея печени.

— Воткни что-нибудь бодрое! — гаркнул Корсар и отвесил пинка бедному Мише, который пытался разобраться с хитро подключенным магнитофоном.

— Эй, Корсар! — возмутился парень. — Охренел? У тебя есть, что включить?

Сталкер хмыкнул, вытащил из-под плаща коробочку с диском. Поставил.

— Во! Это другое дело! — поддержал кто-то из зала.

Булат с Крюком решили помериться силами. Отбросили пиво прочь, засучили рукава и начали армрестлинг. Крюк потел, не давая амбалу сдвинуть себя с места.

— Охереть, Крюк, — удивился Даня, — я думал...

— Думал я дрыщ, по сравнению с этим бугаем, — хохотнул сталкер, когда ручейки пота полились с его лба. — Выкуси, Булат!

Крюк всем своим коротким телом навалился на бугая, но выдохся.

Булат хохотнул, с лёгкостью положил руку Крюка на стол.

— Да ты и есть дрыщ, — улыбнулся здоровяк и ткнул друга под бок.

Крюк хмыкнул и опустошил кружку пива залпом.

— А ты чё, трезвенник? — возмутился сталкер, смотря на трезвого, как стеклышко, Даню. — Ну-ка, на! Ну, на!

Бугай схватил пепельноволосого и с силой оттопырил его рот. Пиво скоро оказалось внутри.

— И водочки!

Даня закашлялся, потом грязно выругался, но всё же не закусил.

— Красава! — хмыкнул здоровяк и начал подзывать официантку.

Даня огляделся. Всё слегка помутнело, но он все же смог отыскать столик Корсара, Егеря, с которыми болтали каких-то два подозрительных типа. Вдруг он почувствовал на руке прикосновение.

— К черту старших, — шепнул Миша. — Ты же в курсе, что тут все официантки ноги раздвигают?

Пепельноволосый хотел отвесить Мише по башке, но промазал.

— Че ты такой мутный? Пошли, хоть к кому-нибудь подкатишь. Ну, давай!

Даня почувствовал как адреналин разгоняется по крови, когда увидел одну знакомую даму. Ту самую, что присмотрел ещё перед тем, как Егерь размазал Корсара по полу арены.

— Вот я и говорю, жизнь — дерьмо ещё то, — сказал Корсар и откупорил крышку бутылки с ромом. — Вот держишь ты удачу за жопу одно время, а потом она тебя.

Егерь отхлебнул спиртяги, слегка поморщился.

— Соглашусь с тобой, Корс, — кивнул перевозчик. — Как будто Бог нас невлюбил. Навалил дерьма на лопату.

Напротив сталкеров сидели двое молодovatых парня, лет восемнадцати-девятнадцати. Один был широк в плечах и в меру пузат, с чёрными как смоль волосами и неплохой для своего возраста щетиной. Другой наоборот — худ и гладко выбрит.

— Ну, а у вас как жизнь пацаны?

— Идёт потихоньку, — сказал худой, особо налегая на сидр. — Книжки вот пишем о местном городе.

— Книжки? Ха-ха-ха! — рассмеялся Корсар. — И что как, выходит?

— Ага, вот одну почти закончили.

— Документальная история последних событий, — пояснил тот, что с щетиной, — Путешествия и всё в таком роде.

— Откуда ж вы знаете документальную правду последних событий, — удивился Егерь. — Вы в рейде что ли были? Да и что это за правда такая?

Парни переглянулись, почувствовали небольшое напряжение.

— Ну вы это, отдохайте, мужики, — сказал тонкий. — Удачи вам!

— Да, — поддержал второй, — а то жизнь вам еще дерьма навалит...

— Эй, а пить? — гаркнул Корсар им вслед, но они будто сквозь землю провалились.

— Странные какие-то, — буркнул Егерь, — мутные типы.

Бар бурлил жизнью как никогда. Кто-то танцевал, кто-то пил, кто-то пил и танцевал.

Клим, пришедший сюда задолго до остальных, был в дрова.

— Эй, Клим, ты чего? — Беркут ткнул кузнеца в бок. — Ты уже нажрался?

— А я что? — он еле приподнял голову. — Я когда начал бухать, я уже был пьяный...

После этих слов кузнец потерял связь с реальностью.

Некоторые резались в карты, били друг друга по голове, обвиняя в подтасовке. Даня же с Мишей, на удивление быстро охмурили пару официанток.

— Ну что ты такой стесняшка, — хохотнула блондинка и обвила руками парня, присев на колени. — Можешь потрогать меня. Смелей!

Даня зарумянился, неуверенно взглянул ей в глаза. Вернее попытался взглянуть. Он смотрел совсем на другие места.

Вдруг парень почувствовал сильный прилив крови, сглотнул слюну. Глаза блеснули животным блеском и он схватил официантку за бедра, да так, что та взвизгнула от удивления. Через несколько мгновений он скрылся с похищенной за дверьми, ведущими в спальные номера.

— А твой малой там нехило развлекается, — крикнул Корсар, пытаясь перекричать галдеж пьянеющей толпы.

Егерь улыбнулся.

— Пусть кайфует, заслужил.

— Дайте людям рому!

— Ну-у-у-жно по-любому, — кричала толпа в такт песне, — людям выпить рому!

Официантки еле успевали наливать выпивку, менять тарелки и обслуживать клиентов. Алкоголь и не собирался иссякать.

— Весь приличный люд превратился в сброд, — буркнул Живик, слушая как бьется стекло и трещит дерево. — Прощай, мой маленький трактир...

Булат вскочил со стула и принялся, несоразмерно своим габаритам, плясать.

За соседним столиком шла попойка на спор. К ней быстро подключился Корсар и уже через пару минут опустошил почти литр, вроде как водки. Его соперник, однозубый дедок, рухнул на пол. К счастью, не помер.

— Вот так вот! — рассмеялся сталкер, раскинув руки. — Пить уметь надо!

Вдруг он почувствовал слабость, такую паршивую, что тут же обмяк и, вслед за дедулей, повалился на пол. Это была не водка, а восьмидесяти градусный абсент...

Он проснулся. Огляделся по сторонам. Музыка до сих пор играла, пьяницы танцевали и пили, почти не касаясь еды. Глазами он отыскивал знакомые лица. Отряхнулся, подошел.

— Что это у вас тут? — он поморщился, помассировал виски. — Топорики?

Кряжистый мужчина с самурайским хвостиком улыбнулся.

— Хруст, ты?

— Ага, — хохотнул командир, — а это Ланцет. Неужто не признал?

Рядом за столиком сидел знакомый сталкеру дедушка, что то и дело качал головой.

— Алкоголь вас губит, — сказал он, — деформирует ваш мозг.

— Он у меня как видишь давно... деформирован, — сказал Корсар. — Так что тут за соревнования?

— Метаем топоры. Видишь цель?

— Ага.

— Попадёшь — с меня сотня.

Корсар ухмыльнулся, заметил взглядом окружность, начерченной на стене мишени. Нашупал что-то тяжелое рядом, занёс над головой. Не обращая внимание на крики остановиться, метнул. Топор прочертил косую черту, несколько раз покрутившись в воздухе.

— Попал! — обрадовался сталкер, чуть ли не прыгая от радости. — Видели?

Все посмотрели на пробитую насквозь стену. За ней только успела уединиться какая-то пара. И теперь на влюбленных были сосредоточены все взгляды. А из-за проломленной дыры, торчал десятикилограммовый колун.

— Уп-с, — сталкер почесал затылок, — ну я же попал! Так что сотку сюдыть.

Хруст вынул из военного кителя десять железных монет.

— Ох, господи, — вздохнул Ланцет, — сумасшествие...

Час сменял другой, а веселье не утихало. Из бара лился смех, брань и крики. Вечно суровые сталкеры сегодня могли отдохнуть.

Среди гула, гомона и веселых рож, выделялось грустное лицо Вики. Несмотря на то, что бывать на празднествах она не любила, сегодняшней случай стал исключением.

На ней была белая, спускающаяся до колен юбка, плотно облегающая в нужных местах, такая же белая блузка и аккуратные, цвета снега, туфли. Её осветленные, длинные, вьющиеся кудри были собраны в небольшой хвостик и, несмотря на плотные резинки, стремились распуститься во всю красу.

Вика сидела и скучала, то и дело заглядывая в пустой стакан. Пить она категорически не хотела. За время праздника к ней уже не раз подходили мужчины разного сорта: большие и кряжистые бородатые викинги, аккуратные и элегантные джентльмены, но всех она отшивала простой, но до ужаса лаконичной фразой: «Отвали».

— Что-то она заскучала, — сказал Беркут, обгладывая здоровенный свиной шашлык, — хмурая, как моя покойная теща.

Егерь добавил себе рома, немного отпил.

— Мужика ей надо, — сказал перевозчик, — а то это не дело такой красавице одной быть.

Корсар поправил рукава кителя, хищно накинулся на остатки тушёного мяса, приготовленного в собственном соку.

— А я слышал, что тебя, Корс, она домой к себе пьяного тащила.

Сталкер быстро проглотил кусок мяса, запил пивом.

— Да и чё? Я просто тогда в неприятной ситуации был, она и помогла.

Беркут с Егерем рассмеялись.

— Чтобы Вика и просто так кому-то помогла, — ухмыльнулся Охотник. — Не трави

нам, старикам, байки. Может уже остепениться, а?

Корсар поморщился, вяло посмотрев на сталкеров. Затем взглянул на Вику.

— А, нравится все-таки, — угадал Егерь. — Ну так вперед, Ромео.

— Пошли вы!

Корсар быстрым движением налил водки в рюмку, опустошил за один глоток. Затем поправил форму, пальцами расчесал волосы.

— Смотрите и учитесь, старпёры.

Он поднялся, выпрямился и, гордо шагая, пошёл к другому столику. Вика отвлеклась от кружки, увидев сталкера, чуть улыбнулась.

— Мадемуазель, — чуть более низким голосом сказал Корсар, присаживаясь за стул напротив. — Как вы смотрите на то, чтобы провести этот чудесный вечер вдвоём?

Удивленное лицо девушки слегка зарумянилось, она откинула выбившиеся волосы с лица, чуть опустив изумрудные глаза.

— Хм... — она изобразила задумчивость и осмотрелась вокруг. — Почему бы и нет?

— Официант! Бутылку вина!

Старпёры удивленно переглянулись.

8

Близилась полночь. Мглистое небо было удивительно чистым, на нем оспой высыпало блестящие, горящие белым пламенем, точки звезд. Луна, как королева этого бала, взойдя на свой трон, сверкала холодным серебряным блеском.

— Запускай! Чё ты там разобраться не можешь?

— Сейчас... Какой придурок нацепил взрывпакет на это убожество?

Булат и Крюк ковырялись в коробках. Готовили они к пуску жестяные пороховые ракеты, что использовались вместо салютов.

— Готово, мать вашу!

— Поджигай!

Вся толпа из бара сейчас мяла снег на улице. Было чертовски холодно. Сталкеры и немногочисленные сталкерши, официантки и просто случайные бродяги ждали салюта. Словно дети, все смотрели на блестящую серебром небесную гладь. Даня, весь красный как помидор, поправлял растрепанные волосы и, приобняв такую же взъерошенную официантку, ждал. На него, отцовским взглядом смотрел Егерь, а Зевс, вьющийся у перевозчика в ногах, удивлённо посматривал то на пепельноволосого, то на маящихся с петардами сталкеров. Рядом был и Беркут, что закурил трубку, которую он курил чрезвычайно редко, только по праздникам. Миша, еле стоя на ногах, держался за плечо, не менее распяневшего Клим. Оба они продолжали пить, несмотря на свое состояние нестояния.

Корсар и Вика стояли особняком от толпы и, тепло обнявшись, чего-то ждали.

«Вот жопа, — думал сталкер, чувствуя как девушка крепко сжимает его сухие руки, — и куда я вляпался?».

Корсар почувствовал на себе взгляд ухмыляющегося Егеря и Беркута.

Искра побежала по фитилю.

— А оно точно взлетит? — испугался Крюк, убегая от жестяных цилиндров со взрывчаткой.

— Не бойсь, — уверенно сказал Булат, — взлетит!

— Ели не взлетит, с РПГ салют устроим как в прошлом году! — крикнул будущий груз, по имени Клим.

«Салюты» заискрились. Что-то зашипело.

— Летят! — обрадовалась Вика, приобняв новоиспеченного жениха. — Смотри!

— Вот это шас будет бабах, — хмыкнул Корсар, вспоминая, сколько взрывчатки воткнул

в эти салюты.

И бабах случился. Салюты взмыли в небо, стрелами разорвав воздух. Бах! Бах!

Они разразились яркими взрывами, короткие змеи огней лизнули небесную гладь.

Все, словно дети, закричали от радости, выкрикивая поздравления, обнимая друг друга и крича заветное: «С новым годом!».

— Вот это рас... — Клим осекся, чувствуя как горлу что-то подступает.

— С Новым годом!

Толпа еще долго радовалась простым бомбам, что взорвались в воздухе. Словно дети они чувствовали веселую атмосферу праздника, чувство наивной радости.

Они хохотали и шутили.

Корсар почувствовал, как ее губы впиваются в него. Уже не в силах занудствовать, он крепко прижал ее к себе в ответ.

— Вот это Новый год, — Даня почесал затылок, всё еще не осознавая произошедшего и происходящего. — Бред какой-то...

Он повернулся, увидел Егеря.

— Как тебе праздник?

Даня невольно улыбнулся, посмотрев вокруг.

— Охрененно! Я пьяный в дрова, но довольный, как слон!

Кавказец дружески хлопнул юношу по плечу.

— Держи, Дань, это тебе.

Он протянул ему фальшион, аккуратно заправленный в ножны.

Даня удивленно посмотрел на Егеря.

— Это... Что?

— Фальшион, — ответил перевозчик. — Мой прощальный подарок. Будет, чем тварей рубить.

Парень улыбнулся, чуть вытащил оружие из чехла. Клинок хищно блеснул черной дамасской сталью.

— Ну нифига себе! — Даня крепко вцепился в руку учителя. — Очертеть, Егерь! А почему... Почему прощальный?

Егерь грустно улыбнулся, посмотрел на своего ученика.

— Потому, что я уезжаю, — сказал он после недолгого молчания. — Навсегда.

Даня выронил клинок из рук.

Салюты продолжали искриться блестящими огнями.

Глава XXIV. Прощание

1

3 января

Я потрясен. До глубины души. Такое случилось со мной в те моменты, когда почва уходила из-под ног, когда смерть брала меня за горло своими костлявыми руками или когда кто-то из близких мне людей умирал... И сейчас я снова испытываю это отвратное чувство. Тоски, вперемешку с болью. Давно ли я перестал считать Егеря своим врагом? Подумать только... Всего лишь несколько месяцев назад я хотел придушить его собственными руками, увидеть, как его кожа начинает бледнеть, как из глаз уходят последние искорки жизни. Но что-то во мне изменилось. Этот болезненный гнев утраты стих и я открыл глаза. После того как меня, раненого и беспомощного, Рубахин вышвырнул из пункта, словно псину, именно Егерь подобрал меня. Он научил меня не просто стрелять из автомата и орудовать ножом, он... Он все-таки смог заставить меня смотреть страху в лицо. И, что уж говорить, это чертовски жутко. Терпеть холодный взгляд смерти. Даже тогда, на рейде, несмотря на свои выкрутасы, я охренеть как испугался. Испугался домового, и уж тем более потерял челюсть, увидев йети да скальника в придачу. Но я не отрывал взгляда, а даже наоборот, отвечал этим мразям свинцом. На тренировках Егерь всегда мне говорил: «Не бойся бояться. Именно благодаря страху человечество дожило до III Мировой войны. А потеряв его, уничтожило само себя. Бояться — нормально. Так что если почувствуешь, как страх вгрызается в тело, знай — пора действовать». И старый волк, как всегда, оказался прав. Он показал мне жизнь без прикрас. Я увидел как гибнут мои товарищи, как едва не гибну я сам. Как гибнет все живое. И самое главное, в этом водовороте крови он нашел мне место, где я почувствую себя хорошо. Удивительно, но в городе сталкеров я ощущаю себя в безопасности. У меня появились товарищи, с которыми можно скоротать скучный вечер, место, где я смогу повеселиться и даже крохотный уголок, который смогу назвать домом.

Но думая о том, что завтра Егерь уедет, меня невольно коробит. Как будто яркий луч света, что освещал эти мрачные коридоры, гаснет. Снова.

2

Догорал закат. По небу лениво ползли серые скопления рваных туч.

Было чертовски тепло.

Возле ржавых ворот, расположенных на КПП базы охотников, стояла старая-добрая темно-зеленого цвета «Нива». На ее треснувших лобовых стеклах блестели огни уходящего за горизонт рыжего солнца.

Егерь променял свой КРАЗ на эту юркую машинку еще прошлым днем. Конечно же, машины были не равноценны, а поэтому Беркуту, с которым перевозчик и провернул эту сделку, пришлось помимо прочего отстегнуть Егерю еще запас запчастей, несколько ящиков патронов на автомат, револьвер и дробовик, ящик гранат для подствольника и дробовик ВПО-205С, с хорошим, довоенным навесным оборудованием.

Сейчас кавказец бросил на задние сиденья новенькой машины СВД, что досталось в подарок от Рубахина и пару пачек патронов 7.62x54 мм к ней.

Корсар удивленно присвистнул.

— Стоямба, а это что такое? — он ткнул перевозчика в плечо, на котором висел

прототипный автомат Дегтярева, образца 2013 года.

Перевозчик ловким движением скинул оружие.

— Мать моя женщина! Охренеть! Нам таким в разведке хвастали, дескать, смотрите-любуйтесь, какой красавец, — бурчал сталкер, осматривая корпус автомата, — Где ты его надыбал?

Егерь, только закинув свой тридцати литровый рюкзак, слегка улыбнулся.

— Военная тайна, Корс. Военная тайна.

Сталкер фыркнул, приложил автомат к плечу.

— Ра-та-та-та! — он попытался имитировать звук выстрелов, попеременно целясь то в Егеря, то в Даню, то в Беркута.

— Хорош уже в игрушки играть, — отцовским тоном сказал старый Охотник, — Положи.

— Пиф-паф, товарищ генерал, — продолжал Корсар, — Вы убиты.

— Щас по башке настучу.

— Понял, принял.

Сталкер вернул автомат своему владельцу. Вдруг заметил, торчащий из кобуры, знаменитый револьвер «РШ-12».

Егерь успел демонстративно вытащить его до того, как у сталкера отвалилась челюсть.

— Слонобой, мать его! — восхищался Корсар, осматривая двух килограммового монстра, — Тут у одного ствола длина, почти как у двух пистолетов! А калибр... О, ятить его...

Такой револьвер он видел лишь во второй раз. РШ-12 был побочным продуктом небезызвестной программы «Выхлоп», и, будучи разработанный в 2000 году Тульским оружейным заводом, навел немало шороху. Хотя бы потому, что в него вмещались патроны любого толка (от обычных до бронебойных) и этими самыми патронами он рвал морды практически любому противнику. Только благодаря этому револьверу можно было уложить йети, не прибегая к грубой физической силе.

— Откуда ты взял такие игрушки, а?

— Это все с фронта, — сдался Егерь, — Честно говоря, думал за двенадцать лет ему с автоматом кирдык придет. Но у Клима золотые руки.

Беркут осмотрелся, но кузнеца не увидел.

— Он со мной уже попрощался, — улыбнулся Дамир, — Щас отсыпается.

— И как в него столько лезет? — Корсар почесал затылок, — Алкаш.

Все иронично переглянулись.

Перевозчик еще раз все детально осмотрел: два автомата, ТТ-33, револьвер, СВД, свой драгоценный клинок, уложенный в ножны, немного теплой одежды, включая весеннюю, добротные запасы патронов и куча консервов с крупами.

Солнце почти опустилось за горизонт. Его рыжие лучи все блестели, утопая за массивами холмов.

«Пора, — подумал перевозчик, оглядев багаж, — Теперь точно пора».

Пока старшие шутили и оживленно болтали, Даня, сидя на промерзшем валуне, играл с Зевсом. Полуволок извивался, пытался содрать с юноши шпанину и задорно рычал. К горлу Дани подступил противный ком. Он ждал минуты прощания. Не хотел растягивать.

— Ну, пусть мы знали и недолго, но ты мужик нормальный, Егерь, — Корсар протянул руку перевозчику, — Рад был познакомиться. Бывай!

— И я, — ответил Егерь, — Ты один из немногих, с кем мне было действительно приятно провести время.

Он посмотрел на Беркута.

— Ну давай без лишней трагедии, — хохотнул командир охотников, поправляя вязаную шапку на голове, — Прощай, Егерь. Видимо, больше не свидимся.

Перевозчик слегка улыбнулся.

— Видимо так, Беркут, — сказал сталкер после недолгого молчания, — Ты прости, что тогда втянул тебя и других во все это.

Командир махнул рукой.

— Мы все испачкали руки в крови. Это дела давно минувших дней. Прощай, Егерь.

— Прощай, Беркут.

Они пожали руки. Тучи на небосводе смыкались в свинцовую завесу.

— И еще, Корсар, — сказал перевозчик, подходя к машине, — Будь хорошим мужем!

— Не дождешься, — сталкер показал неприличный жест, — Я — птица вольная!

А сам слегка улыбнулся.

Даня поднялся. Посмотрел на Егеря. На душе что-то неприятно жгло. Тоска, камнем тянущая вниз. Зевс вырвался у юноши из-под ног.

— Ну что, Дань, — вздохнул перевозчик, — Время прощаться.

— А я ведь когда-то я хотел тебя задушить, — признался пепельноволосый, показывая на пиратскую повязку на глазу.

Егерь хлопнул его плечу. Грустно улыбнулся.

— Знаю, что хотел. Я много где ошибся в своей жизни и до сих пор виню себя за ту ночь. Когда твой дядя был на смертном одре, я дал ему клятву. Клятву, что сберегу от глупой смерти в лесах. Что найду тебе место для хорошей жизни. Что сделаю из тебя мужчину.

Он ненадолго замолчал.

— Не говори, что будешь по мне скучать, — сказал Даня, видя теплый взгляд перевозчика, — Ты... Прости меня. За все.

Егерь кивнул и крепко приобнял своего ученика. Зевс заскулил. Удивительно, но сердце Сибирского Мясника еще билось. Еще чувствовалось тепло.

Даня вдруг понял, что это конец. Что дальше ему придется идти одному. Сердце начало щемить от тоски. Он через силу улыбнулся.

— Прощай, Дань.

Они пожали руки. Егерь сел в машину. За ним, нехотя, юркнул Зевс. Он тоже тосковал. Перевозчик скоро завел двигатель. Также скоро поехал.

Закат догорал. Холодало. А на свинцовом небе прояснились капли белого снега.

Старенькая «Нива» покатила по дороге, что вела в глубокую чащу мрачного леса.

Даня еще долго стоял, смотря старому волку вслед. Душу неприятно обжигало волнами грусти.

Он посмотрел на небо. Восходящая луна сверкала янтарем.

«Внимай небо, и земля сама внимай словам этим страшным, ибо пришло откровение пророку великому и праведному!

В день, когда свет обратится во тьму, когда мгла окутает землю обетованную, Господь пошлет молодого духа в последний ковчег человеческий, что сохнет после Великого Испепеления! И примет он духа заблудшего, возьмет в свои объятия нежные и путь Истинный покажет! Отправит он духа в путь, отправит нести Свет, в мглеющий, пыльный мир!

Но воспротивится дух! Змием обратится и ядом своим начнет плодородные земли травить! И пророк наш, как мудрый Отец простит духа младшего, пустит в дом свой. Но змий вновь Падшим обернется и продолжит испытывать гнев божий...

... от Суда Великого. И кровь забурлит, и прольется грех на землю испепеленную.

Битва будет Падших и Восставших! И даже звери длани божьей друзьями обратятся, ибо Господь ценит своих почитателей и дарует им Силу, что светом божьим жжет грешные сердца!

И разойдется по землям испепеленным битва последняя, битва кровавая!

И тогда решит Господь Всемогущий, достойна ли паства Его блага, Его мудрости и силы Его.

И снизойдет на слышащих и мудрых благодать Господня...»

Слово Якове. К испытанию: II

Больше книг на сайте - Knigoed.net